

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№1/2021

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера: «Студенческая молодежь
в зеркале социальной психологии»

Theme of the issue “Student youth in the mirror of social psychology”

2021 г. Том 12. № 1

2021. Vol. 12. No. 1

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

**Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.
Включен в базу Web of Science. Включен в базу SCOPUS.**

Главный редактор
Наталья Толстых

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин,
В.А. Лабунская, А.В. Махнач, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев,
Л.А. Цветкова, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Александр Донцов

Заместитель председателя
Наталья Толстых

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия),
Ф. Зимбардо (США), И. Маркова (Великобритания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.
Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора 5

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О.* Опыт жизнедеятельности и ресурсы преодоления трудностей социальной изоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов 10
- Яремчук С.В., Бакина А.В.* Субъективное благополучие молодежи и его взаимосвязь с психологической дистанцией до объектов социально-психологического пространства личности в условиях пандемии COVID-19 26
- Веселова Е.К., Коржова Е.Ю., Рудыхина О.В., Анисимова Т.В.* Социальная поддержка как ресурс обеспечения субъективного благополучия студенческой молодежи 44
- Бохан Т.Г., Ульянич А.Л., Терехина О.В., Видякина Т.А., Галажинский Э.В.* Особенности субъективного благополучия студентов в условиях образовательной миграции 59
- Муращенкова Н.В.* Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска 77
- Шамионов Р.М.* Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции 94
- Красило Д.А., Красило Т.А., Залипаева А.Н.* Автономия и привязанность в отношениях с родителями в контексте реального самоопределения у студентов 113
- Емельянова Т.П., Шмидт Д.А.* Социальные представления о брачном партнере: поколенческий подход 126
- Кожухарь Г.С.* Качество межличностных отношений и удовлетворенность браком молодых людей 143
- Акимова М.К., Галстян О.А.* Взаимосвязь умственного развития студентов с морально-нравственными регуляторами социального взаимодействия 162
- Литвинов В.Ю., Матвеева Л.В.* Сравнительный анализ культурных представлений творческой молодежи о российской, западной и восточной цивилизациях 177

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Толстых Н.Н.* Нормативное поведение в ситуации пандемии COVID-19: как добиться его соблюдения у студентов? 198

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Ильин В.А.* «Казус реципрокности» и другие «неудобства с идентичностью» 222

CONTENTS

EDITORIAL

Tolstykh N.N. Foreword by the Editor 5

EMPIRICAL RESEARCH

- Baranova V.A., Dubovskaya E.M., Savina O.O.* Life Experience and Resources for Overcoming the Difficulties of Social Isolation in the First Period of the COVID-19 Pandemic among Students 10
- Yaremtchuk S.V., Bakina A.V.* Subjective Well-Being in Early Adulthood and Psychological Distance to the Objects of the Socio-Psychological, Space during COVID-19 Pandemic 26
- Veselova E.K., Korjova E.Yu., Rudyhina O.V., Anisimova T.V.* Social Support as a Resource for Ensuring the Subjective Well-being of Students 44
- Bokhan T.G., Ul'yanich A.L., Terekhina O.V., Vidyakina T.A., Galazhinskiy E.V.* The Features of Subjective Well-Being among Students in the Conditions of Educational Migration 59
- Murashcenkova N.V.* Interrelation of Values and Emigration Intentions of Student's Youth of Smolensk 77
- Shamionov R.M.* Social Activity and Risk Propensity of Students with Autonomous and Dependent Types of Subject Regulation 94
- Krasilo D.A., Krasilo T.A., Zalipaeva A.N.* Autonomy and Attachment in Relationships with Parents in the Context of Students' Real Self-Determination 113
- Emelyanova T.P., Shmidt D.A.* Social Representations of the Marriage Partner: a Generational Approach 126
- Kozhukhar G.S.* The Quality of Interpersonal Relationships and Satisfaction with the Marriage of Young People 143
- Akimova M.K., Galstyan O.A.* The Relationship of Students' Mental Development with Moral Regulators of Social Interaction 162
- Litvinov V.U., Matveeva L.V.* A Comparative Analysis of Culture Beliefs about Russia's, Western and Eastern Civilizations among Creative Youth 177

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- Krushelnitskaya O.B., Marinova T.Yu., Pogodina A.V., Raskhodchikova M.N., Tolstykh N.N.* Regulatory Behavior in the COVID-19 Pandemic: How to Get Students to Comply with It? 198

DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

- Ilyin V.A.* "The Casus of Reciprocity" and Other "Inconveniences with Identity" 222

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Предисловие главного редактора

Толстых Н.Н.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Для цитаты: Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 5–9. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120101>

Foreword by the Editor

Nataliia N. Tolstykh

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

The editorial committee of the journal "Social Psychology and Society" has made a decision to devote a special issue to the topic of young people in modern Russia. It will concentrate on the empirical studies of various problems facing the Russian youth, primarily students. These studies combined would create a, so to say, mosaic portrait of the modern Russian youth.

For citation: Tolstykh N.N. Foreword by the Editor. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 5–9. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120101> (In Russ.).

Рассказывают, что в одном из американских университетов установлен памятник студенту как главному участнику психологических исследований (испытуемому). Проверить не могу, но верю охотно. А если это и не так, то справедливо было бы такой памятник поставить. Потому что действительно многие психологические и социально-психологические факты и закономерности, касающиеся взрослых людей, были установлены именно на студентах как самых удобных и самых легкодоступных испытуемых. В свете сказанного понятно, почему многие серьезные

научные журналы предпочитают избегать публикации материалов исследований, выполненных на такой выборке.

В подавляющем числе случаев в исследованиях «на студентах» специфика студенческой молодежи как особой большой социальной группы или даже как представителей достаточно определенной возрастной группы не учитывалась. Возраст людей 20–25 лет долгое время относили то к ранней взрослости, то к поздней юности, что было в конце концов не так уж и важно. Ситуация стала заметно меняться с наступлением

XXI века, особенно после публикаций Дж. Арнетта и его единомышленников, в центре внимания которых оказались совершенно новые по сравнению с прошедшим XX веком проблемы жизни, становления личности и идентичности людей 20—30 лет, в возрасте, который Дж. Арнетт назвал *emerging adulthood* — «нарастающая взрослость» (встречаются и другие переводы на русский). Третий десяток жизни стал проблемой — проблемой, по-разному себя проявляющей в разных странах.

Редакция журнала «Социальная психология и общество» приняла решение посвятить современной российской молодежи отдельный тематический выпуск, в котором собраны статьи, представляющие эмпирические исследования разных проблем молодых людей, большую часть которых по статистике представляет собой студенчество. Именно в своей совокупности такие исследования позволяют создать некий «фасеточный» портрет современной российской, преимущественно студенческой, молодежи.

С середины 2020 года в каждом номере в приоритетном порядке журнал публикует статьи, в которых авторы исследуют социально-психологические проблемы, которые либо порождены пандемией COVID-19, либо высвечены ею. Не является исключением и данный выпуск журнала, в котором читатель сможет познакомиться с тремя исследованиями, прямо связанными с пандемией COVID-19, в данном случае касающимися студенческой молодежи. Две статьи открывают журнал (в данном номере — рубрику «Эмпирические исследования»), одна дана в рубрике «Прикладные исследования и практика». На разных выборках, используя разные психологический инструментарий, авторы дают возможность читателям увидеть

субъективное отношение молодых людей к самому заболеванию, к изменившейся с приходом пандемии жизни, увидеть меру и характер озабоченности этой ситуацией, способы совладания с ней. Может показаться, что некоторые из приведенных в этих статьях фактов противоречат друг другу, но стоит прочесть статьи повнимательнее, обратив внимание на различия в хронотопе проведенных исследований. Представленные в статьях В.А. Барановой с коллегами и О.Б. Крушельницкой с коллегами исследования проведены в московских вузах, причем в обоих случаях респондентами выступили студенты, обучающиеся психологии, но если в первом случае данные были собраны в апреле 2020 года, когда студенты впервые ушли на самоизоляцию, а пандемия в Москве только набирала силу, то во втором — в ноябре-декабре 2020 года, в разгар пандемии, когда дистанционное обучение было введено во второй раз. Ситуация в этот период менялась так стремительно, что исследователи даже зафиксировали изменения в показателях конца ноября и начала декабря. Исследование, представленное в статье С.В. Яремчук с коллегами, проведено далеко от Москвы — в Хабаровском крае с 14 апреля по 16 июня 2020 года, когда пандемия COVID-19 только пришла в регион. Поэтому авторы и назвали этот период «медовым месяцем»: заболевание только начинало восприниматься людьми как опасное. Подчеркнем, что исследователи в данном случае имели возможность сравнить показатели, зафиксированные в «медовый месяц», с аналогичными, полученными в «доковидное» время (в 2019 году). При всем различии хронотопов исследований во всех трех случаях ученые зафиксировали определенные факты и закономерности, которые имели место в период резких изменений жизни людей, включая и

людей молодых, поэтому в определенном смысле по материалам этих статей мы можем судить о процессе и характере адаптации студентов к этим во многих других отношениях разным ситуациям, совладающим с ними.

Подчеркну, что представленная выше статья О.Б. Крушельницкой с коллегами, помещенная в рубрику «Прикладные исследования и практика», описывает исследование, которое исходно было направлено на решение практической задачи содействовать повышению специфической в условиях пандемии COVID-19 нормативности поведения студентов, а именно соблюдению масочного режима. В статье, соответственно, приведены соображения авторов на этот счет и даже описано конкретное мероприятие, имевшее место в вузе, направленное на решение этой практической задачи.

Три статьи, включая одну из выше названных, посвящены проблеме субъективного благополучия студентов и социально-психологическим факторам, на него влияющим. Подчеркну, что респондентами в описанных исследованиях выступили студенты разных вузов разных городов и регионов России: Хабаровского края, Томска, Санкт-Петербурга и Новосибирска. Субъективное благополучие исследовалось не только в контексте пандемии COVID-19 (статья С.В. Яремчук с коллегами), но также в контексте процесса образовательной миграции (статья Т.Г. Бохан с коллегами). Изучалось и ресурсное влияние социальной поддержки на субъективное благополучие молодых людей (статья Е.К. Веселовой с коллегами).

Студенты города Смоленска оказались в центре внимания в исследовании Н.В. Муращенковой эмиграционных намерений и связи этих намерений с ценностными ориентациями молодых людей. Редакция журнала «Социаль-

ная психология и общество» достаточно часто получает материалы, связанные с миграционными и эмиграционными намерениями людей из самых разных регионов нашей страны. Чаще всего речь в этих исследованиях идет именно о молодых людях, и есть все основания полагать, что эта большая социальная группа становится все более и более мобильной (это также подтверждается статистикой), поэтому можно думать, что данная черта портрета современного российского студенчества не является случайной и требует глубокого изучения.

Близкая проблема социальной активности и склонности к риску (в конце концов эмиграция — это весьма рискованное дело, проявление социальной активности) рассматривается в статье Р.М. Шамионова на материале изучения студентов еще одного российского города — Саратова. Р.М. Шамионов анализирует указанные феномены в связи с типом субъектной регуляции: автономным или зависимым.

Созвучна с этим и проблематика статьи Д.А. Красило с коллегами, посвященная связи реального самоопределения студентов с характером их автономии и привязанности к родителям. Авторы различают феномены идеального самоопределения (характерного для подростково-юношеского периода развития) и реального самоопределения, с которым мы имеем дело позже, в частности, в студенческие годы. Реальное самоопределение авторы статьи рассматривают не только и не столько как «ценностно-когнитивную проекцию себя в будущем», но в первую очередь как деятельность по активному присвоению и субъективации средств и стратегий, направленных на совладание с фрустрирующими факторами взрослой жизни и с открывающимися субъекту возрастными задачами этого периода. Роль взаимоотношений с родите-

лями, характер привязанности к ним, как показывают авторы, имеют в этом процессе большое значение.

Изменения взаимоотношений с родителями так же, как и изменения в процессе создания своей собственной семьи, в отношении к браку — яркие черты, характеризующие новую картину «нарастающей взрослости» современных молодых людей на третьем десятке. Этой проблеме посвящены две статьи — статья Т.П. Емельяновой, Д.А. Шмидт и статья Г.С. Кожухарь. В первой авторы сравнивают социальные представления о брачном партнерстве у представителей разных поколений россиян, приходя к выводу, что ядро социальных представлений о брачном партнере и периферия, близкая к ядру, незначительно изменяются от поколения к поколению, и что наблюдаемые проблемные тенденции в семейно-брачных отношениях современных молодых людей предположительно являются следствием социокультурных изменений, а не социальных представлений о брачном партнере.

В исследовании Г.С. Кожухарь анализируются различные аспекты удовлетворенности брачными отношениями при их сравнении в реальном и гражданском браке, который становится все более распространенным у молодых людей. Проведенное исследование позволило автору выявить предикторы удовлетворенности браком и описать стандартную модель межличностных отношений, позволяющую прогнозировать удовлетворенность браком в молодом возрасте.

В статье М.К. Акимовой и О.А. Галстян на материале исследования, проведенного на студентах, анализируется классическая проблема связи интеллектуальных и нравственных свойств людей (гения и злодейства). В данном случае речь идет о взаимосвязи умственного раз-

вития студентов и морально-нравственных регуляторов их социального взаимодействия. Авторы приходят к выводу о наличии когнитивной составляющей в виде сформированности определенных мыслительных операций, эрудированности и уровня общего умственного развития субъекта в формировании доверия и честности, а также в оценке субъективной значимости ситуации социального взаимодействия и определении уровня активности в ней.

Завершает рубрику «Эмпирические исследования» статья В.Ю. Литвинова и Л.В. Матвеевой, в которой обсуждается спорная, до сих пор не имеющая однозначного решения проблема места российской цивилизации, находящейся как бы между западной и восточной цивилизациями. Авторы не столько анализируют обширную литературу по этому вопросу, не столько отстаивают свою позицию, сколько исследуют представления на этот счет некоторых молодых россиян, а именно студентов московских творческих вузов. Исследователи приходят к выводу о том, что молодые люди отчетливо различают между собой российскую, западную и восточную цивилизации, причем если мужская часть выборки оказалась склонна сближать российскую цивилизацию с восточной (по крайней мере, в социально-этическом аспекте), то женская — в большей степени сближает российскую цивилизацию с западной. Специально подчеркну, что в качестве объектов своего исследования авторы выбрали не сознательные, хорошо артикулируемые репрезентации и логические суждения о разных цивилизациях (тогда, видимо, в качестве респондентов стоило бы предпочесть студентов-философов, социологов или политологов), а именно не всегда полностью осознаваемые эстетические, этические

ские, мировоззренческие представления о западной, восточной или российской цивилизациях. Такого рода представления более выражены именно у студентов художественных вузов.

Вот такой нарисовался «фасеточный» портрет современной российской молодежи. Продолжаем исследовать.

Рубрика «Дискуссии и обсуждения» представлена статьей В.А. Ильина, посвященной актуальным проблемам и спорным вопросам, связанным с социальной и персональной идентичностью.

Если несколько десятилетий назад проблематику становления персональной идентичности, ее связи с социальной идентичностью было принято обсуждать в контексте становления личности в подростково-юношеском возрасте, то в современных реалиях эта проблематика во многом «перетекает» на следующий этап жизни человека — на тот самый третий десяток жизни, возраст «нарастающей взрослости», который оказался в центре исследований, представленных в данном выпуске журнала.

Информация об авторах

Толстых Наталия Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии развития, главный редактор журнала «Социальная психология и общество», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Information about the authors

Nataliia N. Tolstykh, Doctor in Psychology, Division Head of the Social psychology of development, Editor-in-Chief of the International Scientific Publication “Social Psychology and Society”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Получена 18.02.2021

Принята в печать 24.02.2021

Received 18.02.2021

Accepted 24.02.2021

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Опыт жизнедеятельности и ресурсы преодоления трудностей социальной изоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов

Баранова В.А.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0481-6501>, e-mail: bva06@mail.ru**

Дубовская Е.М.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2923-1422>, e-mail: dubovskaya13@gmail.com**

Савина О.О.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3326-4841>, e-mail: savindm2006@gmail.com**

Цель. Анализ ресурсов преодоления трудностей студентами в связи с новым опытом жизнедеятельности в первые недели самоизоляции и дистанционного обучения в условиях пандемии COVID-19.

Контекст и актуальность. Исследование ориентировано на выявление актуального психологического состояния, особенностей восприятия мира, а также стратегий и ресурсов личности по преодолению негативных аспектов в связи с изменениями в повседневной жизни.

Дизайн исследования. Исследование было построено в формате социально-психологического опроса по изучению образа жизни и психологического состояния студентов в условиях самоизоляции. Проводилось в середине апреля 2020 года.

Участники. 56 человек, жители России (8% мужчин, 92% женщины) от 20 до 23 лет, студенты университета 2-го (77%) и 5-го (23%) курсов специальностей психологического профиля ($x_{ср}=21,12$, $M_e=21$, $SD=1,37$).

Методы. Исследование основано на количественной и качественной методологии. Используются метод контент-анализа для письменных дискурсов об образе жизни в связи с самоизоляцией и методика САН, позволяющая делать выводы о степени психоэмоционального состояния.

Результаты. Изменения образа жизни зафиксированы у 93% респондентов. Наиболее трансформированными сферами являются деятельностная (учебная) и социальная. Важное значение приобретают пространственно-временные характеристики жизнедеятельности. Оценки негативных и позитивных изменений демонстрируют паритет. Выявлены незначительные проявления тревожности и негативных эмоциональных состояний. Зафиксирован средний и средневысокий уровень психоэмоционального состояния.

Основные выводы. Ресурсы преодоления трудностей представлены стратегиями: 1) «Я»: осмысление, самоорганизация, поддержание физической формы, саморазвитие; 2) «Другие»: по-

мощь, эмоциональная поддержка близким и незнакомым людям; 3) «Жизненное пространство»: работа с пространством дома по обустройству под свое «Я», расширению его многофункциональности, поддержанию чистоты.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, жизненный опыт в ситуации самоизоляции, переживания, ресурсы адаптации, развитие личности, самооценка, самоощущение, психологические реакции.

Для цитаты: Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О. Опыт жизнедеятельности и ресурсы преодоления трудностей социальной изоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 10–25. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120102>

Life Experience and Resources for Overcoming the Difficulties of Social Isolation in the First Period of the COVID-19 Pandemic among Students

Victoria A. Baranova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0481-6501>, e-mail: bva06@mail.ru

Ekaterina M. Dubovskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2923-1422>, e-mail: dubovskaya13@gmail.com

Ol'ga O. Savina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3326-4841>, e-mail: savindm2006@gmail.com

Objective. *Analysis of the resources for overcoming difficulties by students in connection with the new life experience in the first weeks of self-isolation and distance learning in the context of the COVID-19 pandemic.*

Background. *The study is focused on identifying the current psychological state, the characteristics of the perception of the world, as well as the strategies and resources of the individual to overcome negative aspects in connection with changes in everyday life.*

Study design. *The study was built in the format of a socio-psychological survey to study the life-style and psychological state of students in self-isolation. Research was conducted in the middle of April 2020.*

Participants. *56 people, residents of Russia (8% of men, 92% of women) from 20-23 years old university students of the 2nd (77%) and 5th (23%) courses of psychological specialties ($\Sigma av=21.12$, $Me=21$, $SD=1.37$).*

Measurements. *The research is based on quantitative and qualitative methodology. We used the method of content analysis for written discourses about the lifestyle in connection with self-isolation and the SAN method, which allows one to draw conclusions about the degree of psycho-emotional state.*

Results. *Lifestyle changes were recorded by 93% of respondents. The most transformed spheres are activity (educational) and social. The spatio-temporal characteristics of life are of great importance. Assessments of negative and positive changes show parity. Minor manifestations of anxiety and negative emotional states were revealed. The average and medium-high level of psychoemotional state was recorded.*

Conclusions. *Resources for overcoming difficulties are represented by strategies: 1) "I": comprehension, self-organization, maintaining physical fitness, self-development; 2) "Others": help, emotional*

support for loved ones and strangers; 3) "Living space": working with the space of the house for arrangement under his "I", expanding its multifunctionality, maintaining cleanliness.

Keywords: pandemic COVID-19, life experience in a situation of self-isolation, experiences, adaptation resources, personality development, self-esteem, self-awareness, psychological reactions.

For citation: Baranova V.A., Dubovskaya E.M., Savina O.O. Life Experience and Resources for Overcoming the Difficulties of Social Isolation in the First Period of the COVID-19 Pandemic among Students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 10–25. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120102> (In Russ.).

Введение

Исследовательский вопрос, поставленный в данной статье, связан с выявлением особенностей осмысления происходящих изменений, получения нового опыта и ресурсов преодоления трудностей в режиме самоизоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов. Последствия социальной изоляции, которые были описаны ранее в похожих ситуациях, например, при эпидемии лихорадки Эбола и других эпидемиях, акцентируют кумулятивный и многоаспектный (экономический, социальный, психологический) характер пост-стресса [17; 20]. Представляют интерес и результаты сравнительного исследования [24], в котором изучались травматические реакции после карантина у изолированных и неизолированных студентов: значимых различий обнаружено не было, а также не выявлено ухудшений в области психического здоровья. В то же время значительный объем научных исследований заостряет внимание на негативном воздействии социальной изоляции на физическое и психологическое самочувствие, на изменение и переоценку привычного образа жизни [3; 8].

Изучение людей, которые оказались по разным причинам изолированными в течение продолжительного времени, показывает, что социальная изоляция является фактором риска смерти, который

сопоставим с такими факторами, как курение, ожирение, недостаток физических упражнений, высокий уровень холестерина и загрязнение воздуха [22]. В исследованиях обнаруживается значимая связь между социальной изоляцией и депрессивными симптомами, когнитивными нарушениями [16], нарушениями сна [21].

Подростки в условиях социальной изоляции обнаруживают симптоматику депрессии, низкой самооценки [22]; переживания одиночества, тревоги; суицидальные тенденции [26]. Наиболее типичными соматическими симптомами являются боли в животе и головные боли, жалобы на ухудшение физического здоровья, большее количество посещений врача.

Для этапа молодой взрослой жизни с характерной проблематичностью отношений между близостью и изоляцией [19] в условиях социальной изоляции существует высокий риск отрицательных последствий и для личностного развития. Российские ученые также относят молодежь к наиболее пострадавшим от пандемии группам населения [11].

Прогнозы возможных последствий указывают на негативное влияние кумулятивности социальной изоляции для развития преодолевающего поведения и совладания с угрозой [6], что усиливается интенсивностью пугающей информации о непредсказуемости воздействия вируса, о неопределенности сроков, ме-

тодов лечения, проявления симптоматики, последствий для здоровья [25; 27]. Выявляются риски семейного благополучия в длительной перспективе в связи с пространственной скученностью, вынужденностью повседневных контактов, существенными нарушениями привычного режима дня, экономическим положением [1; 28].

Во то же время уникальный опыт, приобретаемый человеком в экстремальной ситуации, наряду с составляющей страдания, травмы имеет аспекты стойкости, мужества, демонстрирует рост и развитие личности, развивает практики заботы [5]. Эксперименты, в которых моделировались условия длительной изоляции [14], длительных космических полетов [8; 15], позволяют утверждать, что в экстремальной ситуации человек способен проявлять стойкость, проактивное совладание, заботу о себе и другом человеке, личностный рост, поддерживать стабильное эмоциональное состояние и помогать людям, стремиться к достижению поставленных целей.

Метод

Схема проведения исследования. Исследовательская методика предполагала сбор и анализ: 1) письменных дискурсов респондентов об опыте жизни и преодоления трудностей самоизоляции в первый месяц (апрель 2020 г.) в ситуации пандемии COVID-19; 2) результатов по методике САН для измерения особенностей психоэмоционального состояния (самочувствие, активность, настроение) [10].

Исследование в поисковом формате проводилось в середине апреля 2020 г., через 3–4 недели после введения режима обязательной самоизоляции для студентов московских вузов. Сбор данных

осуществлялся анонимно, добровольно, дистанционно, в формате эссе о своем опыте жизни в условиях самоизоляции и дистанционного обучения.

Выборка исследования. Респондентами являлись молодые люди 20–23 лет ($n=56$, из них 8% мужчин, 92% женщин), студенты университета 2-го (78%) и 5-го (22%) курсов специальностей психологического профиля ($\bar{x}=21,12$, $Me=21$, $SD=1,37$). Выбор в качестве респондентов студентов был основан на том, что они, сталкиваясь с теми же проблемами, что и молодые люди данного возраста, способны рефлексировать переживания и состояния как у себя, так и у окружающих.

Методы исследования. Обработка дискурсов проводилась методом контент-анализа путем согласованной экспертной оценки. Экспертами выступали профессиональные психологи со стажем не менее 10 лет в области консультативной и социальной психологии. Методология качественных методов позволяет рассматривать индивидуальные переживания в качестве референтов коллективных переживаний, анализировать состояния массового сознания [13]. Обработка методики САН предполагала описательные статистики: вычисление медианы, среднего арифметического, стандартного отклонения.

Результаты

Опишем общую картину жизни респондентов в режиме самоизоляции и социального дистанцирования: 78% респондентов на момент исследования находились в квартирах, 22% — в домах (семья либо имеет загородный дом, дачу, либо сняла в момент перехода на самоизоляцию). Большинство иногородних студентов уехали из общежития в родной

город. Некоторые респонденты изменили место проживания, сняв квартиры (как правило, совместно со своими молодыми людьми или девушками). В родительской семье проживали 71%, с партнером — 15%, в одиночестве — 14%. Изменение образа жизни во время изоляции отмечают 93% респондентов (из них существенное — 49%, частичное — 32%, а 17,5% — сдвиги режима дня, занятий). В 88% дискурсов упоминается разграничение жизни на определенные «этапы»: в 48,5% текстов отмечаются моменты «до», «после», «сейчас» (переломный момент, граница обозначается по-разному: «переход на дистант», «на карантин», «на самоизоляцию», «после начала пандемии», «после переезда» и др.). В 25,7% выделен этап между началом самоизоляции и настоящим моментом, что позволяет констатировать острую фазу периода адаптации и переход к стабилизации. В 9% протоколов студенты говорят об окончании пандемии, будущем после завершения периода ограничений.

Результаты контент-анализа письменных дискурсов

Дискурсы представляют собой эссе с элементами нарративов, переживания, размышления, сравнения поведения и времяпрепровождения в повседневной жизни в прошлом и на самоизоляции.

Средняя длина дискурсов составляет 541 слово, минимальный — 200, максимальный — 1146 слов ($SD=238,9$), что свидетельствует о широком варьировании данных. По содержанию высказываний были выделены 5 категорий (табл. 1).

Наиболее объемная категория «Сферы жизни» включала темы, условно отнесенные экспертами к личностным аспектам (телесные, душевные или психологические), деятельностным (учебные), социально-психологическим (общение, социальные контакты, семейные взаимоотношения), информационно-техническим, бытовым характеристикам и проведению досуга (табл. 2).

Вторая по количественной представленности — категория «Пространство и время» — была дифференцирована на две темы (табл. 3).

К категории *Пространство* отнесены высказывания, связанные с местом проживания, перемещениями, личным пространством; к категории *Время* — высказывания о времени (отношение ко времени, структуре, течению времени).

Отношение к ситуации пандемии COVID-19 выявлено в сравнительно небольшом количестве упоминаний, общеупотребительных высказываний в лексике СМИ, например, «пандемия затронула большое количество людей», «событие планетарного масштаба». Однако у не-

Таблица 1

Категории высказываний студентов

Категория	Содержательных единиц (n=887)	% от общего числа высказываний	Рейтинг категорий
Сферы жизнедеятельности человека	506	57	1
Пространство и время	213	24	2
Влияние пандемии COVID-19	67	7	4
Ресурсы и усилия по преодолению трудностей	49	6	5
Оценка происходящих изменений	168	19	3

скольких испытуемых данная категория представлена индивидуализировано и эмоционально, в частности, рассказывая о болезни членов семьи (COVID-19), респондент отмечал совместное страдание и преодоление трудностей, которое сплотило семью, вывело отношения на другой уровень.

Немногочисленной является категория *Ресурсы и способы преодоления трудностей* (7% упоминаний), к которой отнесены высказывания, связанные с действиями по адаптации, преодолению жизненных трудностей; со страданием и смирением; с проявлением заботы и поддержки близких людей.

Категория *Оценка изменений* характеризует изменение образа жизни в связи с самоизоляцией и дистанционным обучением. В ней были выделены три темы, которые относятся к качеству оценок изменений: «нейтральная» — к ней отнесены безоценочные высказывания,

констатирующие сложившуюся ситуацию, и амбивалентное отношение, когда респонденты писали одновременно о положительном и отрицательном отношении; «негативная» — высказывания об отрицательном отношении, эмоциях, неудачах, поражениях, неудовлетворенности; «позитивная» — конструктивные моменты, например, «Можно сказать, что моя семья достаточно спокойно и быстро приняла новые условия жизни» (табл. 4).

Результаты, полученные с помощью опросника САН, показывают, что у 77% участников опроса оценки по каждой из трех шкал выше 4 (норма для данного опросника), что позволяет говорить об удовлетворительном прохождении процесса адаптации в целом по данной выборке респондентов. Тем не менее у 23% опрошенных оценки по одной (чаще это оценка активности) или двум шкалам ниже 4 (табл. 5).

Таблица 2

Представленность тем категории «Сферы жизни»

Темы	Содержательных единиц (n=506)	% от общего числа высказываний	Рейтинг категорий
Телесная	72	14	5
Душевная	74	15	4
Учебная	102	20	2
Общение	116	23	1
Семья	77	15	3
Информационно-техническая	13	3	7
Быт, досуг	52	10	6

Таблица 3

Анализ тем в категории «Пространство и время»

Всего высказываний данной категории	Время	Пространство
N=213	91	122
%	43	57
Рейтинг	2	1

Таблица 4

Количественная выраженность тем в категории «Оценка изменений»

Общее количество высказываний по данной категории	Оценка изменений		
	Негативная оценка	Нейтральная	Позитивная оценка
n=168	67	32	69
% от n	40%	19%	41%

Таблица 5

Показатели по опроснику САН

	Самочувствие	Активность	Настроение
Хср.	5,01	4,88	5,10
Me	5,40	5,50	5,25
SD	9,64	14,35	11,10

Обсуждение результатов

Первый месяц режима самоизоляции и дистанционного обучения можно назвать переходной, транзитной ситуацией [5], что предполагает необходимость адаптации к новым условиям существования, перестройку образа жизни, решение задач, направленных на восстановление полноценного функционирования в изменившихся условиях. Дискурсы студентов в подобном контексте отражают в большей мере непосредственную эмоциональную реакцию на острый этап адаптационного периода. В этой связи напомним о характерной для психологических исследований в первые месяцы пандемии фиксации на социально-стрессовых последствиях, тревожности, депрессивности, фобических проявлениях, нарушениях сна, признаков ПТСР [2; 4; 5; 11; 16].

По нашим данным, дискурсы студентов фокусируются в большей мере на деятельностных и коммуникационных аспектах жизненной ситуации. Об этом свидетельствует наибольшее число высказываний, отнесенных именно к сферам *Общения и Учебы*, что демонстриру-

ет их высокую значимость в актуальной жизненной ситуации.

Ведущими проблемами сферы социальных контактов являются отмечаемые респондентами, с одной стороны, недостаточность непосредственного общения с близкими друзьями («нехватка живого общения», тоска по телесным контактам), с другой — удовлетворенность тем, что контакты стали более избирательными, неслучайными, глубокими. Респонденты особо отмечают активизацию виртуального общения, возможность новых контактов, интернет-знакомств. Отношение к переходу общения в интернет-среду различается: для одних студентов — это компенсация невозможности удовлетворить потребность в реальных контактах со сверстниками, для других — раздражающий, навязанный фактор вынужденных коммуникаций. Подобная полярность в позициях высвечивается в общении по учебным вопросам, дистанционным контактам с преподавателями и однокурсниками. Активно проявляется тема изменения в отношениях на самоизоляции, причем обнаружены как дискурсы, в которых эти изменения расцениваются как положительные, так и дискурсы, сви-

детельствующие о конфликтах, охлаждении и разрыве отношений. Представляет интерес связь коммуникативной сферы с выделением жизненных этапов, временного членения жизни: в повествованиях студентов встречи с друзьями, совместное времяпрепровождение относятся к времени допандемического прошлого.

В исследованиях подросткового и юношеского возраста, в котором высоки риски одиночества, принадлежность к образовательной структуре и чувство социальной включенности важны для мотивационных, поведенческих и учебных результатов, и неудовлетворение этих потребностей имеет пагубные физические, умственные и академические последствия [19; 23]. Поэтому с точки зрения субъективной картины учебной деятельности у студентов актуальная ситуация перехода обучения в дистанционный формат представляет научный и практический интерес.

Полученные данные свидетельствуют о значимости учебно-профессиональной деятельности, смысловой наполненности учебной сферы для испытуемых, интересе к обучению, что проявляется в большом количестве высказываний и рефлексивной позиции. Решая задачи, связанные с учебным процессом, студенты вынуждены определенным образом организовать свою жизнь, режим дня, сочетать занятия и отдых, найти приемлемые формы взаимодействия с окружающими членами семьи (если они живут с родителями) или партнерами, что может служить действенным средством преодоления фиксации на тревожных и депрессивных аспектах ситуации самоизоляции [3; 8; 15].

Анализ дискурсов, которые были отнесены к телесной и душевной сферам, демонстрирует направленность респондентов на заботу о самосохранении, вни-

мание к переживаниям и потребностям, свидетельствуя о жизнецентрированной мотивации [5], стремлении к восстановлению жизненных сил и активностей. Преобладающим моментом являлась тема физического самочувствия — усталости, вялости, снижения физической активности, изменения привычного характера двигательных навыков. Респонденты писали, что вынуждены заставлять себя двигаться, сознательно уделять внимание этой сфере, планировать занятия спортом, искать программы тренировок. Большое количество высказываний отражает соотношение активности, бодрствования и сна, отдыха или жалобы на плохой сон, нарушение режима сна, что частично согласуется с данными исследований эпидемий и случаев социальной изоляции [16; 23; 24], в том числе 2020 года [21]. Существенное место занимают высказывания относительно внешнего вида (как правило, уделяется меньше внимания тому, как одеться, накраситься и т.д.). Тема здоровья/болезни представлена менее существенно — 3 человека затрагивали тему болезни, а о COVID-19 речь шла лишь в одном случае.

В отличие от исследований негативных эмоциональных переживаний людей в первый период пандемии [2], полученные нами данные раскрывают богатую палитру проявлений индивидуально-психологического плана. Тема разнообразно представлена высказываниями, которые можно отнести к когнитивно-поведенческим аспектам («трудно сосредоточиться», «образ клетки»), к эмоциональным аспектам (в одних случаях высказывания о фрустрации, раздражении; в других — об успокоенности, эмоциональном принятии ситуации); к индивидуально-личностным характеристикам («я экстраверт, поэтому мне трудно...»); к потребностно-мотивационным

(«не могу себя заставить» или, наоборот, «удалось восстановить режим»); к самоконтролю («из-за особенностей психики и темперамента мне необходимо чувствовать контроль над ситуацией»). В целом выявлена направленность респондентов на решение задач адаптации, восстановления полноты функционирования, преодоления препятствий или в отдельных случаях усугубления деструктивной позиции, пассивности и апатии [26].

Наиболее отчетливо разнонаправленный характер перемен прослеживается в дискурсах, связанных с *родительской семьей*, — о семейном дистанционном общении, динамичности отношений, конфликтах и противоречиях. 56% респондентов отметили позитивную трансформацию, когда семье удастся преодолеть первоначально возникшее напряжение, скученность, пересечение потребностей и найти взаимопонимание, выстроить уважительные отношения; у 23% — изменения либо амбивалентные, либо нейтральные, направленные на сохранение привычного семейного уклада; у 22% — увеличение конфликтности, раздражения, обиды, желание дистанцироваться с ближайшим семейным окружением. Негативные тенденции переживаний в большей мере характерны для респондентов, семьи которых самоизолировались в квартире с ограничением ресурсов (мало пространства, места для работы, все работают в одно время и т.д.), что отмечено в качестве факторов риска и в других исследованиях [28]. Отмечаются и тенденции сплочения семьи, развития совместности, эмоциональной отзывчивости, поддержки, ощущения своей ценности в семье и согласованности позиций по поводу необходимых повседневных изменений, что становится ресурсом совладания в сложной жизненной ситуации, значительно снижающим

негативные последствия угроз изоляции, заражения и болезни. Полученные нами данные в целом согласуются с выводами исследования стресса и семейного совладания в период пандемии [9]. Самоизоляция «проверяет» на прочность и складывающиеся союзы молодых людей.

Дискурсы по вопросам *быта* сравнительно бедны, что объясняется проживанием большинства в родительских семьях, где бытовыми вопросами занимается взрослое поколение. Ведущими темами являются поддержание порядка, наведение чистоты и уюта (для поднятия настроения), приготовление пищи, доставка продуктов и новый опыт онлайн-заказов, частое мытье рук, продуктов.

Наиболее типичными в дискурсах *информационно-технической сферы* оказались темы проблем связи, интернета во время занятий, а также неопределенность информации в первое время перехода к удаленной форме обучения. Четко проявляются две тенденции: 1) ограничение информационного потока («стараюсь выключать телефон ночью, чтобы избавиться себя от постоянно поступающей информации»); 2) погруженность в инфодемию («постоянно мониторию информацию на разные темы»), что находит отражения и в других эмпирических исследованиях [2].

Анализ пространственно-временной категории показал, что *пространственные* аспекты характеризуются разнообразием проблем: принадлежность «Я» к определенному пространству (пространственная идентичность); смешение типов пространства (личное, межличностное, публичное и т.д.); пространственная депривация или фрустрированность в связи с пространством; связь пространства со временем (хронотоп); желание покинуть пространство или остаться в нем. Трансформация отношения к про-

странству жизни проявляется в том, что повседневное, привычное городское пространство стало недоступным, а ограниченная площадью квартиры среда должна выполнять разнообразные функции (аналогично замкнутому пространству космического корабля [3; 15]). В связи с этим респонденты начинают осознавать свое отношение к тому месту, где проходит их вынужденная самоизоляция: негативное, нейтральное или амбивалентное, позитивное чувство к пространству.

Временные аспекты представлены темами управления временем, связи с образом жизни, режимом дня, распределением времени (многие студенты видят в экономии времени преимущества дистанционного образования), временных модулей (прошлое, настоящее, будущее), направленности (на себя, другого или др.). Превалируют дискурсы настоящего, затем — прошлого, будущее представлено в незначительном количестве, поскольку студенты находились в ситуации высокой неопределенности относительно окончания ограничений самоизоляции.

Выделены три модуля оценки респондентами изменений жизни: *негативный* («Пандемия, самоизоляция — это необычный, для кого-то очень пугающий, экстремальный опыт»), *нейтральный или амбивалентный* («Я ловлю себя на мысли, что человеческий организм очень быстро адаптируется ко всему») и *позитивный* (применительно к своей индивидуальной ситуации — «Ситуация изменила мою жизнь, общение и взаимодействие с другими, я стала больше их ценить»). Здесь обнаруживаются тенденции возможных психологических последствий осмысления опыта пандемической ситуации: фиксация на отрицательных, травматических моментах; самосохранение и восстановление функциональности, стабильности; выход за

пределы известного в направлении поиска новых возможностей, развития.

Ресурсы и способы преодоления трудностей наиболее активно представлены темами самоорганизации, режима дня, деятельности (отлаживание дистанционной учебы, восполнение дефицита движений, поддержание порядка в доме, приемлемых взаимоотношений с домочадцами); заботы о других людях (помощь родственникам, находящимся в тревоге и беспокорстве, младшим братьям/сестрам в учебе и играх); эмоциональной поддержки близких, сдерживания собственных негативных чувств гнева, раздражения, усилия по саморазвитию (онлайн-курсы по дополнительному образованию).

Референты распределены по мотивационной направленности [5] на три группы: а) страдание, претерпевание; б) адаптация, совладание, стойкость; в) развитие личности. В количественном плане преобладающими (75%) являлись высказывания, которые были отнесены к совладанию («Приходится заставлять себя сосредотачиваться, внимательно слушать лекции, быть включенной в работу»). Высказывания, отнесенные к претерпеванию, страданию, ощущению бессилия, составили 10% («Я совершенно не знаю, как мне заставить себя повысить свою активность и заинтересованность в происходящем»); 15% высказываний демонстрируют усилия по самоизменению («Сейчас я могу уделить больше времени саморазвитию: чтение книг, изучение интересных тем, углубление в изучение языков»). Отрицательные изменения поддерживаются эмоциональными переживаниями, тревогой, стрессом, оценкой собственных действий в учебной сфере, взаимоотношениях как неэффективных. Называются факторы фрустрации: недостаток движения, неопределенность, краудинг, дефицитарность общения, времен-

ной цейтнот, незаполненность, пустота жизни. В позитивных оценках преобладает тема положительной динамики семейных взаимоотношений, преимущества интернет-общения и дистанционного обучения, появившиеся временные ресурсы для саморазвития, позитивная оценка собственных усилий по совладанию.

Результаты, полученные с помощью опросника САН, свидетельствуют о благоприятном общем состоянии респондентов. На схожей с нашей категорией респондентов в исследовании [7] обнаружено примерное совпадение оценок по самочувствию и настроению, а также данные о средних и низких уровнях тревоги, вызванной ситуацией неопределенности. Однако выявлено расхождение с показателями активности (среднее групповое значение $3,48 \pm 1,03$), которое авторы объясняют действием ограничительных мер. В нашем исследовании по *Активности* наблюдается широкий разброс данных, что объясняется как различием жизненных ситуаций, так и индивидуально-психологическими способностями к адаптации, которые, собственно, и определяют возможности реагирования на пандемию, оставаясь тем не менее наименее изученными [4].

Количественно-качественный анализ данных позволяет зафиксировать определенное противоречие: с одной стороны, респонденты не демонстрируют высокого уровня стресса, выраженной тревоги за жизнь; с другой — присутствуют референты, указывающие на негативные эмоциональные состояния — раздражение, подавляемую агрессивность или, напротив, апатию, отстраненность, жалобы на опустошенность, усталость, вялость. Наличие этих признаков позволяет делать выводы об актуальном переживании стресса и наличии депрессивных состояний [2; 6; 18; 29].

Выводы

Наше исследование носило поисковый характер и было направлено на выявление психологических реакций и ресурсов определенной группы населения — студентов, которые оказались весной 2020 года в ситуации, имеющей как общие, сходные с другими черты (определяемые глобальным масштабом пандемии и ее воздействием на все сферы жизни человека), так и специфические, отличающие признаки. К существенным отличительным признакам следует отнести экстренное изменение условий обучения — переход на дистанционный формат, который был осуществлен в течение недели, и студенческий статус респондентов.

1. Результаты позволяют констатировать признаки стресса, нестабильных эмоциональных состояний, тревожность, раздражение, страх перед неопределенностью, подавляемые чувства, апатию, усталость, нарушения сна в ситуации социальной изоляции в связи с пандемией. Важным признаком острого ситуативного переживания выявлена стратегия жизни «сегодня и сейчас», превалирование дискурсов настоящего и прошлого, неопределенность будущего и отсутствие его актуализации.

2. Анализ индивидуальных переживаний показывает, что «мир действительно изменился», но существующий паритет в оценках позитивных и негативных аспектов изменения образа жизни позволяет с надеждой говорить о последствиях выхода из ситуации пандемии.

3. Новый опыт жизнедеятельности для студентов задает потенциал саморазвития и социального познания. Это подтверждается множественностью обозначенных тем, появлением новых контекстов, наполнением описаний личного

опыта анализом реакций и паттернов социального окружения, коммуникации, семейной и учебной ситуации, особым вниманием к пространственно-временным элементам социального мира, пониманием возможностей и ограничений виртуальных сетевых технологий.

4. Самоизоляция и дистанционное обучение, на наш взгляд, являются факторами, которые могут существенно вмешиваться в ход становления человека как личности на данном этапе взросления. Молодые люди не обрели еще экономической самостоятельности, в достаточно высокой мере связаны с родительской семьей финансово, территориально, психологически. В то же время речь идет о значимом этапе взросления и становления идентичности личности, что обуславливает центробежные, сепарационные тенденции в плане обособления от родительской семьи, преимущественную ориентацию на значимых других, поиск и установление близких отношений с партнерами.

5. Исследование выявило высокоэффективные ресурсы адаптации, совладания с ситуацией изоляции, основанные на осмыслении актуальной ситуации жизнедеятельности, что приводит к лучшему контролю и преодолению негатив-

ных аспектов. Ресурсы адаптации представлены как стратегии, направленные: 1) на себя (самоорганизация, соблюдение режима дня, выполнение задач дистанционной учебы, поддержание физической формы и внешнего вида, саморазвитие, сдерживание собственных негативных чувств); 2) на других, реализующиеся через помощь и эмоциональную поддержку родственникам, друзьям, людям вообще; 3) на жизненное пространство, представленное через поддержание чистоты в доме, работу с пространством по расширению его многофункциональности, обустройство под свое «Я».

6. Исследование выявило наиболее уязвимую категорию, остро нуждающуюся в помощи — респондентов, кто использует стратегию страдания, претерпевания, конфронтацию конструкта «надо—не могу», порождающую психологическое состояние бессилия. Кроме общеизвестных практик, возможная помощь в этой ситуации — компенсация стресса через работу с индивидуальными жизненными целями, планирование действий, сознательное акцентирование фактов, указывающих на безопасность, на конечность действия стрессора, уменьшение неопределенности, переориентация на эффективные стратегии.

Литература

1. Быховец Ю.В., Дан М.В., Никитина Д.А. Международный опыт исследований и практических рекомендаций населению в период пандемии коронавируса [Электронный ресурс]. URL: www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/ (дата обращения: 07.11.2020).
2. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] / Ениколопов С.Н., Казьмина О.Ю., Воронцова О.Ю., Медведева Т.И., Бойко О.М. // Психологическая газета, 28.04.2020. URL: <https://psy.su/feed/8182/> (дата обращения: 30.11.2020).
3. Лебедев В.И. Экстремальная психология. Психическая деятельность в технических и экологически замкнутых системах: Учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 431 с.
4. Луковцева З.В. Пандемия COVID-19 как социальный стрессор: факторы психолого-психиатрического риска (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 13–25. DOI:10.17759/sps.2020110402

5. *Магомед-Эминов М.Ш.* Феномен экстремальности. М.: Психоаналитическая Ассоциация, 2008. 218 с.
6. Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID-19 [Электронный ресурс] / Харламенкова Н.Е., Быховец Ю.В., Дан М.В., Никитина Д.А. URL: www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html# (дата обращения: 21.01.2021).
7. Психологические особенности переживания неопределенности при эпидемии covid-19 / Скотникова И.Г., Егорова П.И., Огаркова (Дубинская) Ю.Л., Жиганов Л.С. // Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 2(18). DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.008
8. *Рюмин О.О.* Вопросы психологического обеспечения пилотируемых межпланетных полетов // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2017. Том 51. № 4. С. 15–20.
9. Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 / Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П., Шипова Н.С. // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 120–134. DOI:10.17759/sps.2020110409
10. Тест дифференцированной самооценки функционального состояния / Доскин В.А., Лаврентьева Н.А., Мирошников М.П., Шарай В.Б. // Вопросы психологии. 1973. № 6. С. 141–145.
11. *Федоров В.* Пандемия коронавируса // Интервью 18 ноября 2020, 09:38 на РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/11/2020/5fb3ce739a79478eb16a280f>
12. *Федосенко Е.В.* Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19 [Электронный ресурс] // Психологическая газета, 14.05.2020. URL: <https://psy.su/feed/8248/> (дата обращения: 15.01.2021).
13. *Хорошилов Д.А., Мельникова О.Т.* Проблема обобщения и экстраполяции качественных данных (на примере исследования индивидуальных и коллективных переживаний) // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 41–50.
14. *Шольцова И., Виноходова А.Г.* Локус контроля, устойчивость к стрессу и личностный рост участников эксперимента «Марс-500» // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2013. Том 47. № 3. С. 24–29.
15. *Юсупова А.* «Позаботьтесь о своем экипаже». Взгляд космического психолога на самоизоляцию // Психологическая газета, 3.04.2020. URL: <https://psy.su/feed/8100/> (дата обращения: 15.01.2021).
16. *Cacioppo J.T.* The Lethality of Loneliness. Tedx Talk, Des Moines, retrieved 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0hxl03JoA0> (дата обращения: 28.12.2020).
17. *Das N.* Psychiatrist in post-COVID-19 era – Are we prepared? // Asian J. Psychiatr. 2020. Vol. 51. P. 102082. DOI:10.1016/j.ajp.2020.102082
18. *Dong L., Bouey J.* Public Mental Health Crisis during COVID-19 Pandemic, China // Emerg Infect Dis. 2020. Vol. 26(7). P. 1616–1618. DOI:10.3201/eid2607.200407
19. *Erikson E.H.* Childhood and Society. New York: W.W. Norton & Company, 1950. 397 pp.
20. Focus on Mental Health During the Coronavirus (COVID-19) Pandemic: Applying Learnings from the Past Outbreaks [Shah K. et al.] // Cureus. 2020. Vol. 12(3). P. e7405. DOI:10.7759/cureus.7405
21. *Forlenza O.V., Stella F.* LIM-27 Psychogeriatric Clinic HCFMUSP. Impact of SARS-CoV-2 pandemic on mental health in the elderly: perspective from a psychogeriatric clinic at a tertiary hospital in São Paulo, Brazil // Int Psychogeriatr. 2020. Vol. 32(10). P. 1147–1151. DOI:10.1017/S1041610220001180
22. *Holt-Lunstad J.* The Potential Public Health Relevance of Social Isolation and Loneliness: Prevalence, Epidemiology, and Risk Factors, Public Policy & Aging Report. 2017. Vol. 27(4). P. 127–130. DOI:10.1093/ppar/prx030
23. *Ingram D., London R.* The Health Consequences of Social Isolation “It Hurts More Than You Think” // Literature Review for Beyond Differences: Negative Correlates of Social Isolation. 2015. URL: www.beyonddifferences.org (дата обращения: 23.12.2020).

24. Is quarantine related to immediate negative psychological consequences during the 2009 H1N1 epidemic? [Wang Y., et al] // General hospital psychiatry. 2011. Vol. 33(1). P. 75–77. DOI:10.1016/j.genhosppsych.2010.11.001
25. Kumar A., Somani A. Dealing with Corona virus anxiety and OCD // Asian J Psychiatr. 2020. Vol. 51. P. 102053. DOI:10.1016/j.ajp.2020.102053
26. Mamun M.A., Griffiths M.D. First COVID-19 suicide case in Bangladesh due to fear of COVID-19 and xenophobia: Possible suicide prevention strategies // Asian J. Psychiatr. 2020. Vol. 51. P. 102073. DOI:10.1016/j.ajp.2020.102073
27. Montemurro N. The emotional impact of COVID-19: from medical staff to common people // Brain, behavior, and immunity. 2020. Vol. 87. P. 23–24. DOI:10.1016/j.bbi.2020.03.032
28. Prime H., Wade M., Browne D.T. Risk and resilience in family well-being during the COVID-19 pandemic // American Psychologist. 2020. Vol. 75(5). P. 631–643. DOI:10.1037/amp0000660
29. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. [Brooks S.K. et al.] // The Lancet. 2020. Vol. 395. P. 912–920. DOI:10.1016/S0140-6736(20)30460-8

References

1. Bykhovets Yu.V., Dan M.V., Nikitina D.A. Mezhdunarodnyi opyt issledovaniy i prakticheskikh rekomendatsiy naseleniyu v period pandemii koronavirusa [Elektronnyi resurs] [International experience of research and practical recommendations to the population during the coronavirus pandemic]. URL: www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19 (Accessed 07.11.2020). (In Russ.).
2. Enikolopov S.N., Kaz'mina O.Yu., Vorontsova O.Yu., Medvedeva T.I., Boiko O.M. Dinamika psikhologicheskikh reaktzii na nachal'nom etape pandemii COVID-19 [Elektronnyi resurs] [Dynamics of psychological reactions at the initial stage of the COVID-19 pandemic]. *Psikhologicheskaya gazeta = Psychological newspaper* 28.04.2020. URL: https://psy.su/feed/8182/ (Accessed 30.11.2020). (In Russ.).
3. Lebedev V.I. Ekstremal'naya psikhologiya. Psikhicheskaya deyatel'nost' v tekhnicheskikh i ekologicheski zamknutykh sistemakh [Extreme psychology. Mental activity in technical and ecologically closed systems]. Uchebnik. Moscow: YuNITI-DANA, 2001. 431 p. (In Russ.).
4. Lukovtseva Z.V. Pandemiya COVID-19 kak sotsial'nyi stressor: faktory psikhologopshihiatricheskogo riska (po materialam zarubezhnykh issledovaniy) [The COVID-19 pandemic as a social stressor: psychological and psychiatric risk factors (based on foreign studies)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 13–25. DOI:10.17759/sps.2020110402 (In Russ.).
5. Magomed-Eminov M.Sh. Fenomen ekstremal'nosti [The phenomenon of extreme]. Moscow: Psikhooanaliticheskaya Assotsiatsiya, 2008. 218 p. (In Russ.).
6. Kharlamenkova N.E., Bykhovets Yu.V., Dan M.V., Nikitina D.A. Perezhivanie neopredelennosti, trevogi, bespokoistva v usloviyakh COVID-19 [Elektronnyi resurs] [Experiencing uncertainty, anxiety, anxiety in the context of COVID-19]. URL: www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html# (Accessed 21.01.2021). (In Russ.).
7. Skotnikova I.G., Egorova P.I., Ogarkova (Dubinskaya) Yu.L., Zhiganov L.S. Psikhologicheskie osobennosti perezhivaniya neopredelennosti pri epidemii covid-19 [Psychological features of experiencing uncertainty during the covid-19 epidemic]. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Social and Economic Psychology*, 2020. Vol. 5, no. 2(18). DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.008 (In Russ.).
8. Ryumin O.O. Voprosy psikhologicheskogo obespecheniya pilotiruemykh mezhplanetnykh poletov [Questions of psychological support of manned interplanetary flights]. *Aviakosmicheskaya i ekologicheskaya meditsina = Aerospace and Environmental Medicine*, 2017. Vol. 51, no. 4, pp. 15–20. (In Russ.).
9. Kryukova T.L., Ekimchik O.A., Opekina T.P., Shipova N.S. Stress i sovladanie v sem'e v period samoizolyatsii vo vremya pandemii COVID-19 [Stress and coping in the family during the

- period of self-isolation during the COVID-19 pandemic]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 120–134. DOI:10.17759/sps.2020110409 (In Russ.).
10. Doskin V.A., Lavrent'eva N.A., Miroshnikov M.P., Sharai V.B. Test differentsirovannoi samootsenki funktsional'nogo sostoyaniya [Test of differentiated self-assessment of the functional state]. *Voprosy psikhologii = Psychology issues*, 1973, no. 6, pp. 141–145. (In Russ.).
 11. Fedorov V. Pandemiya koronavirusa [Coronavirus pandemic]: interv'y u 18 noyabrya 2020, 09:38 na RBK. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/11/2020/.5fb3ce739a79478eb16a280f>
 12. Fedosenko E.V. Zhizn' posle karantina: psikhologiya smyslov i koronavirus COVID-19. [Elektronnyi resurs] [Life after quarantine: the psychology of meanings and the coronavirus COVID-19]. *Psikhologicheskaya gazeta = Psychological newspaper* 14.05.2020. URL: <https://psy.su/feed/8248/> (Accessed 15.01.2021) (In Russ.).
 13. Khoroshilov D.A., Mel'nikova O.T. Problema obobshcheniya i ekstrapolyatsii kachestvennykh dannykh (na primere issledovaniya individual'nykh i kollektivnykh perezhivaniy) [The problem of generalization and extrapolation of qualitative data (on the example of the study of individual and collective experiences)]. *Voprosy psikhologii = Psychology issues*, 2019, no. 4, pp. 41–50. (In Russ.).
 14. Shol'tsova I., Vinokhodova A.G. Lokus kontrolya, ustoichivost' k stressu i lichnostnyi rost uchastnikov eksperimenta «Mars-500» [Locus of control, resistance to stress and personal growth of the participants in the experiment “Mars-500”]. *Aviakosmicheskaya i ekologicheskaya meditsina = Aerospace and Environmental Medicine*, 2013. Vol. 47, no. 3, pp. 24–29. (In Russ.).
 15. Yusupova A. «Pozabot'tes' o svoem ekipazhe». Vzgl'yad kosmicheskogo psikhologa na samoizolyatsiyu [Elektronnyi resurs] [“Take care of your crew”. A space psychologist's view of self-isolation]. *Psikhologicheskaya gazeta = Psychological newspaper* 3.04.2020. URL: <https://psy.su/feed/8100/> (Accessed 15.01.2021) (In Russ.).
 16. Cacioppo J.T. The Lethality of Loneliness. Tedx Talk, Des Moines, retrieved 2013. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_0hxl03JoA0 (Accessed 28.12.2020).
 17. Das N. Psychiatrist in post-COVID-19 era – Are we prepared? *Asian J Psychiatr*, 2020. Vol. 51, p. 102082. DOI:10.1016/j.ajp.2020.102082
 18. Dong L., Bouey J. Public Mental Health Crisis during COVID-19 Pandemic, China. *Emerg Infect Dis*, 2020. Vol. 26(7), pp. 1616–1618. DOI:10.3201/eid2607.200407
 19. Erikson E.H. *Childhood and Society*. New York: W.W. Norton & Company, 1950. 397 pp.
 20. Shah K., Kamrai D., Mekala H., Mann B., Desai K., Patel R.S. Focus on Mental Health During the Coronavirus (COVID-19) Pandemic: Applying Learnings from the Past Outbreaks. *Cureus*, 2020. Vol. 12(3), p. e7405. DOI:10.7759/cureus.7405
 21. Forlenza O.V., Stella F. LIM-27 Psychogeriatric Clinic HCFMUSP. Impact of SARS-CoV-2 pandemic on mental health in the elderly: perspective from a psychogeriatric clinic at a tertiary hospital in São Paulo, Brazil. *Int Psychogeriatr*, 2020. Vol. 32(10), pp. 1147–1151. DOI:10.1017/S1041610220001180
 22. Holt-Lunstad J. The Potential Public Health Relevance of Social Isolation and Loneliness: Prevalence, Epidemiology, and Risk Factors. *Public Policy & Aging Report*, 2017. Vol. 27(4), pp. 127–130. DOI:10.1093/ppar/prx030
 23. Ingram D., London R. The Health Consequences of Social Isolation “It Hurts More Than You Think”. *Literature Review for Beyond Differences: Negative Correlates of Social Isolation*, July 2015. URL: www.beyonddifferences.org (Accessed 23.12.2020).
 24. Wang Y., Xu B., Zhao G., Cao R., He X., Fu S. Is quarantine related to immediate negative psychological consequences during the 2009 H1N1 epidemic? *General hospital psychiatry*, 2011. Vol. 33(1), pp. 75–77. DOI:10.1016/j.genhosppsy.2010.11.001
 25. Kumar A., Somani A. Dealing with Corona virus anxiety and OCD. *Asian J. Psychiatr*, 2020. Vol. 51, p. 102053. DOI:10.1016/j.ajp.2020.102053

26. Mamun M.A., Griffiths M.D. First COVID-19 suicide case in Bangladesh due to fear of COVID-19 and xenophobia: Possible suicide prevention strategies. *Asian J. Psychiatr.*, 2020. Vol. 51, p. 102073. DOI:10.1016/j.ajp.2020.102073
27. Montemurro N. The emotional impact of COVID-19: from medical staff to common people. *Brain, behavior, and immunity*, 2020. Vol. 87, pp. 23–24. DOI:10.1016/j.bbi.2020.03.032
28. Prime H., Wade M., Browne D.T. Risk and resilience in family well-being during the COVID-19 pandemic. *American Psychologist*, 2020. Vol. 75(5), pp. 631–643. DOI:10.1037/amp0000660
29. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Wodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *The Lancet*, 2020. Vol. 395, pp. 912–920. DOI:10.1016/S0140-6736(20)30460-8

Информация об авторах

Баранова Виктория Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0481-6501>, e-mail: bva06@mail.ru

Дубовская Екатерина Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2923-1422>, e-mail: dubovskaya13@gmail.com

Савина Ольга Олеговна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологической помощи и ресоциализации факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3326-4841>, e-mail: savindm2006@gmail.com

Information about the authors

Victoria A. Baranova, PhD in Psychology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0481-6501>, e-mail: bva06@mail.ru

Ekaterina M. Dubovskaya, PhD in Psychology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2923-1422>, e-mail: dubovskaya13@gmail.com

Ol'ga O. Savina, PhD in Psychology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3326-4841>, e-mail: savindm2006@gmail.com

Получена 08.02.2021

Received 08.02.2021

Принята в печать 24.02.2021

Accepted 24.02.2021

Субъективное благополучие молодежи и его взаимосвязь с психологической дистанцией до объектов социально-психологического пространства личности в условиях пандемии COVID-19

Яремчук С.В.

*ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет»
(ФГБОУ ВО «АмГПУ»), г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1036-6826>, e-mail: sj@rambler.ru*

Бакина А.В.

*ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет»
(ФГБОУ ВО «АмГПУ»), г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6772-3743>, e-mail: bakina_anna@mail.ru*

Цель. Изучение изменения субъективного благополучия молодежи в начальный период распространения COVID-19 и его взаимосвязи с субъективной дистанцией до объектов социально-психологического пространства личности.

Контекст и актуальность. Одним из глобальных вызовов в 2020 году стала пандемия COVID-19, создавшая препятствия для удовлетворения актуальных потребностей людей. Молодежь 18–24 лет является одной из наиболее уязвимых в отношении психологического благополучия групп, что делает значимым изучение ее реакций во время пандемии.

Дизайн исследования. Исследование проводилось в период с 14 апреля до 16 июня 2020 года в Хабаровском крае. Сбор данных проходил в дистанционном формате. Для выявления изменений в период пандемии данные выборки сравнивались с результатами исследования, проведенного в феврале 2019 года.

Участники. В выборку 2019 года вошло 139 человек в возрасте от 18 до 24 лет (средний возраст 20 лет, 45 юношей и 94 девушки). В выборку 2020 года — 130 человек в возрасте от 18 до 24 лет (средний возраст 19,5 лет, 40 юношей и 90 девушек).

Методы (инструменты). Субъективное благополучие молодежи измерялось по шкале оценки глобальной удовлетворенности жизнью и субъективного уровня счастья. Для изучения психологической дистанции в социальных контактах использовалась модифицированная методика А.Б. Купрейченко.

Результаты. Зарегистрировано значимое увеличение удовлетворенности жизнью у молодежи. В условиях пандемии повышение уровня удовлетворенности связано с близостью к более широкому кругу объектов социально-психологического пространства.

Основные выводы. Субъективное благополучие молодежи в условиях пандемии связано с нацеленностью на социальные контакты, что создает условия для эффективного использования внутренних и внешних ресурсов.

Ключевые слова: субъективное благополучие, психологическая дистанция, COVID-19, социально-психологическое пространство, молодежь.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Хабаровского края, проект № 57С/2020 «Социально-психологическое пространство молодежи Дальнего Востока в условиях пандемии».

Для цитаты: Яремчук С.В., Бакина А.В. Субъективное благополучие молодежи и его взаимосвязь с психологической дистанцией до объектов социально-психологического пространства личности в условиях пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 26–43. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120103>

Subjective Well-Being in Early Adulthood and Psychological Distance to the Objects of the Socio-Psychological Space during COVID-19 Pandemic

Svetlana V. Yaremtchuk

Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1036-6826>, e-mail: sj@rambler.ru

Anna V. Bakina

Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6772-3743>, e-mail: bakina_anna@mail.ru

Objective. *Study of changes in the young people subjective well-being during the initial period of COVID-19 distribution and its relationship with the subjective distance to the objects of the socio-psychological space of the individual.*

Background. *The COVID-19 pandemic has become one of the global challenges in 2020, creating obstacles to meeting the urgent needs of people. Young people aged 18–24 are one of the most vulnerable groups in terms of psychological well-being, which makes it important to study their reactions during the pandemic.*

Study design. *The study was conducted from April 14 to June 16, 2020 in the Khabarovsk region. Data was collected remotely. To identify changes during the pandemic, the sample data was compared with the results of a study, which had been conducted in February 2019.*

Participants. *Sample 2019: 139 subjects (45 males and 94 females, aged 18–24, M=20). Sample 2020: 130 subjects (40 males and 90 females, aged 18–24, M=19.5).*

Measurements. *The subjective well-being of young people was measured on a scale of global life satisfaction and subjective happiness. To study the psychological distance of social contacts, a modified method of A.B. Kupreichenko was used.*

Results. *The significant increase in life satisfaction among young people was registered. Under the pandemic conditions, increased satisfaction is associated with proximity to a wide range of social groups.*

Conclusions. *The subjective well-being in early adulthood during the pandemic is associated with focus on social contacts, which creates conditions for the effective use of internal and external resources.*

Keywords: *subjective well-being, psychological distance, COVID-19, socio-psychological space, youth.*

Funding. The reported study was funded by Ministry of Education and Science of the Khabarovsk Region, project number 57С/2020 “Socio-psychological space of the youth of the Far East during the pandemic”.

For citation: *Yaremtchuk S.V., Bakina A.V. Subjective Well-Being in Early Adulthood and Psychological Distance to the Objects of the Socio-Psychological Space during COVID-19 Pandemic. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 26–43. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120103> (In Russ.).*

Введение

Современный мир предъявляет человечеству множество вызовов, требующих эффективного реагирования на складывающиеся обстоятельства и происходящие изменения. Одним из таких глобальных вызовов в 2020 году стала пандемия COVID-19, затронувшая жизнь каждого человека, создавшая множество препятствий для удовлетворения актуальных потребностей (в том числе и потребности в общении), ситуацию неопределенности, повлекшая возникновение всеобщей паники и непонимания ситуации.

В литературе, посвященной пандемии [4; 12; 15; 16; 19], описывается множество факторов, представляющих угрозы для благополучия человека. О.А. Ульянина [19] разделяет их на социальные риски (массовую панику, снижение социального доверия, нарушение коммуникативных связей и личного пространства, всплеск домашнего насилия, смерти и потери среди близких и др.) и личностные проблемы (переживания одиночества, неизвестности, потери контроля над ситуацией, тревоги, страх за свою жизнь и здоровье близких, свое материальное благополучие). Эмпирические исследования последствий распространения COVID-19 показывают, что у людей, вовлеченных в ситуацию пандемии, распространены жалобы на эмоциональные проблемы, тревогу и страх, депрессию, нарушения сна, беспомощность, подавленность и чувство вины [33; 34]. У населения стран, в которых число зараженных особенно велико, наблюдается всплеск психических расстройств [29; 37], в том числе симптомов посттравматического стресса: чувство одиночества, тревога, выраженная эмоциональная дестабилизация, обострение ранее существовавших страхов и появление новых [35; 36].

В последние десятилетия большое внимание психологи и социологи (Р.М. Шамионов, Т.А. Молодиченко, Э. Динер, К. Рифф, А. Уотерман и др.) уделяют исследованию субъективного благополучия людей, которое рассматривают как показатель оптимальности функционирования и психологического здоровья личности. Субъективное благополучие рассматривают как интегральный критерий для оценки психологического состояния человека, так и как механизм, позволяющий отражать и успешно реагировать на изменяющуюся ситуацию. Как мы видим из приведенных выше исследований, негативный эмоциональный фон существенно усиливается в ситуации пандемии, что проявляется в переживании людьми таких негативных эмоций, как тревога, страх, гнев, вина, раздражение и т.д. Таким способом психика реагирует на рассогласование между потребностями и невозможностью их реализации в сложившихся условиях, что ведет к снижению уровня субъективного благополучия. Это предположение подтверждают исследования Е.И. Расказовой, Д.А. Леонтьева и А.А. Лебедевой [14]. В них было обнаружено, что чем более в ситуации пандемии выражена у человека тревога, тем ниже его общее субъективное благополучие.

Вместе с тем существует также ряд исследований, обнаруживающих, что в экстремальных условиях уровень удовлетворенности жизнью остается достаточно высоким или существенно повышается [25; 26]. По данным зарубежных и российских исследований, снижение уровня субъективного благополучия связано со стратегией избегания [32], а стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций связаны с повышением уровня благополучия [3; 14; 28]. Люди, имеющие более высокий уровень субъективного

благополучия, используют более продуктивные стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией. Повышение уровня субъективного благополучия позволяет человеку успешно преодолевать ситуацию неопределенности, усиливая его адаптационные возможности [21], и сохранять целостность личного социально-психологического пространства.

Единого мнения, объясняющего данный феномен, нет. Как считают отечественные и зарубежные исследователи, основным ресурсом для повышения субъективного благополучия в сложных жизненных ситуациях могут выступать смысложизненные ориентиры личности. О.Ю. Зотова [6] и Л.В. Карапетян [7] отмечают, что в условиях неопределенности субъективное благополучие связано с позитивными ожиданиями, ориентацией на справедливость, на нравственные основы взаимодействия, что помогает в адаптации к трудной жизненной ситуации. Неопределенность ситуации пандемии приводит к перестройке сознания человека (А.Д. Похилько, Н.М. Шабашова, Л.Р. Правдина, О.И. Васильева) и заставляет задуматься о смысле его жизни [12], провоцирует экзистенциальный кризис. Результаты исследований, проведенных во время пандемии COVID-19 в нашей стране, обнаруживают возросшее стремление людей прибегать к поиску смысла происходящего [4], перестройку знаний о мире и о самом себе в нем, создающую новое смысловое поле, которое становится основой для порождения новых личностных смыслов [17].

Таким образом, повышение субъективного благополучия оказывается эффективным механизмом, который способствует адаптации человека в сложных жизненных ситуациях через использование ресурсов смысложизненных ориентиров личности, что, в свою очередь,

влечет за собой внутриличностную перестройку самого человека (кардинальное изменение ситуации, переосмысление своего места в жизни, своих целей и жизненных смыслов). Такая активная смыслотворческая деятельность, порождаемая трудными жизненными обстоятельствами, становится адаптационным ответом на вызовы жизни.

Другой вариант объяснения феномена сохранения стабильности субъективного благополучия или его повышения в экстремальных ситуациях связан с компенсаторной мобилизацией ресурсов, необходимых для адаптации к ситуации. Д.А. Леонтьев [8], Г.В. Литвинова [9] и О.С. Ширяева [22] показывают, что экстремальность условий может не только выступать как угнетающий и подавляющий развитие личности фактор, но и способствовать мобилизации внутренних и внешних ресурсов, среди которых наибольшую связь с субъективным благополучием обнаруживают социальные связи [10]. В исследованиях показано, что позитивный аффект связан со склонностью людей к сотрудничеству [27], поскольку положительные эмоции позволяют оценивать условия неопределенности как более комфортные через нацеленность на социальный контакт и конструирование позитивных социальных отношений [6].

Вместе с тем в ситуации самоизоляции, сопровождающей начальный этап распространения COVID-19, сфера социальной коммуникации оказалась фрустрированной. Зарубежные исследования показывают, что для 39% респондентов социальное взаимодействие является основным аспектом, на который повлияла изоляция [31]. Н.Х. Гафиатулина с соавторами [15] отмечают, что в результате самоизоляции произошло резкое ограничение социальных контактов значительной части россиян, большинство из которых

не могут встречаться даже с друзьями и родственниками, а каждый десятый оказывается разделенным с собственной семьей. Самоизоляция отрывает человека от его привычного социального окружения, что способствует углублению атомизации, которая характеризуется низким уровнем социальной сплоченности и самоорганизации, усилением разобщенности людей, ослаблением и распадом коммуникаций [13].

Итак, ситуация самоизоляции изменяет объективную реальность социальных отношений, что должно вести за собой и изменение социально-психологического пространства личности, представляющего собой субъективный образ значимых для человека объектов и взаимосвязей между ними. Прежде всего это касается различных социальных групп, с которыми человек вступает в значимые для себя отношения, и субъективного отражения их близости и доступности.

В нашем исследовании мы предполагаем, что в ситуации пандемии происходит преобразование социально-психологического пространства личности, отражающееся в изменении взаимосвязи дистанции до объектов социально-психологического пространства с субъективным благополучием личности.

В качестве объекта исследования нами выбрана молодежь, которая по сравнению с другими возрастными группами имеет меньший опыт вовлечения в глобальные экстремальные ситуации. Исследования показывают, что молодежь 18–24 лет является одной из наиболее уязвимых в отношении психологического благополучия групп [20] и демонстрирует фобические компоненты тревоги во время пандемии COVID-19. Ю.Б. Холодова объясняет этот факт отсутствием у молодежи опыта переживания подобных кризисов, так как это поколение не сталкивалось еще в со-

знательном возрасте с крупными кризисами в масштабе страны или всего мира. Вместе с тем исследования О.Ю. Зотовой [6], Т.А. Соколовской и Е.Б. Бахадовой [16] обнаруживают, что молодые люди в условиях коронавируса демонстрируют большую адаптивность, более творчески подходят к ситуации самоизоляции и меньше нуждаются в личных контактах, нежели люди зрелого возраста. Такая неоднозначность исследовательских данных создает необходимость проведения дополнительных исследований субъективного благополучия молодежи в условиях пандемии и переменных, которые могут быть связаны с ним.

Целью нашего исследования выступило изучение изменения субъективного благополучия молодежи в начальный период распространения COVID-19 и его взаимосвязей с субъективной дистанцией до объектов социально-психологического пространства человека.

Метод

Схема проведения исследования.

Исследование субъективного благополучия и его взаимосвязи с дистанцированием до объектов социально-психологического пространства проводилось в период с 14 апреля до 16 июня 2020 года в Хабаровском крае (г. Комсомольск-на-Амуре, г. Амурск, г. Советская Гавань, г. Николаевск-на-Амуре, г. Бикин и более 20 сельских поселений). Отметим, что Хабаровский край является удаленным от центральной России регионом, и на момент введения режима самоизоляции в крае практически не было заболевших COVID-19. На 14 апреля в крае было выявлено 54 подтвержденных случая коронавирусной инфекции, большая часть которых находилась в столице края —

г. Хабаровске. На 16 июня в крае было зарегистрировано 3153 случая заболевания.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 266 человек в возрасте от 18 до 24 лет (средний возраст 19,5 лет, 40 юношей и 226 девушек). Сбор данных проходил в дистанционном формате. Для выявления изменений в период пандемии данные сравнивались с результатами исследования, проведенного в феврале 2019 года. В выборку 2019 года вошли 139 человек в возрасте от 18 до 24 лет (средний возраст 20 лет, 45 юношей и 94 девушки). Поскольку количество девушек в выборке 2020 года оказалось существенно больше, чем в выборке 2019 года, число девушек было уменьшено с помощью генератора случайных чисел. В итоге выборку 2020 года составили 40 юношей и 90 девушек.

Методы исследования. Оценка субъективного благополучия молодежи осуществлялась по двум критериям: когнитивная составляющая субъективного благополучия (удовлетворенность жизнью) и аффективная (позитивный аффект, представленный субъективным уровнем счастья). Испытуемых просили на графической шкале от 0 до 10 баллов отметить, насколько они удовлетворены своей жизнью в целом и насколько они счастливы [24].

Для изучения психологической дистанции в социальных контактах использовалась модифицированная методика А.Б. Купрейченко [5]. Для 18 социальных групп оценивалась величина «психологической дистанции» между группой и респондентом по пятибалльной шкале: самые близкие (5 баллов), близкие (4), ни близкие, ни далекие (3), далекие (2), самые далекие (1 балл). Для более детального описания полученных результатов оцениваемые респондентами группы были распределены по следующим осно-

ваниям: (а) масштаб сообщества: семья и близкие друзья, одноклассники, жители города (поселка), соотечественники; (б) поколенческие группы: дети, сверстники, родители; (в) учебно-профессиональные контакты: учителя-наставники, коллеги по работе, начальство (администрация учреждения), карьеристы, профессионально-успешные люди; (г) этно-религиозные культурные контакты: этнос и единоверцы; (д) смысловые социальные группы (люди, объединенные разными поведенческими стратегиями): живущие «как все», не утратившие веру в будущее, делающие свою судьбу сами.

Статистическая обработка данных осуществлялась в программе STATISTICA 10. Для сравнения данных, полученных в 2019 и 2020 годах, использовался t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Взаимосвязь между субъективным благополучием и дистанцией до социальных групп устанавливалась с помощью р-критерия Спирмена.

Результаты

Сравнение показателей субъективного благополучия у молодежи до пандемии (выборка 2019 года) и во время пандемии (2020 год) представлено в табл. 1.

Из табл. 1 видно, что во время пандемии COVID-19 и удовлетворенность жизнью, и субъективная оценка счастья усиливаются, при этом значимые различия обнаруживаются только в степени удовлетворенности жизнью ($t=2,2$, значимо для $p=0,029$). Аффективный компонент субъективного благополучия молодежи оказывается более устойчив в сложившейся ситуации, однако и он демонстрирует повышение.

Более точные данные об изменении показателей субъективного благопо-

лучия дает описательная статистика (см. рисунок).

На рисунке представлены минимальное и максимальное значения каждого показателя, медианное значение, а также диапазон, охватывающий 50% значений выборки, определяемый нижним и верхним квартилями. Как видно по данным рисунка, общий диапазон значений ни

по показателю удовлетворенности жизнью, ни по субъективной оценке счастья во время пандемии у молодежи не меняется. Во всех выборках присутствуют люди с низкими, средними и высокими показателями субъективного благополучия. Вместе с тем как когнитивная, так и аффективная составляющая обнаруживают в ситуации пандемии сходные

Таблица 1

Различия между показателями субъективного благополучия у молодежи до периода пандемии и во время нее (t-критерий Стьюдента для независимых выборок)

Показатели субъективного благополучия	Средние значения (M)		t
	До пандемии (2019 год)	Во время пандемии (2020 год)	
Удовлетворенность жизнью	6,8	7,3	2,2*
Оценка счастья	6,9	7,2	1,0

Примечание. * $p \leq 0,05$.

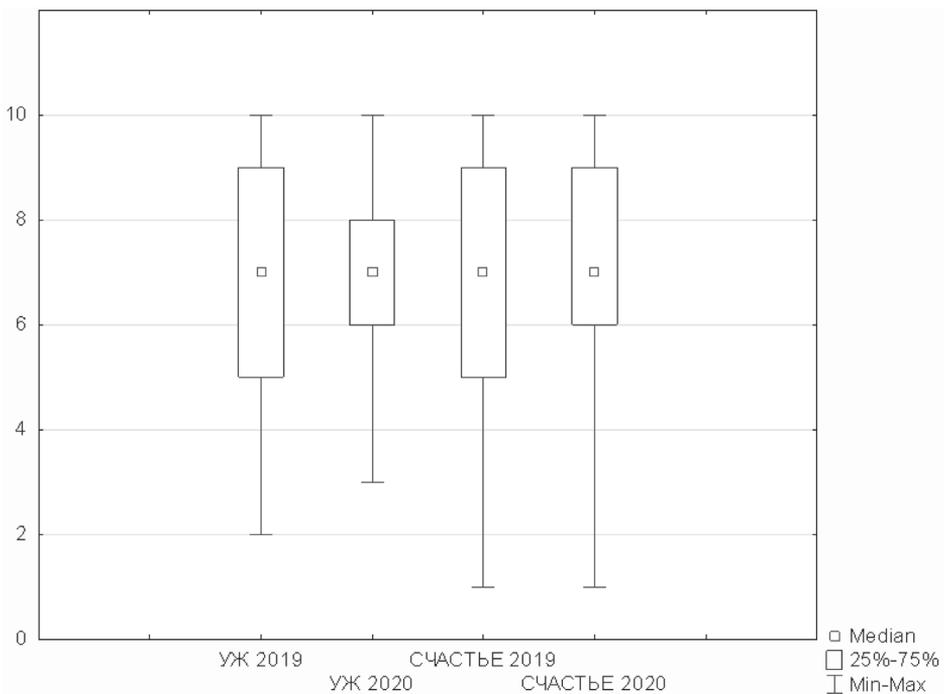

Рис. Показатели описательной статистики, отражающие динамику субъективного благополучия до пандемии (2019 год) и во время нее (2020 год): УЖ — удовлетворенность жизнью; СЧАСТЬЕ — субъективная оценка счастья

тенденции: сужение диапазона типичных значений и центрированность происходящих изменений.

Если в 2019 году статистической нормой удовлетворенности жизнью и субъективной оценки счастья для молодежи был диапазон от 5 до 9 баллов по 10-балльной шкале (что полностью соответствует стандартизированным нормативным данным), то в ситуации пандемии большая часть респондентов оказывается в диапазоне от 6 до 8 баллов по удовлетворенности жизнью и от 6 до 9 баллов по оценке счастья. Видно, что изменения аффективной составляющей субъективного благополучия не так значительны, как изменения когнитивной,

вместе с тем и там, и там обнаруживается центрированный эффект — диапазон значений, характерный для большей части выборки, смещается не в сторону высоких, а в сторону средних значений.

В своем исследовании мы также измеряли оценку психологической дистанции молодежи до объектов социально-психологического пространства личности (различных социальных групп), сравнительные показатели у молодежи до пандемии (выборка 2019 года) и во время пандемии (2020 год) представлены в табл. 2.

Среди сообществ разной величины семья и друзья оцениваются молодыми людьми как психологически близкие как в период до пандемии (величина психо-

Таблица 2

Различия между оценками близости к объектам социально-психологического пространства личности у молодежи до периода пандемии и во время нее (t-критерий Стьюдента для независимых выборок)

Социальные группы	Средние значения (M)		t
	До пандемии	Во время пандемии	
Семья	4,6	4,7	0,9
Родители	4,5	4,6	0,8
Дети	4,1	3,2	-2,5*
Сверстники	3,1	2,9	-2,0*
Однокурсники	3,1	2,9	-1,9*
Друзья	4,0	4,0	0,3
Соотечественники	2,6	2,4	-2,2*
Горожане/односельчане	2,4	2,4	-0,4
Этнос	2,3	2,4	0,9
Единоверцы	2,4	2,1	-1,8
Учителя-наставники	3,0	3,2	1,3
Коллеги по работе	3,1	2,9	-1,4
Начальство	2,7	2,7	-0,1
Успешные люди	2,6	2,8	1,4
Карьеристы	2,6	2,6	0,5
Люди, не утратившие веру в будущее	2,6	3,3	5,0**
Люди, живущие «как все»	2,6	2,8	1,9
Люди, делающие свою судьбу сами	3,1	3,7	4,5**

Примечание. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,001$.

логической дистанции для этих групп равна 4,6 и 4,0), так и во время пандемии (величина психологической дистанции для этих групп равна 4,7 и 4,0). Значимые различия обнаружены при оценке психологической дистанции по отношению к группам, включенным в повседневную жизнь молодежи: сверстники, однокурсники и дети. Данные социальные группы оцениваются молодежью в период пандемии как более дистанцированные, чем молодыми людьми до пандемии ($t=-2,0$ при $p=0,046$ — «сверстники»; $t=-1,9$ при $p=0,048$ — «однокурсники»; $t=-3,2$ при $p=0,015$ — «дети»). Несмотря на различия, молодежь оценивает эти группы как «ни близкие, ни далекие». Психологическая дистанция с этнической и религиозной группами оценивается обеими выборками респондентов как далекая. Также оцениваются как далекие такие крупные общности, как горожане и соотечественники. Но при этом молодежь в период пандемии значимо более дистанцируется по отношению к соотечественникам ($t=-2,2$ при $p=0,027$). Самой близкой из поколенческих групп для молодежи как в период пандемии, так и до ее начала является группа старшего поколения, средняя дистанция («ни близкие, ни далекие») характеризует взаимоотношения с младшим поколением и сверстниками.

Последним основанием для анализа является психологическая близость с людьми, демонстрирующими разные стратегии социального поведения. Все оценки по данному основанию можно также интерпретировать как «ни близкие, ни далекие». Более предпочтительной моделью поведения для молодежи обеих групп является поведение людей, «делающих свою судьбу». Но для молодежи в период пандемии близость с данной категорией людей значимо выше, чем для молодежи до пандемии ($t=4,5$ при $p\leq 0,001$). Группа людей «не утратившие

веру в будущее» также значимо ближе оценивается молодежью в период пандемии ($t=5$ при $p\leq 0,001$). Группа людей, живущих «как все», является менее предпочтительной для молодежи обеих групп. Это является показателем активной жизненной позиции, определяемой стремлением молодежи (возрастной особенностью) делать свою судьбу самостоятельно. Увеличение же значимости групп «людей, не утративших веру в будущее» и «делающих свою судьбу» косвенно указывает на переоценку в ценностно-смысловой сфере молодежи в период пандемии.

Для установления взаимосвязи между уровнем субъективного благополучия молодежи и показателями психологической дистанции до объектов социально-психологического пространства личности (различных социальных групп) были подсчитаны корреляционные связи данных показателей у респондентов до периода пандемии и во время нее. Результаты представлены в табл. 3.

Данные табл. 3 показали, что произошло увеличение числа реальных социальных групп, степень психологической близости с которыми коррелирует с субъективным благополучием в условиях пандемии. В обычных условиях обнаружена корреляционная связь субъективного благополучия и психологической близости со следующими объектами социально-психологического пространства личности: близким кругом (родители, семья, дети), профессиональным (учителя, успешные люди и карьеристы) и одной смысловой группой (люди, живущие «как все»). В условиях пандемии обнаруживаются связи субъективного благополучия и психологической близости с близким кругом (семья, родители), учебно-профессиональной (начальник, учитель, однокурсники, успешные люди, карьеристы) и религиозной группами.

Таблица 3

Корреляция показателей субъективного благополучия и оценки близости к объектам социально-психологического пространства личности у молодежи до периода пандемии и во время нее (по критерию р-Спирмена)

Социальные группы	До пандемии		Во время пандемии	
	Удовлетворенность жизнью	Счастье	Удовлетворенность жизнью	Счастье
Семья	0,285**	0,208*	0,217*	0,201*
Родители	0,404**	0,402**	0,243**	0,168*
Дети	0,290*	0,407**	-0,051	-0,108
Сверстники	-0,030	-0,083	0,049	0,034
Однокурсники	0,020	0,056	0,163	0,222*
Друзья	0,077	0,136	0,010	-0,006
Соотечественники	0,090	0,145	0,089	0,080
Горожане/односельчане	0,084	0,070	0,072	0,111
Этнос	-0,024	-0,019	0,076	0,047
Единоверцы	-0,041	0,011	0,165	0,216*
Учителя-наставники	0,174*	0,111	0,194*	0,311**
Коллеги по работе	0,123	0,120	0,061	0,065
Начальство	0,098	0,084	0,343**	0,289**
Успешные люди	0,178*	0,189*	0,212*	0,202*
Карьеристы	0,143	0,224**	0,281**	0,241**
Люди, не утратившие веру в будущее	0,020	-0,018	0,106	0,155
Люди, живущие «как все»	0,035	0,183*	0,091	0,072
Люди, делающие свою судьбу сами	-0,111	0,040	-0,052	-0,107

Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

При этом взаимосвязь с близостью к людям, живущим «как все», не обнаружена.

Обсуждение результатов

В соответствии с данными литературы, факт усиления субъективного благополучия в экстремальной ситуации может объясняться регулятивной функцией субъективного благополучия, повышение которого связано с использованием более адекватных стратегий совладания с ситуацией, переоценкой жизненных смыслов, активацией внутренних и привлечением внешних ресурсов.

Время проведения исследования соответствует начальным этапам пандемии в регионе, на которые приходится оценка и осмысление степени угрозы воздействия пандемии на человека, его родных и близких, осознание происходящего, мобилизация и возникновение готовности к возможным вызовам [19]. Этот период характеризуется в литературе как фаза «медового месяца» [1], в которой серьезность ситуации еще не осознается в полной мере, но присутствует чувство единения с окружающими, попавшими в ту же ситуацию, при этом реальные психологические проблемы, связанные с существенными потерями (потери близких,

здоровья, материальные потери, утрата перспектив), еще не произошли. В таких условиях подъем уровня субъективного благополучия можно рассматривать как результат работы защитных механизмов.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что показатели субъективного благополучия остаются в зоне средних значений и приближаются к так называемому «золотому стандарту» ($7,5 \pm 0,25$) благополучия [30], оптимальному для существования человека. Таким образом, субъективное благополучие в ситуации пандемии скорее не усиливается, а приближается к средним оптимальным показателям, побуждающим человека к преобразованию собственной жизни и овладению ситуацией. Как показывают более ранние исследования [23], низкий и высокий уровни субъективного благополучия не способствуют развитию человека. Низкий уровень удовлетворенности жизнью сопровождается установками для изменения своей жизни, которые могут не соответствовать реальности, в то время как высокий уровень сопровождается стремлением человека сохранить стабильность жизни, что слабо реализуемо в резко меняющихся условиях пандемии. Усреднение показателей субъективного благополучия можно рассматривать как фактор, оптимизирующий систему саморегуляции личности в трудных жизненных условиях.

Анализ социально-психологического пространства личности молодежи показывает наибольшую близость испытуемых с родителями и в целом с семьей, что указывает на наличие ориентации современной молодежи на семейные ценности и в стабильные периоды жизни, и во время трудных жизненных обстоятельств. Возможно, молодежь для решения возникающих у них проблем использует копинг-стратегию «обращение за помощью

и советом к близким людям». Данная стратегия для них является достаточно эффективной и привычной, поэтому она сохраняет свою значимость.

Полученные результаты могут рассматриваться как свидетельство эффективной стратегии (с точки зрения социальной адаптации) выстраивания психологической дистанции в социальных контактах молодежи в повседневной жизни и трудных жизненных обстоятельствах. Семья (родители) стабильно находится в зоне самых близких отношений, являясь необходимым ресурсом для адаптации молодежи в различных жизненных ситуациях. Результаты исследования показали достаточно тесное взаимодействие молодых людей с родителями и семьей, отсутствие разорванности связи между поколениями. Отдельные социальные группы (сверстники, одноклассники, коллеги по работе и учителя-наставники) остаются в области деловых отношений, не проникая в зоны интимности или отчужденности. Эти группы, скорее всего, не рассматриваются молодежью как ресурс для решения сложных жизненных ситуаций. Динамика психологической дистанции по отношению к смысловым социальным группам является внутренним ресурсом, позволяющим молодежи гибко и вариативно реагировать на происходящие в жизни изменения, выбирая эффективную стратегию поведения в сложившихся обстоятельствах.

Анализ взаимосвязей между субъективным благополучием молодежи и близостью к объектам социально-психологического пространства до и во время пандемии указывает на две основные тенденции.

Первая тенденция связана с увеличением числа реальных социальных групп, степень психологической близости с которыми коррелирует с субъективным благополучием в условиях пандемии.

В обычных условиях в большей степени поддерживают субъективное благополучие молодых людей круг их близких (родители, семья, дети) и педагоги-наставники. В условиях пандемии количество корреляционных связей вырастает за счет увеличения психологической близости к людям, с которыми осуществляется непосредственное взаимодействие в повседневной жизни (однокурсники и начальство), и людям одной религиозной группы. О.В. Сучкова [18] указывает, что с помощью религии человек удовлетворяет потребность в безопасности (Г. Олпорт, С.Ю. Решетина, Г.Л. Смолян, Г. Воббермин и др.), снижает тревогу (М. Аргайл и др.) и устраняет страхи, в том числе страх смерти (М. Аргайл, А. Фенем, Р.М. Грановская и др.), что является значимым фактором поддержания субъективного благополучия в трудной жизненной ситуации.

Вторая тенденция связана с изменениями корреляционных связей в смысловой группе. В обычных условиях субъективное благополучие молодежи коррелирует с близостью к группе «люди, живущие как все», в экстремальной ситуации эта связь разрушается. Ситуация пандемии является нестандартной, поэтому ориентация на людей, живущих «как все», успешная в стабильных условиях (отработанная система социального поведения), становится неэффективной в неопределенных.

Объясняя полученные результаты, мы опираемся на теорию совладающего поведения (копинг-поведения). В норме человек не может не переживать отрицательно ситуацию потенциальной угрозы здоровью и жизни, которой является пандемия. Под воздействием психотравмирующей ситуации нарушается процесс восприятия непрерывности жизни и разрушаются индивидуальные когнитивные схемы, которые до этого воздействия делали субъективный мир понятным, предсказуемым

и безопасным; это ведет к разрушению базовых представлений о мире и о себе.

Л.И. Анцыферова отмечает, что люди, прибегающие к механизмам психологической защиты в проблемных и стрессовых ситуациях, воспринимают мир как источник опасностей, у них невысокая самооценка, а мировоззрение окрашено пессимизмом. Люди же, предпочитающие в подобных ситуациях конструктивно преобразующие стратегии, оказываются личностями с оптимистическим мировоззрением, устойчивой положительной самооценкой, реалистичным подходом к жизни и сильно выраженной мотивацией достижения [2]. С.К. Нартова-Бочавер считает, что психологическое предназначение копинга состоит в том, чтобы как можно лучше адаптировать человека к требованиям ситуации, что способствует ослаблению и смягчению требований и таким образом гасит стрессовое воздействие ситуации [11].

Полученные в ходе исследования данные согласуются с другими исследованиями и показывают, что в условиях пандемии молодежь с высоким уровнем субъективного благополучия нацелена на повседневные (доступные) социальные контакты, что создает условия для активного использования внутренних (переоценка проблемной ситуации: ориентация на религиозные ценности) и внешних (поиск общественной поддержки со стороны различных социальных групп) ресурсов. Данная стратегия оказывается эффективным механизмом, способствующим адаптации молодого человека в сложных жизненных ситуациях. В обычных же условиях для успешной социальной адаптации и субъективного благополучия молодежи достаточно использовать поддержку семьи и ориентироваться на успешных в обществе людей и тех, кто живет «как все».

Выводы

1. Начальный период пандемии характеризуется значимым увеличением удовлетворенности жизнью у молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет при незначительном увеличении аффективной составляющей субъективного благополучия (субъективной оценки счастья). При этом показатели субъективного благополучия приближаются к «золотому стандарту», являющемуся оптимальным для поддержания системы саморегуляции личности.

2. Субъективная дистанция до объектов социально-психологического пространства у молодежи в условиях пандемии изменяется лишь по отношению к некоторым конкретным группам. Независимо от объективно изменившихся в условиях самоизоляции возможности во взаимодействии, субъективно это отражается лишь в большей дистанции по отношению к сверстникам, однокурсникам и соотечественникам. Вместе с тем изменяется субъективная дистанция по отношению к смысловым социальным группам: молодежь чувствует большую близость и общность с людьми, не утратившими веру в будущее и делающими свою судьбу сами.

3. Изменяются связи между субъективным благополучием и психологической дистанцией молодежи до объектов социально-психологического пространства. В условиях пандемии повышение субъективного благополучия связано с

увеличением числа социальных групп, в которые включаются люди одной религиозной группы и люди, с которыми осуществляется непосредственное взаимодействие в повседневной жизни.

Таким образом, в условиях пандемии COVID-19 происходят изменения социально-психологического пространства молодежи: некоторое отдаление привычных социальных групп и возникновение большей общности с группами, несущими позитивную смысловую нагрузку. А повышение субъективного благополучия у молодежи связано с их нацеленностью на социальные контакты, что создает условия для эффективного использования внутренних и внешних ресурсов.

Полученные в ходе исследования данные указывают, что социальное самочувствие молодежи в значительной мере зависит от чувства сопричастности со смысловыми группами. Поэтому для обеспечения психологического благополучия молодежи в период пандемии и профилактики психических расстройств целесообразно использовать виртуальные и реальные платформы для организации мероприятий, способствующих удовлетворению потребности молодых людей в принадлежности к сообществу граждан, горожан, людей одной веры и этноса. Также необходимы меры поддержки государства, укрепляющие веру в будущее через создание возможности для реализации потребности в личностном и карьерном развитии молодежи.

Литература

1. COVID-19: психологические эффекты эпидемии. Чем помочь медикам? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 190–196. DOI:10.17759/срр.2020280211
2. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. № 1. С. 3–18.

3. Деева Н.А. Компоненты процесса переживания как детерминанты субъективного благополучия личности // Вестник КРУ МВД России. 2016. № 1(31). С. 217–222.
4. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] / С.Н. Ениколопов [и др.] // Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 2. С. 108–126. DOI:10.17759/psyedu.2020120207
5. Журавлев А.Л., Курпейченко А.Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Институт психологии РАН, 2012. 496 с.
6. Зотова О.Ю. Психологическое благополучие личности: монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. 312 с.
7. Карапетян Л.В. Факторы формирования субъективного неблагополучия // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2017. № 1. С. 12–25. DOI:10.14529/psy170102
8. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37. DOI:10.17223/17267080/62/3
9. Литвинова Г.В. Особенности психологического благополучия подростков (региональный аспект) // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития педагогики и психологии» (24 октября 2011 г.). Часть I. Новосибирск: Изд. «Априори», 2011. С. 84–93.
10. Лысенко С.В. Современные представления о позитивных ресурсах личности, обеспечивающих преодоление трудных жизненных ситуаций // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 12(128). С. 265–271.
11. Нартова-Бочавер С.К. «Coping – behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.
12. Похилько А.Д., Шабашова Н.М. Изменения общественного сознания под влиянием современной пандемии // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 75–81. DOI:10.18522/2070-1403-2020-79-2-75-81
13. Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 / М.Ю. Сорокин [и др.] // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2020. № 2. С. 87–94. DOI:10.31363/2313-7053-2020-2-87-94
14. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 90–108. DOI:10.17759/cpr.2020280205
15. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19: монография / Н.Х. Гафиатулина, В.В. Касьянов, П.С. Самыгин, С.И. Самыгин; отв. ред. М.А. Васьяков. М.: РУСАЙНС, 2020. 178 с.
16. Соколовская Т.А., Бахадова Е.В. Тревожность и самоактуализация личности как эмоциональный когнитивный и поведенческий ответ на самоизоляцию в период COVID-19: новые вызовы для общественного здоровья // Научное обозрение. Медицинские науки. 2020. № 3. С. 64–70.
17. Студенты в период пандемии COVID-19: понимание ситуации самоизоляции / Е.А. Сорокоумова [и др.] // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 196–205. DOI:10.26653/2076-4650-2020-3-18
18. Сучкова О.В. Психологическая функция религии — обеспечение безопасности для верующей молодежи [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=745> (дата обращения: 10.08.2020).
19. Ульяшина О.А. Социально-психологические риски для человека и общества в условиях пандемии // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». 2020. № 2. С. 46–54. DOI:10.25688/2076-9121.2020.52.2.05
20. Холодова Ю.Б. Особенности переживания тревоги в период пандемии COVID-19 представителями разных возрастных групп // International Journal Of Medicine And Psychology. 2020. № 2(3). С. 114–117.

21. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2008. 296 с.
22. Ширяева О.С. Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2008. 26 с.
23. Яремчук С.В. Соотношение уровня субъективного благополучия и стремления человека к изменениям [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 4. URL: <http://psyedu.ru/journal/2013/4/Yaremchuk.phtml> (дата обращения: 10.08.2020).
24. Яремчук С.В., Новгородова Е.Ф. Саморазвитие и субъективное благополучие современной молодежи: монография. М.: ИНФРА-М, 2015. 142 с. DOI:10.12737/7523
25. Яремчук С.В., Ситяева С.М., Махова И.Ю. Субъективное благополучие и эмоциональные переживания в контексте адаптации личности к длительной экстремальной ситуации // Сибирский психологический журнал. 2016. № 60. С.77–92. DOI:10.17223/17267080/60/6
26. Australian Unity Wellbeing Index: Report 20.1 – The Wellbeing of Australians – The Effects of Fires in Victoria and Floods in Queensland [Электронный ресурс] / R.A. Cummins [et al.]. Melbourne: Australian Centre on Quality of Life, School of Psychology, Deakin University, 2009. 42 p. URL: <http://www.acqol.com.au/uploads/surveys/survey-020-1-report-part-a.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).
27. Carnevale P.J.D., Isen A.M. The influence of positive affect and visual access on the discovery of integrative solutions in bilateral negotiation // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1986. № 37. P. 1–13. DOI:10.1016/0749-5978(86)90041-5
28. Clement U., Schonnesson N.L. Subjective HIV attribution theories, coping, and psychological functioning among homosexual men with HIV // AIDS Care. 1998. № 10(3). P. 355–363. DOI:10.1080/713612416
29. COVID-19 pandemic and lockdown measures impact on mental health among the general population in Italy [Электронный ресурс] / R. Rossi [et al.] // medRxiv. 2020. URL: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.04.09.20057802v1.article-metrics> (дата обращения: 10.08.2020). DOI:10.1101/2020.04.09.20057802
30. Cummins R.A. On the trail of the gold standard for subjective well-being // Social Indicators Research. 1995. № 2. P. 179–200. DOI:10.1007/BF01079026
31. Factors associated with people’s behavior in social isolation during the COVID-19 pandemic / A.C.V. Bezerra [et al.] // Ciencia & Saude Coletiva. 2020. № 25. P. 2411–2421. DOI:10.1590/1413-81232020256.1.10792020
32. King L.A., Richards J.H., Stemmerich E. Daily Goals, Life Goals, and Worst Fears: Means, Ends, and Subjective Well-Being // Journal of Personality. 1998. № 66(5). P. 713–744. DOI:10.1111/1467-6494.00030
33. Psychosocial Impact of Quarantine Measures During Serious Coronavirus Outbreaks: A Rapid Review / S. Röhr [et al.] // Psychiatrische Praxis. 2020. № 47(4). P. 179–189. DOI:10.1055/a-1159-5562
34. Rajkumar R.Ph. COVID-19 and Mental Health: A Review of the Existing Literature [Электронный ресурс] // Asian Journal of Psychiatry. 2020. № 52. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1876201820301775> (дата обращения: 10.08.2020). DOI:10.1016/j.ajp.2020.102066
35. The Effect of COVID-19 on Youth Mental Health / L. Liang [et al.] // Psychiatric Quarterly. 2020. № 91(3). P. 841–852. DOI:10.1007/s11126-020-09744-3
36. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence / S.K. Brooks [et al.] // The Lancet. 2020. № 395(10227). P. 912–920. DOI:10.1016/s0140-6736(20)30460-8
37. Timely mental health care for the 2019 novel coronavirus outbreak is urgently needed / Y.-T. Xiang [et al.] // The Lancet Psychiatry. 2020. № 7(3). P. 228–229. DOI:10.1016/S2215-0366(20)30046-8

References

1. COVID-19: psikhologicheskie efekty epidemii. Chem pomoch' medikam? [COVID-19: Psychological Effects of the Pandemic. How to Help Healthcare Workers?]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 2, pp. 190–196. DOI:10.17759/cpp.2020280211. (In Russ.).
2. Antsyferova L.I. Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie situatsii i psikhologicheskaya zashchita [Personality in difficult life conditions: rethinking, transformation of situations and psychological protection]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 1994. Vol. 1, pp. 3–18. (In Russ.).
3. Deeva N.A. Komponenty protsessa perezhivaniya kak determinanty sub'ektivnogo blagopoluchiya lichnosti [Components of experience as determinants of subjective well-being personality]. *Vestnik KRU MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of Russian. MIA*, 2016. Vol. 1(31), pp. 217–222. (In Russ.).
4. Enikolopov S.N. et al. Dynamics of Psychological Reactions at the Start of the Pandemic of COVID-19 [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2020. Vol. 12, no. 2, pp. 108–126. DOI:10.17759/psyedu.2020120207. (In Russ.).
5. Zhuravlev A.L., Kupreichenko A.B. Sotsial'no-psikhologicheskoe prostranstvo lichnosti [The socio-psychological space of the person]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2012. 496 p. (In Russ.).
6. Zotova O.Yu. Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti [Psychological well-being of the individual]. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2017. 312 p. (In Russ.).
7. Karapetyan L.V. Faktory formirovaniya sub'ektivnogo neblagopoluchiya [Factors of Formation of Subjective Not Well-Being]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Psikhologiya» = Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, 2017. Vol. 10, no. 1, pp. 12–25. DOI:10.14529/psy170102. (In Russ.).
8. Leontiev D.A. Samoregulyatsiya, resursy i lichnostnyi potentsial [Autoregulation, resources, and personality potential]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian journal of psychology*, 2016. Vol. 62, pp. 18–37. DOI:10.17223/17267080/62/3. (In Russ.).
9. Litvinova G.V. Osobennosti psikhologicheskogo blagopoluchiya podrostkov (regional'nyi aspekt) [Psychological well-being of adolescents (regional aspect)]. *Materialy mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Problemy i perspektivy razvitiya pedagogiki i psikhologii» = Problems and prospects for the development of pedagogy and psychology*. Chast' I. Novosibirsk: Publ. «Apriori», 2011, pp. 84–93. (In Russ.).
10. Lysenko S.V. Sovremennye predstavleniya o pozitivnykh resursakh lichnosti, obespechivayushchikh preodolenie trudnykh zhiznennykh situatsii [Modern ideas of personal positive resources providing difficult life situations overcoming]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013. Vol. 12(128), pp. 265–271. (In Russ.).
11. Nartova-Bochaver S.K. «Coping – behavior» v sisteme ponyatii psikhologii lichnosti [“Coping behavior” in the system of concepts of the psychology of personality]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psikhologicheskii Zhurnal*, 1997. Vol. 18(5), pp. 20–30. (In Russ.).
12. Pokhil'ko A.D., Shabashova N.M. Izmeneniya obshchestvennogo soznaniya pod vliyaniem sovremennoi pandemii [Changes to public consciousness under the influence of modern pandemic]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = The Humanities and social sciences*, 2020. Vol. 2, pp. 75–81. DOI:10.18522/2070-1403-2020-79-2-75-81. (In Russ.).
13. Sorokin M.Yu. et al. Psikhologicheskie reaktsii naseleniya kak faktor adaptatsii k pandemii COVID-19 [Psychological reactions of the population as a factor of adaptation to the COVID-19 pandemic]. *Obozrenie psikhiiatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V.M.Bekhtereva = V.M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology*, 2020. Vol. 2, pp. 87–94. DOI:10.31363/2313-7053-2020-2-87-94. (In Russ.).
14. Rasskazova E.I., Leont'ev D.A., Lebedeva A.A. Pandemiya kak vyzov sub'ektivnomu blagopoluchiyu: trevoga i sovladanie [Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being:

Anxiety and Coping]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 2, pp. 90–108. DOI:10.17759/cpp.2020280205. (In Russ.).

15. Gafiatulina N.Kh. et al. Rossiiskoe obshchestvo v usloviyakh samoizolyatsii. Sotsial'nye efekty i posledstviya pandemii COVID-19 [Russian society in self-isolation. Social Effects and Consequences of the COVID-19 Pandemic]. Moscow: RUSAINS, 2020. 178 p. (In Russ.).

16. Sokolovskaya T.A., Bakhadova E.V. Trevozhnost' i samoaktualizatsiya lichnosti kak emotsional'nyi kognitivnyi i povedencheskii otvet na samoizolyatsiyu v period COVID-19: novye vyzovy dlya obshchestvennogo zdorov'ya [Anxiety and self-actualization of personality as an emotional cognitive and behavioral response to self-insulation during COVID-19: new challenges for public health]. *Nauchnoe obozrenie. Meditsinskie nauki = Scientific Review. Medical sciences*, 2020. Vol. 3, pp. 64–70. (In Russ.).

17. Sorokoumova E.A. et al. Studenty v period pandemii COVID-19: ponimanie situatsii samoizolyatsii [Students during the coronavirus pandemic: understanding the situation of self-isolation]. *Nauchnoe obozrenie. Ekonomika i pravo = Scientific review. Economics and law*, 2020. Vol. 3, pp. 196–205. DOI:10.26653/2076-4650-2020-3-18 (In Russ.).

18. Suchkova O.V. Psihologicheskaya funktsiya religii – obespechenie bezopasnosti dlja verujushhej molodezhi [Psychological function of religion – providing security for religious young people]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*, 2008. Vol. 3, pp. 84–89. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=745> (Accessed: 10.08.2020). (In Russ.).

19. Ul'yanina O.A. Sotsial'no-psikhologicheskie riski dlya cheloveka i obshchestva v usloviyakh pandemii [Socio-Psychological Risks of a Person and Society in the Context of a Pandemic]. *Vestnik MGPU. Seriya «Pedagogika i psikhologiya» = MCU Vestnik. Pedagogy and Psychology*, 2020. Vol. 2, pp. 46–54. DOI:10.25688/2076-9121.2020.52.2.05. (In Russ.).

20. Kholodova Yu.B. Osobennosti perezhivaniya trevogi v period pandemii COVID-19 predstavitel'yami raznykh vozrastnykh grupp [Features of anxiety associated with the COVID-19 pandemic in different age groups]. *International Journal Of Medicine And Psychology*, 2020. Vol. 2(3), pp. 114–117. (In Russ.).

21. Shamionov R.M. Sub"ektivnoe blagopoluchie lichnosti: psikhologicheskaya kartina i factory [Subjective well-being of the person: psychological picture and factors]. Saratov: Publ. «Nauchnaya kniga», 2008. 296 p. (In Russ.).

22. Shiryayeva O.S. Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti v ekstremal'nykh usloviyakh zhiznedeyatel'nosti [Psychological well-being in extreme climatic conditions of life. PhD (Psychology) Thesis]. Khabarovsk, 2008. 26 p. (In Russ.).

23. Yaremtchuk S.V. Sootnoshenie urovnya sub"ektivnogo blagopoluchiya i stremleniya cheloveka k izmeneniyam [Ratio of subjective well-being and aspirations of the person to change]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological-Educational Studies*, 2013. Vol. 4. URL: <http://psyedu.ru/journal/2013/4/Yaremchuk.phtml> (Accessed: 10.08.2020). (In Russ.).

24. Yaremtchuk S.V., Novgorodova E.F. Samorazvitie i sub"ektivnoe blagopoluchie sovremennoi molodezhi [Self-development and subjective well-being of modern youth]. Moscow: INFRA-M, 2015. 142 p. DOI:10.12737/7523. (In Russ.).

25. Yaremtchuk S.V., Sityayeva S.M., Makhova I.Yu. Sub"ektivnoe blagopoluchie i emotsional'nye perezhivaniya v kontekste adaptatsii lichnosti k dlitel'noi ekstremal'noi situatsii [Adaptation to emergency situation: emotions and subjective well-being]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian journal of psychology*, 2016. Vol. 60, pp. 77–92. DOI:10.17223/17267080/60/6. (In Russ.).

26. Cummins R.A. et al. Australian Unity Wellbeing Index: Report 20.1 – The Wellbeing of Australians – The Effects of Fires in Victoria and Floods in Queensland. Melbourne: Australian Centre on Quality of Life, School of Psychology, Deakin University, 2009. 42 p.

27. Carnevale P.J.D., Isen A.M. The influence of positive affect and visual access on the discovery of integrative solutions in bilateral negotiation. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1986. Vol. 37, pp. 1–13. DOI:10.1016/0749-5978(86)90041-5
28. Clement U., Schonnesson N.L. Subjective HIV attribution theories, coping, and psychological functioning among homosexual men with HIV. *AIDS Care*, 1998. Vol. 10(3), pp. 355–363. DOI:10.1080/713612416
29. Rossi R. et al. COVID-19 pandemic and lockdown measures impact on mental health among the general population in Italy. medRxiv, 2020. DOI:10.1101/2020.04.09.20057802
30. Cummins R.A. On the trail of the gold standard for subjective well-being. *Social Indicators Research*, 1995. Vol. 2, pp. 179–200. DOI:10.1007/BF01079026
31. Bezerra A.C.V. et al. Factors associated with people's behavior in social isolation during the COVID-19 pandemic. *Ciencia & Saude Coletiva*, 2020. Vol. 25, pp. 2411–2421. DOI:10.1590/1413-81232020256.1.10792020
32. King L.A., Richards J.H., Stemmerich E. Daily Goals, Life Goals, and Worst Fears: Means, Ends, and Subjective Well-Being. *Journal of Personality*, 1998. Vol. 66(5), pp. 713–744. DOI:10.1111/1467-6494.00030
33. Röhr S. et al. Psychosocial Impact of Quarantine Measures During Serious Coronavirus Outbreaks: A Rapid Review. *Psychiatrische Praxis*, 2020. Vol. 47(4), pp. 179–189. DOI:10.1055/a-1159-5562
34. Rajkumar R.Ph. COVID-19 and Mental Health: A Review of the Existing Literature. *Asian Journal of Psychiatry*, 2020. Vol. 52. DOI:10.1016/j.ajp.2020.102066
35. Liang L. et al. The Effect of COVID-19 on Youth Mental Health. *Psychiatric Quarterly*, 2020. Vol. 91(3), pp. 841–852. DOI:10.1007/s11126-020-09744-3
36. Brooks S.K. et al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *The Lancet*, 2020. Vol. 395(10227), pp. 912–920. DOI:10.1016/s0140-6736(20)30460-8
37. Xiang Y.-T. et al. Timely mental health care for the 2019 novel coronavirus outbreak is urgently needed. *The Lancet Psychiatry*, 2020. Vol. 7(3), pp. 228–229. DOI:10.1016/S2215-0366(20)30046-8

Информация об авторах

Яремчук Светлана Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования, ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО «АмГПУ»), г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1036-6826>, e-mail: svj@rambler.ru

Бакина Анна Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования, ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО «АмГПУ»), г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6772-3743>, e-mail: bakina_anna@mail.ru

Information about the authors

Svetlana V. Yarentchuk, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Education Psychology, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1036-6826>, e-mail: svj@rambler.ru

Anna V. Bakina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Education Psychology, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6772-3743>, e-mail: bakina_anna@mail.ru

Получена 19.08.2020

Принята в печать 20.01.2021

Received 19.08.2020

Accepted 20.01.2021

Социальная поддержка как ресурс обеспечения субъективного благополучия студенческой молодежи

Веселова Е.К.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5513-305X>, e-mail: elkonves16@yandex.ru**

Коржова Е.Ю.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1128-1421>, e-mail: elenakorjova@gmail.com**

Рудыхина О.В.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8207-4016>, e-mail: olga.rudykhina@gmail.com**

Анисимова Т.В.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9859-4403>, e-mail: t.v.anisim@mail.ru**

Цель. Изучение роли социальной поддержки в обеспечении субъективного благополучия студенческой молодежи.

Контекст и актуальность. Субъективное благополучие представляет собой интегральное переживание состояния физического, психологического и социального здоровья. Социальная поддержка как ресурс субъективного благополучия молодежи пока не получила всестороннего освещения.

Дизайн исследования. Изучались различия между студентами с высоким и низким уровнем субъективного благополучия по показателям отношения к социальной поддержке и готовности обращения к ней. Для обработки данных использовались частотный анализ, описательные статистики, сравнительный анализ.

Участники. В исследовании участвовали 850 респондентов. В выборку вошли студенты разных курсов и факультетов вузов Санкт-Петербурга и Новосибирска.

Методы. Для сбора эмпирических данных использовались русскоязычные версии методик: 1) многомерная шкала восприятия социальной поддержки Д. Зимета; 2) скрининговая версия теста К. Куза — для оценки субъективного благополучия; 3) «Общий опросник о намерениях обращения за помощью» — для оценки намерений обратиться к тем или иным видам помощи.

Результаты. Результаты исследования показали, что студенты лучше воспринимают помощь от людей из их непосредственного ближайшего окружения и в большей степени имеют намерения обращаться к ним за помощью, нежели к специалистам (психологам, врачам, служителям профессиональных культов). Получены достоверные различия между студентами с вы-

соким и низким уровнем субъективного благополучия по показателям намерений поиска разных видов социальной поддержки.

Основные выводы. Существует большой разрыв в восприятии студентами эффективно-сти неформальных видов поддержки (от семьи, друзей, родственников, значимых лиц) и формальных, профессиональных видов поддержки (психологи, врачи, телефон доверия). Неформальные виды поддержки пользуются степенью доверия, во многом превышающей доверие к профессиональным видам поддержки. В связи с этим нужно уделить особое внимание организации и усовершенствованию службы помощи студентам при высших учебных заведениях.

Ключевые слова: субъективное благополучие, социальная поддержка, намерения обратиться за помощью, источники социальной поддержки, жизненная ситуация студенчества.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-29-02438.

Для цитаты: Веселова Е.К., Коржова Е.Ю., Рудыхина О.В., Анисимова Т.В. Социальная поддержка как ресурс обеспечения субъективного благополучия студенческой молодежи // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 44–58. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120104>

Social Support as a Resource for Ensuring the Subjective Well-being of Students

Elena K. Veselova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5513-305X>, e-mail: elkonves16@yandex.ru

Elena Yu. Korjova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1128-1421>, e-mail: elenakorjova@gmail.com

Olga V. Rudykhina

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8207-4016>, e-mail: olga.rudykhina@gmail.com

Tatyana V. Anisimova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9859-4403>, e-mail: t.v.anisim@mail.ru

Objective. *Analysis of the role of social support in ensuring the subjective well-being of students.*

Background. *Subjective well-being is an integral experience of physical, psychological, and social health. Social support as an important resource of subjective well-being of young people has not yet received comprehensive coverage.*

Study design. *We studied the differences between students with high and low levels of subjective well-being in terms of attitude to social support and readiness to apply for it. Frequency analysis, descriptive statistics, and comparative analysis were used for data processing.*

Participants. *The study involved 850 respondents. The sample includes students of different courses and faculties of universities in Saint Petersburg and Novosibirsk.*

Measurements. *To collect empirical data, Russian-language versions of the following methods were used: 1) Multidimensional Scale of Perception of Social support – MSPSS by D. Zimet; 2) The Multidimensional Scale of Perceived Social Support (MHC-SF) – screening version of the test by C. Keyes to assess subjective well-being; 3) The General Help Seeking Questionnaire (GHSQ).*

Results. *Students are more willing to seek help from people in their immediate environment (romantic partners, friends, parents, relatives) than from specialists (psychologists, doctors, religious figures). There are significant differences between students with high and low levels of subjective well-being in terms of intent to search for different types of social support.*

Conclusions. *There is a large gap in students' perception of the effectiveness of informal types of support (from family, friends, relatives, significant persons) and formal, professional types of support (psychologists, doctors, helpline). Informal types of support enjoy a degree of trust higher than that of professional types of support. That is why it is necessary to organize and improve the student assistance service at higher educational institutions.*

Keywords: *subjective well-being, social support, readiness to seek help, sources of social support, life situation of students.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 17-29-02438.

For citation: Veselova E.K., Korjova E.Yu., Rudykhina O.V., Anisimova T.V. Social Support as a Resource for Ensuring the Subjective Well-being of Students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 44–58. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120104> (In Russ.).

Введение

Действующий сегодня в Российской Федерации национальный проект «Образование» направлен на обеспечение глобальной конкурентоспособности России в сфере подготовки специалистов разного профиля, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования и воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности. Это требует от системы высшего образования создания устойчивых условий для обеспечения физического, психического и социального здоровья студенческой молодежи [9].

Студенческий возраст является сензитивным периодом для развития и формирования основного психологического потенциала [6]. При этом высокая интеллектуальная и психоэмоциональная нагрузка в процессе учебной деятельности, частые колебания в режиме труда, отдыха, перестройка смысловых и нравственных ценностей и многие другие факторы требуют от студентов широкого диапазона

ресурсов, обеспечивающих эффективное совладание с трудными жизненными ситуациями [7]. Последние события в мире, связанные с пандемией COVID-19, создали социальные условия, способствующие усугублению психологических проблем: страх заболеть самому и страх за близких людей, социальная изоляция в период карантина, новые условия дистанционного обучения и др. [17; 25; 26].

В ситуации адаптации к учебному процессу и изменениям условий обучения студенты постоянно испытывают стресс разной силы, который может сопровождать весь срок обучения и вызывать последствия, которые часто невозможно снять обычным соблюдением здорового образа жизни. У студентов могут возникать различного рода психосоматические заболевания, а в условиях пандемии — и посттравматические расстройства, что существенно влияет на качество жизни обучающихся и их субъективное благополучие [21; 22; 23; 25]. Если студент обучается в чужой стране, стресс усиливается. В наших исследованиях отношения к жизни российских и

китайских студентов выявлено, что при наличии культурно-специфичных различий существуют и трудности социально-психологической адаптации к учебе и жизни в инокультурной среде [5].

Недавние исследования психоэмоционального состояния студентов шести китайских вузов после месячного карантина по случаю пандемии COVID-19 показали, что сильный страх, который испытывали студенты, был наиболее значимым фактором риска психологического дистресса, сопровождавшегося бессонницей, особенно у студентов выпускного курса и у студентов, проживающих в наиболее пострадавших от пандемии районах. В выборке появились студенты с признаками посттравматического расстройства (2,7%) и депрессии (9%). Резкое сокращение продолжительности сна оказалось предиктором дальнейшего ухудшения психического здоровья [26]. В другом аналогичном исследовании изучалось психическое здоровье студентов юго-западных китайских университетов, также проводивших в карантине месяц. Было обнаружено, что респондентам с депрессией или с симптомами посттравматического расстройства были присущи и более тяжелые признаки алекситимии [25].

Исследование психологического воздействия карантина было проведено в Вальядолидском университете в Испании. У 50,43% респондентов в первые недели проявились высокие и очень высокие показатели тревоги, депрессии и стресса [21]. Аналогичные результаты были получены и исследователями из Италии, Индии. Индийская группа исследователей во главе с Н. Капасия (N. Kapasia) [17] изучала влияние строгой изоляции на процесс обучения студентов и аспирантов во время пандемии COVID-19 в Западной Бенгалии. Онлайн-опрос проводился в начале мая 2020 года, когда

около 70% учащихся были вовлечены в электронное обучение. Студенты, особенно из отдаленных районов и маргинальных слоев населения, столкнулись с целым рядом проблем, связанных с депрессией, тревогой по поводу состояния здоровья, плохим подключением к интернету и неблагоприятной для учебы средой дома.

Таким образом, сегодня проблема поиска ресурсов успешного совладания с жизненными ситуациями студентов является чрезвычайно актуальной, в том числе пристального внимания требует такой ресурс, как социальная поддержка.

Субъективное благополучие как интегральный показатель физического, психического и социального здоровья

Феномен субъективного благополучия можно рассматривать как интегральный показатель позитивной/негативной оценки человеком удовлетворенности различными сферами своей жизни, который объединяет также и весь ресурсный потенциал личности [6; 14; 16]. Адекватное функционирование личности, основанное на сформированной ценностно-смысловой иерархии с приоритетом нравственных ценностей, является важнейшим ресурсом здоровья [4].

Э. Динер (E. Diener) [11; 12] дал наиболее общее определение субъективного благополучия, которое включает в себя счастье, положительные эмоции, удовлетворенность жизнью и относительное отсутствие негативных эмоций и настроений. Согласно М. Аргайлу [1], удовлетворенность — это рефлексивная оценка, субъективное суждение о том, насколько все было и остается благополучным. Этот конструкт широко используется в исследованиях здоровья студенческой молодежи. Именно субъективное благополучие

интегрально отражает удовлетворенность жизнью и может не коррелировать с объективными (экономическими, материальными, физическими и физиологическими) показателями качества жизни и всеми аспектами здоровья.

Существуют два варианта объяснения факторов, влияющих на субъективное благополучие. Согласно первому варианту, наибольший «вес» имеют устойчивые черты личности: одним людям свойственна глобальная тенденция воспринимать жизнь позитивно, другим — негативно. В таком понимании счастье — это накопление счастливых переживаний [19]. Другая группа теорий предполагает, что люди имеют наследственную предрасположенность быть счастливыми или несчастными, и эта предрасположенность определяет их точку самооценки своего субъективного благополучия [10]. Внешние события, ситуационные и демографические факторы, в том числе здоровье и семейное положение, также управляют субъективным благополучием: существуют универсальные базовые человеческие потребности, и счастье может являться результатом их удовлетворения. Однако в некоторых исследованиях показано, что внешние события имеют гораздо меньшую долю дисперсии в самоотчетах о субъективном благополучии, чем свойства личности [11].

Исследования показали взаимосвязь субъективного благополучия с использованием продуктивных стратегий совладания со стрессом. Студенты с высоким уровнем субъективного благополучия в меньшей степени используют стратегию избегания. Студенты, более высоко оценивающие качество жизни и физическое здоровье, в трудных жизненных ситуациях чаще принимают на себя ответственность и прибегают к стратегии планирования решения проблем [6; 11].

И.Дж.С. Рибейро (Í.J.S. Ribeiro) с соавторами [22] провели систематический обзор по проблеме связи стресса и качества жизни студентов вузов за последние пять лет. Большинство авторов отмечает, что субъективное благополучие отрицательно связано со стрессом; кроме того, бессонница и эмоциональное выгорание также оказались значительными факторами, ухудшающими субъективную оценку качества жизни.

Таким образом, внешние обстоятельства стрессовой жизненной ситуации студентов, несомненно, влияют на их субъективное благополучие, но выработка эффективных стратегий совладания, безусловно, может значительно смягчить эффект «учебного» стресса.

Социальная поддержка как ресурс повышения уровня субъективного благополучия студентов

Э. Эннис (E. Ennis) и соавторы [13] отмечают, что лишь немногие студенты обращаются за профессиональной помощью к врачам и психологам. В рамках изучения субъективного благополучия студентов Ольстерского университета были обследованы 392 студента первого курса. Оказалось, что профессиональную помощь получали только 37,8% из них. Юноши в меньшей степени, чем девушки, намеревались обратиться к специалистам. Они также реже упоминали о несогласии с методами лечения. Те, у кого были суицидальные мысли, сообщали о желании самостоятельно справиться с проблемами. Студенты, у которых не было суицидальных мыслей, не были уверены в том, куда именно надо обратиться за помощью.

С.С. Костромина с сотрудниками [18] изучали типы проблемных ситуаций, с которыми студенты обращались в Центр психологической поддержки Санкт-

Петербургского государственного университета. Результаты показали, что девушки обращаются за психологической помощью чаще, чем юноши (88% против 12%). Чаще всего обращаются за психологической помощью студенты 2-го и 3-го курсов, второе место принадлежит старшекурсникам. Аспиранты и слушатели курсов повышения квалификации обращаются за помощью реже всех. Студенты гуманитарных специальностей обращались в службу психологической поддержки чаще, чем студенты естественных наук (68% против 32%).

Социальная поддержка может быть неформальной и поступать из ближайшего личного окружения молодых людей. Показательно, что студентами недостаточно используется ресурс семьи, тогда как семейные отношения обеспечивают социальный контекст, способствующий развитию здоровой личности и способности к социальной адаптации, развивают важные психологические качества, способствующие как психологическому здоровью, так и физическому — жизнестойкость, чувство самосогласованности, самопринятие и другие [15]. В то же время профессиональная помощь имеет большие перспективы в снятии стрессовых состояний у молодых людей [18; 24].

В целом вопрос о том, какие именно источники социальной поддержки наряду с профессиональными службами психологической помощи используют студенты, в литературе освещен недостаточно.

Методы

Субъективное благополучие респондентов оценивалось с помощью скрининговой версии теста К. Киза (С. Keyes) МНС-SF в адаптации Е.Н. Осина [8]. По итоговому показателю этой методики сту-

денты были разделены на «благополучных» и «неблагополучных»: «неблагополучные» имеют баллы ниже среднего, от 1 до 34, а «благополучные» — выше среднего, от 36 до 70. Далее проводилось сравнение двух групп по показателям восприятия социальной поддержки (многомерная шкала восприятия социальной поддержки — The Multidimensional Scale of Perceived Social Support (MSPSS) Д. Зимета (D. Zimet), в адаптации В.М. Ялтонского и Н.А. Сироты [3; 29]). Методика предназначена для субъективной оценки восприятия эффективности и адекватности социальной поддержки по трем аспектам — «семья», «друзья» и «значимые другие». Чтобы повысить точность измерения прогноза поведения по поиску помощи, нами использовался также «Общий вопросник о намерениях обратиться за помощью» из различных социальных источников (The General Help Seeking Questionnaire (GHSQ)) [28]. Намерение — не просто выражение отношения, а часть волевого акта. Шкала GHSQ является одномерной. По каждому источнику социальной помощи респондентам предлагалось прямое высказывание: «Если бы у Вас были личные или эмоциональные проблемы, насколько вероятно, что Вы обратились бы за помощью к следующим людям/источникам?». Вероятность респонденты оценивали по шкале Лайкерта от 1 до 7. Вопросник не является тестом в строгом смысле, тем не менее значимые корреляционные связи (по критерию Пирсона) выбора источников социальной помощи по шкалам GHSQ и MSPSS свидетельствуют в пользу конструктивной валидности шкалы GHSQ (r от 0,11 до 0,50, $p \leq 0,01$).

Программа исследования

Целью эмпирического исследования было изучение роли формальной и неформальной социальной поддержки в

обеспечении субъективного благополучия студенческой молодежи.

В исследовании приняли участие 198 студентов Новосибирского государственного педагогического университета дневного отделения 1—4 курсов (из них 138 девушек и 60 юношей, средний возраст $19,5 \pm 1,27$ лет) и 652 студента Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (из них 562 девушки и 90 юношей, средний возраст $20,4 \pm 2,25$ лет), обучающихся на направлениях педагогического образования разных профилей. В выборку вошли студенты без выраженных отклонений здоровья.

Опрос респондентов проводился до пандемии в режиме онлайн с использованием Google-форм. Сравнивались группы с высоким уровнем субъективного благополучия и с низким уровнем субъективного благополучия по всей выборке из 850 человек. Изучался также вопрос о предпочтениях видов социальной поддержки и о намерениях обращения студентов к тем или иным видам социальной поддержки вообще.

Результаты

На рисунке представлено распределение степени выраженности намерений обращения студентов по всей опрошенной выборке к разным источникам социальной поддержки в ситуации эмоциональных и личных проблем. Результаты свидетельствуют о том, что студенты наиболее охотно обращаются за социальной поддержкой к людям из их личного окружения. Это те, кому они в наибольшей степени доверяют, — друзья, романтический партнер, родители. Профессиональная помощь отстает от семьи и друзей по степени доверия и

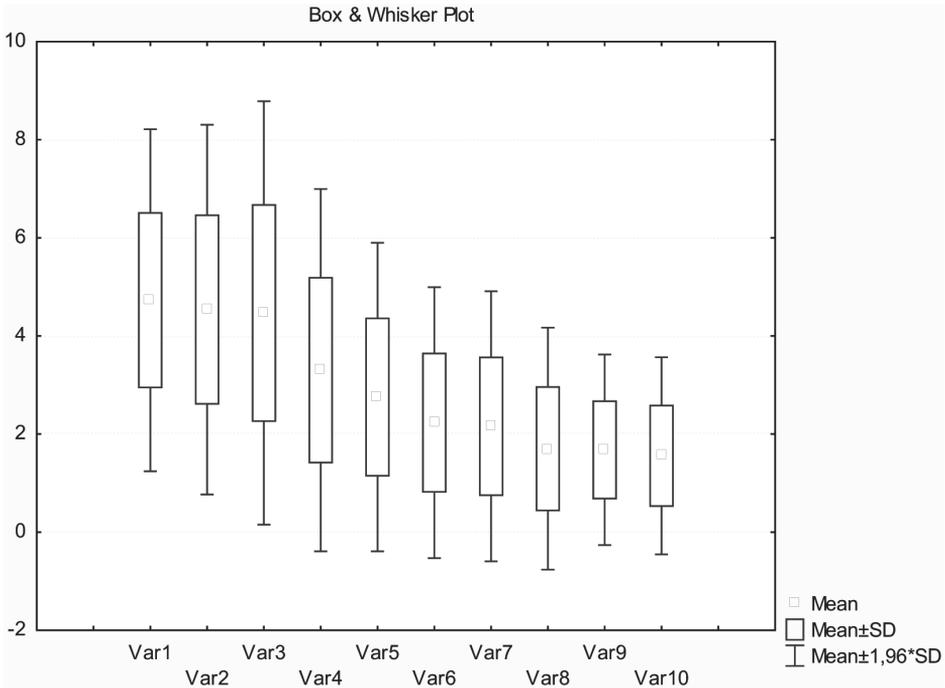
выраженности намерений обращения к ней. Психологи занимают 5-е место по выраженности намерений обратиться к ним за помощью, а остальные источники профессиональной помощи — врачи-психиатры и терапевты, телефон службы доверия и служители религиозных конфессий — занимают с 6-го по 10-е место, что свидетельствует об их непопулярности в молодежной среде.

В табл. 1 приведены достоверные различия средних показателей восприятия социальной поддержки от людей из близкого окружения у студентов с высоким и низким уровнем субъективного благополучия.

Результаты показывают, что студенты с низким уровнем субъективного благополучия гораздо в меньшей степени надеются на поддержку от ближайшего окружения: семьи, друзей, значимых других людей. Это означает, что молодые люди с хорошими социальными связями чувствуют себя гораздо более благополучными и уверенными.

В табл. 2 представлено сравнение выраженности намерений обратиться за социальной поддержкой к разным социальным источникам у студентов с высоким и низким уровнем субъективного благополучия.

Таким образом, студенты и с высоким, и с низким уровнем благополучия в первую очередь намерены обратиться за помощью к близким людям, романтическому партнеру, друзьям, родственникам. При этом в ситуациях личных эмоциональных проблем у студентов с низким уровнем субъективного благополучия в меньшей степени выражены намерения обратиться за помощью к близким людям, чем у студентов с высоким уровнем субъективного благополучия. То есть в группу респондентов «с низким уровнем субъективного благополучия»

Распределение показателей выраженности намерений обращения за помощью к людям/источникам помощи в ситуации личных эмоциональных проблем (Box plot, диаграмма размаха): Var 1 — друзья; Var 2 — родители; Var 3 — романтический партнер (парень/девushка); Var 4 — родственники; Var 5 — психологи; Var 6 — врачи-терапевты; Var 7 — врачи-психиатры; Var 8 — служители религиозных конфессий; Var 9 — специалисты телефона доверия; Var 10 — участники групп с аналогичными проблемами в интернете

Таблица 1

Достоверные различия средних показателей восприятия социальной поддержки от людей из близкого окружения (методика MSPSS) у студентов с высоким и низким уровнем субъективного благополучия

Источники социальной поддержки	Студенты с низким уровнем субъективного благополучия N=296	Студенты с высоким уровнем субъективного благополучия N=554	t-критерий Стьюдента	p
Семья	2,89±1,28	3,58±0,88	-9,32	0,00
Друзья	3,05±1,45	3,66±0,91	-7,52	0,00
Значимые люди	3,23±1,26	3,74±0,69	-7,57	0,00
Общий балл	9,18±2,93	10,98±1,80	-11,13	0,00

попали студенты с не очень благоприятными отношениями в их семьях.

За профессиональной помощью врача-психиатра в большей степени готовы

Таблица 2

Достоверность различий средних показателей выраженности намерений обратиться за помощью (по методике GHSQ) к различным источникам социальной поддержки у студентов с разным уровнем субъективного благополучия

Источники социальной поддержки	Студенты с низким уровнем субъективного благополучия N=296	Студенты с высоким уровнем субъективного благополучия N=554	t-критерий Стьюдента	p
Романтический партнер	4,17±2,17	4,63±2,21	-2,88	0,004
Друзья	4,31±1,79	4,95±1,73	-5,09	0,00
Родители	3,81±1,94	4,93±1,80	-8,42	0,00
Родственники	2,58±1,62	3,69±1,91	-8,52	0,00
Врач-психиатр	2,35±1,57	2,06±1,30	2,85	0,00
Священник, имам, раввин и пр.	1,59±1,17	1,76±1,30	-1,38	0,00

обратиться студенты с низким уровнем благополучия, чем с высоким, что также свидетельствует о меньшей надежде у них на близких людей и семью. Однако намерения обратиться за духовной поддержкой больше выражено у студентов с высоким уровнем благополучия. Это косвенно означает, что среди группы с высоким уровнем субъективного благополучия гораздо больше религиозных студентов, чем в группе с низким уровнем.

При сравнении выборок студентов с разным уровнем субъективного благополучия из Санкт-Петербурга и Новосибирска достоверных различий по показателям готовности обращения за социальной поддержкой не выявлено. Лишь в качестве тенденции можно отметить несколько большую готовность студентов Санкт-Петербурга использовать социальный ресурс близкого окружения.

Обсуждение результатов

Результаты, свидетельствующие о высокой степени доверия студентов близким людям и членам их семей в ситуациях поиска помощи, согласуются с

результатами исследования Д. Гревенстейн (D. Grevenstein) с сотрудниками [15], которые показали, что для студентов важнейшую роль играет их семья, которая представляет для них защиту от стресса в ситуации адаптации к учебному процессу. Чем лучше семейные отношения, тем в большей степени у студентов выражены жизнестойкость, чувство самосогласованности, самосострадания (принятие себя) и субъективное благополучие. Семейные отношения обеспечивают социальный контекст, способствующий развитию здоровой личности, адекватных социальных компетенций и способности к социальной адаптации. Обращение за помощью к людям из ближайшего круга и родственникам вызвано доверием к ним, что обеспечивает психологическую безопасность при обращении за помощью и делает неформальную социальную поддержку более желаемой [2].

Жизненная ситуация студенческой молодежи на каждом этапе обучения в вузе имеет свои специфические черты и обстоятельства, делающие эту ситуацию трудной, а иногда и стрессогенной. Помимо трудных личностных обстоятельств, у студентов есть основная цель

их жизни на этапе обучения в вузе. Она, как правило, заключается в получении хорошего образования, успешном его завершении и выполнении требований образовательной программы. В современных социальных условиях постоянно изменяются требования к знаниям, умениям, личностной активности обучающихся. Даже до кардинальных социальных изменений, связанных с пандемией COVID-19, инновационная составляющая образовательных программ была очень насыщенной и интенсивной, а в условиях пандемии, повлекшей за собой не только социальную изоляцию, являющуюся значительным стрессовым фактором для всех людей, но и полную перестройку процесса обучения на дистанционный режим, жизненная ситуация студенческой молодежи пополнилась еще одним мощным фактором эмоционального дистресса.

Исследователи давно ищут личностные предикторы стрессоустойчивости. Что именно управляет реакцией в стрессовых обстоятельствах? Глобальные черты личности или стрессогенность самой жизненной ситуации? Полученные результаты, возможно, перспективно было бы интерпретировать в русле ситуационного подхода, который предполагает анализ взаимодействия личности и среды. Длющаяся десятилетиями дискуссия между персонологами и ситуационистами в настоящее время приводит к признанию модели личностно-ситуационного взаимодействия, согласно которой поведение является функцией взаимодействия личности и среды; личность при этом выступает в качестве активного, целенаправленно действующего субъекта [27]. Одна и та же среда может по-разному влиять на личность, что показано, в частности, на примере «сильных» и «слабых» ситуаций [20].

Выводы

1. Неформальная социальная поддержка оказалась более желаемой для студентов, которые в трудных жизненных ситуациях более охотно обращаются к людям из своего ближайшего окружения, друзьям, родителям, романтическому партнеру.

2. Психологическая помощь находится только на пятом месте по степени выраженности намерения обращения за ней, что свидетельствует о недостаточности доверия к психологам и организации помогающей деятельности.

3. В ситуациях личных эмоциональных проблем у студентов с низким уровнем субъективного благополучия в меньшей степени выражены намерения обратиться за помощью к близким людям, чем у студентов с высоким уровнем субъективного благополучия, что, вероятно, связано с тем, что их семейные отношения не обеспечивают им чувство психологической безопасности.

4. За профессиональной помощью врача-психиатра в большей степени готовы обратиться студенты с низким уровнем благополучия, чем с высоким, что свидетельствует о меньшей степени их доверия к близким людям. Однако намерение обратиться за духовной поддержкой больше выражено у студентов с высоким уровнем благополучия.

5. Студенты с низким уровнем субъективного благополучия нуждаются в профессиональной помощи психологов, врачей, специалистов телефона доверия, поэтому профессиональная социальная поддержка как ресурс здоровья студентов требует изучения возможных путей оптимизации оказания помощи.

Заключение

По результатам нашего исследования, неформальная поддержка от людей из ближайшего окружения личности получает у студентов наибольшее доверие, обеспечивая им психологическую безопасность, и вызывает более высокую степень намерений обращения к ней в трудных ситуациях. Однако есть студенты, большинство из которых попали в нашем исследовании в категорию респондентов с низким субъективным благополучием, которые не имеют этого ресурса в силу

разных причин. Эти студенты нуждаются в профессиональной помощи психологов, врачей, специалистов телефона доверия. Поэтому социальная поддержка как ресурс здоровья студентов требует дальнейшего изучения, как и анализа возможных путей оптимизации оказания профессиональной помощи, поскольку, судя по мировому опыту изучения реакций молодых людей на социальную ситуацию, сложившуюся в результате пандемии, такая помощь может понадобиться уже гораздо большему количеству студентов, чем это было ранее.

Литература

1. *Аргайл М.* Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 271 с.
2. *Баева И.А., Гаязова Л.А., Кондакова И.В., Лактионова Е.Б.* Психологическая безопасность личности и ценности подростков и молодежи // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 6. С. 5–18. DOI:10.17759/pse.2020250601
3. *Карвасарский Б.Д.* Клиническая психология: учебник. СПб.: Питер, 2004. 960 с.
4. *Коржова Е.Ю., Веселова Е.К., Анисимова Т.В., Залевский Г.В.* Интегральная ресурсная концепция здоровья в контексте отечественных подходов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2017. № 184. С. 31–44. DOI:10.33910/1992-6465
5. *Коржова Е.Ю., Дуи Яньбо.* Проявление отношения к жизни в рисунках китайских и российских студентов // Азимут научных исследований: Педагогика и психология. 20. Т. 9. № 2(31). С. 339–342. DOI:10.26140/anip-2020-0902-0082
6. *Корзун С.А., Нифонтова Т.А.* Взаимосвязь субъективного благополучия и совладающего поведения у студентов // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2019. № 19-3. С. 179–186.
7. *Курдюков Б.Ф., Иванова Н.В., Бойкова М.Б., Городецкая Ю.Ю.* Актуальность и приоритетность социальных проблем современной студенческой молодежи // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2014. № 2. С. 48–51.
8. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1(155). С. 117–142. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.06
9. Паспорт национального проекта «Образование», утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, Протокол от 24.12.2018 № 16 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfoFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (Дата обращения: 17.07.2020).
10. *DeNeve K.M.* Happy as an extraverted clam? The role of personality for subjective well-being // Current Directions in Psychological Science. 1999. Vol. 8(5). P. 141–144. DOI:10.1111/1467-8721.00033
11. *Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L.* Subjective well-being: Three Decades of Progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125(2). P. 276–302. DOI:10.1037/0033-2909.125.2.276

12. Diener E., Tay L. A scientific review of the remarkable benefits of happiness for successful and healthy living // Happiness: Transforming the Development Landscape. Thimphu: The Centre for Bhutan Studies and GNH. 2017. P. 90–117.
13. Ennis E., McLafferty M., Murray E., Lapsley C., O'Neill S. Readiness to change and barriers to treatment seeking in college students with a mental disorder // Journal of Affective Disorders. 2019. Vol. 2521. P. 428–434. DOI:10.1037/0022-3514.46.4.839
14. Folkman S. Personal control and stress and coping processes: a theoretical analysis // J. of Person. and Soc. Psychology. 1984. Vol. 46(4). P. 839–852. DOI:10.1037/0022-3514.46.4.839
15. Grevenstein D., Bluemke M., Schweitzer J., Aguilar-Raab C. Better family relationships – higher well-being: The connection between relationship quality and health related resources // Mental Health & Prevention. 2019. Vol. 14. Article 200160. DOI:10.1016/j.mph.2019.200160
16. Hobfoll S. Stress, social support, and women. Washington DC: Hemisphere, 1988. 178 p.
17. Kapasia N., Paul P., Roy A., Saha J., Zaveric A., Mallick R., Barmanc B., Dasc P., Chouhan P. Impact of lockdown on learning status of undergraduate and postgraduate students during COVID-19 pandemic in West Bengal, India // Children and Youth Services. Review. 2020. Vol. 116. Article 105194. DOI:10.1016/j.chilyouth.2020.105194
18. Kostromina S., Zinoviyeva E., Beykina A. Description of problematic situations for students referring to the Psychological Support Center of the St. Petersburg State University // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 165. P. 69–77. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.12.606
19. Krieke van der L., Jeronimus B.F., Blaauw F. et al. HowNutsAreTheDutch (HoeGekIsNL): A crowdsourcing study of mental symptoms and strengths // International Journal of Methods in Psychiatric Research. 2016. Vol. 25(2). P. 123–144. DOI:10.1002/mpr.1495
20. Mischel W., Shoda Y., Ayduk O. Introduction to personality: Toward an integrative science of the person. New York: Wiley, 8th ed., 2007. 594 p.
21. Odriozola-González P., Planchuelo-Gómez Á., Iruarta M.J., de Luis-García R. Psychological effects of the COVID-19 outbreak and lockdown among students and workers of a Spanish university // Psychiatry Research. 2020. Vol. 290. Article 113108. DOI:10.1016/j.psychres.2020.113108
22. Ribeiro Í.J.S., Pereira R.F.I.V., de Oliveira B.G., Boery E.N. Stress and quality of life among university students: a systematic literature review // Health Professions Education. 2018. Vol. 4(2). P. 70–77. DOI:10.1016/j.hpe.2017.03.002
23. Rith-Najarian L.R., Boustani M.M., Chorpita B.F. A systematic review of prevention programs targeting depression, anxiety, and stress in university students // Journal of Affective Disorders. 2019. Vol. 257(1). P. 568–584. DOI:10.1016/j.jad.2019.06.035
24. Shu F., Ahmed S.F., Pickett M.L., Ayman R., McAbee S.T. Social support perceptions, network characteristics, and international student adjustment // International Journal of Intercultural Relations. 2020. Vol. 7. P. 136–148. DOI:10.1016/j.ijintrel.2019.11.002
25. Tang Wanjie, Hu Tao, Hu Baodi, Jin Chunhan, Xu Jiuping. Prevalence and correlates of PTSD and depressive symptoms one month after the outbreak of the COVID-19 epidemic in a sample of home-quarantined Chinese university students // Journal of Affective Disorders. 2020. Vol. 2741. P. 1–7. DOI:10.1016/j.jad.2020.05.009
26. Tang Wanjie, Hu Tao, Yang Le, Xu Jiuping. The role of alexithymia in the mental health problems of home-quarantined university students during the COVID-19 pandemic in China // Personality and Individual Differences. 2020. Vol. 16515. Article 110131. DOI:10.1016/j.paid.2020.110131
27. Webster G. The person–situation interaction is increasingly outpacing the person–situation debate in the scientific literature: A 30-year analysis of publication trends, 1978–2007 // Journal of Research in Personality. 2009. Vol. 43. P. 278–279. DOI:10.1016/j.jrp.2008.12.030
28. Wilson C.J., Deane F.P., Ciarrochi J., Rickwood D. Measuring help-seeking intentions: properties of the General Help-Seeking Questionnaire // Canadian Journal of Counselling. 2005. Vol. 39(1). P. 15–28. DOI:10.1037/t42876-000

29. Zimet G.D., Dahlem N.W., Zimet S.G., Farley G.K. The Multidimensional Scale of Perceived Social Support // *Journal of Personality Assessment*. 1988. Vol. 52. P. 30–41. DOI:10.1207/s15327752jpa5201_2

References

1. Argail M. *Psikhologiya schast'ya* [Psychology of happiness]. 2-e izd. Saint Petersburg: Piter, 2003. 271 p. (In Russ.).
2. Baeva I.A., Gayazova L.A., Kondakova I.V., Laktionova E.B. *Psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti i tsennosti podrostkov i molodezhi* [Psychological security of the individual and the values of adolescents and young people]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 6, pp. 5–18. DOI:10.17759/pse.2020250601 (In Russ.).
3. Karvasarskii B.D. *Klinicheskaya psikhologiya* [Clinical Psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2004. 960 p. (In Russ.).
4. Korzhova E.Yu., Veselova E.K., Anisimova T.V., Zalevskii G.V. Integral'naya resursnaya kontseptsiya zdorov'ya v kontekste otechestvennykh podkhodov [The integral resource conception of health in the context of domestic approaches]. *Izvestiya rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2017, no. 184, pp. 31–44. DOI:10.33910/1992-6465 (In Russ.).
5. Korzhova E.Yu., Dun Yan'bo. Proyavlenie otnosheniya k zhizni v risunkakh kitaiskikh i rossiiskikh studentov [Expression of attitude to life in the drawings of Chinese and Russian students]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: Pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Researches: Pedagogy and Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 2(31), pp. 339–342. DOI:10.26140/anip-2020-0902-0082 (In Russ.).
6. Korzun S.A., Nifontova T.A. Vzaimosvyaz' sub"ektivnogo blagopoluchiya i sovdayushchego povedeniya u studentov [Interconnection between subjective well-being and coping behavior in students]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly = Scientific works of the Republican Institute of higher education*, 2019, no. 19–3, pp. 179–186. (In Russ.).
7. Kurdyukov B.F., Ivanova N.V., Boikova M.B., Gorodetskaya Yu.Yu. Aktual'nost' i prioritnost' sotsial'nykh problem sovremennoi studencheskoi molodezhi [Topicality and priority of social problems of modern student youth]. *Fizicheskaya kul'tura, sport – nauka i praktika = Physical culture, sport-science and practice*, 2014, no. 2, pp. 48–51. (In Russ.).
8. Osin E.N., Leont'ev D.A. Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub"ektivnogo blagopoluchiya: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyi analiz [Brief Russian-language scales of diagnostics of subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*, 2020, no. 1(155), pp. 117–142. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.06 (In Russ.).
9. *Pasport natsional'nogo proekta «Obrazovanie»*, utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nym proektam, Prot. 24.12.2018 g., № 16 [Elektronnyi resurs] [The Passport of the National Project “Education”, appr. Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects under the President of the Russian Federation, Prot. 24.12.2018 No 16)]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf>. (Accessed: 17.07.2020). (In Russ.).
10. DeNeve K.M. Happy as an extraverted clam? The role of personality for subjective well-being. *Current Directions in Psychological Science*, 1999. Vol. 8(5), pp. 141–144. DOI:10.1111/1467-8721.00033
11. Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: Three Decades of Progress. *Psychological Bulletin*, 1999. Vol. 125(2), pp. 276–302. DOI:10.1037/0033-2909.125.2.276
12. Diener E., Tay L. A scientific review of the remarkable benefits of happiness for successful and healthy living. In: *Happiness: Transforming the Development Landscape*. Thimphu: The Centre for Bhutan Studies and GNH, 2017, pp. 90–117.

13. Ennis E., McLafferty M., Murray E., Lapsley C., O'Neill S. Readiness to change and barriers to treatment seeking in college students with a mental disorder. *Journal of Affective Disorders*, 2019. Vol. 2521, pp. 428–434. DOI:10.1037/0022-3514.46.4.839
14. Folkman S. Personal control and stress and coping processes: a theoretical analysis. *J. of Personality and Social Psychology*, 1984. Vol. 46(4), pp. 839–852. DOI:10.1037/0022-3514.46.4.839
15. Grevenstein D., Bluemke M., Schweitzer J., Aguilar-Raab C. Better family relationships – higher well-being: The connection between relationship quality and health related resources. *Mental Health & Prevention*, 2019. Vol. 14, Article 200160. DOI:10.1016/j.mph.2019.200160
16. Hobfoll S. Stress, social support, and women. Washington DC: Hemisphere, 1988. 178 p.
17. Kapasia N., Paul P., Roy A., Saha J., Zaveric A., Mallick R., Barmanc B., Dasc P., Chouhan P. Impact of lockdown on learning status of undergraduate and postgraduate students during COVID-19 pandemic in West Bengal, India. *Children and Youth Services. Review*, 2020. Vol. 116, Article 105194. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105194
18. Kostromina S., Zinovyeva E., Beykina A. Description of problematic situations for students referring to the Psychological Support Center of the St. Petersburg State University. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015. Vol. 165, pp. 69–77. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.12.606
19. Krieke van der L., Jeronimus B.F., Blaauw F. et al. HowNutsAreTheDutch (HoeGekIsNL): A crowdsourcing study of mental symptoms and strengths. *International Journal of Methods in Psychiatric Research*, 2016. Vol. 25(2), pp. 123–144. DOI:10.1002/mpr.1495
20. Mischel W., Shoda Y., Ayduk O. Introduction to personality: Toward an integrative science of the person. New York: Wiley. 8th ed., 2007. 594 p.
21. Odriozola-González P., Planchuelo-Gómez Á., Irurtia M.J., de Luis-García R. Psychological effects of the COVID-19 outbreak and lockdown among students and workers of a Spanish university. *Psychiatry Research*, 2020. Vol. 290, Article 113108. DOI:10.1016/j.psychres.2020.113108
22. Ribeiro Í.J.S., Pereira R.F.I.V., de Oliveira B.G., Boery E.N. Stress and quality of life among university students: a systematic literature review. *Health Professions Education*, 2018. Vol. 4(2), pp. 70–77. DOI:10.1016/j.hpe.2017.03.002
23. Rith-Najarian L.R., Boustani M.M., Chorpita B.F. A systematic review of prevention programs targeting depression, anxiety, and stress in university students. *Journal of Affective Disorders*, 2019. Vol. 257(1), pp. 568–584. DOI:10.1016/j.jad.2019.06.035
24. Shu F., Ahmed S.F., Pickett M.L., Ayman R., McAbee S.T. Social support perceptions, network characteristics, and international student adjustment. *International Journal of Intercultural Relations*, 2020. Vol. 7, pp. 136–148. DOI:10.1016/j.ijintrel.2019.11.002
25. Tang Wanjie, Hu Tao, Hu Baodi, Jin Chunhan, Xu Jiuping. Prevalence and correlates of PTSD and depressive symptoms one month after the outbreak of the COVID-19 epidemic in a sample of home-quarantined Chinese university students. *Journal of Affective Disorders*, 2020. Vol. 2741, pp. 1–7. DOI:10.1016/j.jad.2020.05.009
26. Tang Wanjie, Hu Tao, Yang Le, Xu Jiuping. The role of alexithymia in the mental health problems of home-quarantined university students during the COVID-19 pandemic in China. *Personality and Individual Difference*, 2020. Vol. 16515, Article 110131. DOI:10.1016/j.paid.2020.110131
27. Webster G. The person–situation interaction is increasingly outpacing the person–situation debate in the scientific literature: A 30-year analysis of publication trends, 1978–2007. *Journal of Research in Personality*, 2009. Vol. 43, pp. 278–279. DOI:10.1016/j.jrp.2008.12.030
28. Wilson C.J., Deane F.P., Ciarrochi J., Rickwood D. Measuring help-seeking intentions: properties of the General Help-Seeking Questionnaire. *Canadian Journal of Counselling*, 2005. Vol. 39(1), pp. 15–28. DOI:10.1037/t42876-000
29. Zimet G.D., Dahlem N.W., Zimet S.G., Farley G.K. The Multidimensional Scale of Perceived Social Support. *Journal of Personality Assessment*, 1988. Vol. 52, pp. 30–41. DOI:10.1207/s15327752jpa5201_2

Информация об авторах

Веселова Елена Константиновна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5513-305X>, e-mail: elkonves16@yandex.ru

Коржова Елена Юрьевна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1128-1421>, e-mail: elenakorjova@gmail.com

Рудыхина Ольга Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8207-4016>, e-mail: olga.rudykhina@gmail.com

Анисимова Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9859-4403>, e-mail: t.v.anisim@mail.ru

Information about the authors

Elena K. Veselova, Doctor of Psychology, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5513-305X>, e-mail: elkonves16@yandex.ru

Elena Yu. Korjova, Doctor of Psychology, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1128-1421>, e-mail: elenakorjova@gmail.com

Olga V. Rudykhina, PhD in Psychology, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8207-4016>, e-mail: olga.rudykhina@gmail.com

Tatyana V. Anisimova, PhD in Psychology, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9859-4403>, e-mail: t.v.anisim@mail.ru

Получена 20.07.2020

Received 20.07.2020

Принята в печать 20.01.2021

Accepted 20.01.2021

Особенности субъективного благополучия студентов в условиях образовательной миграции

Бохан Т.Г.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (НИ ТГУ), г. Томск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1454-3869>, e-mail: btg960@mail.ru

Ульянич А.Л.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (НИ ТГУ), г. Томск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3154-3756>, e-mail: fiale@yandex.ru

Терехина О.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (НИ ТГУ), г. Томск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0964-9175>, e-mail: doterekhina@mail.ru

Видякина Т.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (НИ ТГУ), г. Томск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1421-9201>, e-mail: tatym@sibmail.com

Галажинский Э.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (НИ ТГУ), г. Томск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9596-5950>, e-mail: psihoterapiya@rambler.ru

Цель. Выявление особенностей субъективного благополучия и их связи с ценностями, реализация которых вызывает переживания счастья и радости, у студентов различных культуральных групп.

Контекст и актуальность. В условиях образовательной миграции жизнедеятельность студентов выходит за рамки традиционного культурного круга в широкое поликультурное пространство, где особая роль отводится рефлексии ценностно-смысловой регуляции, что может находить свое отражение в субъективном благополучии представителей студенчества.

Дизайн исследования. Изучались особенности и различия в когнитивном и эмоциональном компонентах субъективного благополучия и в ценностях у студентов различных культуральных групп, определялась их взаимосвязь в каждой группе. Методы статистической обработки: описательная статистика, сравнительный и корреляционный анализ.

Участники. Выборку исследования составили 200 студентов томских вузов в возрасте от 17 до 26 лет ($M=19,87$; $SD=1,88$), которые были разделены на 5 исследовавшихся групп по критерию культурной принадлежности.

Методы (инструменты). Для изучения индикаторов субъективного качества жизни использовались «Шкала удовлетворенности жизнью» (Е. Динер, адаптация Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина) и «Шкала позитивного и негативного аффекта» PANAS (Д. Уотсон, адаптация Е.Н. Осина). Направленность ценностей изучалась с помощью опросника Б. Форд.

Результаты. Обнаружено, что большинство представителей всех культуральных групп удовлетворены своей жизнью. Установлены статистически значимые различия в показателях

удовлетворенности жизнью между культуральными группами в компонентах субъективного благополучия. Полученные данные о различиях (уровень значимости $p \leq 0,05$) в ценностях, реализация которых позволяет переживать чувства радости и счастья, в одних результатах согласуются с существующими традиционными представлениями, в других — не совпадают с ними, отражая современные культурные трансформации.

Основные выводы. Выявлены различные взаимосвязи ценностных ориентаций с компонентами субъективного качества жизни в исследовавшихся группах студентов, которые могут указывать на специфические культуральные особенности.

Ключевые слова: образовательная миграция, студенты, субъективное благополучие, ценности, поликультурное образовательное пространство.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00480.

Для цитаты: Бохан Т.Г., Ульянич А.Л., Терехина О.В., Видякина Т.А., Галажинский Э.В. Особенности субъективного благополучия студентов в условиях образовательной миграции // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 59–76. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120105>

The Features of Subjective Well-Being among Students in the Conditions of Educational Migration

Tatiana G. Bokhan

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1454-3869>, e-mail: btg960@mail.ru

Anna L. Ul'yanich

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3154-3756>, e-mail: fiale@yandex.ru

Olga V. Terekhina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0964-9175>, e-mail: doterekhina@mail.ru

Tamara A. Vidyakina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1421-9201>, e-mail: tatym@sibmail.com

Eduard V. Galazhinskiy

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9596-5950>, e-mail: psihoterapiya@rambler.ru

Objective. Identification of features of subjective well-being and their connection with values, the implementation of which causes feelings of happiness and joy, among students of different cultural groups.

Background. In the conditions of educational migration, students' life activity goes beyond the traditional cultural circle to a wide multicultural space, where a special role is given to the reflection of value and semantic regulation, which can be reflected in the subjective well-being of students' representatives.

Study design. We studied the features and differences in the cognitive and emotional components of subjective well-being and values among students of different cultural groups, and determined their

relationship in each group. Descriptive statistics, comparative and correlation analysis were used for statistical data processing.

Participants. The study sample consisted of 200 Tomsk University students aged 17 to 26 years ($M=19.87$; $SD=1.88$), who were divided into 5 study groups based on the criterion of cultural affiliation.

Measurements. To study indicators of subjective quality of life, we used the “life satisfaction scale” (E. Diener, adaptation by D.A. Leont’ev, E.N. Osin) and the “scale of positive and negative affect” PANAS (D. Watson, adaptation by E.N. Osin). The orientation of values was studied using the B. Ford questionnaire.

Results. It was found that the majority of representatives of all cultural groups are satisfied with their lives. There are statistically significant differences in life satisfaction indicators between cultural groups in the components of subjective well-being. The data obtained on differences (significance level $p \leq 0.05$) in values, the implementation of which allows students to experience feelings of joy and happiness, in some results are consistent with existing traditional ideas, in others — do not coincide with them, reflecting modern cultural transformations.

Conclusions. Various interrelations of value orientations with components of subjective quality of life in the study groups are revealed, which may indicate specific cultural features.

Keywords: subjective quality of life, subjective well-being, educational migration, students, multi-cultural educational space.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 18-18-00480.

For citation: Bokhan T.G., Ul’yanich A.L., Terekhina O.V., Vidyakina T.A., Galazhinskiy E.V. The Features of Subjective Well-Being among Students in the Conditions of Educational Migration. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 59–76. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120105> (In Russ.).

Введение

Учет культурального контекста в разработке проблемы индикаторов субъективного благополучия и их личностных предикторов у студенческой молодежи становится чрезвычайно важным и востребованным в условиях современных общемировых тенденций глобализации, увеличения международного сотрудничества в науке и образовании, роста интенсивности образовательной миграции. Международная образовательная миграция представляет перемещение людей между странами с целью получения образования различного уровня и на различные сроки. В настоящее время образовательная (или учебная) миграция составляет значительную долю (1,5–6%) в общей структуре межгосударственного миграционного потока в мире [3; 11]. Об-

разовательная миграция имеет огромное социальное значение для многих стран и для развития России, в частности, в социальной, политической, демографической и экономической сферах. Как показывают российские и зарубежные исследования, образовательных мигрантов можно считать самой желательной категорией для любой страны, поскольку ее большинство составляют молодые и инициативные люди, которые отличаются открытостью и готовностью воспринимать новые знания и технологии, получающие национальное образование и квалификацию, приспособленные к местному рынку труда, адаптированные к языковой и культурной среде [1; 2; 4]. Российская Федерация занимает 7 место в списке стран, принимающих иностранных студентов [7; 9]. Например, в томских вузах к завершению 2019–2020 учебного года

обучаются студенты из 93 государств, что составляет 22% от общего количества студентов.

В условиях образовательной миграции жизнедеятельность студентов выходит за рамки традиционного культурного круга в широкое поликультурное пространство. В таких условиях особая роль отводится рефлексии ценностно-смысловой регуляции, когда традиционные культурные ценности не вступают в конфликт с новыми жизненными обстоятельствами, а взаимообогащаются, трансформируясь в новые смыслы, которые требуют своей реализации в поликультурной среде, что отражается в субъективном благополучии, с которым связаны как положительные эффекты, проявляющиеся в успешности обучения и самореализации молодежи, так и отрицательные — например, формирование культурного стресса, находящего свой выход в психологической и социальной дезадаптации, в отказе от получения образования.

Понятие субъективного благополучия определяется через круг феноменов, описывающих субъективные аспекты качества жизни, включая счастье, удовлетворенность жизнью и воспринимаемое качество жизни [19; 21]. По мнению Д.А. Леонтьева, понятие субъективного благополучия выступает сравнительно точным научным эквивалентом понятия счастья, рассматриваемого в парадигме субъективного переживания [7; 13], отражает степень удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей человека, отождествляясь в данном контексте с понятием субъективного качества жизни.

Как показывают многочисленные психологические исследования, удовлетворенность жизнью больше всего зависит от особенностей личности и ин-

дивидуальных жизненных стратегий, и в гораздо меньшей степени — от внешних условий [5; 6; 7; 15]. Так как человек оценивает качество своей жизни по системе собственных ценностей, успешная реализация осмысленных целей сильнее всего сказывается на удовлетворенности жизнью. Ценности оказывают непосредственное влияние как на субъективную оценку качества жизни, так и на профессиональное самоопределение [5; 6; 15]. Наиболее распространенная модель субъективного благополучия, предложенная Э. Динером (1984), включает три компонента, отражающих когнитивную оценку жизни (удовлетворенность жизнью) и ее эмоциональную сторону (высокий уровень положительных эмоций и низкий уровень отрицательных эмоций) [19].

В понимании культуры мы опирались на наиболее часто встречаемое в литературе определение культуры как «совокупность разделяемых форм поведения, приобретенных в результате научения и передаваемых из поколения в поколение в целях успешной адаптации к себе и окружающему миру» [20], а также на аналогичное по своему смыслу понятие «субъективной культуры», которая включает в себя особенности восприятия, ожиданий от окружающих и от себя, способов познания мира, ценностей [23; 24]. Концепция культуры применяется к популяциям, которые географически, лингвистически, религиозно или исторически отделены друг от друга. Например, исследователи говорят о «западной», «восточной», «европейской» или «азиатской», «христианской», «исламской» культурах [14]. Признается, что культура оказывает значительное влияние на психологические особенности, в частности, формирует основные мотивации и шкалу ценностей.

В индивидуалистической (западной) культуре доминируют индивидуальные цели, и поведение личности определяется ее мотивацией к достижению; в коллективистской культуре (например, восточной) групповые цели преобладают над индивидуальными, и поведение определяется принадлежностью к группе. Люди, выросшие в коллективистских культурах, чаще сами приспосабливаются к ситуации, чем меняют ситуацию «под себя», что более характерно для представителей индивидуалистических культур. Выделяемые исследователями недостатки в коллективистской культуре могут отражаться в отсутствии самостоятельности, собственной активности и инициативы, в чрезмерной ориентации на авторитеты; в индивидуализме — в переживании одиночества, отсутствии моральных авторитетов, поведенческих нарушениях, высоком уровне дистрессов. Критерий «открытости-закрытости» может указывать на то, что представители «закрытых» культур стремятся вести себя в соответствии с групповыми нормами, нарушение которых строго карается; для них значимы предсказуемость, определенность и безопасность. Представители «открытых» культур проявляют большую терпимость к отклонению поведения индивидов от общепринятых норм, поэтому может возникать ситуация, когда представители «закрытых» культур воспринимают людей из «открытых» культур как недисциплинированных, своевольных и капризных, в то время как люди из «открытых» культур оценивают поведение представителей «закрытых» культур как негибкое и бескомпромиссное [12; 13; 14; 16; 17]. Такой параметр измерения культур как «маскулинность-феминность», согласно Дж. Хофстеду, означает высокую ценность материальных вещей, власти

и представительности в маскулинных культурах и превалирование ценностей самого человека, его воспитания и смысла жизни в феминных культурах, что может отражаться на ценностных ориентациях, в особенностях восприятия и стратегиях поведения студентов в процессе межкультурной коммуникации и обучения в поликультурном образовательном пространстве [18; 21].

Приведенные выше данные актуализируют интерес к изучению субъективного качества жизни (субъективного благополучия) студентов в условиях образовательной миграции во взаимосвязи с ценностями, реализация которых связана с переживанием радости и счастья.

Метод

Цель исследования заключается в выявлении особенностей субъективного качества жизни студентов и их связи с ценностями, реализация которых вызывает переживания счастья и радости, у студентов различных культуральных групп. Гипотеза предполагает существование в современных условиях глобализации, международной образовательной миграции культуральных различий в индикаторах субъективного благополучия и специфических, культурально обусловленных связях ценностей с индикаторами субъективного благополучия у студентов.

Выборку исследования составили 224 человека — студенты 2–4 курсов бакалавриата и 1 года обучения магистратуры различных факультетов Национального исследовательского Томского государственного университета в возрасте от 17 до 26 лет ($M=19,87$; $SD=1,88$), преимущественно женского

пола (80%). Все студенты были разделены на 5 выборок по критерию культурной принадлежности. Первую группу составили 50 человек российских студентов, вторую группу — 40 студентов-тувинцев, которые относятся к коренным народам Сибири (представители традиционной культуры), третья группа: 42 студента — казахи (представители восточной культуры и постсоветского пространства), четвертая группа: 47 студентов — китайцы (представители восточной культуры), пятая группа включала 45 студентов — представителей европейской культуры (итальянцы, французы, испанцы и пр.).

Методы исследования: «Шкала удовлетворенности жизнью» (Е. Динер, адаптация Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина) [10] позволяет измерить общий уровень удовлетворенности жизнью через оценку пяти утверждений. Каждое утверждение оценивалось по 7-балльной шкале.

Опросник «Шкала позитивного и негативного аффекта» PANAS (Д. Уотсон, адаптация Е.Н. Осина) [10; 11]. Испытуемым предлагалось оценить представленные негативные и позитивные эмоции по 5-балльной шкале выраженности их в жизни.

Ценностные ориентации, достижение целей которых приносит испытуемым ощущение счастья, изучались с помощью опросника Б. Форд, Ю.О. Дмитриева и др., состоящего из 80 утверждений, объединенных по направленности ценностей в следующие шкалы: эгоцентрированные (самоутверждения, саморазвития, физического здоровья, благоприятного психического состояния, материального благополучия), группоцентрированные (социальные, просоциальные), духовные (религиозные) [20].

Представителям российской молодежи предъявлялись протоколы исследо-

вания с адаптированными методиками на русском языке; для европейских студентов, владеющих английским языком и обучающихся на нем, были использованы английские авторские варианты методик; для китайских студентов предлагались на выбор английский или китайский вариант методик. Проверка валидности используемых психодиагностических методик внутри каждой исследовавшейся группы свидетельствует о достаточно высокой внутренней валидности всех методик (α -Кронбаха варьировался от 0,76 до 0,96). С помощью критерия Колмогорова-Смирнова определено, что все значения отличаются от нормального распределения. В качестве методов статистической обработки данных использовались описательная статистика и сравнительный анализ с помощью критериев Манна—Уитни и Краскела-Уоллиса (для несвязанных выборок), Вилкоксона (для связанных выборок), корреляционный анализ с помощью критерия Спирмена в статистическом пакете IBM SPSS 23.

Результаты

Результаты изучения когнитивного (удовлетворенность жизнью) и эмоционального (доминирующие эмоции) компонентов субъективного благополучия с помощью методики «Шкала удовлетворенности жизнью», полученные с помощью описательной статистики, показали, что значение асимметрии по всем показателям не достигает единицы, что говорит о том, что отклонение есть, но незначительное (табл. 1). По большинству шкал прослеживаются отрицательные значения, что говорит о левосторонней асимметрии во всех группах и о том, что большинство студентов всех групп вполне удовлетворены своей жизнью.

Таблица 1

**Результаты описательной статистики и сравнительного анализа
по показателям удовлетворенности жизнью и положительных
и отрицательных эмоций в изучаемых группах**

Показатели (значения сравнительного анализа Краскела-Уоллиса)*	Группа	min	max	M	SD	As	Значения попарного сравнительного анализа Манна-Уитни*
Общий показатель удовлетворенности жизнью N=12,32; p=0,02	1	7,00	32,00	20,16	6,92	-0,37	U(1, 4)=505,50; p=0,02
	2	10,00	32,00	21,42	5,90	-0,18	U(2, 4)=356,00; p=0,00
	3	9,00	28,00	19,37	5,45	-0,24	U(3, 4)=688,00; p=0,07
	4	5,00	26,00	17,28	4,82	-0,19	U(4, 5)=706,50; p=0,01
	5	13,00	27,00	19,82	3,43	0,13	
1. Жизнь близка к идеалу N=13,07; p=0,01	1	1,00	7,00	4,30	1,29	-0,14	U(1, 3)=324,00; p=0,09
	2	2,00	7,00	4,27	1,31	0,26	U(1, 4)=425,50; p=0,02
	3	1,00	7,00	3,75	1,34	0,15	U(1, 5)=369,50; p=0,01
	4	1,00	6,00	3,53	1,23	-0,11	U(2, 4)=425,00; p=0,03
	5	1,00	7,00	3,27	1,58	0,09	U(2, 5)=366,00; p=0,01
2. Условия жизни замечательные N=15,26; p=0,00	1	1,00	7,00	4,63	1,71	-0,46	U(1, 4)=414,00; p=0,01
	2	1,00	7,00	4,54	1,56	-0,39	U(2, 4)=399,00; p=0,01
	3	2,00	7,00	4,81	1,53	0,05	U(3, 4)=438,00; p=0,00
	4	1,00	7,00	3,66	1,40	0,45	U(4, 5)=668,00; p=0,00
	5	1,00	7,00	4,46	1,27	0,07	
3. Я доволен своей жизнью N=28,26; p=0,00	1	2,00	7,00	5,00	1,71	-0,40	U(1, 4)=357,50; p=0,00
	2	2,00	7,00	5,19	1,58	-0,68	U(2, 4)=298,00; p=0,00
	3	2,00	7,00	5,38	1,31	-0,58	U(2, 5)=414,50; p=0,05
	4	1,00	7,00	3,62	1,60	0,03	U(3, 4)=312,00; p=0,00
	5	1,00	7,00	4,55	1,34	-0,19	U(3, 5)=457,00; p=0,01
							U(4, 5)=687,00; p=0,01
4. Получил от жизни все, чего хочу N=27,42; p=0,00	1	1,00	5,00	2,19	1,27	0,84	U(1, 3)=289,50; p=0,03
	2	1,00	7,00	2,85	1,99	0,75	U(1, 4)=313,00; p=0,00
	3	1,00	7,00	3,16	1,74	0,64	U(1, 5)=199,50; p=0,00
	4	1,00	7,00	3,60	1,58	0,26	U(2, 4)=443,50; p=0,05
	5	1,00	7,00	4,11	1,45	-0,26	U(2, 5)=338,50; p=0,00
							U(3, 5)=446,50; p=0,01
							U(4, 5)=817,00; p=0,08
5. Если можно прожить жизнь заново, не изменил бы ничего N=11,66; p=0,02	1	1,00	7,00	3,93	2,13	-0,05	U(2, 3)=282,50; p=0,04
	2	1,00	7,00	4,50	1,92	-0,24	U(2, 4)=328,50; p=0,00
	3	1,00	7,00	3,38	2,09	0,50	U(2, 5)=384,50; p=0,02
	4	1,00	6,00	2,96	1,41	0,37	
	5	1,00	7,00	3,43	1,66	0,28	
Позитивный аффект N=12,05; p=0,02	1	0,00	5,00	2,60	1,69	-0,67	U(1, 2)=405,50; p=0,03
	2	0,00	4,70	3,45	1,17	-1,94	U(1, 5)=726,50; p=0,09
	3	0,00	4,40	3,06	0,82	-1,62	U(2, 3)=333,00; p=0,01

Показатели (значения сравнительного анализа Краскела-Уоллиса)*	Группа	min	max	M	SD	As	Значения попарного сравнительного анализа Манна-Уитни*
	4	0,00	5,00	3,09	0,90	-0,71	U(2, 4)=439,50; p=0,02
	5	1,80	4,50	3,45	0,62	-0,30	U(3, 5)=609,50; p=0,02 U(4, 5)=777,50; p=0,04
Негативный аффект H=1,86; p=0,76	1	0,00	4,50	2,01	1,43	-0,19	
	2	0,00	4,06	2,38	0,97	-0,82	
	3	0,00	5,00	2,33	0,83	0,41	
	4	0,00	3,94	2,43	0,74	-0,50	
	5	1,12	3,44	2,36	0,58	-0,12	

Примечание: 1 — российские, 2 — казахи, 3 — тувинцы, 4 — китайцы, 5 — европейцы; * — указываются только значимые различия и различия на уровне тенденции; в скобках указаны номера групп, которые сравнивались.

Анализ достоверных различий с помощью критерия Краскела-Уоллиса для пяти культуральных групп и попарного сравнения с помощью критерия Манна-Уитни (по каждой паре групп отдельно) (табл. 1) показал, что самый низкий общий показатель удовлетворенности жизнью был выявлен в группе китайских студентов по сравнению с российскими, казахскими, тувинскими и европейскими студентами. Сравнение данных по отдельным вопросам методики удовлетворенности жизнью выявило следующие различия. Больше всего близкой к идеалу свою жизнь оценивают российские студенты по сравнению с тувинскими, китайскими и европейскими студентами. Китайские студенты показывают самую достоверно низкую оценку удовлетворенности жизнью и условиями жизни, в отличие от студентов всех остальных групп. При этом именно китайские студенты достоверно более склонны считать, что они получили от жизни все, что хотят, по сравнению с российскими и с казахскими студентами. Интересно, что только европейские студенты имеют более высокие значения по данному показателю по сравнению с китайскими студентами (на уровне тенденции). Са-

мые высокие значения по шкале, оценивающей, насколько студенты при возможности прожить жизнь заново хотят оставить все, как есть, ничего не меняя, прослеживаются в группе казахских студентов по сравнению с тувинскими, китайскими и европейскими студентами.

Изучение эмоционального компонента субъективного качества жизни осуществлялось на основании определения соотношения выраженности позитивного и негативного аффекта. Проведенный сравнительный анализ для связанных выборок с помощью критерия Вилкоксона показал, что во всех группах доминируют положительные эмоции над отрицательными (для всех групп $p \leq 0,05$). С помощью критерия Краскела-Уоллиса и попарного сравнения с помощью критерия Манна-Уитни установлены различия в показателях средних значений положительных эмоций между группами. Самые высокие значения по положительным эмоциям прослеживаются в группе казахских студентов по сравнению с российскими, тувинскими и китайскими студентами. Среднее значение интегрального показателя отрицательных эмоций во всех группах студентов низкое, значимых различий не выявлено.

На следующем этапе исследования выявлялись различия в ценностях, реализация которых приносит переживания удовольствия и счастья студентам различных культуральных групп. В табл. 2 представлены данные описательной статистики и анализа достоверных различий. Европейские студенты показывают самые достоверно низкие значения по показателю реализации просоциальных ценностей, в отличие от российских, казахских и тувинских студентов; по показателю реализации социальных ценностей, в отличие от российских, казахских и тувинских студентов; по реализации ценности саморазвития, в отличие от российских, тувинских и китайских студентов. Также европейские студенты достоверно отличаются самыми низкими значениями по сравнению со всеми остальными группа-

ми по стремлению к достижению ценностей самореализации, физического здоровья и психологического комфорта. При этом значимых различий между остальными четырьмя группами по данным ценностям не обнаружено. Достоверно высокими показателями по стремлению к реализации ценности самоутверждения отличаются китайские студенты по сравнению с европейскими, при этом достоверных различий с другими группами не обнаружено. Самое достоверно высокое стремление к реализации религиозных ценностей свойственно группе казахских студентов, в отличие от остальных групп студентов. А стремление к достижению материальных ценностей достоверно более выражено в группе китайских студентов, в отличие от российских, тувинских и европейских студентов.

Таблица 2

Результаты описательной статистики по выраженности ценностных ориентаций, связанных с переживанием счастья, в изучаемых группах

Показатели (значения сравнительного анализа Краскела-Уоллиса)*	Группа	min	max	M	SD	As	Значения попарного сравнительного анализа Манна-Уитни*
Просоциальные N=10,50; p=0,03	1	0,00	1,00	0,68	0,33	-1,02	U(1, 5)=348,50; p=0,02 U(2, 5)=392,00; p=0,02 U(3, 5)=481,00; p=0,02
	2	0,00	1,00	0,67	0,31	-0,85	
	3	0,00	1,00	0,67	0,34	-0,63	
	4	0,00	1,00	0,56	0,35	-0,11	
	5	0,00	1,00	0,47	0,35	0,25	
Самореализация N=21,85; p=0,00	1	0,10	1,00	0,74	0,23	-1,05	U(1, 5)=225,50; p=0,00 U(2, 5)=286,50; p=0,00 U(3, 5)=399,00; p=0,00 U(4, 5)=657,50; p=0,00
	2	0,20	1,00	0,69	0,27	-0,44	
	3	0,00	1,00	0,66	0,30	-0,84	
	4	0,00	1,00	0,61	0,33	-0,30	
	5	0,00	1,00	0,41	0,32	0,54	
Самоутверждение N=7,82; p=0,09	1	0,00	1,00	0,42	0,25	0,27	U(4, 5)=692,00; p=0,01
	2	0,00	1,00	0,40	0,25	0,56	
	3	0,00	1,00	0,41	0,26	0,35	
	4	0,00	1,00	0,52	0,33	0,14	
	5	0,00	1,00	0,34	0,27	0,84	

Показатели (значения сравнительного анализа Краскела-Уоллиса)*	Группа	min	max	M	SD	As	Значения попарного сравнительного анализа Манна–Уитни*
Физическое здоровье H=11,48; p=0,02	1	0,10	1,00	0,68	0,29	-0,36	U(1, 5)=330,00; p=0,01
	2	0,30	1,00	0,64	0,19	-0,12	U(2, 5)=405,00; p=0,02
	3	0,00	1,00	0,68	0,29	-0,64	U(3, 5)=444,00; p=0,01
	4	0,00	1,00	0,59	0,34	-0,12	U(4, 5)=787,00; p=0,07
	5	0,00	1,00	0,46	0,35	0,22	
Психологический комфорт H=12,77; p=0,01	1	0,10	0,90	0,54	0,27	-0,21	U(1, 5)=304,50; p=0,00
	2	0,10	1,00	0,48	0,28	0,41	U(2, 5)=393,50; p=0,02
	3	0,00	1,00	0,48	0,29	0,21	U(3, 5)=473,00; p=0,02
	4	0,00	1,00	0,49	0,32	0,31	U(4, 5)=660,50; p=0,00
	5	0,00	1,00	0,33	0,31	0,94	
Религиозные H=7,32; p=0,12	1	0,00	0,70	0,17	0,26	1,21	U(1, 2)=224,00; p=0,04
	2	0,00	1,00	0,41	0,43	0,38	U(2, 3)=299,00; p=0,02
	3	0,00	1,00	0,18	0,32	1,59	U(2, 5)=454,00; p=0,07
	4	0,00	1,00	0,25	0,32	1,05	
	5	0,00	1,00	0,23	0,34	1,23	
Социальные H=23,44; p=0,00	1	0,10	1,00	0,74	0,22	-1,22	U(1, 4)=402,50; p=0,06
	2	0,00	1,00	0,77	0,23	-1,69	U(1, 5)=233,50; p=0,00
	3	0,00	1,00	0,68	0,32	-0,68	U(2, 4)=413,00; p=0,02
	4	0,00	1,00	0,56	0,34	-0,18	U(2, 5)=240,00; p=0,00
	5	0,00	1,00	0,45	0,30	0,31	U(3, 5)=418,00; p=0,00
Материальные H=9,09; p=0,05	1	0,00	1,00	0,33	0,33	0,46	U(1, 4)=394,50; p=0,04
	2	0,00	1,00	0,42	0,34	0,38	U(3, 4)=466,00; p=0,01
	3	0,00	1,00	0,29	0,30	0,99	U(4, 5)=784,50; p=0,06
	4	0,00	1,00	0,50	0,32	-0,11	
	5	0,00	1,00	0,37	0,32	0,35	
Саморазвитие H=11,84; p=0,02	1	0,00	1,00	0,48	0,33	0,07	U(1, 5)=366,00; p=0,03
	2	0,00	1,00	0,38	0,34	0,49	U(2, 3)=322,00; p=0,09
	3	0,00	1,00	0,51	0,28	-0,22	U(3, 5)=419,50; p=0,00
	4	0,00	1,00	0,50	0,36	-0,00	U(4, 5)=699,00; p=0,01
	5	0,00	1,00	0,31	0,30	0,89	

Примечание: 1 – российские, 2 – казахи, 3 – тувинцы, 4 – китайцы, 5 – европейцы; * – указываются только значимые различия и различия на уровне тенденции; в скобках указаны номера групп, которые сравнивались.

С помощью корреляционного анализа были установлены взаимосвязи между общим показателем удовлетворенности жизнью и шкалами позитивного и негативного аффекта для каждой группы

студентов. Установлена прямая взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и положительным аффектом в группах российских ($r=0,33$, $p\leq 0,01$), китайских ($r=0,42$, $p\leq 0,01$) и европейских ($r=0,38$,

$p \leq 0,01$) студентов. Обратная взаимосвязь удовлетворенности жизнью с негативным аффектом установлена только в группе российских студентов ($r = -0,41$, $p \leq 0,05$).

Изучены взаимосвязи между выраженностью ценностей, реализация которых связана с переживанием счастья, и субъективным качеством жизни, представленным его когнитивным и эмоциональным компонентами внутри каждой группы. В группе российских студентов установлена отрицательная взаимосвязь между «материальными ценностями» и общим показателем удовлетворенности жизнью ($r = -0,41$, $p \leq 0,05$). С показателем эмоционального компонента субъективного качества жизни значимой связи не выявлено. В группе студентов-тувинцев обнаружены прямые связи ценностей «самореализации» ($r = 0,56$, $p \leq 0,01$), «самоутверждения» ($r = 0,44$, $p \leq 0,05$), «саморазвития» ($r = 0,45$, $p \leq 0,01$), «социальных ценностей» ($r = 0,47$, $p \leq 0,01$), «материальных ценностей» ($r = 0,43$, $p \leq 0,05$) с интегральным показателем позитивного аффекта. С когнитивным компонентом субъективного качества жизни значимых взаимосвязей нет.

В группе казахских студентов не обнаружено значимых взаимосвязей между ценностями, связанными с переживанием счастья, и общим показателем удовлетворенности жизнью. При этом значимые обратные взаимосвязи были выявлены между ценностями «самореализации» ($r = -0,46$, $p \leq 0,05$) и «самоутверждения» ($r = -0,42$, $p \leq 0,05$) и утверждением «Если бы я мог прожить свою жизнь заново, я бы практически ничего в ней не изменил», а также между ценностью «психологический комфорт» ($r = -0,49$, $p \leq 0,05$) и утверждением «Во многих отношениях моя жизнь близка к идеалу». С эмоциональным компонентом значимых связей не выявлено.

В группе китайских студентов выявлены положительные взаимосвязи ценностей «самореализации» ($r = 0,44$, $p \leq 0,01$), «социальных ценностей» ($r = 0,34$, $p \leq 0,01$) с интегративным показателем положительных эмоций; отрицательные взаимосвязи между ценностями «самореализации» ($r = -0,33$, $p \leq 0,05$), «самоутверждения» ($r = -0,33$, $p \leq 0,05$), «физического здоровья» ($r = -0,33$, $p \leq 0,05$), «психологического комфорта» ($r = -0,33$, $p \leq 0,05$), «социальными ценностями» ($r = -0,42$, $p \leq 0,01$), «материальными ценностями» ($r = -0,34$, $p \leq 0,05$) и интегральным показателем отрицательных эмоций. Значимой связи ценностей счастья с когнитивным компонентом субъективного качества жизни не обнаружено.

В группе европейских студентов не выявлена связь между показателями ценностей счастья и общим уровнем удовлетворенности жизнью, однако между отдельными утверждениями опросника удовлетворенности жизнью значимые связи обнаружены. Так, ценность «самоутверждения» отрицательно взаимосвязана с утверждениями «Условия моей жизни замечательны» ($r = -0,39$, $p \leq 0,01$) и «Если бы я мог(ла) прожить свою жизнь заново, я бы практически ничего в ней не изменил(а)» ($r = -0,32$, $p \leq 0,05$). Показатель «социальные ценности» значимо взаимосвязан с утверждением «Во многих отношениях моя жизнь близка к идеалу» ($r = -0,33$, $p \leq 0,05$).

Обсуждение результатов

Изучение общей удовлетворенности жизнью как когнитивного компонента субъективного благополучия показало, что большинство студентов всех групп удовлетворены своей жизнью. При этом китайские студенты менее удовлетво-

рены условиями своей жизни в настоящем по сравнению с другими группами студентов. Представления об идеальной жизни и реальная жизнь студентов больше совпадают у российских и казахских студентов, что нельзя сказать о представителях китайских и европейских студентов. У российских и казахских студентов оказалось больше желаний и целей в жизни, которые еще не реализованы. При этом большинство российских и казахских студентов устраивает их прошлое и они ничего не хотят в нем менять по сравнению с китайскими студентами. Изучение эмоционального компонента субъективного качества жизни показало, что у большинства студентов положительные эмоции доминируют над негативными.

Результаты корреляционного анализа говорят о том, что модальность эмоциональных состояний тесно связана с когнитивным компонентом субъективного качества жизни у российских студентов: при переживании разного рода позитивных эмоций студенты выражают удовлетворенность своей жизнью, в то время как доминирование эмоций негативной аффективности сопряжено со снижением удовлетворенности жизнью. Такая связь негативных эмоций со снижением удовлетворенности жизнью не характерна для других культуральных групп студентов. Взаимосвязь положительных эмоций с удовлетворенностью жизнью у китайских и европейских студентов может указывать на необходимость создания для них условий для переживания широкого спектра позитивных эмоций в поликультурной образовательной среде. У казахских и тувинских студентов взаимосвязей эмоций и общей удовлетворенности жизнью не выявлено. У тувинских студентов рост неудовлетворенности жизнью может проявляться в снижении

их активности, энтузиазма. Выявленные различия важно учитывать в психопрофилактической работе со студентами, а также для оптимизации их образовательного процесса в вузе. Полученные результаты согласуются с ранее проведенными исследованиями о том, что оптимизм, активные жизненные стратегии прямо коррелируют с субъективным благополучием, с высокой оценкой качества жизни [2].

Полученные результаты указывают на значимые различия в ценностях, реализация которых приносит счастье, а также на особенности их связей с субъективной оценкой качества жизни в группах студентов. Так, реализация просоциальных и социальных ценностей, связанных с желанием внести свой вклад в общество, что-то полезное сделать для людей, быть в тесных позитивных отношениях со своими близкими и друзьями, более вызывает переживание радости и счастья у российской, тувинской, китайской и казахской групп, чем у европейских студентов. Ощущение радости от самосовершенствования, умственной деятельности, приобретения опыта более выражено у российских, тувинских и китайских студентов, чем у европейских студентов. Для студентов европейской группы самореализация, физическое здоровье и психологический комфорт оказались менее значимыми для переживания радости и счастья, что может указывать на их низкую значимость в иерархии актуальных ценностей. Уверенность в том, что они проживают свою жизнь в согласии со своими духовными убеждениями, более способствует переживанию радости и счастья у студентов-казахов. Отсутствие различий в ценностях самоутверждения и материальных ценностях между группами, вероятно, обусловлено возрастной однородностью групп и ха-

рактерными данному возрасту особенностями, связанными с поиском собственной идентичности и самоутверждением личности.

В различных культуральных группах студентов были выявлены связи определенных ценностей с общим показателем и отдельными шкалами удовлетворенности жизнью, а также позитивными и негативными эмоциями. Выявленные значимые корреляционные связи говорят о том, что те российские студенты, которые в меньшей степени ориентируются на материальные ценности, чувствуют себя более удовлетворенными своей жизнью. Выявленный фактор согласуется с литературными данными [13; 18]. Тувинские студенты, которые стремятся к самореализации, самоутверждению, саморазвитию, которым приносят радость тесные социальные связи, а также те, которые ориентированы на улучшение своего материального положения, чаще и интенсивнее испытывают позитивные эмоции, в том числе и энтузиазм, который для данной группы студентов оказался менее выраженным по сравнению с другими. То есть студенты-тувинцы с такими ценностными ориентациями оказываются более активными и позитивно настроенными. Что касается радости в достижении материального достатка, то, как отмечают исследователи [7; 12], — это новые ценности для коренных народов Сибири, которые появляются при выходе представителей за пределы традиционного круга ценностей в современное поликультурное пространство. В группе казахских студентов более удовлетворенными своей жизнью в прошлом оказались те, кто не стремится к самореализации и самоутверждению. Вероятно, удовлетворение собственных потребностей за счет других в прошлом не сформировало удовлетворение от

собственных усилий, от собственного самостояния в жизни. С другой стороны, можно предположить, что неудовлетворенность своей жизнью в прошлом, желание что-то в ней изменить служат стимулом к собственному самоутверждению и самореализации. Также у тех студентов-казахов, кто считает, что их реальная жизнь совпадает с их идеалом, ценность психологического комфорта не является столь значимой для переживания счастья, так как она уже реализована. В группе китайских студентов удовольствие и радость могут доставлять и процесс самореализации, и тесные позитивные социальные контакты, что отражает как традиционные восточные ценности, так и обогащение современной молодежи ценностями других культур, например, в данном случае — западной. Отрицательные эмоции в меньшей мере характерны для тех студентов-китайцев, которые стремятся к самореализации, самоутверждению, для кого важны физическое здоровье и психологический комфорт, социальные и материальные ценности. В европейской группе более удовлетворенными условиями своей жизни в настоящем и прошлом оказываются те, кто не стремится к самоутверждению. В то же время студенты с такими амбициями могут быть более склонны к переживанию неудовлетворенности условиями своей жизни в прошлом и настоящем, что подтверждалось различными исследованиями и представлено в литературе. Более удовлетворенными от того, что реальная жизнь совпадает с их идеалом, оказываются те европейские студенты, которые менее ориентированы на социальные ценности. Вероятно, это позволяет им больше концентрироваться на реализации собственных задач, чем прилагать усилия на социальные взаимодействия.

Таким образом, гипотеза была подтверждена в следующих допущениях — между исследовавшимися группами выявлены значимые различия: в отдельных аспектах удовлетворенности жизнью, в выраженности ценностей и особенностях их связей с индикаторами субъективного благополучия.

Выводы

1. Большинство представителей всех культуральных групп удовлетворены своей жизнью, что проявляется как на уровне осознания, так и в эмоциональном функционировании большинства студентов. В то же время существуют статистически значимые различия в показателях удовлетворенности жизнью между культуральными группами в когнитивном и в эмоциональном компонентах субъективного благополучия, возможно, связанные с культуральными особенностями.

2. Выявленные различия в ценностях, реализация которых позволяет студентам переживать чувства радости и счастья, как согласуются с существующими традиционными данными, так и не совпадают с ними, отражая современные культурные трансформации — например, просоциальные и социальные ценности более характерны для коллективистских культур (российская, тувинская, казахская, китайская группы), однако группы китайских и тувинских студентов

указали, что большую радость и счастье они испытывают при реализации таких ценностей, как когнитивное развитие и приобретение жизненного опыта; индивидуальные ценности более характеризуют западную культуру, однако ценности самореализации, психологического и физического комфорта оказались менее вызывающими радость и переживания счастья в группе европейских студентов.

3. Определены значимые взаимосвязи ценностных ориентаций и компонентов субъективного качества жизни в группах студентов, которые могут указывать на культуральные различия.

4. Результаты корреляционного анализа объективируют задачу уточнения характера связей ценностных ориентаций и субъективного благополучия студентов в рамках кросскультурного сравнения с целью определения мишеней и задач профилактики явлений дезадаптации в условиях образовательной миграции, оптимизации психолого-педагогического сопровождения процесса образования и психологической помощи студентам в условиях поликультурной среды университета.

5. Перспективами дальнейших исследований выступают поиск и изучение личностных предикторов, опосредствующих трансформацию объективных условий (возможностей) в деятельность, функционирование и субъективное благополучие представителей различных культуральных групп.

Литература

1. Батхина А.А. Стратегии поведения в межкультурном конфликте: обзор зарубежных исследований // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 45–62. DOI:10.17759/sps.2017080305
2. Волох В.А., Гришаева С.А. Международная образовательная миграция в современной России: особенности, проблемы и перспективы // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 1(120). С. 80–87. DOI:10.17922/2071-3665-2017-16-1-80-87
3. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии Теста диспозиционного оптимизма (lot) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36–64.

4. Долженко Р.А., Аксёнов К.А. Некоторые актуальные проблемы современной трудовой и образовательной миграции в Российской Федерации // Экономика. Профессия. Бизнес. 2016. № 3. С. 46–51.
5. Дулина Н.В., Икингрин Е.Н. К вопросу об образовательной миграции студентов вузов внутри страны (по итогам прикладного социологического исследования) // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2016. № 1(4). С. 61–64.
6. Кох И.А., Орлов В.А. Ценности и профессиональное самоопределение студенческой молодежи // Образование и наука. 2020. Том 22. № 2. С. 143–170. DOI:10.17853/1994-5639-2020-2-143-170.
7. Лебедева А.А. Теоретические подходы и методологические проблемы изучения качества жизни в науках о человеке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Том 9. № 2. С. 3–19.
8. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1(155). С. 14–37. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.02
9. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 15 / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2018. 184 с.
10. Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.
11. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1(155). С. 117–142. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.06
12. Почебут Л.Г., Безносов Д.С. Ассертивность и толерантность в межкультурном взаимодействии // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 8–19. DOI:10.17759/sps.2017080302
13. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 2. С. 90–108. DOI:10.17759/cpp.2020280205
14. Суворова В.А., Бронников И.А. Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации // Управление. 2019. № 4. С. 131–139. DOI:10.26425/2309-3633-2019-4-131-139
15. Bahns A.J., Lee J., Crandall C.S. Culture and mobility determine the importance of similarity in friendship // Journal of cross-cultural psychology. 2019. Vol. 50, is. 6. P. 731–750. DOI:10.1177/0022022119852424
16. Bebko G.M., Chiao J.Y., Cheon B.K., Ochsner K.N. Cultural differences in perceptual strategies underlying emotion regulation // Journal of cross-cultural psychology. 2019. Vol. 50, is. 9. P. 1014–1026. DOI:10.1177/0022022119876102
17. Cappellen P., TothGauthier M., Saroglou V., Fredrickson B.L. Religion and WellBeing: The Mediating Role of Positive Emotions // Journal of Happiness Studies. 2016. Vol. 17. № 2. P. 485–505. DOI:10.1007/s1090201496055
18. Chiu C.Y., Chia S.I., Wan W.W.N. Measures of cross-cultural values, personality and beliefs // Measures of Personality and Social Psychological Constructs. 2014. P. 621–651. DOI:10.1016/B978-0-12-386915-9.00022-X
19. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. P. 542–575. DOI:10.1037/0033-2909.95.3.542
20. Ford B.Q., Dmitrieva J.O., Heller D., Chentsova-Dutton Y., Grossmann I., Tamir M., Uchida Y., Koopmann-Holm B., Floerke V.A., Uhrig M., Bokhan T., Mauss I.B. Culture shapes whether the pursuit

- of happiness predicts higher or lower well-being // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2015. Vol. 144. P. 1053–1062. DOI:10.1037/xge0000108
21. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011. Vol. 2(1). DOI:10.9707/2307-0919.1014
22. Lyubomirsky S. The myths of happiness: What should make you happy, but doesn't, what shouldn't make you happy, but does. New York: Penguin Press, 2013. 298 p. DOI:10.1007/s10902-014-9574-8
23. Siddiqi N., Shafiq M. Cultural value orientation and gender equity: a review // *Social Psychology and Society*. 2017. Vol. 8, no. 3. P. 31–44. DOI:10.17759/sps.2017080304
24. Sirgy M.J. The psychology of quality of life. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 2010. 296 p.

References

1. Batkhina A.A. Strategii povedeniya v mezhhkul'turnom konflikte: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Behavioral strategies in cross-cultural conflict: a review of foreign research]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. T. 8, № 3, S. 45–62. DOI:10.17759/sps.2017080305 (In Russ.).
2. Volokh V.A., Grishaeva S.A. Mezhdunarodnaya obrazovatel'naya migratsiya v sovremennoi Rossii: osobennosti, problemy i perspektivy [International educational migration in Modern Russia: peculiarities, problems and prospects]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya = Social policy and sociology*, 2017. T. 16, № 1(120), S. 80–87. DOI:10.17922/2071-3665-2017-16-1-80-87 (In Russ.).
3. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Razrabotkarusskoyazychnoi versii Testa dispozitsionnogo optimizma (lot) [Development of the Russian-language version of the Dispositional Optimism Test (lot)]. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological diagnostics*, 2010, № 2, S. 36–64. (In Russ.).
4. Dolzhenko R.A., Aksenov K.A. Nekotorye aktual'nye problemy sovremennoi trudovi i obrazovatel'noi migratsii v Rossiiskoi Federatsii [Some actual problems of modern labor and educational migration in the Russian Federation]. *Ekonomika. Professiya. Biznes = Economics. Profession. Business*, 2016, № 3, S. 46–51. (In Russ.).
5. Dulina N.V., Ikingrin E.N. K voprosu ob obrazovatel'noi migratsii studentov vuzov vnutri strany (po itogam prikladnogo sotsiologicheskogo issledovaniya) [On the issue of educational migration of University students within the country (based on the results of applied sociological research)]. *Sotsial'no-gumanitarnyi vestnik Priaspriya = Socio-humanitarian Bulletin of the Caspian sea*, 2016, № 1 (4), S. 61–64. (In Russ.).
6. Kokh I.A., Orlov V.A. Tsennosti i professional'noe samoopredelenie studencheskoi molodezhi [Values and professional identity of student-age population]. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*, 2020. T. 22, № 2, S. 143–170. DOI:10.17853/1994-5639-2020-2-143-170 (In Russ.).
7. Lebedeva A.A. Teoreticheskie podkhody i metodologicheskie problemy izucheniya kachestva zhizni v naukakh o cheloveke [Theoretical approaches and methodological issues of life quality research in human sciences]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012. T. 9, № 2, S. 3–19 (In Russ.).
8. Leont'ev D.A. Shast'e i sub'ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatiinogo polya [Happiness and well-being: toward the construction of the conceptual field]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2020, № 1 (155), S. 14–37. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.02 (In Russ.).
9. Obuchenie inostrannykh grazhdan v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Rossiiskoi Federatsii: Statisticheskii sbornik. Vypusk 15 [Training of foreign citizens in higher educational institutions of the Russian Federation: Statistical collection. Issue 15]. Ministerstvo obrazovaniya i nauki

- Rossiiskoi Federatsii [Ministry of education and science of the Russian Federation]. *M.: Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy = M.: Center for sociological research*, 2018. 184 s. (In Russ.).
10. Osin E.N. Izmerenie pozitivnykh i negativnykh emotsii: razrabotka russkoyazychnogo analoga metodiki PANAS [Measuring positive and negative affect: development of a russian-language analogue of PANAS]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012. T. 9, № 4, S. 91–110. (In Russ.).
 11. Osin E.N., Leont'ev D.A. Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub"ektivnogo blagopoluchiya: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyi analiz [Brief russian-language instruments to measure subjective well-being: psychometric properties and comparative analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2020, № 1 (155), S. 117–142. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.06 (In Russ.).
 12. Pochebut L.G., Beznosov D.S. Assertivnost' i tolerantnost' v mezhkul'turnom vzaimodejstvii [Assertiveness and tolerance in cross-cultural interaction]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. T. 8, № 3, S. 8–19. DOI:10.17759/sps.2017080302 (In Russ.).
 13. Rasskazova E.I., Leont'ev D.A., Lebedeva A.A. Pandemiya kak vyzov sub"ektivnomu blagopoluchiyu: trevoga i sovladanie [Pandemic as a challenge to subjective well-being: anxiety and coping]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling psychology and psychotherapy*, 2020. T. 28, № 2, S. 90–108. DOI:10.17759/cpp.2020280205 (In Russ.).
 14. Suvorova V.A., Bronnikov I.A. Mezhdunarodnaya obrazovatel'naya migratsiya kak «resurs myagkoi sily» v epokhu globalizatsii [International educational migration as a «soft power resource» in the globalization era]. *Upravlenie = Upravlenie*, 2019, № 4, S. 131–139. DOI:10.26425/2309-3633-2019-4-131-139 (In Russ.).
 15. Bahns A.J., Lee J., Crandall C.S. Culture and mobility determine the importance of similarity in friendship. *Journal of cross-cultural psychology*, 2019. Vol. 50, no. 6, pp. 731–750. DOI:10.1177/0022022119852424
 16. Bebeko G.M., Chiao J.Y., Cheon B.K., Ochsner K.N. Cultural differences in perceptual strategies underlying emotion regulation. *Journal of cross-cultural psychology*, 2019. Vol. 50, no. 9, pp. 1014–1026. DOI:10.1177/0022022119876102
 17. Cappellen P., Toth-Gauthier M., Saroglou V., Fredrickson B.L. Religion and WellBeing: The Mediating Role of Positive Emotions. *Journal of Happiness Studies*, 2016. Vol. 17, no. 2, pp. 485–505. DOI:10.1007/s1090201496055
 18. Chiu C.Y., Chia S.I., Wan W.W.N. Measures of cross-cultural values, personality and beliefs. *Measures of Personality and Social Psychological Constructs*, 2014, pp. 621–651. DOI:10.1016/B978-0-12-386915-9.00022-X
 19. Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 1984. Vol. 95, pp. 542–575. DOI:10.1037/0033-2909.95.3.542
 20. Ford B.Q., Dmitrieva J.O., Heller D., Chentsova-Dutton Y., Grossmann I., Tamir M., Uchida Y., Koopmann-Holm B., Floerke V.A., Uhrig M., Bokhan T., Mauss I.B. Culture shapes whether the pursuit of happiness predicts higher or lower well-being. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2015. Vol. 144, pp. 1053–1062. DOI:10.1037/xge0000108
 21. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2011. Vol. 2, no. 1. DOI:10.9707/2307-0919.1014
 22. Lyubomirsky S. The myths of happiness: What should make you happy, but doesn't, what shouldn't make you happy, but does. New York: Penguin Press, 2013. 298 p. DOI:10.1007/s10902-014-9574-8
 23. Siddiqi N., Shafiq M. Cultural value orientation and gender equity: a review. *Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 31–44. DOI:10.17759/sps.2017080304
 24. Sirgy M.J. The psychology of quality of life. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 2010. 296 p.

Информация об авторах

Бохан Татьяна Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психотерапии и психологического консультирования, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (НИ ТГУ), г. Томск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1454-3869>, e-mail: btg960@mail.ru

Ульянич Анна Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (НИ ТГУ), г. Томск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3154-3756>, e-mail: fiale@yandex.ru

Терехина Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (НИ ТГУ), г. Томск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0964-9175>, e-mail: doterekhina@mail.ru

Видякина Тамара Андреевна, младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований качества жизни, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (НИ ТГУ), г. Томск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1421-9201>, e-mail: tatym@sibmail.com

Галажинский Эдуард Владимирович, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований качества жизни, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (НИ ТГУ), г. Томск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9596-5950>, e-mail: psihoterapiya@rambler.ru

Information about the authors

Tatiana G. Bokhan, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1454-3869>, e-mail: btg960@mail.ru

Anna L. Ulyanich, PhD in Psychology, Associate Professor of Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3154-3756>, e-mail: fiale@yandex.ru

Olga V. Terekhina, PhD in Psychology, Associate Professor of Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0964-9175>, e-mail: doterekhina@mail.ru

Tamara A. Vidyakina, Junior Researcher of the laboratory for comparative research in quality of life, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1421-9201>, e-mail: tatym@sibmail.com

Eduard V. Galazhinskiy, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Lead Researcher of the laboratory for comparative research in quality of life, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9596-5950>, e-mail: psihoterapiya@rambler.ru

Получена 06.10.2020

Received 06.10.2020

Принята в печать 20.01.2021

Accepted 20.01.2021

Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска

Муращенкова Н.В.

**ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» (ФГБОУ ВО «СмоЛГУ»),
г. Смоленск, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Цель. *Определение характера связи ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи.*

Контекст и актуальность. *В современных условиях роста эмиграционных настроений и реального эмиграционного поведения российской молодежи особо значимой является проблема выявления психологических предикторов эмиграционных намерений студенчества как группы, отличающейся выраженной познавательной мотивацией, высоким образовательным уровнем, социальной активностью и мобильностью.*

Дизайн исследования. *Автор опирается на положения теории планируемого поведения А. Айзена и теории индивидуальных базовых ценностей Ш. Шварца. Эмпирическое исследование проводилось в форме очного анонимного анкетирования по месту обучения респондентов на базе четырех крупнейших вузов города Смоленска. Выбор региона обусловлен его приграничным положением и невысокими показателями экономического развития.*

Участники. *Выборку исследования составили 255 студентов в возрасте от 17 до 24 лет (47% юношей и 53% девушек).*

Методы (инструменты). *Эмпирические методы: анкетирование с использованием «Портретного ценностного опросника Ш. Шварца» (PVQ-RR), закрытых вопросов для выявления эмиграционных намерений, открытых и закрытых вопросов для выявления социально-демографических данных респондентов. Методы обработки данных: частотный анализ, анализ дескриптивных статистик, расчет показателя согласованности шкал (α -Кронбаха), моделирование структурными уравнениями (SEM).*

Результаты. *Желание эмигрировать из России выражено более чем у половины респондентов. Обнаружены статистически значимые связи эмиграционных намерений респондентов и метаценностей «Сохранение» (отрицательная связь), «Самопреодоление» и «Самоутверждение» (положительные связи).*

Основные выводы. *Эмиграционные настроения большей части студенческой молодежи носят пассивный характер (не связаны с проявлением активных действий по реализации эмиграционного поведения). Обнаруженные связи метаценностей и эмиграционных намерений подтверждают наличие двух типов мотивации эмиграции у современных студентов. С одной стороны, для них значимы терпимость, понимание, забота, справедливость и их реализация в будущем в стране планируемого пребывания. С другой стороны, эмиграция — это возможность получить богатство и власть. Нивелирование значимости метаценности «Сохранение» студентами с эмиграционными намерениями является скорее ценностной основой готовности к эмиграции, нежели проявлением специфического эмиграционного мотива.*

Ключевые слова: *ценности, эмиграция, эмиграционное поведение, эмиграционное намерение, студенческая молодежь.*

Финансирование. Статья подготовлена участником Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в НИУ ВШЭ на базе Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ на основе данных, полученных в период стажировки. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-013-00156.

Благодарности. Автор выражает благодарность доктору психологических наук, главному научному сотруднику Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ А.Н. Татарко за поддержку и эффективное руководство научно-исследовательской работой автора в процессе стажировки в Центре социокультурных исследований НИУ ВШЭ (г. Москва).

Для цитаты: Мурашечкова Н.В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 77–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120106>

Interrelation of Values and Emigration Intentions of Student's Youth of Smolensk

Nadezhda V. Murashchenkova

Smolensk State University, Smolensk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Objectives. *Define the relationship between values and emigration intentions of student youth.*

Background. *In the current conditions of growing emigration sentiment and real emigration behavior of Russian youth, the problem of identifying psychological predictors of emigration intentions of students as a group characterized by expressed cognitive motivation, high educational level, social activity and mobility is particularly significant.*

Study design. *The author draws on the provisions of A. Aisen's theory of planned behavior and S. Schwartz's theory of basic individual values. A face-to-face anonymous questionnaire was conducted on the basis of the four largest universities in the city of Smolensk. The choice of the region is due to its border situation and low indicators of economic development.*

Participants. *255 students aged 17 to 24 (47% young man and 53% young girls).*

Measurements. *The main empirical method was poll. The questionnaire included "Portrait Value Questionnaire" (PVQ-RR) by S. Schwartz, closed questions to identify emigration intentions and open and closed questions to identify socio-demographics data of respondents. Data processing methods were used. These were frequency analysis, descriptive statistics, α -Chronbach, structural equation modeling (SEM).*

Results. *The desire to emigrate from Russia is expressed in more than half of respondents. Statistically significant connections of emigration intentions of respondents and meta-values "Conservation" (negative interrelation), "Self-Transcendence" and "Self-Enhancement" (positive interrelations) have been found.*

Conclusions. *The emigration sentiment of most student youth is passive and not linked to active activity. The relationships between meta-values and emigration intentions confirm the presence of two different types of emigration motivation in modern students. On the one hand, tolerance, understanding, care, justice and their implementation in the future in the country of planned stay are significant for them. Emigration, on the other hand, is an opportunity to gain wealth and power. Denying the value of the "Conservation" meta-value is more the value basis of emigration readiness than the manifestation of a particular emigration motive.*

Keywords: *values, emigration, emigration behavior, emigration intention, student's youth.*

Funding. The article was prepared by the participant of the «Program of internships of employees and the post-graduate students of Russian universities and scientific organizations in the NRU HSE» on the basis of the Center for Sociocultural Research of the NRU HSE, on the basis of the data received during internship. The reported study funded was by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number № 20-013-00156.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the Doctor of Science in Psychology, chief research fellow of the Center for Sociocultural Research of NRU HSE A.N. Tatarko for support and effective management of the author 's research work during the internship at the Center for Sociocultural Research in NRU HSE (Moscow).

For citation: Murashchenkova N.V. Interrelation of Values and Emigration Intentions of Student's Youth of Smolensk. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 77–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120106> (In Russ.).

Введение

Эмиграция в современной России

Проблема сохранения человеческого капитала в условиях страны заботила и заботит ученых из разных стран. Эмиграция — естественный процесс, характерный для всех обществ. Однако когда масштабы оттока граждан увеличиваются в разы, а основную долю эмигрантов составляют молодые, компетентные, высококвалифицированные граждане, речь идет об утрате человеческого капитала, неотвратимо сказывающейся на благополучии данного общества и страны в будущем. Эмиграция (от лат. *émigré* — выселяюсь, переселяюсь) в общем виде определяется в науке как «выезд из одной страны в другую на постоянное (иногда на неопределенно длительное время) проживание, как правило, с изменением гражданства» [28, с. 332].

Как отмечает С.В. Фролова [21], в социальной психологии эмиграцию стоит рассматривать как особый вид социального поведения личности, которое влечет за собой изменение различных сторон жизни субъекта, а также трансформацию его социальной идентичности. Ю.П. Зинченко и О.Ю. Зотова [9] указывают на то,

что эмиграция — это революция для каждого отдельного человека. А массовую эмиграцию молодого трудоспособного населения из страны можно сравнить с революцией для общества в целом.

Для России проблема эмиграции молодежи сегодня особенно остра. По официальным данным [3] только в 2018 году из России эмигрировали 440831 человек, из которых более 41% — это лица в возрасте от 20 до 34 лет. И, вероятно, в реальности данная цифра выше, так как официальная статистика не включает информацию о тех, кто переезжает за границу, но не снимается с регистрационного учета по месту жительства.

Актуальные эмиграционные настроения российской молодежи отражены в данных опроса Левада-Центра¹, проведенного в сентябре 2019 года [6]: 53% опрошенных в возрасте 18–24 лет хотят уехать за границу на постоянное место жительства. Рост эмиграционных намерений у молодых людей фиксируется данным Центром начиная с 2014 года, а ученые [4; 10] отмечают, что эмиграционные намерения были и остаются достаточно распространенным явлением в среде российской молодежи.

¹ С 05.09.2016 г. «Левада-Центр» включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Студенчество в проблемном поле эмиграции

В рамках изучения эмиграционной активности молодежи особого внимания требует анализ эмиграционных намерений студенчества как специфической группы, отличающейся выраженной познавательной мотивацией, высоким образовательным уровнем, социальной активностью, мобильностью, сочетанием интеллектуальной и социальной зрелости [26].

Риск утраты представителей студенчества в результате эмиграции может быть обусловлен не только их психологическими особенностями, но и специфическими особенностями среды, в которой они находятся [1; 20]. С одной стороны, это современная образовательная среда вузов, ориентированная на международное сотрудничество. Что предполагает предоставление многими учебными заведениями возможности для студентов участвовать в программах международной академической мобильности, краткосрочных программах обмена, языковых образовательных программах и т.д. Данный опыт может стать как основным каналом эмиграции для студентов в настоящем, так и этапом формирования эмиграционных намерений с их последующей реализацией в будущем [13; 20]. Другая особенность среды функционирования современного студента — это широкое цифровое информационное пространство: активное использование информационных ресурсов и социальных сетей, предоставляющих в том числе и доступ к данным об основных каналах и механизмах эмиграции с возможностью личного общения и взаимодействия с эмигрировавшими сверстниками. Безусловно, это несет в себе дополнительные риски. Однако речь не идет о необходимости прекращения

международного сотрудничества, ликвидации перечисленных возможностей в вузовской среде, ограничения цифрового контента с целью сохранения человеческого капитала внутри страны. Речь идет о необходимости разработки на научной основе специальных программ предварительной подготовки студентов к международной академической мобильности, а также создания благоприятных условий в рамках страны для реализации устремлений и потенциала молодежи с целью профилактики ее эмиграционного поведения.

Эмиграционное намерение как элемент эмиграционного поведения

Эмиграционное поведение включает в себя несколько этапов, самым длительным из которых обычно является этап планирования, основной компонент которого — формирование эмиграционного намерения. В отечественной психологии намерение рассматривается как сознательное стремление завершить действие в соответствии с намеченной программой в условиях, когда цель деятельности отдалена и ее достижение отсрочено [11]. По аналогии эмиграционное намерение можно определить как сознательное стремление субъекта совершить эмиграцию в соответствии с намеченной программой в условиях, когда цель эмиграции отдалена и ее достижение отсрочено. Некоторые ученые [12; 13] отождествляют эмиграционные намерения с эмиграционными установками личности и готовностью действовать определенным образом. В отдельных исследованиях [21; 22] эмиграционное намерение рассматривается как сознательное построение жизненной стратегии через эмиграцию. Другие авторы [9] акцентируют внимание на тесной связи эмиграционного намерения и чувства безопасности

личности. В то же время ученые [8; 9; 12] указывают на недостаток эмпирических социально-психологических исследований намерений личности вообще и эмиграционных намерений в частности, что обусловлено в том числе и слабой разработанностью теоретической и методической базы подобных работ.

Одной из наиболее распространенных зарубежных концепций, на которую опираются исследователи при изучении различных форм поведения и активности человека, является теория планируемого поведения А. Айзена [29; 30]. На сегодняшний день эта концепция является одной из наиболее эмпирически подтвержденных на примерах самых разных типов поведения [17]. По А. Айзену, намерение — это фактор готовности личности к определенному поведению. Чем сильнее намерение — тем больше вероятность того, что человек реализует поведение. Согласно результатам отдельных зарубежных исследований [34; 35], эмиграционное поведение объясняется намерениями в среднем в 30–34% случаев. Отмечается особая значимость изучения именно эмиграционных намерений для понимания самого процесса принятия решения об эмиграции [34; 35].

Ценности как предикторы эмиграционных намерений

На эмиграционное поведение могут оказывать влияние различные факторы: экономические, экологические, политические, социальные. Однако не менее значимыми являются психологические факторы, к изучению которых в последнее время обращаются все больше ученых [2; 7; 15; 23; 25; 31; 33; 34]. В нашем исследовании затронута проблема определения роли ценностей как предикторов эмиграционных намерений студенческой молодежи. Ценности опосре-

дуют и регулируют поведение личности в самых разных сферах, в том числе и в ситуации эмиграции [33].

В современной психологии наиболее известной разработанной и эмпирически подтвержденной является теория индивидуальных ценностей Ш. Шварца [27; 32], согласно которой ценности — это мотивационные, надситуативные цели, являющиеся руководящими принципами в жизни людей и оказывающие влияние на их представления и поведение. Ш. Шварц описал 10 базовых ценностей, составляющих мотивационную основу субъекта, а в дальнейшем на основе имеющейся модели разработал более подробную из 19-и элементов [32].

По Ш. Шварцу, ценности включены в организованную систему, где ценностно-мотивационные оппозиции расположены на двух биполярных осях (4 типа ценностей высшего порядка). Первая ось «открытость изменениям—сохранение» на одном полюсе включает ценности «самостоятельность», «стимуляция», «гедонизм», а на другом — «традиция», «безопасность», «конформность». Вторая ось «самопреодоление—самоутверждение» на одном полюсе включает ценности «универсализм» и «благожелательность», а на другом — «достижение» и «власть».

В одной из своих работ Е. Гартаковский и Ш. Шварц [33] представили теоретическую типологию мотивации к эмиграции, разработанную на основе теории базовых человеческих ценностей. Опираясь на четыре блока ценностей высшего порядка, авторы предположили существование четырех типов мотивации эмиграции: сохранение (в основе метаценность «Сохранение»), саморазвитие («Открытость изменениям»), материализм («Самоутверждение») и идеализм («Самопреодоление»). Данная гипотеза была проверена и подтверждена (на вы-

борке молодых евреев из России, намеревающихся выехать за рубеж на постоянное место жительства) в отношении трех видов мотивации эмиграции: сохранения, саморазвития и материализма (мотивация идеализма в эмпирическом исследовании не изучалась). Результаты показали, что в основе эмиграционных намерений лежат базовые человеческие ценности, формирующие мотивы эмиграции и руководящие эмиграционным поведением субъектов.

Цель нашего исследования — выявление роли метаценностей (Ш. Шварц) в формировании эмиграционных намерений студенческой молодежи. Исследование носит поисковый характер и призвано ответить на вопрос (на примере выборки студенческой молодежи Смоленска): какие метаценности являются предикторами эмиграционных намерений студентов?

Исследование обладает новизной, так как аналогичных научных изысканий в современной отечественной психологии не представлено. Вывод о наличии/отсутствии и характере связи метаценностей и эмиграционных намерений студентов позволит лучше понять самоощущение современной молодежи в наличном социально-историческом контексте развития страны, а также предположить особенности личностной обусловленности эмиграционного поведения молодежи.

Методы

Выборка. В исследовании приняли участие 255 студентов в возрасте от 17 до 24 лет: 119 юношей (47%) и 136 девушек (53%) (медиана и средний возраст совпадают — 19 лет). Студентов, получающих специальности гуманитарного профиля, в выборке 29,02%, естественно-научного

(медицинского) профиля — 39,61%, технического — 31,37%. Большинство студентов считают себя русскими (86,27%). Выбор смолян в качестве респондентов обусловлен как географическим положением Смоленской области (приграничная территория, близость к странам Европейского союза), так и низкими показателями ее социально-экономического развития в сравнении с другими регионами России [16].

Процедура. Сбор эмпирических данных осуществлялся в процессе очного анонимного анкетирования студентов в период с октября 2019 года по январь 2020 года на базе четырех крупнейших смоленских вузов: Смоленский государственный медицинский университет, Смоленский государственный университет, «Национальный исследовательский университет «МЭИ» (филиал) в г. Смоленске, Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма.

Инструментарий исследования. В анкету были включены методики и вопросы, позволяющие оценить ценности, эмиграционные намерения молодежи, а также ряд социально-демографических параметров: пол, возраст, доход, место и направление обучения, национальность.

Оценка эмиграционных намерений

Эмиграционные намерения в соответствии с теорией планируемого поведения А. Айзена и разработанными им принципами построения методик [29; 30] оценивались с помощью 3-х вопросов/утверждений (α -Кронбаха=0,861). Первый вопрос: «Насколько вероятно, что Вы эмигрируете из России в течение пяти ближайших лет?» (шкала ответов: от 1 — «совершенно невероятно» до 6 — «очень вероятно»). Указание в вопросе пятилетнего рубежа обусловлено особенностями выборки: мы учли временной интервал

окончания вузовского обучения, что позволило исключить воздействие на ответы респондентов фактора необходимости/желательности окончания начатого в России обучения при оценке собственных эмиграционных намерений. Последующие два пункта были сформулированы в форме утверждений со шкалой от 1 — «абсолютно не согласен» до 6 — «абсолютно согласен» и тоже имели отсылку к пятилетнему интервалу осуществления задуманного: «Я хотел(а) бы начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет» и «Я собираюсь начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет». Подобные формулировки-шаблоны использовались отечественными исследователями для оценки предпринимательских [19] и эмиграционных [25] намерений. Для оценки эмиграционных желаний в анкету был добавлен вопрос «Хотите ли Вы сейчас эмигрировать из России?» (1 — «однозначно нет» — 6 — «однозначно да»).

Диагностика ценностей

Для выявления ценностей использовался обновленный «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца (PVQ-RR), адаптированный на российской выборке, включающий 57 утверждений [27; 32].

Выявление социально-демографических показателей

Пол, возраст, место и направление обучения, национальность и доход респонденты указывали самостоятельно.

Обработка данных. Использовались частотный анализ, описательная статистика, коэффициент α -Кронбаха, моделирование структурными уравнениями (SEM). Применялись пакет IBM SPSS Statistics 23 и программа IBM SPSS Amos 23.

В связи с тем, что в анкете все вопросы/утверждения, выявляющие эмиграционные тенденции молодежи, были прямыми, а соответствующие им шкалы — шестибалльными, в которых наименьшее значение соответствовало отрицанию эмиграционных намерений, а наибольшее — их подтверждению, деление респондентов на предпочитающих/отвергающих эмиграционное поведение проходило по срединному значению в 3,5 балла. Таким образом, группу студентов, отвергающих те или иные проявления собственного эмиграционного поведения, составили респонденты, выбирающие варианты ответов в 1, 2 и 3 балла на соответствующие вопросы. Молодежь, отмечающая варианты ответов в 4, 5 и 6 баллов, была включена в группу респондентов, подтверждающих собственные эмиграционные намерения. Это позволило оценить в процентном соотношении выраженность эмиграционных тенденций в среде студенческой молодежи города Смоленска.

При обработке данных, полученных с помощью «Портретного ценностного опросника» Ш. Шварца (PVQ-RR), производился подсчет средних значений в соответствии с ключом по 10 универсальным ценностям и по 4 метаценностям.

Для оценки роли ценностей в формировании эмиграционных намерений студенческой молодежи использовался метод моделирования структурными уравнениями. В качестве зависимой переменной выступило эмиграционное намерение, которое моделировалось как латентный фактор, представленный тремя измеренными на выборке переменными согласно теории планируемого поведения А. Айзена. Предикторами в модели выступили 4 метаценности (по Ш. Шварцу).

При тестировании модели осуществлялся контроль социально-демографических переменных. На первом этапе был проведен множественный регрессионный анализ, в котором в качестве независимых переменных выступили социально-демографические параметры (пол, возраст и уровень дохода респондентов), а в качестве зависимых — поочередно 10 ценностей и 3 измеренные переменные-компоненты эмиграционного намерения (по А. Айзену). Было выявлено несколько значимых связей: с возрастом респондентов оказались отрицательно связаны ценности «стимуляция» ($\beta = -0,145$, $p = 0,025$), «безопасность» ($\beta = -0,172$, $p = 0,008$) и «универсализм» ($\beta = -0,142$, $p = 0,026$); ценность «благожелательность» оказалась более значима для девушек, нежели для юношей ($\beta = 0,151$, $p = 0,019$), а уровень дохода был отрицательно связан с ценностью «универсализм» ($\beta = -0,142$, $p = 0,026$). Далее осуществлялся второй этап, связанный с контролем дисперсии, объясняемой переменными, включенными в модель. Для этого проводился множественный регрессионный анализ, где в качестве зависимых переменных поочередно выступали переменные, использованные в модели (ценности и измеренные переменные-компоненты эмиграционного намерения по А. Айзену), а независимыми переменными были пол, возраст и уровень дохода. Затем в качестве отдельных переменных сохранялись нестандартизированные регрессионные остатки всех переменных, используемых в модели. Это и были значения переменных, очищенные от дисперсии, объясняемой социально-демографическими характеристиками респондентов. Именно эти очищенные от влияния демографии переменные использовались в дальнейших расчетах.

Результаты

Рассмотрим распределение ответов респондентов, отражающих их эмиграционные намерения. Вероятность собственной эмиграции в течение ближайших пяти лет отмечают лишь 15,69% респондентов, в то время как 84,31% не верят в то, что эмигрируют из России в ближайшие годы. В то же время процент тех, кто хотел бы начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет и собирается это сделать, выше отметки в 15,69%. Так, с утверждением «Я хотел(а) бы начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет» согласились 39,22% респондентов, но о планах относительно проявления активности в подготовке к эмиграции высказались лишь 23,92%.

Несколько иная ситуация обстоит с распределением ответов на вопрос относительно *желания* эмигрировать, на который утвердительно ответили 52,16% респондентов. Тенденция рассогласования *эмиграционных желаний и намерений предпринимать активные действия* по подготовке к эмиграции среди молодежи прослеживается и по показателям дескриптивных статистик (см. таблицу): среднее и медиана переменной желательности эмиграции лежат в области предпочтений соответствующего поведения у студентов (значения выше 3-х), в то время как среднее и медиана компонентов эмиграционных намерений молодежи (А. Айзен), связанных с проявлением эмиграционной активности, лежат в области отрицания подобных действий (значения до 3-х).

Представленная в таблице иерархия ценностей студентов-смолян выглядит следующим образом: наименее важными для молодых людей, согласно средним по выборке, оказались ценности «власть», «конформность» и «традиция»; больший

Таблица

Дескриптивные статистики ценностей и утверждений, направленных на оценку эмиграционных намерений молодежи (ценности представлены в порядке убывания значимости по средним)

Переменные	Минимум	Максимум	Медиана	Среднее	Стандартное отклонение
Желание эмигрировать из России сейчас					
«Хотите ли Вы сейчас эмигрировать из России?»	1,00	6,00	4,00	3,56	1,74
Эмиграционное намерение (теория А. Айзена)					
«Насколько вероятно, что Вы эмигрируете из России в течение пяти ближайших лет?»	1,00	6,00	2,00	2,21	1,17
«Я хотел(а) бы начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет»	1,00	6,00	3,00	2,98	1,57
«Я собираюсь начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет»	1,00	6,00	2,00	2,60	1,40
Ценности (по Ш. Шварцу)					
Благожелательность	2,50	6,00	5,33	5,18	0,68
Самостоятельность	3,17	6,00	5,17	5,07	0,61
Гедонизм	2,67	6,00	4,67	4,59	0,83
Безопасность	2,33	6,00	4,67	4,56	0,75
Достижения	2,00	6,00	4,67	4,50	0,85
Универсализм	2,00	6,00	4,33	4,33	0,75
Стимуляция	1,67	6,00	4,00	4,13	0,90
Конформность	1,33	6,00	3,83	3,72	0,86
Традиция	1,17	5,83	3,67	3,67	0,83
Власть	1,00	6,00	3,17	3,19	0,96

приоритет и значение имеют ценности «гедонизм», «безопасность», «достижение», «универсализм» и «стимуляция»; на вершине иерархии расположились ценности «благожелательность» и «самостоятельность».

Иерархия метаценностей такова: на вершине стоят ценности блока «Самопреодоление» со средним значением 4,76. На втором месте – ценности блока «Открытость изменениям» (среднее – 4,60). Третье место занимают ценности блока «Сохранение» (среднее – 3,98).

Завершают иерархию ценности блока «Самоутверждение» (среднее – 3,85).

Обратимся к результатам проверки предположения о связи ценностей и эмиграционных намерений студентов. Модель, построенная при контроле социально-демографических переменных (пол, возраст, уровень дохода), имеет хорошие индексы пригодности: $\chi^2=4,2$, $df=8$, $CMIN/DF=0,528$, $p=0,837$, $CFI=1,000$, $RMSEA=0,000$, $PCLOSE=0,968$. Все вопросы/утверждения, оценивающие эмиграционные намерения, входят в ла-

тентный конструкт со статистически значимыми нагрузками (см. рисунок).

Полученные результаты подтверждают предположение о том, что ценности выступают предикторами эмиграционных намерений студентов-смолян. Обнаружена статистически значимая отрицательная связь эмиграционных намерений с ценностями блока «Сохранение» ($\beta = -0,396$, $p = 0,000$), а также положительные статистически значимые связи эмиграционных намерений и ценностей блоков «Самоутверждение» ($\beta = 0,163$, $p = 0,023$) и «Самопреодоление» ($\beta = 0,180$, $p = 0,034$).

Обсуждение результатов

Полученные в ходе эмпирического исследования данные о выраженности у 52,16% респондентов желания эмигрировать из страны полностью соответствуют показателям, полученным в ходе недавнего социологического опроса Левада-Центра² [6]. Однако вербализиру-

емые большинством студентов желания эмигрировать из России лежат, скорее, в плоскости пассивно-предпочитаемых стратегий, реализация которых пока не отражается в их поведении и намерении проявлять данное поведение в будущем.

Ценностная иерархия студентов-смолян соответствует ценностной иерархии, диагностируемой исследователями у молодежи из других регионов России. Так, в ходе опроса в 2015 году Г. Цой, Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко выявили, что ценности «традиция», «власть» и «конформность» расположены внизу иерархии и характеризуются меньшей значимостью у студентов московских вузов (в числе которых были представители разных регионов России). На вершине же иерархии у респондентов тогда, так же как и у студентов смоленских вузов сейчас, оказались ценности «благожелательность» и «самостоятельность» [24]. И.Е. Ржанова и О.С. Алексеева [18] при изучении ценностей двух поколений (современной российской молодежи (большая часть выборки — это студенты) и их роди-

Рис. Модель связи метаценностей и эмиграционных намерений при контроле социально-демографических переменных (пол, возраст, уровень дохода): А1 — «Насколько вероятно, что Вы эмигрируете из России в течение пяти ближайших лет?», А2 — «Я хотел(а) бы начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет», А3 — «Я собираюсь начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет»; * — $p < 0,05$, *** — $p < 0,001$ (уровни значимости различий)

² С 05.09.2016 г. «Левада-Центр» включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

телей) обнаружили, что наибольшее предпочтение молодые люди отдают ценностям «счастливый брак» и «верные друзья» (что содержательно пересекается с ценностью «благожелательность» в терминологии Ш. Шварца), а наименьшее — ценностям «власть» и «известность» (пересекается с ценностью «власть» по Ш. Шварцу). Соотнесение полученных нами данных с результатами других отечественных исследований позволяет выдвинуть предположение о том, что выявленная на смоленской выборке иерархия ценностей студенческой молодежи может отражать упорядоченную ценностную структуру, присущую современным российским студентам в целом. Однако данное предположение требует дополнительной эмпирической проверки.

Обнаруженную отрицательную связь эмиграционных намерений с ценностями блока «Сохранение» мы объясняем скорее сущностью и особенностями добровольного эмиграционного поведения как такового и готовностью к его реализации именно тех студентов, кто может и ориентирован действовать вразрез с существующими в обществе обычаями, традициями, нормами и правилами. Положительные значимые связи эмиграционных намерений с метаценностями «Самопреодоление» и «Самоутверждение» стоит рассматривать, на наш взгляд, именно с позиции теории типов мотивации эмиграции, изложенной Е. Тартаковским и Ш. Шварцем [33]. Ценности составляют мотивационную основу поведения личности, в том числе и поведения эмиграционного. Соответственно, эмиграционное поведение и эмиграционные намерения как компоненты этого поведения могут быть обусловлены желанием удовлетворить на новом месте проживания те потребности, которые фрустрированы на Родине. Содержательно метаценность «Самопреодоление» включает в себя ценности «универсализм» и

«благожелательность» и предполагает ориентацию личности на заботу о природе, защиту окружающей среды и людей, признание важности справедливости и равных возможностей для всех, проявление терпимости, понимания и принятия других, значимости помощи и заботы о близких. То есть, вероятно, невозможность в условиях нынешнего проживания в России удовлетворения потребностей, лежащих в основе метаценности «Самопреодоление», у студентов ведет к поиску ими других стран для жизни, стран, где эта ценность, по их мнению, может быть реализована.

Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко, сравнивая различные страны в пространстве ценностных измерений Ш. Шварца и Р. Инглхарта с использованием баз данных WVS и ESS, приходят к выводу, что для России, как и для других стран, включенных авторами в так называемый «Восточноевропейский культурный ареал», характерны довольно низкие уровни универсализма, участия, толерантности к «иным» и внимания к экологическим проблемам [14]. А наибольшую выраженность данные ценности имеют в странах, включенных в так называемый «Западноевропейский культурный ареал» (группа стран Северной и Западной Европы, лидерами по проявлению данных ценностей в которой являются Швеция, Германия, Норвегия, Швейцария, Нидерланды). Видимо, именно поэтому страны Западной и Северной Европы чаще всего указываются современными молодыми людьми как наиболее предпочтительное направление эмиграции из России [5]. Полученные нами результаты согласуются с работами отечественных ученых [2; 4], в которых указано, что стимулирующими факторами международной миграции выпускников региональных вузов России являются низкие показатели дружелюбности среды проживания в России, такие как толерантность и уровень

культуры общества, а значимым психологическим условием роста миграционной активности современной молодежи является рассогласование между ценностями и доступностью их реализации в текущих условиях места проживания.

Интересен тот факт, что в 1995 году Е. Тартаковский и Ш. Шварц [33] на выборке молодых евреев, намеревающихся эмигрировать из России, эмпирически в процессе интервьюирования не обнаружили доказательств присутствия у них мотивации «идеализма», основанной на метаценности «Самопреодоление». Однако в нынешних социально-исторических условиях развития страны «идеализм» как тип мотивации эмиграции (в контексте подхода Е. Тартаковского и Ш. Шварца) косвенно находит эмпирическое подтверждение через доказательство наличия связи эмиграционных намерений и метаценности «Самопреодоление» на выборке студенческой молодежи г. Смоленска. Однако содержательное наполнение данного типа мотивации, вероятно, будет несколько отличаться от авторского подхода и будет связано не с желанием построить лучшее общество в другом месте, а с желанием жить в другом обществе, где предпочитаемые ценности значимы и реализованы.

Обнаруженная положительная связь эмиграционных намерений и метаценности «Самоутверждение» свидетельствует о том, что у современных студентов-смолян эмиграционное поведение направляется также стремлением к удовлетворению потребностей в получении власти, обретению финансового благополучия, что в современном социально-историческом контексте развития страны во многом обусловлено экономической ситуацией в России вообще и в Смоленской области в частности. В работе Е. Тартаковского и Ш. Шварца данный тип мотивации эмиграции назван «материализмом».

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить выраженность эмиграционных намерений у студентов-смолян, определить иерархию их ценностей и роль этих ценностей в формировании эмиграционных намерений. Изучение эмиграционного поведения молодежи в приграничном регионе России с невысокими показателями социально-экономического развития является особенно актуальным и требует внимания ученых и специалистов, чья деятельность напрямую связана с сохранением человеческого капитала внутри страны и заботой о благополучии молодежи.

Исследование показывает, что, несмотря на выраженное желание более чем у половины опрошенных уехать из России, эмиграционные настроения большей части молодежи носят преимущественно пассивный характер и не связаны с проявлением активного эмиграционного поведения. Как компоненты реального поведения эмиграционные намерения диагностированы у значительно меньшего числа студентов, что, с одной стороны, подтверждает разрыв в отношении желаний и действий, а с другой — расширяет возможности и прогнозируемый эффект проведения работы, направленной на сохранение человеческого капитала в условиях страны.

Очевидно, что действия по профилактике эмиграционного поведения молодежи не эффективны без учета психологических предикторов формирования эмиграционных намерений, в частности, их ценностных оснований. Практическая значимость подобных исследований не вызывает сомнений, так как знание психологических детерминант эмиграционных намерений позволяет прогнозировать эмиграционное поведение и может

способствовать выработке превентивных мер для его предупреждения. В исследовании выявлено, что ценностная иерархия смоленских студентов соотносится с ценностями студентов из других регионов России. Обнаружена положительная связь эмиграционных намерений студентов-смолян с метаценностями «Самопреодоление» и «Самоутверждение», лежащими в основе эмиграционных мотивов «идеализма» и «материализма» (в терминологии Е. Тартаковского и Ш. Шварца). Выявленное нивелирование значимости метаценности «Сохранение» студентами с эмиграционными намерениями является, на наш взгляд, скорее ценностной основой готовности к эмиграции, нежели проявлением специфического эмиграционного мотива, так как добровольное эмиграционное (нетрадиционное для большинства) поведение характерно именно для тех студентов, которые готовы действовать вразрез с существующими в обществе обычаями, традициями, нормами и правилами.

Стоит отметить, что ограничением исследования являются особенности выборки и невозможность экстраполировать полученные результаты на всех российских студентов, в связи с чем сделанные выводы имеют отношение лишь к студенческой молодежи смоленского региона. Наряду с этим в исследовании не отражены данные, позволяющие контролировать характер (постоянный или временный) и направление предполагаемой эмиграции студентов, что важно в контексте оценки выраженности эмиграционных намерений студенчества. Обозначенные ограничения могут быть нивелированы в процессе дальнейших научных изысканий в данной проблемной области, в том числе и в направлении запланированной автором работы по изучению целостной структуры социально-психологического пространства эмиграционных намерений российской молодежи в целом, а также кросс-культурного анализа данного пространства у представителей молодежи различных стран.

Литература

1. *Арсеньев Д.Г., Краснощёков В.В.* Система подготовки студентов к международной академической мобильности // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 3. С. 134–144. DOI:10.18721/JHSS.8313
2. *Бакина А.В., Орлова О.А., Яремчук С.В.* Компоненты ценностно-смысловой сферы личности как предикторы миграционных намерений молодежи (на примере города Комсомольска-на-Амуре) // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 95–113. DOI:10.17759/sps.2019100208
3. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году» (0,9 Мб) — выпуск 2019 г. (опубликовано 28.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 15.01.2020).
4. *Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С.* Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.
5. *Голиков Н.А., Ковалькова А.С.* Отношение старшеклассников к «утечке умов» — эмиграции на Запад // Новые технологии в образовании. Материалы XX Международной научно-практической конференции. М.: Издательство «Перо», 2015. С. 84–93.
6. *Гончаров С., Волков Д.* Эмиграционные настроения (опубликовано 26.11.2019) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения: 02.01.2020).
7. *Гуревич А.* Мотивация эмиграции. СПб.: Речь, 2005. 272 с.

8. Джанашиа А.З. Проблема изучения намерения на эмпирическом уровне // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 2. С. 82–85.
9. Зинченко Ю.П., Зотова О.Ю. Эмиграционные намерения и безопасность личности // Национальный психологический журнал. 2013. № 2(10). С. 17–24.
10. Иванова Е.И. Миграционные намерения современных поколений россиян: новая волна миграции // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 106–118.
11. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб: Питер, 2002. 512 с.
12. Кузнецова С.А. Возможности изучения миграционных намерений в социальной психологии // Вестник РУДН: Психология и педагогика. 2012. № 3. С. 60–65.
13. Кузнецова С.А. Миграционные установки как специфический вид социальных установок // Вестник РУДН: Психология и педагогика. 2012. № 4. С. 61–65.
14. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Векторы развития стран в едином пространстве культурных измерений // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 124–136.
15. Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н. Опасения и страхи как предикторы эмиграционных намерений студентов // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: Материалы 5-й Международной научно-практической конференции. В.В. Константинов. Пенза, 2020. С. 307–314.
16. О социально-экономическом положении Смоленской области в январе-ноябре 2019 года [Электронный ресурс] // Доклад/Смоленскстат. Смоленск, 2019. 51 с. URL: https://sml.gks.ru/storage/mediabank/dokl_11sayt.pdf (дата обращения: 05.01.2020).
17. Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «разрыва» между намерением и действием // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 105–130.
18. Ржанова И.Е., Алексеева О.С. Ценностные предпочтения двух поколений [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.01.2020).
19. Татарко А.Н. Социально-психологический капитал личности как фактор успеха в открытии нового бизнеса // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 80–98.
20. Флоринская Ю.Ф., Карачурина Л.Б. Новая волна интеллектуальной эмиграции из России: мотивы, каналы и механизмы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 183–200.
21. Фролова С.В. Макропсихологический анализ эмиграционных намерений молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10. № 3. С. 91–96.
22. Фролова С.В. Представления современной молодежи об эмиграции как успешной жизненной и карьерной стратегии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. 2012. Т. 12. № 4. С. 97–100.
23. Хрусталева Н.С. Психология эмиграции: социально-психологические и личностные проблемы: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1996. 332 с.
24. Цой Г., Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Сравнительный анализ взаимосвязи ценностей и социально-экономических представлений корейских и российских студентов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 3. С. 101–107.
25. Чувашов С.В. Социально-психологический капитал как фактор эмиграционных намерений молодежи // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 169–177.
26. Шарипов Ф.В. Педагогика и психология высшей школы: учебное пособие. М.: Логос, 2012. 448 с.
27. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.

28. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов. М.: Издательство РГСУ; Академический Проект, 2007. 472 с.
29. Ajzen I. Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf>
30. Fishbein M., Ajzen I. Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. N.Y.: Psychology Press, 2010.
31. Orosova O. et al. Emigration intentions and risk behaviour among university students. Publisher: P.J. Šafárik University in Košice, 2017. 328 p.
32. Schwartz S.H. et al. Refining the Theory of Basic Individual Values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103. No. 4. P. 663–688. DOI:10.1037/a0029393
33. Tartakovsky E., Schwartz S.H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews // International Journal of Psychology. 2001. Vol. 36(2). P. 88–99.
34. Van Dalen H., Henkens K. Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005–10 // Population Studies. 2013. Vol. 67. No. 2. P. 225–241. DOI:10.1080/00324728.2012.725135
35. Williams A.M., Jephcote C., Janta H., Li G. The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, Multi-level analysis // Popul Space Place. 2018. No. 24. P. 21–23. DOI:10.1002/psp.2123

References

1. Arsen'ev D.G., Krasnoshchekov V.V. Sistema podgotovki studentov k mezhdunarodnoi akademicheskoi mobil'nosti [System for preparing students for international academic mobility]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Scientific and technical sheets StPPU. Humanities and social sciences*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 134–144. DOI:10.18721/JHSS.8313 (In Russ.).
2. Bakina A.V., Orlova O.A., Yaremchuk S.V. Komponenty tsennostno-smyslovoi sfery lichnosti kak prediktory migratsionnykh namerenii molodezhi (na primere goroda Komsomol'ska-na-Amure) [Components of the value-sense sphere of personality as predictors of migration intentions of young people]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 95–113. DOI:10.17759/sps.2019100208 (In Russ.).
3. Byulleten' «Chislennost' i migratsiya naseleniya Rossiiskoi Federatsii v 2018 godu» (0,9 Mb) – vypusk 2019 g. [Bulletin “Number and migration of the population of the Russian Federation in 2018” (0.9 MB) – issue 2019] (opublikovano 28.06.2019) [Elektronnyi resurs]. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (Accessed 15.01.2020).
4. Varshavskaya E.Ya., Chudinovskikh O.S. Migratsionnye plany vypusnikov regional'nykh vuzov Rossii [Migration plans of graduates of regional universities of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika = Bulletin of the Moscow university. Series 6: Economy*, 2014, no. 3, pp. 36–58. (In Russ.).
5. Golikov N.A., Koval'kova A.S. Otnoshenie starsheklassnikov k «utechke umov» – emigratsii na Zapad [High school students “attitude to” brain drain” – emigration to the West]. *Novye tekhnologii v obrazovanii. Materialy KhKh Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [New technologies in education. Proceedings of the XX International Scientific and Practical Conference]*. Moscow: Izdatel'stvo «Pero», 2015, pp. 84–93. (In Russ.).
6. Goncharov S., Volkov D. Emigratsionnye nastroyeniya [Emigration moods] (opublikovano 26.11.2019) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroyeniya-4/> (Accessed 02.01.2020). (In Russ.).
7. Gurevich A. Motivatsiya emigratsii [Motivation of emigration]. St. Petersburg: Rech', 2005. 272 p. (In Russ.).
8. Dzhanashia A.Z. Problema izucheniya namereniya na empiricheskom urovne [The problem of studying intent at the empirical level]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta = Vector of Science of Tolyattin State University*, 2011, no. 2, pp. 82–85. (In Russ.).

9. Zinchenko Yu.P., Zotova O.Yu. Emigratsionnye namereniya i bezopasnost' lichnosti [Emigration intentions and personal security]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National psychological magazine*, 2013, no. 2(10), pp. 17–24. (In Russ.).
10. Ivanova E.I. Migratsionnye namereniya sovremennykh pokolenii rossiyan: novaya volna migratsii [Migration intentions of modern generations of Russians: a new wave of migration]. *Problemy prognozirovaniya = Forecastings problems*, 2017, no. 3, pp. 106–118. (In Russ.).
11. Il'in E.P. Motivatsiya i motivy [Motivation and motives]. St. Petersburg: Piter, 2002. 512 p.
12. Kuznetsova S.A. Vozmozhnosti izucheniya migratsionnykh namerenii v sotsial'noi psikhologii [Opportunities to study migration intentions in social psychology]. *Vestnik RUDN: Psikhologiya i pedagogika = RUDN bulletin: psychology and pedagogics*, 2012, no. 3, pp. 60–65. (In Russ.).
13. Kuznetsova S.A. Migratsionnye ustanovki kak spetsificheskii vid sotsial'nykh ustanovok [Migration attitudes as a specific type of social attitude]. *Vestnik RUDN: Psikhologiya i pedagogika = RUDN bulletin: psychology and pedagogics*, 2012, no. 4, pp. 61–65. (In Russ.).
14. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Vektory razvitiya stran v edinom prostranstve kul'turnykh izmerenii [Vectors of development of countries in a single space of cultural dimensions]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological magazine*, 2019. Vol. 40, no. 6, pp. 124–136. (In Russ.).
15. Murashchenkova N.V., Gritsenko V.V., Efremenkova M.N. Opaseniya i strakhi kak prediktory emigratsionnykh namerenii studentov [Fears and fears as predictors of emigration intentions of students]. *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya migrantov v sovremennom mire: Materialy 5-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Socio-psychological adaptation of migrants in the modern world: Materials of the 5th International Scientific and Practical Conference]*, V.V Konstantinov. Penza, 2020, pp. 307–314. (In Russ.).
16. O sotsial'no-ekonomicheskom polozhenii Smolenskoii oblasti v yanvare-noyabre 2019 goda. 2019 [On the social and economic situation of the Smolensk region in January-November 2019. 2019]. Doklad/Smolenskstat. Smolensk, 2019. 51 p. [Elektronnyi resurs]. Available at: https://sml.gks.ru/storage/mediabank/dokl_11sayt.pdf (Accessed 05.01.2020). (In Russ.).
17. Rasskazova E.I., Ivanova T.Yu. Motivatsionnye modeli povedeniya, svyazannogo so zdorov'em: problema «razryva» mezhdu namereniyem i deistviem [Motivational patterns of health-related behaviour: the “gap” problem between intent and action]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2015. Vol. 12, no. 1, pp. 105–130. (In Russ.).
18. Rzhanova I.E., Alekseeva O.S. Tsennostnye predpochteniya dvukh pokolenii [Elektronnyi resurs] [Two-generation value preferences]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2018. Vol. 11, no. 60, p. 6. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 10.01.2020). (In Russ.).
19. Tatarko A.N. Sotsial'no-psikhologicheskii kapital lichnosti kak faktor uspekha v otkrytii novogo biznesa [Social-psychological capital of the individual as a factor of success in opening a new business]. *Psikhologiya. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2013. Vol. 10, no. 4, pp. 80–98. (In Russ.).
20. Florinskaya Yu.F., Karachurina L.B. Novaya volna intellektual'noi emigratsii iz Rossii: motivy, kanaly i mekhanizmy [A new wave of intellectual emigration from Russia: motives, channels and mechanisms]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring public opinion: Economic and social change]*, 2018, no. 6, pp. 183–200. (In Russ.).
21. Frolova S.V. Makropsikhologicheskii analiz emigratsionnykh namerenii molodezhi [Macropsychological analysis of the emigration intentions of young people]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika [News of the Saratov university. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogics]*, 2010. Vol. 10, no. 3, pp. 91–96. (In Russ.).
22. Frolova S.V. Predstavleniya sovremennoi molodezhi ob emigratsii kak uspekhnoi zhiznennoi i kar'ernoii strategii [Modern youth 's perceptions of emigration as a successful life and career strategy]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya [News of the Saratov university. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogics]*, 2012. Vol. 12, no. 4, pp. 97–100. (In Russ.).

23. Khrustaleva N.S. Psikhologiya emigratsii: sotsial'no-psikhologicheskie i lichnostnye problem. Diss. dokt. psikhol. nauk. [Psychology of emigration: social-psychological and personal problems. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. St. Petersburg, 1996. 332 p.
24. Tsoi G., Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Sravnitel'nyi analiz vzaimosvyazi tsennosti i sotsial'no-ekonomicheskikh predstavlenii koreiskikh i rossiiskikh studentov [Comparative analysis of the relationship between values and socio-economic perceptions of Korean and Russian students]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika [Gazette of Kostroma State University. Series: Pedagogics. Psychology. Sotsiokinetika]*, 2017, no. 3, pp. 101–107. (In Russ.).
25. Chuvashov S.V. Sotsial'no-psikhologicheskii kapital kak faktor emigratsionnykh namerenii molodezhi [Social-psychological capital as a factor of emigration intentions of young people]. *Psikhologiya. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2014. Vol. 11, no. 2, pp. 169–177. (In Russ.).
26. Sharipov F.V. Pedagogika i psikhologiya vysshei shkoly: uchebnoe posobie [Higher School Pedagogy and Psychology]. Moscow: Logos, 2012. 448 p. (In Russ.).
27. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennosti: primeneniye v Rossii [Refined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 43–70. (In Russ.).
28. Yudina T.N. Migratsiya: slovar' osnovnykh terminov [Migration – Basic Term Dictionary]. Moscow: RGSU Publ., Akademicheskii Proekt, 2007. 472 p. (In Russ.).
29. Ajzen I. Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. Available at: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf> (Accessed 10.01.2020).
30. Fishbein M., Ajzen I. Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. N.Y.: Psychology Press, 2010. 180 p.
31. Orosova O. et al. Emigration intentions and risk behaviour among university students. Publisher: P.J. Šafárik University in Košice, 2017. 328 p.
32. Schwartz S.H. et al. Refining the Theory of Basic Individual Values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012. Vol. 103, no. 4, pp. 663–688. DOI:10.1037/a0029393
33. Tartakovsky E., Schwartz S.H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews. *International Journal of Psychology*, 2001. Vol. 36(2), pp. 88–99.
34. Van Dalen H., Henkens K. Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005-10. *Population Studies*, 2013. Vol. 67, no. 2, pp. 225–241. DOI:10.1080/00324728.2012.725135
35. Williams A.M., Jephcote C., Janta H., Li G. The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, Multi-level analysis. *Popul Space Place*, 2018, no. 24, pp. 21–23. DOI:10.1002/psp.2123

Информация об авторах

Мурашченкова Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» (ФГБОУ ВО «Смоленский университет»), г. Смоленск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Information about the authors

Nadezhda V. Murashchenkova, PhD in Psychology, Associate Professor, Smolensk State University, Smolensk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Получена 11.02.2020

Принята в печать 20.01.2021

Received 11.02.2020

Accepted 20.01.2021

Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции

Шамионов Р.М.

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
(ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Цель. Изучение приверженности к социальной активности и ее различным формам в отношении с характеристикой склонности к риску у студентов с разным типом субъектной регуляции (СР) поведения.

Контекст и актуальность. В статье анализируется проблема социальной активности студентов как сферы их социализации и установления связей с различными социальными группами и обществом в целом. Одной из важнейших ее составляющих является вопрос о субъектной регуляции социальной активности. Предполагается, что в зависимости от типа субъектной регуляции (автономного или зависимого) студенты предпочитают различные формы социальной активности, реализуют социально-ориентированную активность и проявляют специфику склонности к риску.

Дизайн исследования. В работе проанализированы уровневые показатели приверженности к разным формам социальной активности студентов в зависимости от типа их субъектной регуляции; проведен типологический анализ склонности к риску и переживания неопределенности у студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции; проверена гипотеза о прямых и косвенных эффектах влияния автономии на общую и социально-ориентированную активность с помощью структурного моделирования.

Участники. В исследовании приняли участие 297 студентов дневной формы обучения вузов г. Саратова (36% мужчин), средний возраст $M=21$; $SD=2,74$.

Методы (инструменты). Шкалы оценки различных форм социальной активности, переживания неопределенности с размерностью от 1 до 5, методика оценки компонентов и обобщенного показателя социально-ориентированной активности (Р.М. Шамионов, М.В. Григорьева), опросник «автономности-зависимости» (Г.С. Прыгин), опросник склонности к экстремально-рискованному поведению (М. Цуккерман).

Результаты. Студенты с автономным типом субъектной регуляции более привержены к досуговой, социально-политической, гражданской активности, с зависимым типом — к протестной активности. Социально-ориентированная активность более привлекает студентов с автономным типом субъектной регуляции. Студенты с автономным типом регуляции характеризуются более высокими показателями неадаптивного стремления к трудностям, с зависимым типом — поиска новых впечатлений и переживания неопределенности. Тип субъектной регуляции оказывает прямое влияние на вариации социально-ориентированной активности, а склонность к риску является медиатором причинной связи автономности с социально-ориентированной активностью, а также возраста с общей активностью студентов.

Основные выводы. Студенты с автономным и зависимым типами субъектной регуляции характеризуются спецификой в приверженности к различным формам активности и в отношении к риску. Установлена причинная связь субъектной регуляции с социально-ориентированной активностью.

Ключевые слова: личность, субъект, социальная активность, студенты, молодежь, тип субъектной регуляции, автономия, зависимость, склонность к риску.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00298.

Для цитаты: Шамионов Р.М. Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 94–112. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120107>

Social Activity and Risk Propensity of Students with Autonomous and Dependent Types of Subject Regulation

Rail M. Shamionov

Saratov State University (SSU), Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, **e-mail:** shamionov@mail.ru

Objectives. *The study the commitment to social activity and its various forms in relation to the risk propensity characteristics of students with different types of subject regulation of behavior.*

Background. *The problem of social activity of students as a sphere of their socialization and establishing connections with various social groups and society as a whole is analyzes. One of its most important components is the question of the subject regulation of social activity. It is assumed that depending on the type of subject regulation (Autonomous or Dependent), students prefer various forms of social activity, implement socially-oriented activity, and show the specifics of risk-taking.*

Study design. *The paper analyzes the level indicators of adherence to different forms of social activity of students, depending on the type of their subject regulation; a typological analysis of risk propensity and uncertainty experiences in students with Autonomous and dependent types of subject regulation; the hypothesis of direct and indirect effects of autonomy on General and socially-oriented activity using structural modeling.*

Participants. *The study involved 297 full-time students (36% men), average age $M=21$; $SD=2.74$.*

Measurements. *The scale for the assessment of various forms of social activity, feelings of uncertainty with a dimension of from 1 to 5, the method of evaluating component and composite index of socio-oriented activity (R.M. Shamionov, M.V. Grigorieva), a questionnaire of autonomy-dependence (G.S. Prygin), a questionnaire of tendency to extreme and risky behavior (M. Zuckerman).*

Results. *Students with an Autonomous type of subject regulation are more committed to leisure, socio-political, and civic activity, while students with a dependent type are more committed to protest activity. Socially-oriented activity is more attractive to students with an Autonomous type of subject regulation. Students with an Autonomous type of regulation are characterized by higher indicators of non-adaptive striving for difficulties, with a Dependent type-indicators of searching for new impressions and experiencing uncertainty. The continuous indicator of (Autonomous) subject regulation has a direct impact on variations in socially-oriented activity, and indicators of risk propensity are moderators of a direct causal relationship, respectively, of autonomy to socially-oriented activity and age to the overall activity of students.*

Conclusions. *Students with Autonomous and Dependent types of subject regulation are characterized by specificity in their commitment to various forms of activity and their attitude to risk. The causal relationship of subject regulation on variations of socially-oriented activity is established.*

Keywords: *personality, subject, social activity, students, youth, type of subject regulation, autonomy, dependence, risk taking.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 18-18-00298.

For citation: Shamionov R.M. Social Activity and Risk Propensity of Students with Autonomous and Dependent Types of Subject Regulation. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 94–112. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120107> (In Russ.).

Введение

Изучение социальной активности и склонности к риску студентов с разным типом субъектной регуляции относится к числу задач социальной психологии, решение которых позволит раскрыть важнейшие регуляторы социального поведения личности, что в значительной степени будет способствовать пониманию его (поведения) оснований, механизмов и факторов. Кроме того, решение этой задачи имеет смысл и с прикладной точки зрения, — с позиции привлечения молодежи к социально-конгруэнтной активности, проявляющейся в волонтерском движении, гражданском поведении, социально-ориентированной активности в целом.

Социальная активность личности и группы понимается как частный случай инициативного воздействия субъектов на окружающую социальную среду. Она имеет не просто отношение к поведению (коммуникации, взаимодействию, оказанию помощи и пр.), а к социальному по происхождению и по целям поведению, инициативному и преобразующему социальную реальность, включая и саму личность или группу, в результате чего появляется новое качество и того, и другого [24].

Социальная активность студентов является органичной формой их самовыражения, самореализации и, очевидно, становится основанием социального самоопределения [23]. Предшествующие работы затрагивают отдельные формы социальной активности студентов: волонтерской активности [14], досуговой [11], протестной [8; 31; 35], социально-преобразующей [9], гражданской, ин-

тернет-сетевой или киберактивности [17] и пр. Вместе с тем ряд исследований последнего десятилетия, проведенных в рамках социальной психологии, социологии и педагогики, убедительно доказывает полинаправленность социальной активности молодых людей [3; 4; 5; 13; 21; 26; 34]. Это качество отражает не только их поиски наилучшего способа жизнедеятельности, но и стремление к самореализации в широком диапазоне социальных ролей, что являет собой социально-возрастную нормативную категорию. Исследователи отмечают, что социальная активность выступает важнейшей сферой социализации личности, средством формирования новых социальных компетенций [10; 12].

В последнее время исследования социальной активности студентов вышли на новый эмпирический уровень социально-психологического анализа. Это связано с их востребованностью для образовательной и социальной практики, а также необходимостью детального исследования социальной активности на разных уровнях социализации как явления, призванного сохранить связь личности с обществом на протяжении всего жизненного пути. Однако наиболее важным этапом для формирования основных предпочтений различных форм социальной активности является юношеский этап социализации [3] (И.В. Арендачук, 2018). Поэтому основные исследования сосредоточены именно на изучении социальной активности молодежи и в особенности студентов. Так, изучены формы социальной активности и их типология [34], личностные [5; 6; 7; 33] и психодинамические [22] пред-

кторы, динамика ценностно-смысловых характеристик активности [3], изучаются политическая [22; 32], интернет-сетевая [27; 36] формы активности в системе полнаправленной активности молодежи. Наконец, изучается «тонкая настройка» личностной регуляции социальной активности. В частности, эмпирически определена типология студентов, реализующих гражданскую активность (от индивидуальных действий в проблемной ситуации и принятия ответственности за их результат на себя до полного бездействия), и связь активности с моральными качествами [1], установлено, что социальная ответственность и гражданская активность выступают факторами формирования безопасного просоциального поведения [20], изучен компонентный состав социально-ориентированной активности и разработана методика диагностики компонентов [25], проанализированы компоненты социальной активности личности в ситуациях неопределенности и риска и доказано снижение активности в этих условиях [7], анализируется социальная активность с позиции автономной и внешней мотивации [28; 29]. Таким образом, исследования социальной активности молодежи вообще и студенческой в частности направлены на изучение личностно-регулятивных характеристик. Внимание уделяется не столько приверженности к активности, сколько ее детерминации и регуляции в процессуальном контексте. Поэтому важное значение придается ценностным, мировоззренческим, смысловым и нравственным характеристикам личности как регуляторам социальной активности. Однако социальная активность, как следует из приведенного выше определения, реализуется за счет исполнительской функции субъекта, хотя и направляется личностью.

Исследователи отмечают, что для эффективной регуляции поведения не-

обходимо взаимодействие субъектных и личностных характеристик [16]. Это значит, что личностные и субъектные характеристики (с определенного момента развития человека, достижения им личностной (социальной) зрелости), образуя единство командного и исполнительского звеньев поступка, составляют динамическую систему регуляции. В свете сказанного на первый план выходит проблема анализа активности человека со стороны личностно-типологических особенностей его субъектной регуляции.

Типология субъектной регуляции, разработанная Г.С. Прыгиным, включает три составляющие — автономный, зависимый и смешанный типы. Они отличаются разной степенью сформированности качеств личности как субъекта деятельности и системы субъектной регуляции [18, с. 12]. Главным отличительным признаком является опора на собственные знания, суждения, личностные качества и т.п. или на внешние обстоятельства или других. В рамках данного подхода проведены исследования, доказывающие согласованность двух видов регуляторов — «субъектных» и «диспозиционных» [19]. Для социально-психологического исследования в указанном ключе становится принципиальным вопрос о специфике социальной активности личности с автономным и зависимым типами субъектной регуляции.

В этом смысле тип субъектной регуляции поведения является одним из важнейших оснований для понимания его (поведения) определенности и его прогнозирования. Поэтому цель данного исследования заключается в изучении приверженности к социальной активности и ее различным формам в соотношении с характеристикой риска у студентов с разным типом субъектной регуляции поведения. Предполагается наличие

специфики в приверженности к различным формам поведения, компонентах социально-ориентированной активности, склонности к риску в зависимости от типа субъектной регуляции.

Задачи исследования:

1) проанализировать приверженность к разным формам социальной активности студентов в зависимости от типа их субъектной регуляции;

2) провести типологический анализ склонности к риску и переживания неопределенности у студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции;

3) провести структурное моделирование и определить прямые и косвенные эффекты автономии на общую и социально-ориентированную активность.

Метод

Выборка. В исследовании приняли участие 297 студентов дневной формы обучения (36% мужчин); место жительства до поступления на учебу в вуз: 11% студентов — село, 84% — город, 5% — мегаполис; 62% из семей со средним доходом для региона, по 15% выше и ниже среднего дохода, 4% с низким уровнем дохода и 2% с высоким уровнем дохода; треть (33,3%) выросли в семьях с единственным ребенком, 47% — с двумя, 17% — с тремя, 4% — с четырьмя или более.

Методика. Были использованы анкета, направленная на фиксацию социально-демографических характеристик, и разработанные шкалы, направленные на измерение приверженности к тому или иному виду социальной активности (размерность шкалы — 5 пунктов в соответствии со шкалой Лакерта): Альтруистическая деятельность (АА), Досуговая активность (ЛА); Социально-политиче-

ская активность (ПА); Интернет-сетевая активность (ИА); Гражданская активность (SV); Социально-экономическая активность (SE); Образовательно-развивающая активность (ЕА); Духовная активность (ЕА); Религиозная активность (РА); Протестная активность (PR); Радикально-протестная активность (RP); Субкультурная активность (SK). Каждая шкала представлена перечислением основных форм активности, относимых к данному виду. Шкалы разработаны на основе исследований представлений о социальной активности [24 и др.]. Все шкалы имеют приемлемый уровень надежности: α Cronbach=0,68-0,74.

Методика Социально-ориентированной активности [25] (Р.М. Шамяинов, М.В. Григорьева) содержит 15 пунктов, оцениваемых по 7-балльной шкале. В результате заполнения опросника выводятся 4 компонентные шкалы (когнитивная, эмоционально-статусная, мотивационная и поведенческая) и одна обобщенная. В соответствии с методикой компоненты относятся лишь к социально-ориентированной активности, т.е. той, которая предполагает непротивопоставление сложившемуся социальному укладу, соответствие общепринятым «нормам» общественной активности, социальным инициативам, лидерству, организации деятельности и т.д. α Cronbach=0,73-0,79.

Для оценки склонности личности к риску использована методика «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» (М. Цуккерман) (в оригинале «Sensation seeking scale (SSS-V)»). Методика представляет собой сокращенный вариант Формы IV [37] опросника и включает 40 пунктов (по 10 пунктов по каждой шкале). В результате заполнения опросника выводятся 4 шкалы: ПООР — поиск острых

ощущений; шкала НО — непереносимость однообразия; шкала ПНВ — поисковых впечатлений; шкала НСТ — неадаптивное стремление к трудностям. α Cronbach=0,55, 0,71, 0,62, 0,61. Дополнительно внутренняя согласованность опросника проверялась с использованием корреляционного анализа.

Для оценки типов субъектной регуляции использован опросник «автономности-зависимости» (Г.С. Прыгин, 2009) [18]. Методика представляет собой опросник из 18 пунктов, предполагающий 4 варианта ответов («да», «пожалуй, да», «пожалуй, нет», «нет»). Оцениваются только совпадающие с ключом ответы. В результате заполнения опросника лица, получившие более 12 баллов, относятся к группе «автономных», ниже 8 баллов — «зависимых». Кроме того, показатель может использоваться как континуальный. α Cronbach=0,68.

Для обработки первичных данных применялась статистическая программа IBM SPSS Statistics + PS IMAGO PRO, включающая программу AMOS для проведения моделирования с помощью структурных уравнений.

Результаты

На первом этапе исследования нами выделены две крайние группы по уровню выраженности автономии [18] на основании вычисления среднего и стандартного отклонения ($M \pm SD$): лица с автономным ($N=71$) и с зависимым ($N=53$) типами субъектной регуляции. Далее проверялась гипотеза о влиянии типа субъектной саморегуляции на выраженность социальной активности с помощью однофакторного ANOVA.

В результате дисперсионного анализа выявлены четыре основных формы

активности, различия по которым связаны с типом саморегуляции. Это приверженность к досуговой активности (включая путешествия, походы в театры, кино; просмотр передач и видео по ТВ или на YouTube; знакомство с источниками развлекательной информации; компьютерные игры; отдых в обществе друзей, единомышленников, интересных людей и т.п.), социально-политической (участие в деятельности политической партии или объединения; участие в политических митингах, шествиях, акциях; в выборах в любом формате и других подобных формах политической активности), гражданской (участие в деятельности неполитических организаций, например, военно-исторические клубы реконструкции и т.п.; участие в деятельности, направленной на преобразование общества и выражение своей и коллективной гражданской позиции по вопросам общественной жизни: участие в митингах, акциях, шествиях (Первомай, Бессмертный полк и др.) и т.п.), протестной активности (участие в деятельности организаций или объединений протестной направленности; участие в митингах, шествиях, акциях протестной направленности; открытое выражение протестной позиции, в том числе и через средства коммуникации и интернет, призыв к протестным действиям и прочие формы активности, связанные с выражением протеста). Как тенденцию можно обозначить различия в группах по показателям образовательной активности ($p < 0,06$) и радикально-протестной активности ($p < 0,07$). Как видно из табл. 1, досуговая активность в выборке студентов является наиболее предпочтительной (вне зависимости от типа регуляции), а политическая, гражданская и протестная формы активности входят в число среднепредпочитаемых. Однако эти три формы от-

носятся к одному классу активности, которые, в отличие от других форм, имеют возрастные ограничения (в частности, связанные с избирательными правами, гражданским участием и т.п.).

Обратимся к данным, отражающим выраженность компонентов и общего показателя социально-ориентированной активности студентов. Как видно из табл. 1,

показатели когнитивного, эмоционально-статусного и поведенческого компонентов социально-ориентированной активности, а также обобщенный показатель студентов с автономным типом СР значимо превышают показатели студентов с зависимым типом СР. Это значит, что тип субъектной регуляции влияет на выраженность социально-ориентированной

Таблица 1

Общие статистики по формам активности, компонентам и обобщенному показателю социально-ориентированной активности и показатели критерия Фишера (независимая переменная – автономный-зависимый тип субъектной регуляции)

Параметры	Средние, выборка N=297	SD	Средние, зависимый тип СР N=53	SD	Средние, автономный тип СР N=71	SD	F	Знч.
AA	2,40	1,18	2,59	1,31	2,49	1,13	1,52	0,15
LA	3,96	1,03	3,83	1,10	4,27	0,86	2,08	0,04
PA	1,71	0,94	1,77	0,89	1,85	0,97	2,53	0,01
IA	2,97	1,31	3,34	1,25	2,83	1,26	1,74	0,09
SV	1,85	1,08	1,79	1,10	1,97	0,97	4,10	0,00
SE	2,71	1,37	2,59	1,34	3,03	1,45	1,58	0,13
EA	2,68	1,27	2,66	1,18	3,11	1,28	1,87	0,06
EX	2,53	1,28	2,57	1,28	2,63	1,42	0,92	0,51
RA	1,55	0,95	1,79	1,13	1,55	1,01	0,73	0,68
PrA	1,45	0,88	1,68	1,03	1,30	0,73	4,22	0,00
RP	1,32	0,76	1,45	0,87	1,11	0,36	1,83	0,07
SK	1,41	0,92	1,47	0,97	1,38	0,99	1,31	0,24
KCOA	5,03	1,06	4,67	1,17	5,47	0,84	4,51	0,00
ЭCOA	4,48	1,16	4,07	1,14	4,99	1,06	4,64	0,00
MCOA	4,60	1,07	4,66	1,03	4,72	1,05	1,50	0,16
PCOA	5,02	1,01	4,84	0,99	5,18	0,96	3,01	0,00
SocActiv	19,13	3,41	18,24	3,45	20,36	3,01	3,91	0,00

Условные обозначения. AA – альтруистическая деятельность, LA – досуговая активность, PA – социально-политическая активность, IA – интернет-сетевая активность, SV – гражданская активность, SE – социально-экономическая активность, EA – образовательно-развивающая активность, EX – духовная активность, RA – религиозная активность, PR – протестная активность, RP – радикально-протестная активность, SK – субкультурная активность, GSA – общая разнонаправленная активность.

активности и трех ее компонентов. Отсутствие различий выраженности мотивационного компонента свидетельствует о том, что сила мотивации может быть одинаковой, но представления об активности, эмоциональное приятие ее, а также реализация активности могут отличаться в значительной степени в зависимости от выраженности автономного или зависимого типов субъектной регуляции.

Обратимся к данным дисперсионного анализа с введением в качестве зависимых переменных переживания чувства неопределенности и характеристик склонности к риску (табл. 2).

Как видно из табл. 2, лица с автономным типом субъектной регуляции обладают более высокими показателями неадаптивного стремления к трудностям, характеризующегося склонностью к преодолению трудностей, смелостью, стремлением добиваться своих целей. Лица с зависимым типом субъектной регуляции характеризуются более высокими показателями поиска новых впечатлений и переживания неопределенности, что говорит об их склонности к риску, связанной со стремлением к новым впечатлениям, познанием нового и необычного.

Поиск острых ощущений и непереносимость однообразия не зависят от отнесенности личности к тому или иному типу субъектной регуляции.

Эти результаты позволяют предположить перспективность моделирования с помощью метода структурных уравнений. Поэтому на следующем этапе нами предпринята попытка построить структурную модель, включающую континуальный показатель автономной субъектной регуляции, общий показатель активности и социально-ориентированной активности, показатели склонности к риску и переживания неопределенности. Ее размерности (табл. 3) показывают приемлемый результат, все ковариации, дисперсии экзогенных переменных статистически достоверны. Объем выборки в анализируемом случае достаточен, но требование многомерной нормальности не выполнено, поэтому нами применен допустимый в таких случаях метод, свободный от распределения (Asymptotically distribution-free) [15].

В качестве экзогенной переменной в данной модели (см. рисунок) выступает переменная возраста. Она оказывает влияние на склонность к риску и общую

Таблица 2

Общие статистики по шкалам склонности к риску и переживания неопределенности и показатели критерия Фишера (независимая переменная – автономный-зависимый тип субъектной регуляции)

	Среднее, зависимый тип CP N=53	SD	Среднее, автономный тип CP N=71	SD	F	Знч.
R1	5,36	2,04	4,90	2,30	1,32	0,253
R2	4,66	4,57	3,93	1,63	1,56	0,215
R3	4,19	1,83	3,44	1,67	5,67	0,019
R4	3,11	1,83	3,96	2,09	5,52	0,02
Confusion	2,96	1,26	2,16	1,12	14,26	0

Условные обозначения. R1 – поиск острых ощущений; R2 – непереносимость однообразия; R3 – поиск новых впечатлений; R4 – неадаптивное стремление к трудностям; Confusion – переживание неопределенности.

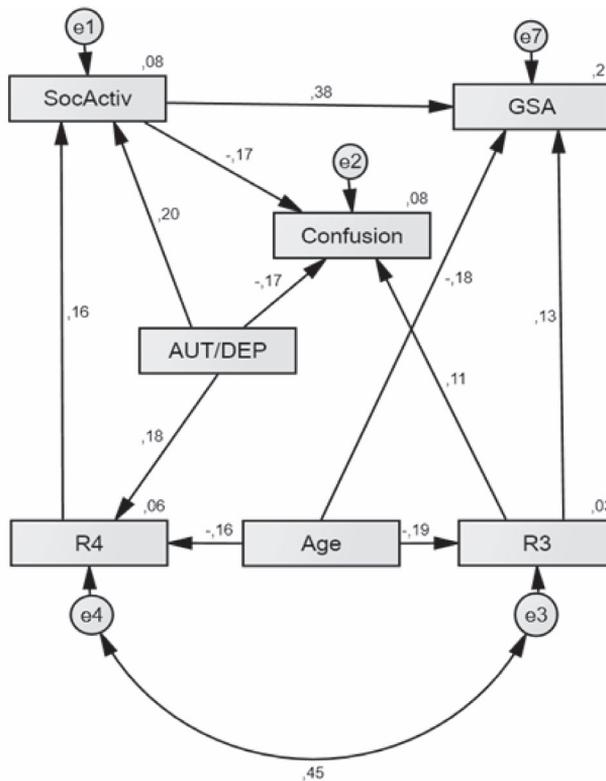
активность студентов. Прямой эффект возраста на риск и общую активность отрицателен. Из представленной модели видно, что автономная регуляция субъекта оказывает влияние на вариации

неадаптивного стремления к трудностям, социально-ориентированной активности и переживание неопределенности. Совокупный вклад стремления к трудностям и автономной регуляции в

Таблица 3

Структурная модель. Пригодность размеров индексов

Модели	X ²	df	p	CFI	AGFI	GFI	RMSEA
Первичная	13,457	10	0,199	0,983	0,765	0,988	0,034
Модифицированная	10,798	9	0,290	0,991	0,969	0,990	0,026

CMIN=10,798; df=9; p=.290;
CFI=.991; AGFI=.969; GFI=.990; RMSEA=.026; PCLOSE=.758

Рис. Модель путей (экзогенные переменные – возраст и тип саморегуляции): R3 – поиск новых впечатлений; R4 – неадаптивное стремление к трудностям; Confusion – переживание неопределенности; SocActiv – социально-ориентированная активность; GSA – общая разнонаправленная активность; AUT/DEP – континуальный показатель субъектной регуляции

вариации социально-ориентированной активности составляет 8%, совокупный вклад социально-ориентированной активности, возраста и поиска новых впечатлений в вариации общей активности составляет 21%. Важным в этой модели является также и то, что переживание неопределенности является зависимым от системы субъектной регуляции, социально-ориентированной активности и поиска новых впечатлений. Из представленной модели видно, что переменные готовности к риску (R3 и R4) являются медиаторами прямого влияния возраста на общую активность и автономии на социально-ориентированную активность.

Обсуждение результатов

Сравнительный (дисперсионный) анализ приверженности к различным формам активности лиц с различными типами субъектной регуляции позволил установить значимые различия, характеризующие более выраженную приверженность к досуговой активности, социально-политической, гражданской активности лиц с автономным типом СР и к протестной активности лиц с зависимым типом СР. Кроме того, имеется тенденция к более выраженной образовательной активности у первых и к радикально-протестной активности — у вторых, хотя общий уровень приверженности и у тех, и у других значимо выше в отношении к образовательной активности. В остальных случаях показатели свидетельствуют в пользу сходства их выраженности. Эти данные говорят о том, что лица, склонные к самостоятельности в действиях и поступках, способные к критической оценке своих действий, планированию своей жизни и соотносящие риски своей активности с

точки зрения не только релевантности действующим законам, но и часто скрытым, негласным правилам и нормам социального поведения, значимо более привержены к распространенной среди студенчества досуговой активности, менее распространённой социально-политической и гражданской, но менее привержены к протестной активности. Имеется также тенденция к склонности к образовательной активности и отказу от участия в радикально-протестных акциях. Иначе говоря, нормативная социально-политическая активность, реализация различных видов досуга студентов подчинены их субъектно-регулятивной системе. Это говорит о том, что личностная зрелость студентов, сформированная система субъектной регуляции двигают их в направлении к активности, которая соответствует стремлению включиться во взрослые виды деятельности, *самостоятельно определяя степень этого участия*. Такие данные согласуются с результатами исследований, проведенных на другой выборке, где установлены взаимосвязи с волевыми характеристиками личности. Так, образовательная, досуговая активность связаны с инициативностью, решительностью, выдержкой и другими характеристиками [26]. Иначе говоря, характеристики личности студентов как субъектов деятельности являются предпосылками приверженности к данным формам активности. Исходя из полученных данных можно также предположить, что склонность к политическому протесту, а тем более к радикально-политическому протесту связана с зависимым типом субъектной регуляции личности студентов. Это значит, что их приверженность к такого рода активности связана с выявленным исследователями «режимом внешней детерминации личностной активности» [8, с. 90].

В исследовании М.А. Кленовой также установлено, что испытуемые с высокой протестной (радикально-протестной) активностью проявляют склонность к зависимости [32]. Несмотря на то, что мы не обладаем подобными данными зарубежных исследований, можно предположить наличие общей тенденции, поскольку личность с зависимой регуляцией, скорее, предпочтет влиться в некое течение, нежели стремиться к самостоятельному достижению каких-либо целей. Кроме того, в российской провинции самостоятельная радикально-протестная активность ассоциируется, скорее, с маргинальностью. Вместе с тем можно предположить, что в среде студенческой молодежи имеется потенциал радикально-протестной активности в случае ее легитимизации.

Анализ компонентов и обобщенного показателя социально-ориентированной активности в зависимости от типа субъектной регуляции отражает те же тенденции. Тип субъектной саморегуляции обуславливает приверженность к социально-ориентированной активности и выраженность ее компонентов. Когнитивный, эмоционально-статусный и поведенческий компоненты значимо более выражены у студентов с автономным типом СР; мотивационный компонент одинаково выражен. Данные результаты свидетельствуют в пользу того, что, несмотря на практически одинаковую силу мотивации, более весомая приверженность к социально-ориентированной активности лиц с автономным типом СР достигается за счет более отчетливого понимания и осознания своего участия в ней, эмоционального принятия, наконец, реальных действий, предпринимаемых в пользу этой активности. Поскольку ранее нами была установлена прямая связь между соци-

ально-ориентированной активностью и приверженностью к альтруистической, социально-политической и гражданской активностям [25], такое положение не кажется случайным. Это значит, что субъектно-развитая студенческая молодежь, характеризующаяся способностью к самостоятельным решениям и критической оценке ситуации, стремящаяся к рефлексивной оценке ситуации, в данный период своей жизни предпочитает социальную активность как стремление к лидерству, к новому опыту в условиях студенческого самоуправления, характеризующую ее способность принимать решения самостоятельно и рационально. Привлечение к социально-ориентированной (которая является, очевидно, ведущей в студенческом возрасте) активности студентов с автономным типом саморегуляции является для них органичным, чего нельзя сказать в отношении студентов с зависимым типом субъектной регуляции.

По шкалам склонности к риску получены неоднозначные результаты. Во-первых, не выявлены существенные различия по шкалам «поиск острых ощущений» и «непереносимость однообразия», характеризующим склонность к экстремальным занятиям, связанным с риском для жизни, и к переменам у лиц, отнесенных к тому или иному типу субъектной регуляции. Во-вторых, противоположные по уровню показатели выявлены по шкалам неадаптивного стремления к трудностям, поиска новых впечатлений и переживания неопределенности. Вместе с тем эти результаты становятся ясными в свете их отнесенности к разным способам бытия (с разным типом регуляции). Лица с автономным типом регуляции характеризуются стремлением к самостоятельному и ответственному дости-

жению своих целей [18]. Это не значит, что они избегают риска; их рискованность связана с преодолением трудностей, смелостью, предпочтением такой стратегии жизни, в которой они сами добиваются своих целей. Лица с зависимым типом субъектной регуляции характеризуются более сильным переживанием неопределенности в своей жизни, что, очевидно, связано с тем, что они полагаются не на свои решения, а на внешние источники, неконтролируемые ими. Более высокие показатели поиска новых впечатлений свидетельствуют об их склонности к риску, связанной со стремлением к новым впечатлениям, познанием нового и необычного. Таким образом, лица и с автономной, и с зависимой саморегуляцией обладают своей спецификой склонности к риску. Только эта склонность связана с разными стратегиями жизни, с разными типами субъектной позиции.

Моделирование с помощью SEM позволило установить прямые и косвенные эффекты автономии на вариации социальной активности. В качестве экзогенной переменной в данной модели также выступает переменная возраста. Она однозначно оказывает влияние на переменные риска и общей активности. Такая картина вполне предсказуема, поскольку в ряде исследований показано, что склонность к риску коррелирует с возрастом (отрицательно) [2; 7]. Из модели также следует совместное влияние возраста, социально-ориентированной активности и неадаптивного стремления к трудностям на общую активность, составляющую до 21% ее вариаций, что частично согласуется с результатами ранее проведенных исследований, где показано, что возраст является сильным предиктором социальной активности [33], а социально-ориентированная

активность вносит значительный вклад в общую активность личности (особенно в такие ее формы, как волонтерская, образовательная, социально-политическая и экономическая) [25]. Прямое влияние автономности совместно с поиском новых впечатлений на социально-ориентированную активность охватывает до 8% ее вариаций. Установлен эффект совместного влияния автономности, социально-ориентированной активности и поиска новых впечатлений на степень переживания неопределенности (8%).

Из представленной модели видно, что кроме прямых имеются косвенные эффекты. Так, неадаптивное стремление к трудностям является медиатором влияния автономии на социально-ориентированную активность, ослабляя прямую причинную связь, а поиск новых впечатлений является медиатором влияния возраста на общую активность и медиатором влияния возраста на переживание неопределенности. Социально-ориентированная активность, в свою очередь, является медиатором прямой причинной связи между автономией и переживанием неопределенности. Таким образом, из данной модели следует, что показатели риска занимают важное место в детерминации социально-ориентированной и общей активности студентов как переменные, опосредующие прямую связь переменных возраста и автономной стратегии субъектной регуляции. Весьма важной в этой модели также является переменная переживания неопределенности, которую можно рассматривать как своеобразный результат стечения ряда обстоятельств: зависимой стратегии субъектной регуляции, поиска новых впечатлений, связанного с риском, и отказа от социально-ориентированной активности.

По нашему предположению, для такого расклада должны быть основания в виде определенных ценностных ориентаций, что требует дополнительного уточняющего исследования.

Заключение

Изучение социальной активности и склонности к риску у студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции необходимо с точки зрения анализа и прогнозирования специфики приверженности студентов к определенной форме активности в зависимости от типа регуляции в условиях их групповой реализации, а также с точки зрения определения их статуса в отношении к риску. Из проведенного исследования следует, что не только имеются предпочтения определенных видов риска, но и риск сам по себе является важным с точки зрения реализации активности в той или иной форме. Понимание сходства и различий приверженности личности к формам социальной активности, а также склонности к риску в зависимости от типа ее субъектной регуляции позволит осуществить риск-менеджмент социальной активности, прогнозировать возможные варианты и направления взаимодействия студенческой молодежи в различных ситуациях внутри социальной группы и с другими социальными субъектами. В результате исследований можно сделать несколько выводов:

1. Студенты с автономным типом субъектной регуляции, в отличие от студентов с зависимым типом, в большей степени привержены к социально-конгруэнтным формам активности (приверженность к досуговой, социаль-

но-политической, гражданской активности). Вместе с тем студенты с зависимым типом субъектной регуляции более привержены к протестной активности, хотя общий уровень ее выраженности и у тех, и у других находится на низших позициях.

2. Социально-ориентированная активность более привлекательна для студентов с автономным типом субъектной регуляции. Когнитивный, эмоционально-статусный и поведенческий ее компоненты более выражены у автономных, а показатели мотивационного компонента индифферентны к типу саморегуляции.

3. Автономные и зависимые по типу субъектной регуляции характеризуются спецификой проявлений стремления к риску. Лица с автономным типом субъектной регуляции характеризуются более высокими показателями неадаптивного стремления к трудностям, характеризующегося склонностью к преодолению трудностей, а с зависимым типом — более высокими показателями поиска новых впечатлений и переживания неопределенности. Поиск острых ощущений и непереносимость однообразия недифференцированы в двух выборках.

4. В результате структурного моделирования установлены место и роль типа субъектной регуляции и характеристик склонности к риску в вариациях социально-ориентированной и общей активности студентов. Континуальный показатель субъектной регуляции оказывает прямое влияние на вариации социально-ориентированной активности, а показатели склонности к риску являются медиаторами прямой причинной связи автономности с социально-ориентированной активностью и возраста с общей активностью студентов соответственно.

Литература

1. *Акимова М.К., Галстян О.А.* Типология социальной активности молодежи в зависимости от принятия нравственных нормативов // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 51–61.
2. *Арендачук И.В.* Акмеологическая компетентность личности как фактор психологической готовности к риску // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 2. С. 103–110.
3. *Арендачук И.В.* Динамика ценностно-смысловых характеристик социальной активности современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 287–307. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307
4. *Балабанова Е.С.* Социально-психологический подход к исследованию социальной активности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 210–223. DOI:10.17805/zpu.2018.3.19
5. *Бочарова Е.Е.* Культурно-исторические факторы детерминации направленности социальной активности молодежи // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. Вып. 4(32). С. 348–361. DOI:10.18500/2304-9790-2019-8-4-348-361
6. *Бочарова Е.Е.* Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодежи // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 4(28). С. 333–345. DOI:10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345
7. *Григорьева М.В.* Компоненты социальной активности личности в ситуациях неопределенности и риска [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2019 № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/52PSMN419.pdf>
8. *Гусейнов А.Ш., Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю., Шиповская В.В.* Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 78–96. DOI:10.21702/грj.2017.4.4
9. *Еремينا Л.И.* Соотношение креативности и социальной активности студентов в социально-преобразующей деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 2. С. 155–159.
10. *Киселёва Т.Г.* Рефлексивно-аксиологический подход к формированию социальной одаренности и социальной активности подростков и молодежи // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. Т. 20. № 2. С. 136–141.
11. *Климова Т.В., Савченко В.С.* Влияние досуговой деятельности на социальную активность студентов // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 56. С. 69–74.
12. *Кудинов С.С.* Социальная активность как основа самореализации личности // Акмеология. 2014. № 1–2. С. 124–125.
13. *Мохнаткина К.В.* Корреляционный анализ влияния депривации на социальную активность россиян // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 55–59. DOI:10.18500/1818-9601-2018-18-1-55-59
14. *Мустафина Д.Б.* Формирование активной социальной позиции молодежи через волонтерскую деятельность как одного из видов социальной активности // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2015. № 6-2. С. 34–36.
15. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2004. 392 с.
16. *Павлова Н.С., Сердюченко Е.А.* Субъектная и личностная регуляция поведения как проявление индивидуальности человека // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 43–56.
17. *Пилишвили Т.С., Минаева А.Ю.* Активность личности в социальных сетях и становление субъектности в информационном мире // Акмеология. 2016. № 1(57). С. 84–88.

18. *Прыгин Г.С.* Психология самостоятельности. Ижевск, Наб. Челны: Изд-во Института управления, 2009. 304 с.
19. *Прыгин Г.С., Каюмов А.Т.* Проявление социальных установок: «альтруизм-эгоизм», «процесс-результат», «свобода-власть», «труд-деньги» у автономных и зависимых студентов (гендерный аспект) // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. № 2. С. 196–202.
20. *Савченко Д.В., Кисляков П.А., Белякова Н.В.* Социальная ответственность и гражданская активность как факторы формирования безопасного просоциального поведения // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 4. С. 60–64.
21. *Троцук И.В., Сохадзе К.Г.* Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 4. С. 58–73.
22. *Усова Н.В.* Психодинамические предикторы направленности социальной активности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 3. С. 95–100. DOI:10.34216/2073-1426-2019-25-3-95-100
23. *Чернышев А.С., Сарычев С.В.* Секция «Социальное самоопределение и социальная активность: психологические проблемы молодежной политики» // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 112–113.
24. *Шамионов Р.М.* Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394
25. *Шамионов Р.М., Григорьева М.В.* Методика диагностики компонентов социально-ориентированной активности // Сибирский психологический журнал. 2019. № 74. С. 26–41. DOI:10.17223/17267080/74/2
26. *Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Григорьев А.В.* Волевые качества как предикторы значимости социальной активности студентов // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 1. С. 18–34. DOI:10.17759/sps.2019100102
27. *Шаров А.А.* Девиантная активность молодежи: особенности и механизм переноса из реальной среды в виртуальную // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 28. С. 103–109. DOI:10.26516/2304-1226.2019.28.103
28. *Ferguson R., Gutberg J., Schattke K., Paulin M., Jost N.* Self-determination theory, social media and charitable causes: An in-depth analysis of autonomous motivation // European journal of social psychology. 2015. Vol. 45(3). P. 298–307. DOI:10.1002/ejsp.2038
29. *Hardy S.A., Dollahite D.C., Johnson N., Christensen J.B.* Adolescent Motivations to Engage in Pro-Social Behaviors and Abstain From Health-Risk Behaviors: A Self-Determination Theory Approach // Journal of personality. 2015. Vol. 83(5). P. 479–490. DOI:10.1111/jopy.12123
30. *Johnston M.M., Finney S.J.* Measuring basic needs satisfaction: Evaluating previous research and conducting new psychometric evaluations of the Basic Needs Satisfaction in General Scale // Contemporary Educational Psychology. 2010. Vol. 35. P. 280–290. DOI:10.1016/j.cedpsych.2010.04.003
31. *Jost J.T., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker J.A.* How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks // Political psychology. 2018. Vol. 39(1). P. 85–118. DOI:10.1111/pops.12478
32. *Klenova M.A.* Social and political activity of youth: the content and social and psychological characteristics // SHS Web Conf. Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019). 2019. Vol. 70. P. 06003. DOI:10.1051/shsconf/20197006003
33. *Shamionov R.M.* Socio-psychological factors of preferences regarding socio-economic and socio-political activity of the Russian provincial youth // Helix. 2019. Vol. 9(1). P. 4813–4817. DOI:10.29042/2019-4813-4817

34. *Shamionov R.M., Grigoryeva M.V., Grigoryev A.V.* World Assumptions and Youth Identity as Predictors of Social Activity Preferences // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2019. Vol. 12(2). P. 115–133. DOI:10.11621/pir.2019.0209
35. *Shiratudin N., Hassan S., Mohd Sani M.A., Ahmad M.K., Khalid K.A., Abdull Rahman N.L., Ahmad N.S.Y.* Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings. *Pertanika // Journal of Social Sciences and Humanities*. 2017. Vol. 25. P. 1–19.
36. *Zagranichniy A.* Study of the correlation of factors affecting frequency of social activity transfer from virtual environment to real-world environment and vice versa // *SHS Web Conf. Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019)* (22 November 2019). 2019. Vol. 70. P. 08046(5). DOI:10.1051/shsconf/20197008046
37. *Zuckerman M.* *Sensation Seeking: Beyond the Optimal Level of Arousal*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1979. 449 p.

References

1. Akimova M.K., Galstyan O.A. Tipologiya sotsial'noi aktivnosti molodezhi v zavisimosti ot prinyatiya nrvstvennykh normativov [Typology of social activity of young people depending on the adoption of moral standards]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 2019, no. 3, pp. 51–61. (In Russ.).
2. Arendachuk I.V. Akmeologicheskaya kompetentnost' lichnosti kak faktor psikhologicheskoi gotovnosti k risku [Acmeological competence of a person as a factor of psychological readiness for risk]. *Izv. Sarat. Un-ta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2015. Vol. 4, no. 2, pp. 103–110. (In Russ.).
3. Arendachuk I.V. Dinamika tsennostno-smyslovykh kharakteristik sotsial'noi aktivnosti sovremennoi molodezhi [Dynamics of Value and Meaning Characteristics of Social Activity of Modern Youth]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 287–307. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307 (In Russ.).
4. Balabanova E.S. Sotsial'no-psikhologicheskii podkhod k issledovaniyu sotsial'noi aktivnosti molodezhi [Socio-psychological approach to the study of social activity of youth]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2018, no. 3, pp. 210–223. DOI:10.17805/zpu.2018.3.19 (In Russ.).
5. Bocharova E.E. Kul'turno-istoricheskie faktory determinatsii napravlenosti sotsial'noi aktivnosti molodezhi [Cultural and Historical Determination Factors for the Young People's Social Activity Direction]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2019. Vol. 8, iss. 4 (32), pp. 348–361. DOI:10.18500/2304-9790-2019-8-4-348-361 (In Russ.).
6. Bocharova E.E. Regulyativnye i mirovozzrencheskie faktory razlichnykh form sotsial'noi aktivnosti molodezhi [Regulatory and Worldview Factors of Various Forms of Social Activity of Young People]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018. Vol. 7, iss. 4 (28), pp. 333–345. DOI:10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345 (In Russ.).
7. Grigor'eva M.V. Komponenty sotsial'noi aktivnosti lichnosti v situatsiyakh neopredelennosti i riska [Components of a person's social activity in situations of uncertainty and risk]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*, 2019. Vol. 4(7). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/52PSMN419.pdf>. (In Russ.).
8. Guseinov A.Sh., Ryabikina Z.I., Fomenko G.Yu., Shipovskaya V.V. Fenomen protestnoi aktivnosti lichnosti: sub"ektno-bytiinaya interpretatsiya [The Phenomenon of Protest Activity: A

- Subjective-Existential Interpretation]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2017. Vol. 14, no. 4, pp. 78–96. DOI:10.21702/rpj.2017.4.4 (In Russ.).
9. Eremina L.I. Sootnoshenie kreativnosti i sotsial'noi aktivnosti studentov v sotsial'no-preobrazuyushchei deyatelnosti [Correlation of creativity and social activity of students in the socio-reformative activity]. *Izv. Sarat. Un-ta. Nov. ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2015. Vol. 4, no. 2, pp. 155–159. (In Russ.).
10. Kiseleva T.G. Refleksivno-aksiologicheskii podkhod k formirovaniyu sotsial'noi odarennosti i sotsial'noi aktivnosti podrostkov i molodezhi [Reflexive-axiological approach to the formation of social endowments and social activity of adolescents and youth]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova. Ser: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma state University. N. Nekrasov. Ser.: Pedagogics. Psychology. Social work. Juvenile. Sociokinetic*, 2014, Vol. 20, no. 2, pp. 136–141. (In Russ.).
11. Klimova T.V., Savchenko V.S. Vliyanie dosugovoi deyatelnosti na sotsial'nuyu aktivnost' studentov [Influence of leisure activities on social activity of students]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Amur state University. Series: Humanitarian Sciences*, 2012, no 56, pp. 69–74. (In Russ.).
12. Kudinov S.S. Sotsial'naya aktivnost' kak osnova samorealizatsii lichnosti [Social activity as the basis of self-identity]. *Akmeologiya = Acmeology*, 2014, no. S1-2, pp. 124–125. (In Russ.).
13. Mokhnatkina K.V. Korrelyatsionnyi analiz vliyaniya deprivatsii na sotsial'nuyu aktivnost' rossiyan [Correlation Analysis of the Impact of Deprivation on the Social Activity of Russians]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya = Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018. Vol. 18, iss. 1, pp. 55–59. DOI:10.18500/1818-9601-2018-18-1-55-59 (In Russ.).
14. Mustafina D.B. Formirovanie aktivnoi sotsial'noi pozitsii molodezhi cherez volonterskuyu deyatelnost' kak odnogo iz vidov sotsial'noi aktivnosti [Formation of an active social position of youth through volunteer activity as one of the types of social activity]. *Novaya nauka: Strategii i vektory razvitiya = New science: Strategies and vectors of development*, 2015, no. 6–2, pp. 34–36. (In Russ.).
15. Nasledov A.D. Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh [Mathematical methods of psychological research. Data analysis and interpretation]. Saint Petersburg: Rech, 2004. 392 p. (In Russ.).
16. Pavlova N.S., Sergienko E.A. Sub'ektnaya i lichnostnaya regulyatsiya povedeniya kak proyavlenie individual'nosti cheloveka [Subject and personal regulation of behavior as a manifestation of human individuality]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2016. Vol. 37, no. 2, pp. 43–56. (In Russ.).
17. Pilishvili T.S., Minaeva A.Yu. Aktivnost' lichnosti v sotsial'nykh setyakh i stanovlenie sub'ektnosti v informatsionnom mire [Activity of personality in social networks and the development of subjectivity in the information world]. *Akmeologiya = Acmeology*, 2016. Vol. 1, no. 57, pp. 84–88. (In Russ.).
18. Prygin G.S. Psikhologiya samostoyatel'nosti [Psychology of independence]. Izhevsk, Nab. Chelny: Publ. Instituta upravleniya, 2009. 304 p. (In Russ.).
19. Prygin G.S., Kayumov A.T. Proyavlenie sotsial'nykh ustanovok: «al'truizm-egoizm», «protsess-rezultat», «svoboda-vlast'», «trud-den'gi» u avtonomnykh i zavisimyykh studentov (gendernyi aspekt) [Manifestation of social attitudes: “altruism-egoism”, “process-result”, “freedom-power”, “labor-money” in Autonomous and dependent students (gender aspect)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Bulletin of Udmurt University. The Series Of Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017. Vol. 27, no. 2, pp. 196–202. (In Russ.).
20. Savchenko D.V., Kislyakov P.A., Belyakova N.V. Sotsial'naya otvetstvennost' i grazhdanskaya aktivnost' kak faktory formirovaniya bezopasnogo prosotsial'nogo povedeniya [Social responsibility

- and civic engagement as factors of formation of safe prosocial behavior]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* = *Bulletin of the Kostroma state University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociogenetic*, 2019. Vol. 25, no. 4, pp. 60–64. (In Russ.).
21. Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. Sotsial'naya aktivnost' molodezhi: podkhody k otsenke form, motivov i faktorov proyavleniya v sovremennom rossiiskom obshchestve [Social activity of youth: approaches to assessing forms, motives and factors of manifestation in modern Russian society]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* = *Vestnik RUDN. Sociology Series*, 2014, no. 4, pp. 58–73. (In Russ.).
22. Usova N.V. Psikhodinamicheskie prediktory napravlenosti sotsial'noi aktivnosti [Psychodynamic predictors of social activity]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* = *Vestnik of Kostroma state university. Ser.: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2019. Vol. 3, pp. 95–100. DOI:10.34216/2073-1426-2019-25-3-95-100 (In Russ.).
23. Chernyshev A.S., Sarychev S.V. Sektsiya «Sotsial'noe samoopredelenie i sotsial'naya aktivnost': psikhologicheskie problemy molodezhnoi politiki» [Section “social self-determination and social activity: psychological problems of youth policy]. *Psikhologicheskii zhurnal* = *Psychological journal*, 2011. Vol. 32(5), pp. 112–113. (In Russ.).
24. Shamionov R.M. Sotsial'naya aktivnost' lichnosti i gruppy: opredelenie, struktura i mekhanizmy [Social Activity of Personality and Groups: Definition, Structure and Mechanisms]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* = *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2018. Vol. 15(4), pp. 379–394. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394 (In Russ.).
25. Shamionov R.M., Grigor'eva M.V. Metodika diagnostiki komponentov sotsial'no-orientirovannoi aktivnosti [Technique for Diagnostic Assessment of Socially-Oriented Activity Components]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* = *Siberian journal of psychology*, 2019. Vol. 74, pp. 26–41. DOI:10.17223/17267080/74/2 (In Russ.).
26. Shamionov R.M., Grigor'eva M.V., Grigor'ev A.V. Volevye kachestva kak prediktory znachimosti sotsial'noi aktivnosti studentov [Volitional qualities as predictors of the importance of social activity of students]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 1, pp. 18–34. DOI:10.17759/sps.2019100102 (In Russ.).
27. Sharov A.A. Deviantnaya aktivnost' molodezhi: osobennosti i mekhanizm perenosa iz real'noi sredy v virtual'nyu [Deviant Behavior of Young People: Some Aspects and Mechanism of Transfer from Real to Virtual Settings]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* = *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2019. Vol. 28, pp. 103–109. DOI:10.26516/2304-1226.2019.28.103 (In Russ.).
28. Ferguson R., Gutberg J., Schattke K., Paulin M., Jost N. Self-determination theory, social media and charitable causes: An in-depth analysis of autonomous motivation. *European journal of social psychology*, 2015. Vol. 45(3), pp. 298–307. DOI:10.1002/ejsp.2038
29. Hardy S.A., Dollahite D.C., Johnson N., Christensen J.B. Adolescent Motivations to Engage in Pro-Social Behaviors and Abstain From Health-Risk Behaviors: A Self-Determination Theory Approach. *Journal of personality*, 2015. Vol. 83(5), pp. 479–490. DOI:10.1111/jopy.12123
30. Johnston M.M., Finney S.J. Measuring basic needs satisfaction: Evaluating previous research and conducting new psychometric evaluations of the Basic Needs Satisfaction in General Scale. *Contemporary Educational Psychology*, 2010. Vol. 35, pp. 280–290. DOI:10.1016/j.cedpsych.2010.04.003
31. Jost J.T., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker J.A. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks. *Political psychology*, 2018. Vol. 39(1), pp. 85–118. DOI:10.1111/pops.12478
32. Klenova M.A. Social and political activity of youth: the content and social and psychological characteristics. SHS Web Conf. *Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in*

the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019), 2019. Vol. 70, pp. 06003. DOI:10.1051/shsconf/20197006003

33. Shamionov R.M. Socio-psychological factors of preferences regarding socio-economic and socio-political activity of the Russian provincial youth. *Helix*, 2019. Vol. 9(1), pp. 4813–4817. DOI:10.29042/2019-4813-4817

34. Shamionov R.M., Grigoryeva M.V., Grigoryev A.V. World Assumptions and Youth Identity as Predictors of Social Activity Preferences. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2019. Vol. 12(2), pp. 115–133. DOI:10.11621/pir.2019.0209

35. Shiratuddin N., Hassan S., Mohd Sani M.A., Ahmad M.K., Khalid K.A., Abdull Rahman N.L., Ahmad N.S.Y. Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings. *Pertanika. Journal of Social Sciences and Humanities*, 2017. Vol. 25, pp. 1–19.

36. Zagranchniy A. Study of the correlation of factors affecting frequency of social activity transfer from virtual environment to real-world environment and vice versa. SHS Web Conf. *Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019)* (22 November 2019), 2019. Vol. 70, pp. 08046(5). DOI:10.1051/shsconf/20197008046

37. Zuckerman M. *Sensation Seeking: Beyond the Optimal Level of Arousal*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1979. 449 p.

Информация об авторах

Шамионов Раиль Муширович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Information about the authors

Rail M. Shamionov, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University (SSU), Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Получена 19.02.2020

Принята в печать 20.01.2021

Received 19.02.2020

Accepted 20.01.2021

Автономия и привязанность в отношениях с родителями в контексте реального самоопределения у студентов

Красило Д.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3759-7560>, e-mail: krasiloda@mgppu.ru

Красило Т.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-1791>, e-mail: t-krassilo@rambler.ru

Залипаева А.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1288-8823>, e-mail: zalipaevaan@gmail.com

Цель. Изучение взаимосвязи автономии и привязанности в отношениях с родителями с реальным самоопределением у студентов.

Контекст и актуальность. Нарастающая мировая глобализация, межкультурные противоречия, конфронтация внутри общества серьезно усложняют путь самоопределения современной молодежи. Одновременно с этим в связи с техническим прогрессом и цифровизацией среды общения и образования наблюдаются существенные преобразования во взаимодействии людей практически во всех сферах, в том числе в семье. Поэтому особенно остро встает вопрос исследования наиболее важных для реального самоопределения аспектов во взаимоотношениях молодых людей с родителями.

Дизайн исследования. В работе изучались показатели реального самоопределения, привязанности к родителям и автономии у студентов. Наличие взаимосвязи между данными параметрами устанавливалось через подсчет коэффициента корреляции Спирмена.

Участники. 60 студентов колледжа в возрасте от 18 лет до 21 года.

Методы (инструменты). Методика «Шкала взрослой привязанности для близких отношений»; опросник автономии (авторы О.А. Карабанова и Н.Н. Поскребышева); опросник «ОРС» (автор Д.А. Красило).

Результаты. Установлена обратная взаимосвязь показателей реального самоопределения студентов с уровнем близости и уровнем тревожности (шкалами привязанности к родителям). Выявлена прямая взаимосвязь между показателями реального самоопределения и уровнем автономии.

Выводы. Близость и тревожность (компоненты привязанности) имеют значимую обратную взаимосвязь с уровнем реального самоопределения у студентов. Между надежностью (компонентом привязанности) и реальным самоопределением значимые связи в исследуемой выборке отсутствуют. Эмоциональная автономия, когнитивная автономия, поведенческая автономия и ценностная автономия имеют значимые положительные корреляционные связи с уровнем реального самоопределения у студентов.

Ключевые слова: привязанность, автономия, реальное самоопределение, детско-родительские отношения, период вхождения во взрослость.

Для цитаты: Красило Д.А., Красило Т.А., Залипаева А.Н. Автономия и привязанность в отношениях с родителями в контексте реального самоопределения у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 113–125. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120108>

Autonomy and Attachment in Relationships with Parents in the Context of Students' Real Self-Determination

Daria A. Krasilo

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3759-7560>, e-mail: krasiloda@mppu.ru

Tatiana A. Krasilo

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-1791>, e-mail: t-krasilova@rambler.ru

Anastasia N. Zalipaeva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1288-8823>, e-mail: zalipaevaan@gmail.com

Objectives. *Studying the relationship of autonomy and attachment in relationships with parents with real self-determination in students.*

Background. *The growing world globalization, intercultural contradictions, confrontation within society seriously complicate the path of self-determination of modern youth. At the same time, due to technical progress and digitalization of the communication and education environment, there are significant transformations in the interaction of people in almost all spheres, including in the family. Therefore, the question of studying the most important aspects in the relationship of young people with their parents for real self-determination is especially acute.*

Study design. *The work studied the indicators of real self-determination, attachment to parents and autonomy among students. The presence of a relationship between these parameters was established by calculating the Spearman correlation coefficient.*

Participants. *60 college students aged 18 to 21.*

Measurements. *Methodology "Scale of adult attachment for close relationships"; autonomy questionnaire (authors O.A. Karabanova and N.N. Poskrebysheva); questionnaire "ORS" (author D.A. Krasilo).*

Results. *An inverse relationship of indicators of real self-determination of students with the level of intimacy and the level of anxiety (scales of attachment to parents) was established. A direct relationship was revealed between the indicators of real self-determination and the level of autonomy.*

Conclusions. *Proximity and anxiety (components of attachment) have a significant inverse relationship with the level of real self-determination in students. There are no significant connections between reliability (a component of attachment) and real self-determination in the sample under study. Emotional autonomy, cognitive autonomy, behavioral autonomy, and value autonomy have significant positive correlations with the level of real self-determination in students.*

Keywords: *attachment, autonomy, real self-determination, parent-child relations, the period of entering adulthood.*

For citation: Krasilo D.A., Krasilo T.A., Zalipaeva A.N. Autonomy and Attachment in Relationships with Parents in the Context of Students' Real Self-Determination. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 113–125. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120108> (In Russ.).

Мы живем в эпоху так называемого «постмодерна», когда усиливаются межгрупповые, межнациональные, межкультурные противоречия, обостряются старые и возникают новые конфликты во взаимоотношениях самого разного уровня. В сложившихся социокультурных условиях молодому человеку, открывающему дверь в этот новый, полный трудностей и противоречий взрослый мир, сложно найти ориентиры для личностного и профессионального самоопределения [3; 14; 20; 21]. В связи с этим в исследовании поднимается проблема взаимоотношений с родителями как социального ресурса реального самоопределения в период вхождения во взрослость [1; 2; 11; 13; 17; 23]. Различные аспекты развивающейся автономии личности в период вхождения во взрослость вступают в противоречие с привязанностью к родителям, что непосредственно сказывается на качестве и уровне реального самоопределения.

Взаимосвязь реального самоопределения современной молодежи и ее взаимоотношений с родителями анализируется в статье в традициях культурно-исторического и деятельностного подходов [4; 6], в которых любое психологическое явление или феномен выступают в диалектическом единстве и противоречии его объективной и субъективной сторон, интер- и интрапсихических форм. Так, в процессе самоопределения происходит трансформация личности и ее отношений с окружающим миром и с близкими людьми.

Л.И. Божович разделяет самоопределение как новообразование юношеского возраста (во многом инфантильное, сопровождаемое оторванными от реальности мечтами, идеализированными представлениями о своем личностном и профессиональном пути) и подлинное

самоопределение как «системное новообразование, связанное с формированием внутренней позиции взрослого человека» [4, с. 242], возникающее в онтогенезе значительно позже юношеского возраста. Вслед за Л.И. Божович мы дифференцируем две качественно различающиеся по уровню психологической зрелости формы самоопределения: идеальную (подростково-юношеский период) и реальную (взрослые возраста).

В исследовании Д.А. Красило было проанализировано и структурировано понятие «*реальное самоопределение*» [10]. Реальное самоопределение представляет собой не только «ценностно-когнитивную проекцию себя в будущем», но и деятельность по активному присвоению и субъективации средств и стратегий, направленных на совладание с фрустрирующими факторами взрослой жизни и с открывающимися субъекту возрастными задачами: 1) достижение психологической близости в отношениях любви; 2) достижение психологической близости в отношениях дружбы; 3) построение отношений с родителями на взрослом уровне; 4) достижение устойчивой ценностно-мировоззренческой позиции; 5) обеспечение основания для будущей карьеры; 6) согласование юношеской мечты с реальностью взрослой жизни.

В работах Д.А. Красило [9; 10; 11] было показано также, что:

1. Готовность к реальному самоопределению связана с определенными изменениями в системе отношений молодых людей к окружающему миру, другим людям и к себе: 1) с низкой субъективной значимостью идеального наставника; 2) с более выраженной субъективной значимостью реальных наставников с *превалированием наставника из семьи*; 3) с повышением значимости внутреннего наставника (развитие самостоятельности).

2. Родители (наставники из семьи) начинают выполнять ориентирующую функцию в процессе реального самоопределения только в сочетании с возникновением более зрелого уровня взаимоотношений в семье, т.е. с ростом психологической независимости молодых людей от родителей.

3. Социализация и развитие самостоятельности происходят неравномерно, что находит отражение в общей динамике реального самоопределения в его различных психосоциальных сферах. Так, формирование устойчивой ценностно-мировоззренческой позиции происходит медленнее, а психологическая близость в дружеских отношениях развивается с опережением.

Теоретическая и практическая значимость актуального исследования заключается в выявлении специфики внутренних противоречий во взаимоотношениях современной молодежи с родителями и поиске социально-психологических условий их эффективной социализации и самоопределения.

Анализ динамики развития личностной автономии у подростков и юношества в ряде отечественных исследований [1; 2; 12; 15; 16; 17; 23] показывает неоднозначные взаимосвязи между отношениями с родителями и показателями независимости, самостоятельности в выборе перспектив развития и установлении социальных контактов.

А.П. Новгородцева, развивая идею Д.Б. Эльконина и Т.В. Драгуновой о незрелой подростковой форме самосознания — «чувстве взрослости», определяет его как «разочарование в совершенстве мира», которое «рождает один из существенных внутренних конфликтов подросткового возраста: **конфликт доверия к миру** как столкновение потребности в доверии к миру взрослых, которую под-

ростки не осознают, и одновременно отношения недоверия к нему, которое во многом осознается подростками» [15, с. 45]. Из этого противоречия образа мира развивается еще несколько конфликтов, связанных с осознанием противоречий своего внутреннего мира. Наряду с конфликтами развития Я-концепции и психосексуальной функции А.П. Новгородцева указывает на конфликт противоречивых потребностей (подросток одновременно испытывает потребность в независимости от родителей и потребность в их тепле и поддержке) и на конфликт двойственных чувств (подросток осознает амбивалентность своих отношений и чувств к окружающим людям).

К 18 годам подобная конфликтность и противоречивость сглаживаются в силу развития самосознания и временной перспективы. Юноша вступает на путь личностного и профессионального самоопределения. Однако к этому возрасту личностная автономия еще не обретается окончательно. Как показало исследование, проведенное Н.Н. Поскребышевой и О.А. Карабановой, личностная автономия старшеклассников имеет многокомпонентную структуру и включает: ценностную, когнитивную, поведенческую и эмоциональную автономию [17]. Все компоненты развиваются неравномерно и имеют различную динамику у автономных и высокоавтономных подростков, с одной стороны, и у ведомых и зависимых от родителей подростков, с другой стороны.

У старшеклассников на первый план выходят когнитивная и ценностная автономия, у высокоавтономных подростков к ним подтягивается также поведенческая автономия.

Следует обратить внимание на то, что эмоциональная автономия в старшем подростковом возрасте отстает от развития других компонентов, а у высоко-

коавтономных подростков этот разрыв увеличивается. При этом эмоциональная близость и сотрудничество в отношениях с родителями у автономных подростков находятся на высоком уровне.

Транслируя теоретический конструкт личностной автономии на наше исследование применительно к студенческому возрасту как критическому периоду, можно предположить, что эмоциональная близость (или привязанность) с родителями вступает в противоречие со всевозрастающей когнитивной и ценностной автономией. Развитие у молодых людей эмоциональной автономии, по всей вероятности, и является необходимым условием преодоления кризиса вхождения во взрослость и эффективного реального самоопределения. И.А. Аликин, М.И. Аликин, Н.В. Лукьянченко подтверждают, что высокая заинтересованность родителей в привязанности со стороны ребенка и чрезмерная заботливость о нем затрудняют проявления жизнестойкости молодых людей [2].

Р. Лихи выделяет три компонента взрослой привязанности: близость, надежность и тревожность [14]. Именно три эти характеристики мы берем за основу эмпирического исследования привязанности во взаимоотношениях с родителями у студентов. Следует отличать эти компоненты привязанности от традиционных типов привязанности, выделенных Д. Боулби и М. Эйнсворт, транслируемых из ранних взаимоотношений с матерью на все последующие близкие межличностные отношения, которые изучались уже в ряде зарубежных и отечественных исследований [5; 23; 24; 25; 26].

Программа эмпирического исследования¹

Целью нашего исследования являлось изучение взаимосвязи автономии и привязанности в отношениях с родителями с реальным самоопределением у студентов.

В качестве основной гипотезы было выдвинуто предположение о наличии взаимосвязи реального самоопределения у студентов с их уровнем автономии и компонентами привязанности к родителям. Данная гипотеза была конкретизирована в частных гипотезах:

1) уровень реального самоопределения имеет прямую взаимосвязь с уровнем надежности и обратно пропорционален уровню близости и уровню тревожности в привязанности к родителям у студентов;

2) уровень автономии имеет прямую взаимосвязь с уровнем реального самоопределения у студентов.

Выборку составили студенты 1–4 курсов ГБПОУ «Колледж архитектуры, дизайна и реинжиниринга», 60 человек в возрасте 18–21 года, 33 девушки и 27 юношей.

Для изучения трех компонентов привязанности — близости, надежности и тревожности — использовалась «Шкала взрослой привязанности для близких отношений» [14]. Чтобы исследовать показатели привязанности в системе отношений с родителями, в инструкции респондентам было предложено ориентироваться при заполнении опросника именно на их отношения с родителями.

Определение уровней эмоциональной, поведенческой, когнитивной и ценностной автономии осуществлялось при

¹ В статье использованы материалы выпускной квалификационной работы А.Н. Залипаевой, выполненной на тему «Взаимосвязь детско-родительских отношений с особенностями реального самоопределения у студентов» под руководством Т.А. Красило в 2020 г. [7].

помощи опросника автономии О.А. Карabanовой и Н.Н. Поскребышевой [17].

Уровень реального самоопределения изучался посредством проведения опросника «ОРС» Д.А. Краси́ло [10], который включает в себя шесть шкал: готовность к близким отношениям с любимым человеком, обеспечение предварительного основания для карьеры, устойчивость ценностно-мировоззренческой позиции, готовность к построению психологически близких дружеских отношений, готовность к перестроению отношений с родителями на взрослом уровне, готовность к изменению юношеской мечты в соответствии с реальностью взрослой жизни.

Для изучения наличия корреляционных связей использовался г-критерий Спирмена. Обработка результатов проводилась при помощи программы IBM SPSS Statistics.

Результаты

В ходе проведения методики «Шкала взрослой привязанности для близких отношений» были получены данные, свидетельствующие, что в изучаемой выборке преобладают показатели среднего уровня по шкалам тревожности (у 70% респондентов) и близости (у 48,3%).

Показатели по шкале близости (в отличие от двух других компонентов привязанности) демонстрируют преобладание доли низкого уровня над долей высокого, что свидетельствует о тенденции невысокого стремления к эмоциональной близости в исследуемой выборке.

По шкале надежности наибольшая доля показателей приходится на высокий и средний уровни (суммарно 95%), причем с преобладанием доли высоких значений (48,3%), что позволяет характеризовать изучаемую выборку в целом

как имеющую очень высокую степень доверия во взаимоотношениях с родителями.

При изучении автономии респондентов (с использованием опросника О.А. Карabanовой и Н.Н. Поскребышевой) было установлено, что показатели всех четырех шкал автономии получили одинаковое распределение по трем уровням их выраженности: высокий уровень зафиксирован у 28,3% студентов, средний — у 46,7%, низкий — у 25%. Полученные результаты свидетельствуют о достаточно высокой самостоятельности (во всех четырех исследуемых областях проявления автономии) в данной выборке.

Результаты, полученные при проведении методики «ОРС», также позволили выявить, что все шесть шкал реального самоопределения имеют схожее между собой распределение показателей по трем уровням их выраженности.

Низкий уровень по всем изучаемым параметрам реального самоопределения был получен у приблизительно четверти выборки, в то время как высокий уровень по каждой шкале опросника имеет несколько большая доля респондентов (около 30%).

По всем шкалам наибольшая доля выборки получила средние показатели. Таким образом, можно говорить о том, что около половины респондентов имеют средний уровень обеспечения предварительного основания для карьеры, устойчивости ценностно-мировоззренческой позиции, готовности к близким дружеским отношениям и отношениям с любимым человеком, готовности к перестроению отношений с родителями и готовности к изменению юношеской мечты в соответствии с реальностью взрослой жизни.

В целом, опираясь на полученные результаты, можно сделать вывод об отсутствии существенных проблем в реальном самоопределении в исследуемой выборке.

Для проверки гипотезы о взаимосвязи уровня реального самоопределения с уровнем автономии и показателями привязанности в детско-родительских отношениях у студентов был проведен корреляционный анализ данных при помощи подсчета г-критерия Спирмена (см. таблицу).

Корреляционный анализ выявил наличие ряда значимых взаимосвязей.

Все параметры реального самоопределения (все 6 шкал) имеют сильную отрицательную связь со шкалой близости — компонента привязанности в отношениях с родителями.

Шкала тревожности (другой компонент привязанности) также имеет значи-

мую обратную связь со шкалами опросника «ОРС».

По третьему компоненту привязанности — надежности — значимых взаимосвязей со шкалами реального самоопределения получено не было.

Все шкалы автономии имеют сильную прямую связь со всеми компонентами реального самоопределения [7].

Обсуждение результатов

Установленная значимая отрицательная корреляционная связь между компонентами реального самоопреде-

Т а б л и ц а

Взаимосвязь реального самоопределения с показателями привязанности и автономии у студентов

Шкалы	Близость	Надежность	Тревожность	Эмоциональная автономия	Когнитивная автономия	Поведенческая автономия	Ценностная автономия
Готовность к близким отношениям с любимым человеком	-0,828**	0,106	-0,440**	0,772**	0,789**	0,809**	0,776**
Обеспечение предварительного основания для карьеры	-0,780**	0,049	-0,491**	0,780**	0,796**	0,770**	0,694**
Устойчивость ценностно-мировоззренческой позиции	-0,808**	0,068	-0,440**	0,832**	0,823**	0,790**	0,723**
Готовность к построению психологически близких дружеских отношений	-0,769**	0,043	-0,428**	0,804**	0,738**	0,845**	0,770**
Готовность к построению отношений с родителями на взрослом уровне	-0,877**	0,074	-0,459**	0,833**	0,828**	0,822**	0,774**
Готовность к изменению юношеской мечты в соответствии с реальностью взрослой жизни	-0,789**	0,101	-0,483**	0,845**	0,819**	0,788**	0,840**

Примечание. ** значимость $p < 0,01$.

ления и шкалой близости подтверждает одно из положений первой частной гипотезы. Эта взаимосвязь говорит о том, что у студентов, имеющих более низкие показатели близости при общении с родителями, то есть стремящихся к дистанцированности, наблюдаются более высокие показатели реального самоопределения.

Между показателями реального самоопределения и шкалой тревожности также была выявлена значимая отрицательная корреляционная связь. То есть при снижении уровня беспокойства в отношениях с родителями наблюдается повышение показателей реального самоопределения, что соответствует первой частной гипотезе.

Данные закономерности можно интерпретировать как подтверждение идеи о том, что в качестве условий, способствующих процессу реального самоопределения, можно выделить отсутствие напряженности и тревоги, а также определенную дистанцированность во взаимоотношениях с родителями. При этом возможен и вариант обратного влияния, когда изменения, происходящие с человеком в ходе процесса реального самоопределения, позволяют отказать от излишних волнений и потребности в тесном сближении в детско-родительских отношениях.

Между шкалой надежности и показателями реального самоопределения значимых корреляционных связей получено не было, что не подтверждает положение первой частной гипотезы о наличии прямой взаимосвязи между данными параметрами. Таким образом, можно говорить о частичном подтверждении первой гипотезы (в положении о наличии взаимосвязи реального самоопределения с двумя другими компонентами привязанности).

Отсутствие ожидаемой взаимосвязи реального самоопределения с уровнем надежности можно, с одной стороны, объяснить спецификой выборки: в ней полученные результаты по шкале «надежность» имеют ощутимый перекося сторону высоких показателей (около половины респондентов) и очень небольшую долю, приходящуюся на низкий уровень по изучаемому параметру (5%). Поэтому в дальнейших исследованиях следует уточнить вопрос о наличии изучаемой взаимосвязи путем увеличения объема выборки.

С другой стороны, можно говорить о том, что данный результат нашего исследования, действительно, свидетельствует об отсутствии влияния уровня надежности в отношениях студентов с родителями на процесс реального самоопределения (как и обратного влияния). Однако, на наш взгляд, это еще не означает абсолютного исключения значимости этого компонента взрослой привязанности для процесса реального самоопределения. Традиционно надежность рассматривается как очень важный компонент позитивных взаимоотношений, который стимулирует успешность деятельности человека и развитие личности в различных направлениях: способствует формированию уверенности в себе, свободы действий, самостоятельности и т.д. [12; 13]. Поэтому, принимая во внимание также факты о значимой роли фигуры родителя в процессе реального самоопределения [9; 11] и имеющиеся данные о взаимосвязи автономии с эмоциональными и доверительными взаимоотношениями со сверстниками и такими характеристиками в области детско-родительских отношений, как сотрудничество, согласие и принятие со стороны родителей [17], можно предположить, что доверие

в отношениях с родителями (отражающееся в показателях надежности) все-таки является значимым аспектом в процессе реального самоопределения. Не имея непосредственного влияния на данный процесс, возможно, надежность способствует подготовке важных условий реального самоопределения, например, таких, как автономия (связь с которой была установлена в нашем исследовании). Конечно, данный вопрос требует дополнительных исследований и уточнений.

Полученные значимые положительные корреляции между показателями реального самоопределения и всеми шкалами автономии являются подтверждением второй частной гипотезы. То есть при высоких показателях автономии наблюдаются высокие показатели реального самоопределения.

Данная связь может быть проинтерпретирована следующим образом: свобода действий и отсутствие зависимости от других людей являются важными условиями в процессе формирования реального самоопределения, автономия позволяет успешно решать задачи по построению новых форм взаимоотношений с социальным окружением, ценностно-мировоззренческой позиции и конкретных жизненных целей. Однако могут быть и другие объяснения установленной корреляции: автономия может формироваться как следствие процесса реального самоопределения или параллельно с этим процессом, детерминируясь неким

общим третьим фактором. Поэтому для более полного понимания этого вопроса также требуются дополнительные исследования по прояснению причинно-следственных связей между рассматриваемыми феноменами.

Выводы

1. Близость (компонент привязанности в отношениях с родителями) имеет значимую обратную взаимосвязь с уровнем реального самоопределения у студентов: чем ниже потребность в сближении, тем выше уровень реального самоопределения.

2. Уровень тревожности (компонента привязанности) обратно пропорционален уровню реального самоопределения: чем ниже показатели тревожности, тем выше уровень реального самоопределения.

3. Между надежностью (компонентом привязанности) и реальным самоопределением значимые связи в исследуемой выборке отсутствуют.

4. Эмоциональная автономия, когнитивная автономия, поведенческая автономия и ценностная автономия имеют значимую положительную корреляционную связь с уровнем реального самоопределения у студентов: при более высоких показателях автономии (всех четырех ее компонентов) наблюдается более высокий уровень реального самоопределения.

Литература

1. Авдеева Н.Н., Хоффман Б.Э. Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 69–78.
2. Аликин И.А., Аликин М.И., Лукьянченко Н.В. Связь жизнестойкости студентов с отношением к ним родителей // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 75–89. DOI:10.17759/pse.2020250307

3. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 08.12.2020).
4. Божович Л.И. Проблемы формирования личности // Избр. психол. тр. М., 1995. 350 с.
5. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М., 2004. 232 с.
6. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Проблема возраста. М., 1984. С. 244–265.
7. Залпаева А.Н. Взаимосвязь детско-родительских отношений с особенностями реального самоопределения у студентов: выпускная квалификационная работа. М., 2020. 68 с.
8. Карabanова О.А. Ориентирующий образ в структуре социальной ситуации развития ребенка: от Л.С. Выготского к П.Я. Гальперину // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2012. № 4. С. 73–82.
9. Красило Д.А. Ориентирующий образ наставника в период вхождения во взрослость // Психологическая наука и образование. 2006. № 1. С. 50–62.
10. Красило Д.А. Методика исследования реального самоопределения подростков и молодежи // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 59–77.
11. Красило Д.А. Наставник в семье в контексте современной социальной ситуации развития молодежи // Материалы Международной научно-практической конференции «Семья в социально-культурном пространстве России» (Москва, 28-29 мая 2018 г.). М.: МПСУ, 2018. С. 274–279.
12. Красило Т.А., Кежватова Е.А. Взаимосвязь между типом привязанности и уровнем конфликтности у студентов // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 2. С. 85–100.
13. Красило Т.А., Московенко И.В. Особенности самоотношения студентов при разных типах привязанности к родителям // Материалы XI Межвузовской научно-практической конференции «Образование на разных возрастных этапах: новые задачи и горизонты» (Москва, 18 апреля 2017 г.) / Под ред. Шнейдер Л.Б. М.: МПСУ, 2017. С. 124–130.
14. Лихи Р. Ревность. Как с ней жить и сохранить отношения. СПб.: Питер, 2019. 250 с.
15. Новгородцева А.П. Внутренние конфликты подросткового возраста // Культурно-историческая психология. 2006. № 3. С. 38–50.
16. Осницкий А.К. Психологические механизмы самостоятельности. М., 2010. 232 с.
17. Поскребышева Н.Н., Карabanова О.А. Исследование личностной автономии подростка в контексте социальной ситуации развития // Национальный психологический журнал. 2014. № 4(16). С. 34–41.
18. Психология раннего студенческого возраста / Под ред. Е.Л. Бережковской. М.: Проспект, 2014. 192 с.
19. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. Учебное пособие. М.: ПСТГУ, 2013. 400 с.
20. Толстых Н.Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 4. С. 7–24.
21. Фельдштейн Д.И. Психология взросления. Структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. М.: МПСИ, 1999. 672 с.
22. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 340 с.
23. Яремчук М.В. Особенности привязанности в детско-родительских отношениях и отношениях любви у старших подростков // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 86–94.
24. Bevan J.L., Tidgewell K.D. Relational Uncertainty as a Consequence of Partner Jealousy Expressions // Communication Studies. 2009. Vol. 60. № 3. P. 305–323. DOI:10.1080/10510970902956057
25. Collins N.L. Working Models of Attachment: Implications for Explanation, Emotion, and Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 71. № 4. P. 810–832. DOI:10.1037//0022-3514.71.4.810

26. *Khanchandani L., Durham T.W.* Jealousy During Dating Among Female College Students // *College Student Journal*. 2009. Vol. 43. № 4. P. 1272–1278.
27. *Levinson D.* A conception of adult development // *American psychologist*. 1986. № 41. P. 3–13.

References

1. Avdeeva N.N., Khoffman B.E. Aktual'nye napravleniya issledovaniya vzaimootnoshenii podrostkov s roditelyami [Elektronnyi resurs] [Actual directions of research on the relationship of adolescents with parents]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Contemporary foreign psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 69–78. (In Russ.).
2. Alikin I.A., Alikin M.I., Luk'yanchenko N.V. Svyaz' zhiznesteikosti studentov s otnosheniem k nim roditeli [Relationship between students' vitality and the attitude of their parents towards them]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 3, pp. 75–89. DOI:10.17759/pse.2020250307 (In Russ.).
3. Asmolov A.G. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznobraziya [Elektronnyi resurs] [Psychology of the present: challenges of uncertainty, complexity and diversity]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 2015. Vol. 8, no. 40. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed: 08.12.2020). (In Russ.).
4. Bozhovich L.I. Problemy formirovaniya lichnosti. Izbr. psikhol. tr. [Personality formation problems]. Moscow, 1995. 350 p. (In Russ.).
5. Boulbi Dzh. Sozdanie i razrushenie emotsional'nykh svyazei [Making and breaking emotional bonds]. Moscow, 2004. 232 p. (In Russ.).
6. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: v 6 t. T. 4. Problema vozrasta [Collected Works: in 6 vol. Vol. 4. Age problem]. Moscow, 1984, pp. 244–265. (In Russ.).
7. Zalipaeva A.N. Vzaimosvyaz' detsko-roditel'skikh otnoshenii s osobennostyami real'nogo samoopredeleniya u studentov: vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota [The relationship of parent-child relationships with the characteristics of real self-determination in students. Final qualification work]. Moscow, 2020. 68 p. (In Russ.).
8. Karabanova O.A. Orientiruyushchii obraz v strukture sotsial'noi situatsii razvitiya rebenka: ot L.S. Vygotskogo k P.Ya. Gal'perinu [The orienting image in the structure of the social situation of the child's development: from L.S. Vygotsky to P.Ya. Galperin]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 2012, no. 4, pp. 73–82. (In Russ.).
9. Krasilo D.A. Orientiruyushchii obraz nastavnika v period vkhozheniya vo vzroslost' [Orienting image of a mentor in the period of entering adulthood]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2006, no. 1, pp. 50–62. (In Russ.).
10. Krasilo D.A. Metodika issledovaniya real'nogo samoopredeleniya podrostkov i molodezhi [Research methodology for real self-determination of adolescents and youth]. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological diagnostics*, 2017. Vol. 14, no. 1, pp. 59–77. (In Russ.).
11. Krasilo D.A. Nastavnik v sem'e v kontekste sovremennoi sotsial'noi situatsii razvitiya molodezhi [Mentor in the family in the context of the modern social situation of youth development]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sem'ya v sotsial'no-kul'turnom prostranstve Rossii"* (g. Moskva, 28-29 maya 2018 g.) [Proceedings of International Scientific and Practical Conference "Family in the socio-cultural space of Russia"]. Moscow: MPSU, 2018, pp. 274–279. (In Russ.).
12. Krasilo T.A., Kezhvatova E.A. Vzaimosvyaz' mezhdru tipom privyazannosti i urovnem konfliktnosti u studentov [The relationship between the type of attachment and the level of conflict among students]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 85–100. (In Russ.).
13. Krasilo T.A., Moskovenko I.V. Osobennosti samootnosheniya studentov pri raznykh tipakh privyazannosti k roditelyam [Features of self-attitude of students with different types of attachment

- to parents]. In Shneider L.B. (ed.). *Materialy XI Mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Obrazovanie na raznykh vozrastnykh etapakh: novye zadachi i gorizonty"* (g. Moskva, 18 aprelya 2017 g.) [Proceedings of the XI Interuniversity Scientific and Practical Conference "Education at different age stages: new tasks and horizons"]. Moscow: MPSU, 2017, pp. 124–130. (In Russ.).
14. Likhi R. Revnost'. Kak s nei zhit' i sokhranit' otnosheniya [Jealousy. How to live with her and maintain a relationship]. Saint-Petersburg: Piter, 2019. 250 p. (In Russ.).
15. Novgorodtseva A.P. Vnutrennie konflikty podrostkovogo vozrasta [Internal conflicts of adolescence]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2006, no. 3, pp. 38–50. (In Russ.).
16. Osnitskii A.K. Psikhologicheskie mekhanizmy samostoyatel'nosti [Psychological mechanisms of independence]. Moscow, 2010. 232 p. (In Russ.).
17. Poskrebysheva N.N., Karabanova O.A. Issledovanie lichnostnoi avtonomii podrostka v kontekste sotsial'noi situatsii razvitiya [The reserch of individual adolescent autonomy in the context of social situation of development.]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National psychological journal*, 2014, no. 4(16), pp. 34–41. (In Russ.).
18. Psikhologiya rannego studencheskogo vozrasta [Psychology of early student age]. In E.L. Berezhevskaya (ed.). Moscow: Prospekt, 2014. 192 p. (In Russ.).
19. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Psikhologiya razvitiya cheloveka. Razvitie sub"ektivnoi real'nosti v ontogeneze. Uchebnoe posobie [Psychology of human development. Development of subjective reality in ontogenesis.] Moscow: PSTGU, 2013. 400 p. (In Russ.).
20. Tolstykh N.N. Sovremennoe vzroslenie [Modern maturation]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015. Vol. 23, no. 4, pp. 7–24. DOI:10.17759/cpp.2015230402. (In Russ.).
21. Fel'dshtein D.I. Psikhologiya vzrosleniya. Strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki protsessa razvitiya lichnosti [The psychology of growing up. Structural and content characteristics of the personality development process]. Moscow: MPSI, 1999. 672 p. (In Russ.).
22. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: adolescence and crisis]. Moscow, 1996. 340 p. (In Russ.).
23. Yaremchuk M.V. Osobennosti privyazannosti v detsko-roditel'skikh otnosheniyakh i otnosheniyakh lyubvi u starshikh podrostkov [Peculiarities of attachment in child-parent relations and love relationships in older teens]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2005, no. 3, pp. 86–94. (In Russ.).
24. Bevan J.L., Tidgewell K.D. Relational Uncertainty as a Consequence of Partner Jealousy Expressions. *Communication Studies*, 2009. Vol. 60, no. 3, pp. 305–323.
25. Collins N.L. Working Models of Attachment: Implications for Explanation, Emotion, and Behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. Vol. 71, no. 4, pp. 810–832. DOI:10.1037//0022-3514.71.4.810
26. Khanchandani L., Durham T.W. Jealousy During Dating Among Female College Students. *College Student Journal*, 2009. Vol. 43, no. 4, pp. 1272–1278.
27. Levinson D. A conception of adult development. *American psychologist*, 1986, no. 41, pp. 3–13.

Информация об авторах

Красило Дарья Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии имени проф. Л.Ф. Обуковой, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3759-7560>, e-mail: krasiloda@mgppu.ru

Красило Татьяна Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии развития, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педаго-

гический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-1791>, e-mail: t-krassilo@rambler.ru

Залипаева Анастасия Николаевна, студент, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1288-8823>, e-mail: zalipaevaan@gmail.com

Information about the authors

Daria A. Krasilo, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Developmental Psychology named after prof. L.F. Obukhova, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3759-7560>, e-mail: krasiloda@mgppu.ru

Tatiana A. Krasilo, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Social Psychology of Development, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-1791>, e-mail: t-krassilo@rambler.ru

Anastasia N. Zalipaeva, student, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1288-8823>, e-mail: zalipaevaan@gmail.com

Получена 16.01.2021

Received 16.01.2021

Принята в печать 24.02.2021

Accepted 24.02.2021

Социальные представления о брачном партнере: поколенческий подход

Емельянова Т.П.

**ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, e-mail: t_emelyanova@inbox.ru**

Шмидт Д.А.

**АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (АНО ВО «МосГУ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4633-8467>, e-mail: dariashmidt@mail.ru**

Цель. Сравнение социальных представлений о брачном партнере представителей поколений Y, X и бэби-бумеров.

Контекст и актуальность. Сфера брака и романтических отношений находится под воздействием трансформационных процессов в обществе. Романтизация одиночества, откладывание брака и рождения детей обуславливают интерес к изучению социальных представлений о брачном партнере пост-студенческой молодежи.

Дизайн исследования. В работе изучалась вероятная связь между социальными представлениями о брачном партнере и ролевым позиционированием в семье, с одной стороны, и контентом на тему романтических отношений, который респонденты просматривают в социальных сетях, — с другой. Наличие и характер возможной взаимосвязи проверялись выделением значимых различий по критерию Краскела-Уоллиса.

Участники. Выборка: 525 человек, из них миллениалов — 192 человека, представителей поколения X — 176 и бэби-бумеров — 157.

Методы (инструменты). Авторский опросник социальных представлений о браке и партнере; опросник «Рольевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой; блок вопросов о пользовании социальными сетями и другими каналами коммуникации.

Результаты. Ядро социальных представлений о брачном партнере и периферия, близкая к ядру, незначительно изменяются от поколения к поколению. С ростом жизненного опыта увеличивается готовность к принятию сложных жизненных обстоятельств и восприятию отношений как процесса, требующего перманентных усилий.

Основные выводы. Проблемные тенденции в семейно-брачных отношениях, предположительно, являются следствием социокультурных изменений, а не социальных представлений о брачном партнере.

Ключевые слова: социальные представления, романтические отношения, брачный партнер, поколения, миллениалы, поколение X, бэби-бумеры, социальные сети.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России № 0138-2021-0010 «Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности».

Для цитаты: Емельянова Т.П., Шмидт Д.А. Социальные представления о брачном партнере: поколенческий подход // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 126–142. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120109>

Social Representations of the Marriage Partner: a Generational Approach

Tatyana P. Emelyanova

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Daria A. Shmidt

Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4633-8467>, e-mail: dariashmidt@mail.ru

Objective. Comparison of the marriage partner social representations of representatives of generations Y, X and Baby Boomers.

Background. The sphere of marriage and romantic relationships is influenced by transformational processes in society. The romanticization of loneliness, the postponement of marriages and the births causes the interest in the study of social representations about the marriage partner of post-student youth.

Study design. The article examines the possible connection between social representations of a marriage partner and the family role positioning on the one hand, and the content about romantic relationships that respondents browse in social networks, on the other. The Kruskal-Wallis H criterion was used to check existence and sort of possible connection.

Participants. Sample: 525 people, including Millennials – 192 people, representatives of generation X – 176 and baby boomers – 157.

Measurements. Author's questionnaire of social representations about marriage and marriage partner; questionnaire "Marriage Role Expectations and Claims" by A. Volkova; set of questions about usage of social networks and other communication channels.

Results. The core of social representations about the marriage partner and the periphery close to the core change slightly from generation to generation. With the growth of respondents' life experience increases the willingness to accept complex life circumstances and the perception of relationship as a process that requires permanent effort.

Conclusions. Problematic trends in family and marriage relations are presumably the result of sociocultural changes, rather than social representations of the marriage partner.

Keywords: social representations, romantic relationships, marriage partner, generations, Millennials, Generation X, Baby Boomers, social networks.

Funding. The work performed as part of the State task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation № 0138-2021-0010 "Psychology of a collective subject in the changing conditions of joint livelihoods".

For citation: Emelyanova T.P., Shmidt D.A. Social Representations of the Marriage Partner: a Generational Approach. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 126–142. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120109> (In Russ.).

Введение

Проблемы брака и романтических отношений не теряют своей актуальности, так как данная сфера находится под

ощутимым давлением трансформационных процессов современного общества. Психологи и социологи разных стран фиксируют рост популярности незарегистрированного брака и внебрачной рож-

даемости, распространение однополюх браков и культуры одинокого проживания, размывание гендерных ролей и сокращение рождаемости [2]. Отмечается снижение желаний вступать в брак по мере роста уровня образования — данная тенденция в большей степени характерна для женщин [1]. По данным наших исследований, 12,5% молодых людей в возрасте от 18 до 34 лет допускают отсутствие романтического партнера на протяжении всей жизни [8].

Проблематика брака и романтических отношений достаточно глубоко изучена в отечественной и зарубежной науке, однако в большинстве исследований объектом являются студенты. Уделяется внимание феномену консенсуального брака [6; 11], ценностным установкам студентов в отношении брака. Значимую роль в формировании социальных представлений молодежи о браке играют изменения в восприятии ролевой структуры семьи [3; 13]. При изучении молодых семей исследователи уделяют внимание социально-ролевому блоку, выявляя значимость для партнеров отдельных сфер семейной жизни: сексуальной, родительско-воспитательной, хозяйственно-бытовой, социальной активности, эмоционально-психотерапевтической, общих интересов. В частности, было выявлено, что студентки 18–25 лет в большей степени ориентированы на эмоциональный контакт с супругом, в то время как юноши того же возраста — на социальную активность, материальное обеспечение семьи и реализацию родительско-воспитательной функции [10].

Изучаются тенденции трансформации маскулинности и феминности, при этом обнаруживается тенденция ослабления поляризации мужских и женских гендерных ролей. Помимо традиционных «женских» качеств (забота, хозяйственность, скромность) идеальная женщина в

общественном сознании начинает приобретать и «мужские» черты: энергичность, предприимчивость, независимость, умение добиваться успеха [17].

Между тем тенденция откладывания брака и рождения детей на более поздний срок обуславливает интерес к пост-студенческой молодежи, так как именно в этом возрасте происходит выбор партнера, формирование семейной ячейки, и молодые люди могут столкнуться с конфликтом между собственными социальными представлениями о брачном партнере и реальностью [7].

Теоретической основой исследования стала теория социальных представлений С. Московиси [23]. В качестве основы для формирования выборки эмпирического исследования послужила периодизация поколений, разработанная У. Штраусом и Н. Хоувом [22; 25] и адаптированная к российским культурно-историческим реалиям Е. Шамис и Е. Никоновым [18]. Принадлежность к одному поколению определяется общностью: а) исторической эпохи; б) убеждений и моделей поведения; в) чувства принадлежности к поколению, выработанному на основании того опыта, который представители поколения разделили со своими сверстниками.

Теория поколений в рамках социальной психологии вызывает дискуссии. Некоторые авторы считают ее использование недостаточно корректным [15], другие признают целесообразность изучения отдельных феноменов с точки зрения поколений как больших социальных групп, указывая, что «поколения могут выступать в качестве коллективного субъекта, качественно влияя на последующие поколения» [12, с. 85].

В российской традиции [5] возрастные рамки поколений были адаптированы; к представителям поколения Y относят людей 1984–2000 годов рождения. Эмпири-

ческие исследования выявляют у россиян данного возраста индивидуалистическую направленность и преобладание материальных приоритетов [13], что не может не оказывать влияние на формирование социальных представлений о брачном партнере и установок в отношении семьи.

Методологической основой изучения социальных представлений миллениалов о брачном партнере в сопоставлении с социальными представлениями предыдущих поколений стал структурный подход, разрабатываемый представителями школы Экс-ан-Прованса [19]. Согласно Ж.-К. Абрику, ядро социальных представлений является довольно стабильным образованием, которое определяет смысловую суть социального представления, связанную с базовыми нормами и ценностями, а также коллективной памятью группы.

Периферия, согласно динамическим концепциям социальных представлений [20; 21; 24], отвечает за трансформационные процессы, которые происходят в социальных представлениях. Периферия, близкая к ядру, более изменчива под влиянием социокультурного контекста, одновременно аккумулируя личный жизненный опыт индивидов. Элементы периферии обладают потенциалом включения в ядро социальных представлений.

На основании предыдущих этапов исследования — анализа текстовых материалов и визуальных изображений в популярных у миллениалов пабликах «ВКонтакте», содержащих советы по взаимоотношениям между мужчинами и женщинами — у представителей поколения Y была обнаружена тенденция к романтизации одиночества, а также к отсутствию репрезентации романтических

взаимоотношений как шага к созданию семьи [9]. Целью настоящего исследования стало сравнение социальных представлений миллениалов с социальными представлениями поколений X и бэби-бумеров. Общая гипотеза исследования — социальные представления миллениалов о брачном партнере отличаются от социальных представлений бэби-бумеров и поколения X.

Частные гипотезы:

- 1) различия в социальных представлениях у разных поколений проявляются на уровне ядра;
- 2) в социальных представлениях миллениалов о брачном партнере представлены элементы, широко транслируемые популярными пабликами в социальных сетях;
- 3) в ядре социальных представлений миллениалов значимую роль играют индивидуалистические ценности;
- 4) представители разных поколений демонстрируют разные установки в отношении семейных ролей.

При анализе поколений авторы исходили из того, что возрастные особенности, а также опыт брачно-романтических отношений играют немаловажную роль в конструировании социальных представлений, для учета данных факторов в анкету были включены вопросы на выявление социально-демографических характеристик респондентов.

Методы

Объект исследования — представители поколений Y, X и бэби-бумеров¹. Предмет исследования — социальные представления о брачном партнере поколений Y, X и бэби-бумеров. Исследова-

¹ В соответствии с классификацией, предложенной Н. Хоувом и В. Штраусом и адаптированной к российским реалиям Е. Шамис и Е. Никоновым.

ние проводилось методом опроса 525 человек, из них миллениалов (18–34 года на момент проведения исследования) — 192 человека (36 мужчин и 156 женщин, средний возраст 28 лет), представителей поколения X (35–54 года) — 176 человек (50 мужчин и 126 женщин, средний возраст 45 лет) и бэби-бумеров (55–74 года) — 157 человек (34 мужчины и 123 женщины, средний возраст 62 года).

Опрос проводился по авторской анкете, которая состоит из четырех блоков: 1) авторский опросник социальных представлений о браке и партнере; 2) опросник «Рольные ожидания и притязания в браке» (РОП) А.Н. Волковой [4]; 3) блок социально-демографических характеристик; 4) блок о пользовании социальными сетями и другими каналами коммуникации.

Авторский опросник социальных представлений о романтических отношениях и браке состоит из 45 утверждений, он был разработан на основании контент-анализа эссе респондентов и публикаций в социальных сетях. Выборка для эссе — 36 человек (14 мужчин и 22 женщины) от 23 до 30 лет, объем анализируемого контента 40000 знаков. В выборку для анализа соцсетей были включены тексты в четырех группах «ВКонтакте», ориентированные на публикацию материала по теме взаимоотношений мужчин и женщин и имеющие большое число подписчиков молодого возраста. Объем анализируемого контента составил 100000 знаков и 287 иллюстраций, что не доказывает наличия связей между социальными представлениями и анализируемым контентом, однако дает основания предполагать существование подобной связи.

Статистическая обработка результатов анкетирования проводилась с использованием программы SPSS Statistics 22.0. Были проанализированы частотные распределения, таблицы сопряженности, вы-

делены значимые различия по критерию Краскела-Уоллиса. Для выделения ядра и периферии социальных представлений использовался коэффициент Ж.-К. Абрика.

Оценочная шкала в авторском опроснике социальных представлений была составлена в соответствии с требованиями Ж.-К. Абрика о расчете коэффициента позитивных ответов — TCP (Taux categorique positif) для выявления структуры социальных представлений. Для каждого высказывания опросника расчет $TCP(i)$ производился по следующей формуле:

$$TCP(i) = \frac{n(4) + n(5)}{N} \cdot 100,$$

где $n(4)$ — число ответов «значительная степень», $n(5)$ — число ответов «очень значительная степень», N — общее число ответов [19].

В ядро социального представления были включены утверждения, коэффициенты которых оказались выше среднего плюс среднеквадратичное отклонение. В периферию, близкую к ядру, были включены утверждения, коэффициенты которых оказались выше среднего, но ниже среднего плюс среднеквадратичное отклонение.

Результаты

Ядро социальных представлений миллениалов состоит из девяти элементов, поколения X — из восьми элементов, а бэби-бумеров — из семи. Из табл. 1 можно видеть, что ядра социальных представлений у разных поколений во многом схожи: более чем половина элементов повторяются, между большинством элементов не зафиксированы значимые различия на уровне $p < 0,05$. Основой социальных представлений о партнере являются идеи ответственности за жизнь

близких, общности планов, важности совместного развития и преодоления препятствий. Обращает на себя внимание, что четверка элементов, представляющих брачное партнерство в качестве сложного и ответственного феномена, дополняется ориентацией на позитивное, даже несколько юмористическое восприятие действительности. По-видимому, юмор в семейной жизни воспринимается как необходимый атрибут отношений, гармо-

низирующий, снимающий напряжение, сглаживающий «острые углы».

Среди тех элементов социальных представлений, которые присутствуют у одного или двух поколений, только по трем из семи зафиксированы значимые различия, что еще раз указывает на то, что социальные представления являются довольно устойчивым конструктом и не столь сильно зависят от социально-психологических особенностей поколения, как предполага-

Таблица 1

Утверждения, которые входят в ядро социальных представлений о брачном партнере

Утверждения	Коэффициенты позитивных ответов (ТСР)		
	У	Х	бэби-бумеры
Общие элементы ядра социальных представлений для трех поколений			
1. Настоящая семья имеет общие мечты и планы на будущее	90	90	92
2. Чувство юмора делает отношения с партнером гармоничными	91	89	92
3. В крепкой семье партнер не боится брать на себя ответственность за жизнь близких	91	94	89
4. Крайне важно, чтобы твой партнер умел находить выход из трудных жизненных ситуаций	90	89	86
5. Основная задача партнеров — помогать друг другу развиваться во всех отношениях	89	82	82
Элементы социальных представлений, которые встречаются в ядрах одного-двух поколений			
6. Нужно стремиться найти такого партнера, с которым можно было бы прожить жизнь**	89	88	78
7. Это не врожденное чувство быть верным, это решение	86	85	81
8. Все проблемы возникают, когда люди почему-то не могут сесть и спокойно поговорить о наболевшем*	89	79	78
9. У партнеров в сексе не должно быть никаких ограничений, никакого стеснения***	89	73	75
10. Хочется жить с сексуально привлекательным человеком	83	82	76
11. Отношения — это упорный труд	78	77	84
12. Творческие занятия делают семью крепче и гармоничнее	78	76	84

Примечания. Жирным шрифтом выделены элементы, которые входят в ядро социальных представлений конкретного поколения, курсивом — в периферию, близкую к ядру. Уровень значимости различий ТСР трех поколений: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; оценка по критерию Краскела-Уоллеса.

лось. Таким образом, частная гипотеза № 1 не подтвердилась. Те элементы, которые у конкретного поколения не вошли в ядро социальных представлений, входят в периферию, близкую к ядру — в соответствии с динамическими теориями социальных представлений это означает, что данные элементы либо являются претендентами на включение в ядро, либо ранее были составляющими ядра, но затем его покинули.

Можно предположить, что стремление обрести единственного партнера на всю жизнь, а также идея верности как сознательного выбора каждого человека (*«Нужно стремиться найти такого партнера, с которым можно было бы прожить жизнь»* и *«Это не врожденное чувство быть верным, это решение»*) ранее могли быть составляющими элементами ядра социальных представлений бэби-бумеров, но затем были вытеснены в периферию под воздействием жизненного опыта.

И, наоборот, элементы, представляющие брачное партнерство в качестве сложного творческого процесса, требующего перманентного вложения определенных усилий (*«Отношения — это упорный труд»*, *«Творческие занятия делают семью крепче и гармоничнее»*), входят в ядро социальных представлений бэби-бумеров, а у других поколений составляют периферию, близкую к ядру. По-видимому, данные элементы можно отнести к тому, что называют житейской мудростью, приходящей с опытом.

В ядро социальных представлений миллениалов входит также идея отсутствия ограничений в сексе, причем здесь зафиксированы значимые различия с другими поколениями на уровне $p < 0,001$, что может указывать на то, что этот элемент стал частью ядра социальных представлений данного поколения под влиянием культурного контекста и современного дискурса. Косвенно на это

указывает тот факт, что данное высказывание было включено в опросник социальных представлений по результатам анализа контента популярных пабликов сети «ВКонтакте». В ядро социальных представлений поколения X также входит элемент, акцентирующий внимание на сексуальной сфере *«Хочется жить с сексуально привлекательным человеком»*, что доказывает высокую значимость данной сферы отношений. Ожидаемо, что у бэби-бумеров указанные элементы входят в периферию, близкую к ядру.

В отношении высказывания о необходимости обсуждения конфликтных ситуаций (*«Все проблемы возникают, когда люди почему-то не могут сесть и спокойно поговорить о наболевшем»*) сложно объяснить, почему данный элемент входит в ядро СП только самого молодого из рассматриваемых поколений. Этот результат требует дополнительного изучения.

Частная гипотеза № 2 в ходе опроса подтвердилась. Элементы, широко транслируемые популярными пабликами в социальных сетях, являются частью ядра социальных представлений поколения Y и не всегда входят в ядро у других поколений (пункты №№ 6—9). Данный факт указывает на наличие возможной связи между публикациями в социальных сетях и социальными представлениями поколения Y. Учитывая, что большинство миллениалов являются активными потребителями контента социальных сетей (только 1% респондентов этого поколения не пользуется социальными сетями) [7], в число перспектив развития настоящего исследования входит выявление сути данной связи при ее наличии.

Частная гипотеза № 3 о вхождении в ядро социальных представлений миллениалов элементов, указывающих на высокую роль индивидуалистических ценностей, не подтвердилась: у респондентов из поколе-

ния Y, как и у представителей предыдущих поколений, на первое место выходят идеи ответственности, взаимной поддержки и совместного преодоления препятствий.

Важную информацию о восприятии романтических и брачных отношений дает анализ близкой к ядру периферии социальных представлений о брачном партнере. В общей сложности 20 элементов

социальных представлений входят в периферию, близкую к ядру, у одного, двух или всех трех поколений (13 из них представлены в табл. 2, еще 7 обозначены курсивом в табл. 1). Из них 10 являются общими для всех трех поколений, что еще раз доказывает, что социальные представления о браке являются феноменом, который подвергается незначительным изменениям.

Таблица 2

Утверждения, которые входят в периферию социальных представлений о брачном партнере, близкую к ядру

Утверждения	Коэффициенты позитивных ответов (ТСР)		
	Y	X	бэби-бумеры
Общие элементы периферии, близкой к ядру, для трех поколений			
13. С любимым человеком ты можешь полностью расслабиться и быть самим собой**	83	82	71
14. Партнер — независимый человек со своими потребностями и личным пространством*	80	82	71
15. Самая большая ошибка в отношениях — это думать, что если человек тебя любит, то он никуда не денется	75	74	75
16. Если я люблю человека, то принимаю его таким, какой он есть	70	77	77
17. Мужчина должен зарабатывать деньги, чтобы семья чувствовала себя комфортно	72	75	70
18. Энергия в семье должна распределяться правильно. Мужская энергия должна быть направлена на достижения, созидания, женская — на заботу, создание комфортной атмосферы	71	68	67
19. Не всегда просит прощения тот, кто виноват. Просит прощения тот, кто дорожит отношениями	66	71	71
20. Отдых для пары — отдых вместе, а не друг от друга	66	63	65
21. Самый лучший секс с тем, с кем хорошо и без секса	76	76	71
22. Не будьте с кем попало, ждите родную душу	69	70	78
Элементы социальных представлений, которые встречаются в периферии, близкой к ядру, у одного-двух поколений			
23. Нет верности, значит, нет любви*	73	61	64
24. Рядом с мужчиной женщина должна позволить себе быть слабой	65	57	53
25. Совместная жизнь предполагает отказ от части своих интересов, и это нормально***	36	60	69

Примечания. Курсивом выделены элементы, которые входят в периферию, близкую к ядру, у конкретного поколения. Уровень значимости различий ТСР трех поколений: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; оценка по критерию Краскела-Уоллиса.

В периферии, близкой к ядру, можно выделить несколько групп элементов. Во-первых, это идея принятия другого и принятие себя значимым другим («С любимым человеком ты можешь полностью расслабиться и быть самим собой» и «Если я люблю человека, то принимаю его таким, какой он есть»), причем о принятии себя любимым человеком в большей степени заботятся представители поколений Y и X (значимые различия с бэби-бумерами $p < 0,01$).

Вторую группу элементов объединяет идея ценности взаимоотношений с партнером, важности их сохранения в конфликтных ситуациях («Партнер — независимый человек со своими потребностями и личным пространством», «Самая большая ошибка в отношениях — это думать, что если человек тебя любит, то он никуда не денется», «Не всегда просит прощения тот, кто виноват. Просит прощения тот, кто дорожит отношениями» и «Совместная жизнь предполагает отказ от части своих интересов, и это нормально»). И здесь снова наблюдаются различия между поколениями Y и X, с одной стороны, и бэби-бумерами — с другой. Для первых значительно большую важность представляет независимость партнеров (значимые различия $p < 0,05$), а вторые признают необходимым отказ от части своих интересов в пользу партнера (значимые различия $p < 0,001$).

Третью группу элементов в периферии, близкой к ядру, объединяет идея традиционного распределения ролей в семье («Мужчина должен зарабатывать деньги, чтобы семья чувствовала себя комфортно», «Энергия в семье должна распределяться правильно. Мужская энергия должна быть направлена на достижения, созидания, женская — на заботу, создание комфортной атмосферы» и «Рядом с мужчиной женщина должна

позволить себе быть слабой»). Здесь значимых различий между поколениями не наблюдается.

Четвертая группа элементов связана с идеей близости партнеров: духовного единства и общности интересов («Отдых для пары — отдых вместе, а не друг от друга», «Самый лучший секс с тем, с кем хорошо и без секса» и «Не будьте с кем попало, ждите родную душу»). Здесь также нет значимых различий между поколениями.

И, наконец, пятая группа элементов в периферии, близкой к ядру, содержит идею верности. В предыдущей таблице было показано, что одно из утверждений о верности («Это не врожденное чувство быть верным, это решение») входит в ядро социальных представлений миллениалов и поколения X, а у бэби-бумеров данный элемент является частью периферии, близкой к ядру. Второй элемент идеи верности — «Нет верности, значит, нет любви» — входит в периферию, близкую к ядру, у поколения Y и бэби-бумеров, однако для первых оно имеет большее значение (значимые различия $p < 0,05$). Полученные данные могут свидетельствовать о том, что миллениалам свойственны высокие ожидания от брака, и поэтому они более склонны к категорическим суждениям. В противоположность этому, старшее поколение чаще рассматривает верность как производную от жизненных обстоятельств. Подтверждением данной интерпретации служит элемент периферии социальных представлений «Почти каждая женщина хотела бы хранить верность. Трудность лишь в том, чтобы найти такого мужчину, для которого можно было бы хранить верность», с которым гораздо чаще соглашается старшее поколение (у миллениалов ТСП=43, у поколения X ТСП=46, а у бэби-бумеров ТСП=57, значимые различия $p < 0,05$).

Обращает на себя внимание, что родительско-воспитательская роль партнеров занимает в социальных представлениях респондентов довольно скромное место — у миллениалов и представителей поколения X ТСР элемента «*Семья нужна, прежде всего, для рождения и воспитания детей*» приближается к нижней границе. У бэби-бумеров степень согласия с высказыванием гораздо выше (значимые различия $p < 0,001$), однако даже у старшего поколения ТСР этого элемента не превышает среднего значения (64 пункта).

Более детальную информацию о ролевом позиционировании дают результаты методики анализа ролевых ожиданий и притязаний А.Н. Волковой [4]. У всех трех поколений интегральные оценки находятся в среднем диапазоне (см. табл. 3), что указывает на умеренную значимость указанных шкал ценностей — у респондентов отсутствует как переоценка, так и недооценка значимости отдельных сфер семейной жизни. Относительная значимость отдельных сфер выше у бэби-бумеров (личностная идентификация с супругом(ой), социальная активность, родительско-воспитательная, хозяйственно-бытовая и интимно-сексуальная), что

соотносится с социальным представлением данного поколения о браке как о сложном творческом процессе, требующем постоянного вложения усилий. Значимость эмоционально-психотерапевтической шкалы выше для представителей поколения X; значимость внешней привлекательности для трех поколений находится на одном уровне.

Обращает на себя внимание родительско-воспитательная шкала, в которой наблюдаются значимые различия между поколениями по четырем из шести элементов. Обнаружено, что с возрастом увеличиваются как ожидания, так и притязания респондентов на выполнение родительских функций в семье: максимума данные показатели достигают в группе бэби-бумеров. Таким образом, подтверждается вывод, сделанный на основании предыдущих этапов исследования, о том, что миллениалы в силу свойственных их возрасту и образу жизни особенностей склонны рассматривать романтические отношения как самостоятельную ценность, а не шаг для создания семьи и продолжения рода [9].

Различия между отдельными элементами остальных шкал не столь су-

Таблица 3

Значимость отдельных сфер семейной жизни у представителей трех поколений (интегральные оценки по опроснику А.Н. Волковой в баллах)

Шкалы семейных ценностей	Поколение		
	Y	X	бэби-бумеры
Интимно-сексуальная	4,30	4,37	4,62
Личностная идентификация с супругом(ой)	6,10	6,50	6,74
Хозяйственно-бытовая	5,55	5,81	6,07
Родительско-воспитательная	5,45	6,35	6,60
Социальная активность	6,49	6,51	6,79
Эмоционально-психотерапевтическая	6,58	6,62	6,55
Внешняя привлекательность	5,91	5,90	5,93

Примечание. Низкие оценки по шкалам — 0–3 балла; средние — 4–6 баллов; высокие — 7–9 баллов.

ществены: по шкале «социальная активность» наблюдаются более высокие ожидания бэби-бумеров в отношении партнера, при этом среди миллениалов несколько выше готовность респондентов к поиску своего места в жизни (см. табл. 5). Это различие вполне объяснимо, так как представители поколения Y находятся в самом экономически актив-

ном возрасте, и от их профессионального поведения в настоящее время зависит благосостояние в будущем.

По шкале «Личностная идентификация с супругом(ой)» наблюдается различие только в отношении утверждения «Главное в браке — чтобы у мужа и жены было много общих интересов» — бэби-бумеры чаще выражают свое согласие с

Таблица 4

Степень согласия с утверждениями родительско-воспитательной шкалы опросника А.Н. Волковой (в %, сумма долей респондентов, выбравших варианты ответа «полностью согласен» и «в общем, это верно»)

Утверждение	Поколение		
	Y	X	бэби-бумеры
Ожидания респондентов			
Мужчина/женщина, который(ая) тяготится отцовством/материнством, неполноценный(ая) мужчина/женщина***	45	61	73
Для меня главное в супруге, чтобы он(а) был(а) хорошим отцом/хорошей матерью моим детям***	58	65	71
Притязания респондентов			
Я люблю детей и с удовольствием занимаюсь с ними***	67	74	80
Я не боюсь трудностей, связанных с рождением и воспитанием ребенка***	55	70	76

Примечания. Ролевые ожидания — это установка на активное выполнение партнером семейных обязанностей. Ролевые притязания — личная готовность каждого из партнеров выполнять семейные роли. Уровень значимости различий между ответами трех поколений: *** $p < 0,001$; оценка по критерию Краскела-Уоллиса.

Таблица 5

Степень согласия с утверждениями шкалы «социальная активность» опросника А.Н. Волковой (в %, сумма долей респондентов, выбравших варианты ответа «полностью согласен» и «в общем, это верно»)

Утверждение	Поколение		
	Y	X	бэби-бумеры
Ожидания респондентов			
Для меня очень важно, как оценивают на работе деловые и профессиональные качества моего(ей) супруга(и)*	71	72	82
Притязания респондентов			
Я стремлюсь добиться своего места в жизни*	87	85	82

Примечание. Уровень значимости различий между ответами трех поколений: * $p < 0,05$; оценка по критерию Краскела-Уоллиса.

ним, чем представители других поколений (85% против 78% среди поколения X и 74% среди миллениалов, значимые различия $p < 0,05$), что еще раз подтверждает, что идея важности совместных творческих занятий с партнером в ядре социальных представлений старшего поколения не случайна.

По «хозяйственно-бытовой» шкале наблюдаются значимые различия только в отношении одного из шести утверждений «Я люблю заниматься домашними делами», с которым чаще соглашались бэби-бумеры (64% против 52–53% в других поколениях, значимые различия $p < 0,05$). По шкале «внешняя привлекательность», напротив, наблюдается более высокая степень согласия миллениалов с одним из утверждений — «Мое настроение во многом зависит от того, как я выгляжу» — 63% против 53% среди поколения X и 50% среди бэби-бумеров (значимые различия $p < 0,05$). Таким образом, представители младшего поколения демонстрируют большую готовность следить за своим внешним видом, а старшего — заниматься домашним хозяйством.

В группе миллениалов наблюдается сильное рассогласование ролевых ожиданий и притязаний мужчин и женщин: разность между готовностью мужчин выполнять те или иные роли в семье и ожиданиями женщин в отношении выполнения партнерами данных ролей составляет -7,54 балла, что свидетельствует о том, что мужчины-миллениалы существенно «отстают» от образа идеального брачного партнера. При этом женщины-миллениалы, напротив, превосходят ожидания своих сверстников.

Среди бэби-бумеров наблюдается недостаток ролевой адекватности как мужчин (-7,16 балла), так и женщин (-2,70 балла), то есть ожидания обоих полов в отношении партнеров оказыва-

ются выше, чем готовность выполнять те или иные роли, и в большей степени неудовлетворенными оказываются ожидания женщин. Среди представителей поколения X рассогласованность не столь выражена (-4,43 балла у мужчин и -2,12 балла у женщин).

Обсуждение результатов

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что ядро социальных представлений о брачном партнере и периферия, близкая к ядру, являются довольно устойчивыми конструктами и слабо поддаются изменениям под воздействием культурно-исторического контекста. Примечательно, что несмотря на фиксируемые изменения в структуре семьи и брака, а также сдвиги ролевого поведения в семье, ядро социальных представлений о брачном партнере для разных поколений составляют идеи ответственности за жизнь близких, необходимости совместного развития и преодоления трудностей, а также гармонизирующей функции юмора.

По-видимому, ядро социальных представлений в ходе межпоколенной коммуникации в семье остается более или менее устойчивым, являясь, по сути, стабилизирующим фактором, позволяющим воссоздавать семейные ячейки и тем самым поддерживать культурные основы общества. Несмотря на информатизацию, которая не может не оказывать влияния на мировоззрение граждан, в числе основных жизненных задач молодых мужчин представители разных поколений отмечают, в первую очередь, профессиональное развитие, а для женщин — создание семьи и деторождение [16]. Исходя из этого, можно предположить, что проблемные тенденции в семейно-брачных отноше-

ниях (такие как отказ от деторождения и длительных романтических отношений в целом) являются ответом на изменения экономического и социокультурного контекста, а не базовых социальных представлений о брачном партнере.

При анализе социальных представлений о брачном партнере нужно учитывать и возрастной фактор. В целом с ростом жизненного опыта респонденты демонстрируют большую терпимость и более высокую готовность к принятию сложных жизненных обстоятельств, а также в большей мере склонны воспринимать отношения как сложный и творческий процесс, требующий постоянного приложения усилий. Представители молодого поколения, которые только вступают в семейную жизнь или вообще не имеют опыта длительных отношений, напротив, в большей степени склоняются к категоричным суждениям, демонстрируют ориентацию на максимальную открытость (как в сексе, так и в остальных сферах), а также запрос на принятие себя партнером. В социальных представлениях миллениалов значительную роль играют элементы, транслируемые популярными пабликами в социальных сетях — у поколения Y эти высказывания входят в ядро, в то время как у остальных поколений — в периферию.

Бэби-бумеры в сравнении с другими поколениями придают больше значения выполнению семейных обязанностей. В особенности данные различия заметны в отношении родительской функции — представители старшего поколения демонстрируют большую готовность заниматься домашним хозяйством и воспитанием детей, что обусловлено тем, что бэби-бумеры, в отличие от представителей поколения X, в большинстве своем уже состоялись в профессиональном плане, вырастили детей и не несут

прямой ответственности за экономическое благополучие семьи, поэтому могут сосредоточиться на общении с детьми и внуками, реализации культурно-воспитательной функции.

Заключение

Общая гипотеза исследования о том, что социальные представления миллениалов о брачном партнере отличаются от социальных представлений бэби-бумеров и поколения X, не подтверждается в полной мере. Некоторые различия проявляются на уровне ядра и периферии, близкой к ядру, однако ключевые концепции, вокруг которых выстраиваются социальные представления, являются общими для трех поколений. Частная гипотеза о том, что в социальных представлениях миллениалов о брачном партнере представлены элементы, широко транслируемые популярными пабликами в социальных сетях, подтверждается. Частная гипотеза о том, что представители разных поколений демонстрируют разные установки в отношении семейных ролей, подтверждается частично. Частная гипотеза о том, что в ядре социальных представлений миллениалов значимую роль играют индивидуалистические ценности, напротив, не подтверждается — респонденты всех поколений демонстрируют готовность к совместной с партнером работе по гармонизации отношений.

Полученные результаты дают более глубокое понимание вероятной взаимосвязи между контентом социальных сетей на тему романтических отношений и брака и социальными представлениями о брачном партнере у молодежи пост-студенческого возраста, что может быть использовано для формирования коммуникационных стратегий в рамках государственных программ, а также

в практике индивидуального и парного психологического консультирования.

В числе эмпирических перспектив исследования можно отметить изучение социальных представлений поколения Z, которое еще в более высокой степени зависит от интернет-каналов коммуникации, а также важным шагом будет сопоставление полученных данных с социальными представлениями предыдущих

поколений. Теоретической перспективой исследования является выработка более стандартизированного подхода к операционализации понятий в рамках теории поколений. Кроме того, продуктивной видится разработка комплексного дизайна исследования социальных представлений о браке и брачном партнере в рамках теории поколений, обогащенной данными возрастной психологии.

Литература

1. Астахова Ю.Г., Агасарян М.В. Социология семьи. Учебное пособие. Липецк, 2012. 67 с.
2. Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
3. Ванюхина Н.В., Семенова-Полях Г.Г. Психологическая готовность молодежи к брачно-семейным отношениям: сравнительный аспект // АНИ: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1(18). С. 306–309.
4. Волкова А.Н. Методические приемы диагностики супружеских затруднений // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 110–116.
5. Гришай В.Н., Зенин К.А. К вопросу о воспроизводстве социальных тенденций в контексте теории поколений // Вестник АГУ. 2018. № 2(219). С. 88–93.
6. Егорова Н.Ю., Воронин Г.Л. Модель определения формы супружества: социально-демографические факторы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3(47). С. 71–78.
7. Емельянова Т.П., Шмидт Д.А. Партнерские отношения в браке: репрезентации двух поколений // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 4. С. 63–79. DOI:10.28995/2073-6398-2019-4-63-79
8. Емельянова Т.П., Шмидт Д.А. Романтические отношения и брак в социальных представлениях поколений миллениалов и бэби-бумеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 29–43. DOI:10.18384/2310-7235-2019-1-29-43
9. Емельянова Т.П., Шмидт Д.А. Романтические отношения и готовность к браку, репрезентируемые интернет-сообществами (опыт анализа визуальных сообщений) // Социальная и экономическая психология. Часть 2: Новые научные направления. 2018. С. 321–336.
10. Орлова И.Н., Донцов Д.А. О социально-психологической готовности современной российской студенческой молодежи к браку и созданию семьи // Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 58–71.
11. Панфилова Ю.М. Определение направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2020. Т. 32. С. 31–43. DOI:10.26516/2304-1226.2020.32.31
12. Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.
13. Пищик В.И. Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 67–81. DOI:10.17759/sps.2019100206
14. Потемкина К.В., Шестеро Ю.В. Психологическая готовность к семейной жизни юношей и девушек студенческого возраста // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 12. С. 38–44. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770220.htm> (дата обращения: 07.08.2020).

15. Рикель А.М. Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»? // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 9–18. DOI:10.17759/sps.2019100202
16. Солдатова Е.Л. Семейные ценности как основа межпоколенной коммуникации // Семья и современный социум. Серия: семья и дети в современном мире / Под ред. В.Л. Ситникова, С.А. Бурковой, Э.Б. Дунаевской. СПб.: «Социально-гуманитарное знание», 2017. С. 104–109.
17. Сорокина Т.Ю. Особенности брачно-семейных установок студенческой молодежи: дисс. ... канд. психол. наук. Самара, 2007. 240 с.
18. Шамис Е., Никонов Е. Rugenerations – российская школа теории поколений. Миллениумы (Y) [Электронный ресурс]. URL: <https://rugenations.ru/category/миллениумы-у-85-03/> (дата обращения: 24.06.2020).
19. Abric J.-Cl. La notion de noyau central: bilans et perspectives actuelles. Actes de la Cinquième conférence internationale sur les représentations sociales. Montréal, 2000. P. 87–88.
20. Bauer M.W., Gaskell G. Biotechnology – the making of a global controversy. Cambridge University Press, 2002. P. 528–531.
21. Gervais M.-C. Social representations of nature: the case of the ‘Braer’ oil spill in Shetland. Ph.D. thesis, London School of Economics and Political Science. 1997. 336 p.
22. Howe N., Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. New York: Vintage Books, 2000. 432 p.
23. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations / M. Farr & S. Moscovici. (Eds.). Cambridge-Paris: CUP, 1984. P. 3–69.
24. Sartawi M. Exploring stability and change through social representations: towards an understanding of religious communities // The Cambridge Handbook of Social Representations / Ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge, 2015. P. 341–357.
25. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy – What The Cycles of History Tell Us About America’s Next Rendezvous with Destiny. N.Y.: Broadway, Great Falls, 1997. 357 p.

References

1. Astakhova Yu.G., Agasaryan M.V. Sotsiologiya sem'I [Sociology of the family]. Uchebnoe posobie. Lipetsk, 2012. 67 p. (In Russ.)
2. Bauman Z. Retrotopiya [Retrotopia]. Moscow: VTSIOM, 2019. 160 p. (In Russ.)
3. Vanyukhina N.V., Semenova-Polyakh G.G. Psikhologicheskaya gotovnost' molodezhi k brachno-semeinym otnosheniyam: sravnitel'nyi aspekt [Psychological readiness of young people for marriage and family relations: comparative aspect]. ANI: pedagogika i psikhologiya = ANI: Pedagogy and Psychology, 2017. Vol. 6, no. 1(18), pp. 306–309. (In Russ.)
4. Volkova A.N. Metodicheskie priemy diagnostiki supruzheskikh zatrudnenij [Methodological methods for diagnosing marital difficulties]. Voprosy psikhologii = Question of Psychology, 1985, no. 5, pp. 110–116. (In Russ.)
5. Grishai V.N., Zenin K.A. K voprosu o vosproizvodstve sotsial'nykh tendentsii v kontekste teorii pokolenii [On the issue of reproduction of social trends in the context of the theory of generations]. Vestnik AGU = Vestnik ASU, 2018, no. 2(219), pp. 88–93. (In Russ.)
6. Egorova N.Yu., Voronin G.L. Model' opredeleniya formy supruzhestva: sotsial'no-demograficheskie faktory [Model of determining the form of marriage: socio-demographic factors]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences, 2017, no. 3(47), pp. 71–78. (In Russ.)
7. Emel'yanova T. P., Shmidt D. A. Partnerskie otnosheniya v brake: reprezentatsii dvukh pokolenii [Partnership in marriage: representations of two generations]. Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie» = RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series, 2019, no. 4, pp. 63–79. DOI:10.28995/2073-6398-2019-4-63-79 (In Russ.)

8. Emel'yanova T.P., Shmidt D.A. Romanticheskie otnosheniya i brak v sotsial'nykh predstavleniyakh pokolenii millenialov i bebi-bumerov [Romantic relationships and marriage in the social representations of Millennials and baby boomers]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*, 2019, no. 1, pp. 29–43. DOI:10.18384/2310-7235-2019-1-29-43 (In Russ.)
9. Emel'yanova T.P., Shmidt D.A. Romanticheskie otnosheniya i gotovnost' k braku, reprezentiruemye internet-soobshchestvami (opyt analiza vizual'nykh soobshchenii) [Romantic relationships and readiness for marriage, represented by Internet communities (experience in analyzing visual messages)]. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. Chast' 2: Novye nauchnye napravleniya = Social and Economic Psychology. Part 2: New scientific directions*, 2018, pp. 321–336. (In Russ.)
10. Orlova I.N., Dontsov D.A. O sotsial'no-psikhologicheskoi gotovnosti sovremennoi rossiiskoi studencheskoi molodezhi k braku i sozdaniyu sem'I [About the socio-psychological readiness of modern Russian students to marry and start a family]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2012, no. 3, pp. 58–71. (In Russ.)
11. Panfilova Yu.M. Opredelenie napravlenosti vo vzaimodeistvii s partnerom v nezaregistririvannom brake [Determination of orientation in interaction with a partner in an unregistered marriage]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya = News of Irkutsk State University. Psychology Series*, 2020. Vol. 32, pp. 31–43. (In Russ.)
12. Pishchik V.I. Pokoleniya: sotsial'no-psikhologicheskii analiz mental'nosti [Generations: socio-psychological analysis of mentality]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2011, no. 2, pp. 80–88. (In Russ.)
13. Pishchik V.I. Tsennostnye izmereniya pokolenii cherez aktualiziruemye strakhi [Value measurements of generations through actualized fears]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 67–81. (In Russ.). DOI:10.17759/sps.2019100206
14. Potemkina K.V., Shestero Yu.V. Psikhologicheskaya gotovnost' k semeinoi zhizni yunoshei i devushek studencheskogo vozrasta [Psychological readiness for family life of young men and girls of student age]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept» = Scientific and Methodological Electronic Journal “Concept”*, 2017. Vol. 12, pp. 38–44. Available at: <http://e-koncept.ru/2017/770220.htm>. (Accessed 07.08.2020). (In Russ.)
15. Rikel A.M. Pokolenie kak ob'ekt izucheniya sotsial'noi psikhologii: issledovanie na «svom pole» ili na «nich'ei zemle»? [Generation as a social-psychological research object: playing at home or an away match?] *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 9–18. (In Russ.). DOI:10.17759/sps.2019100202 (In Russ.)
16. Soldatova E.L. Semeinye tsennosti kak osnova mezhpokolennoi kommunikatsii [Family values as the basis of intergenerational communication]. In Sitnikov V.L., Burkova S.A., Dunaevskaya E.B. (ed.) *Sem'ya i sovremennyyi sotsium, seriya: sem'ya i deti v sovremennom mire = Family and Modern Society, Series: Family and Children in the Modern World*. Saint-Petersburg: «Sotsial'nogumanitarnoe znanie», 2017, pp. 104–109. (In Russ.)
17. Sorokina T.Ju. Osobennosti brachno-semejnykh ustanovok studencheskoj molodezhi. Diss. kand. psikhol. Nauk [Features of marriage and family attitudes of students. PhD Sci. (Psychology) diss.]. Samara, 2007. 240 p.
18. Shamis E., Nikonov E. Rugenerations – rossiiskaya shkola teorii pokolenii. Milleniumy (Y) [Elektronnyi resurs] [Rugenerations – Russian school of generational theory. Millennials (Y)]. Available at: <https://rugenerations.ru/category/milleniumy-y-85-03/> (Accessed: 24.06.2020). (In Russ.)
19. Abric J.-Cl. La notion de noyau central: bilans et perspectives actuelles. Actes de la Cinquième conférence internationale sur les représentations sociales. Montréal, 2000, pp. 87–88.
20. Bauer M.W., Gaskell G. Biotechnology – the making of a global controversy. Cambridge University Press, 2002, pp. 528–531.

21. Gervais M.-C. Social representations of nature: the case of the 'Braer' oil spill in Shetland. PhD thesis, London School of Economics and Political Science, 1997. 336 p.
22. Howe N., Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. New York: Vintage Books, 2000. 432 p.
23. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In Farr M., Moscovici S. (eds.). *Social representations*. Cambridge-Paris: CUP, 1984, pp. 3–69.
24. Sartawi M. Exploring stability and change through social representations: towards an understanding of religious communities. In Sammut G., Andreouli E., Gaskell G., Valsiner J. (eds). *The Cambridge Handbook of Social Representations*. Cambridge, 2015, pp. 341–357.
25. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy – What The Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N.Y.: Broadway, Great Falls, 1997. 357 p.

Информация об авторах

Емельянова Татьяна Петровна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Шмидт Дарья Александровна, выпускница аспирантуры кафедры социальной и этнической психологии, АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (АНО ВО «МосГУ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4633-8467>, e-mail: dariashmidt@mail.ru

Information about the authors

Tatyana P. Emelyanova, Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>, e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Daria A. Shmidt, Graduate of postgraduate studies, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4633-8467>, e-mail: dariashmidt@mail.ru

Получена 26.09.2020

Received 26.09.2020

Принята в печать 20.01.2021

Accepted 20.01.2021

Качество межличностных отношений и удовлетворенность браком молодых людей

Кожухарь Г.С.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8680-1188>, e-mail: kozuharg@mgppu.ru

Цель. Анализ связи оценки межличностных отношений с удовлетворенностью браком у молодых людей в официальном и гражданском браке.

Контекст и актуальность. На фоне растущего количества разводов увеличивается потребность анализа и понимания факторов, связанных с удовлетворенностью браком современной молодежи, с целью разработки программ преодоления трудностей в общении и сохранения отношений.

Дизайн исследования. В работе изучалась взаимосвязь межличностных отношений с удовлетворенностью браком. Наличие и характер взаимосвязи проверялись через корреляционный, регрессионный, факторный анализ и автоматическое моделирование (программа SPSS). Обследование проводилось в индивидуальном или групповом варианте в 2018 году.

Участники. Выборка: 108 молодых супругов от 20 до 35 лет ($M=28,6$; $SD=2,83$), из них 30 пар, 48 респондентов приняли участие без своих партнеров (44,44% юношей, 55,56% девушек).

Методы (инструменты). Тест-опросник удовлетворенности браком (ОУБ); тест-опросник «Анализ семейной тревоги» (АСТ); русскоязычные версии опросника «Шкала любви и симпатии» и методики исследования партнерских отношений Partnership Questionnaire (PFB); опросник ПЭА для выявления уровня понимания, эмоциональной привлекательности и авторитета (уважения) партнеров в браке.

Результаты. Выявлена сложная система взаимосвязей типов отношений между партнерами, показателей семейной тревоги и удовлетворенности браком. Удовлетворенность браком возрастает в случае проявления в межличностных отношениях любви и симпатии, переживания эмоционального притяжения между партнерами, уважения и редкого конфликтного поведения. Обнаружены предикторы удовлетворенности браком, а также описана стандартная модель межличностных отношений, позволяющая прогнозировать удовлетворенность браком в молодом возрасте.

Основные выводы. Существует сложная системная взаимосвязь оценки качества межличностных отношений и восприятия удовлетворенности браком у молодых супругов и партнеров в гражданском браке, знание которой позволяет создать модель системы отношений с целью прогноза удовлетворенности браком молодежи и профилактики конфликтов во взаимоотношениях, приводящих к их разрушению.

Ключевые слова: удовлетворенность браком, межличностные отношения, любовь, эмоциональное притяжение, уважение, тревожность, конфликт, молодые супруги.

Для цитаты: Кожухарь Г.С. Качество межличностных отношений и удовлетворенность браком молодых людей // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 143–161. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120110>

The Quality of Interpersonal Relationships and Satisfaction with the Marriage of Young People

Galina S. Kozhukhar

Moscow State University of Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8680-1188>, e-mail: kozuhargs@mgppu.ru

Objective. *Analysis of the relationship between the assessment of interpersonal relations and satisfaction with marriage among young spouses in an official and civil marriage.*

Background. *Against the background of the growing number of divorces, the need to analyze and understand the factors associated with marriage satisfaction among nowday's youth is increasing in order to develop programs for overcoming difficulties in communication and maintaining relationships.*

Study design. *The work examined the relationship between interpersonal relationships and marital satisfaction. The presence and nature of the relationship was checked through correlation, regression, factor analysis and automatic modeling (SPSS). The survey was conducted individually or in a group before the start of the pandemic.*

Participants. *108 young spouses, of which 30 couples, 48 respondents took part without their partners (44.44% of boys, 55.56% of girls) from 20 to 35 years old (M=28.6; SD=2.83).*

Measurements. *Marriage Satisfaction Test Questionnaire (MAR); test questionnaire "Analysis of family anxiety" (ACT); Russian-language versions of the questionnaire "Scale of love and sympathy" and methods of researching partnerships Partnership Questionnaire (PFB); PEA questionnaire to identify the level of understanding, emotional attractiveness and authority (respect) of partners in marriage.*

Results. *A complex system of relationships was revealed between the types of relationships between partners, indicators of family anxiety and satisfaction with marriage. Satisfaction with marriage increases in case of manifestation of love and sympathy in interpersonal relationships, experiences of emotional attraction between partners, respect and rare use of conflict behavior. Predictors of marital satisfaction have been identified, and a standard model of interpersonal relationships has been described, which allows predicting marital satisfaction at a young age.*

Main conclusion. *There is a complex systemic relationship between the assessment of the quality of interpersonal relationships and the perception of satisfaction with marriage in young spouses and partners in a civil marriage, the knowledge of which allows you to create a model of the relationship system in order to predict the satisfaction with marriage of young people and prevent conflicts in relationships leading to their destruction.*

Keywords: *marriage satisfaction, interpersonal relations, love, emotional attraction, respect, anxiety, conflict, young spouses.*

For citation: Kozhukhar G.S. The Quality of Interpersonal Relationships and Satisfaction with the Marriage of Young People. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 143–161. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120110> (In Russ.).

Введение

В настоящее время в обществе происходят активные изменения в институте семьи и представлениях о нем: создаются новые варианты брака, увеличивается количество разводов, модифицируется

функционально-ролевая структура семьи. В результате воздействия перечисленных и многих других факторов изменяется характер взаимоотношений всех членов семьи и, в частности, супружеских отношений. Проблематика психологии межличностного взаимодействия давно

привлекает внимание исследователей, многие вопросы освещены достаточно широко. В то же время взаимодействие партнеров в браке является одной из значимых и сложных проблем, актуальность которой только растет с течением времени, она становится все более важной как в социальном, так и в научном плане. Супружеские отношения динамичны, каждый этап жизненного цикла семьи определяет свою специфику супружеских отношений. При этом успешность семейной жизни и удовлетворенность супругов браком напрямую связаны с особенностями их взаимодействия. В современном российском обществе фиксируется «наличие низкого уровня заключенных браков на фоне высокого уровня разводов, свидетельствующих о негативных явлениях в брачно-семейных отношениях. Данное обстоятельство имеет особое значение для молодых семей, которые пока еще находятся в стадии стабилизации системы семейного функционирования» [5, с. 411].

В то же время, как отмечает И.А. Баева, психологические механизмы и причины, определяющие поведение молодежи, во многом универсальны, изменяются только виды их проявления и способы удовлетворения потребностей, обеспечивающих социализацию. Понимание закономерностей развития молодежи позволяет создавать и совершенствовать социально-психологические программы тренингов, мониторинг управления процессом социализации молодого поколения [2].

С точки зрения современных исследований, в юношеском возрасте у молодых людей можно обнаружить различные комплексы доминирующих ценностей семейного существования как отличающихся психосемантических образов будущей семьи и ее особенностей [9]. Кроме того, в обществе сосущест-

вуют разные типы семей, изменяются суждения о тех функциях, которые понимаются как фундамент семьи. Если раньше на первом месте была материальная функция содержания семьи и ее обеспечения, то в настоящее время на первое место, во всяком случае, в европейском обществе, выходит ориентация на воспитание ребенка [6].

Собственно, несмотря на то, что проблема взаимоотношений между супругами кажется достаточно изученной, оказывается, что не так уж много современных исследований, которые показывали бы взаимосвязь удовлетворенности браком и качества отношений между партнерами (супругами) в молодости. Тем не менее в большинстве работ подчеркивается, что благополучные супружеские отношения характеризуются совокупностью определенных общих признаков. В отношениях особого качества удовлетворяются фундаментальные потребности членов семьи; вырабатывается адекватное восприятие друг друга и взаимопонимание, обнаруживается и возникает совпадение ценностей, появляются совместные идеи, возникает распределение власти, толерантность к расхождениям во мнениях, рождается открытость в диалогическом взаимодействии [1; 3; 4; 9; 14; 15 и многие другие].

В большинстве исследований, посвященных удовлетворенности браком, подчеркивается значимость коммуникации, ее качества как одного из важнейших факторов. Так, например, в одной из научных работ проанализировали более 15 исследований, которые были проведены с 1953 по 2004 годы. В результате авторы выделили 9 характеристик, которые присутствовали во всех трудах, напрямую связанных с удовлетворенностью браком: «устойчивость отношений, любовь, секс, личностная совместимость,

коммуникация, принятие решений, интимная близость и религия» [16, с. 7].

Подчеркивается роль эмоций, разрабатываются модели эмоциональной близости в отношениях между молодыми людьми, оценивающими взаимоотношения в своей семье как благополучные [8].

Таким образом, как и в XX веке, в XXI веке значение отношений между супругами имеет еще более важный смысл, поскольку быстро изменяющиеся общественные отношения, отражающиеся в межличностных, трансформируясь, влияют на представления о том, каким образом молодые люди воспринимают и понимают эти отношения в их социально-возрастной период развития.

Новизна исследования определяется тем, что в нем выявлены виды отношений, впервые изучаемые в таком сочетании (через взаимодополняющие методы математической статистики) как предикторы удовлетворенности браком, а также предложена модель, позволяющая предсказывать удовлетворенность браком через систему связей между исследуемыми отношениями у молодых людей, состоящих в официальном и гражданском браке.

Целью данного исследования явилось выявление особенностей межличностных отношений супругов в молодых семьях и парах во взаимосвязи с оценкой ими удовлетворенности браком (официальным или гражданским), а также создание модели системы отношений, позволяющей прогнозировать удовлетворенность браком для молодежи.

Основные вопросы исследования:

1) Каким образом качество отношений между молодыми людьми связано с их удовлетворенностью законным или гражданским браком?

2) Какова типичная модель межличностных отношений молодых пар, по-

зволяющая предсказывать удовлетворенность браком в молодости, и какие отношения выступают в качестве наиболее значимых?

Метод

Методики. В исследовании были использованы следующие методики психодиагностики:

1) тест-опросник удовлетворенности браком (ОУБ; В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко) [10, с. 78–84];

2) тест-опросник «Анализ семейной тревоги» (АСТ; Э. Эйдемиллер, В. Юстицкис) [15, с. 64–66];

3) опросник «Шкала любви и симпатии» (З. Рубин, модификация Л.Я. Гозман, Ю.Е. Алешина; Rubin's Love and Liking Scale, 1970, Zick Rubin) [10, с. 71–73; 26];

4) методика исследования партнерских отношений Partnership Questionnaire (PFB) (Hahlweg, 1996) [7; 26];

5) опросник ПЭА для измерения степени понимания, эмоциональной привлекательности и авторитета (уважения) партнеров в браке (А.Н. Волкова, модификация В.И. Слепковой) [10, с. 193–196; 13, с. 74–78].

Обоснование выбора методик связано с целью исследования и его основными вопросами, а также со значимостью анализа, с одной стороны, позитивных качеств, скрепляющих брак, с другой стороны, характеристик отношений, которые важно уметь распознавать и работать с ними для того, чтобы отношения крепились, а не распадались.

Коротко охарактеризуем данные методики.

Опросник удовлетворенности браком (ОУБ). Авторы понимали удовлетворенность браком как достаточно устойчивый

эмоциональный феномен. Это обобщенная эмоция, генерализованное переживание, которое манифестирует себя как в разнообразных формах эмоциональных проявлений, возникающих в различных ситуациях, так и во всевозможных суждениях, оценках и сравнениях. Опросник включает 24 утверждения, суммарный балл, получаемый испытуемым, может быть соотнесен с одной из 7 категорий в соответствии со степенью оценки благополучия брака [10, с. 179–183].

Тест-опросник «Анализ семейной тревоги» (Э. Эйдемиллер, В. Юстицкис) включает 21 вопрос, по семь суждений для каждой из трех шкал: семейной вины, тревожности и напряженности. Также подсчитывается уровень общей семейной тревожности. Наличие у респондента каждого показателя семейной тревоги констатируется при наличии 5 и более баллов [15, с. 64–66].

Шкала любви и симпатии З. Рубина базировалась на теоретических представлениях о внутренней структуре измеряемых феноменов. При оценке любви подразумевались степень привязанности, проявление заботы партнеров друг о друге, а также уровень интимности отношений. Шкала симпатии основывалась на понимании этого отношения через выражение уважения, степени восхищения и уровня воспринимаемого сходства между партнерами. В окончательный вариант методики, адаптированной Л.Я. Гозманом и Ю.Е. Алешинной, вошли 14 суждений (по 7 суждений в каждую шкалу). Результаты по шкале любви и по шкале симпатии подсчитываются отдельно и могут варьировать от 7 до 28 баллов. Возможен подсчет суммарного балла по обоим шкалам, характеризующий общий уровень эмоциональных отношений в диаде (от 14 до 56 баллов) [10, с. 196–197].

Опросник партнерских отношений (PFB) включает три шкалы (поведение в конфликте, нежность, общность/коммуникация), состоящих из 30 суждений, которые надо оценить одним из четырех вариантов ответов: очень редко (0), редко (1), часто (2), очень часто [7]. Общий балл качества отношений подсчитывается по формуле: $PFB = (30 - Q) + T + TC$. Максимальная сумма баллов может составить 90, в среднем же для пар, взаимоотношения которых находятся в пределах нормы, сумма баллов составляет 65, в то время как для пар, которые нуждаются в терапии, общий балл составляет всего 40 [6; 26].

Методика ПЭА включает три шкалы по 15 утверждений: понимание, эмоциональное притяжение и авторитетность (уважение), в соответствии с которыми она и названа. Методика измеряет степень проявления понимания, привлекательности и уважения в отношениях партнеров, оцениваемых по шкале от 0 до 30 баллов [10, с. 193–196; 13, с. 74–78].

Выборка. В исследовании приняли участие 108 молодых людей в возрасте от 20 до 35 лет ($M=28,6$; $SD=2,83$), которые состояли в законном или гражданском браке. Из них было 60 молодых людей, составляющих пары, и 48 человек, партнеры которых по разным причинам не могли или отказались принять участие в исследовании. Среди респондентов были 48 юношей и 60 девушек. Все с высшим или незаконченным высшим образованием; 30% пар имели по одному ребенку. Выборка комплектовалась исходя из цели исследования, поэтому не проводился сравнительный анализ молодых людей, состоящих в разных типах отношений, тех, кто участвовали в парах, индивидуально, а также между юношами и девушками.

Результаты

Результаты описательной статистики (табл. 1) позволили констатировать, что у обследованных молодых людей в среднем по выборке отсутствовали выраженные показатели семейной вины, тревожности и напряженности. Также уровень общей семейной тревожности оказался в восприятии молодых людей низким. Партнеры в нашем исследовании оценивали свою удовлетворенность браком на границе благополучных (33–38 баллов) и абсолютно благополучных отношений (39–48 баллов), а степень любви и симпатии у респондентов была выражена на высоком уровне [21].

Уровни выделялись на основе показателей, указанных в описании методик.

Конфликтное поведение молодые люди оценили как проявляющееся редко, средний показатель оказался на низком

уровне выраженности. При этом нежность респонденты восприняли как выражающуюся на высоком уровне, а общность/коммуникацию — на среднем уровне. Общая оценка качества отношений оказалась на среднем, нормативном уровне для пар, проживающих вместе. Испытуемые выразили мнение, что имеют высокий уровень понимания, эмоционального притяжения и средне выраженное уважение.

С помощью корреляционного анализа выявлены положительные взаимосвязи между удовлетворенностью браком и такими проявлениями в межличностных отношениях, как любовь ($r=0.626$; $p\leq 0.01$), симпатия ($r=0.472$; $p\leq 0.01$), эмоциональное притяжение ($r=0.294$; $p\leq 0.01$) и уважение ($r=0.340$; $p\leq 0.01$), а также обратная связь с конфликтным поведением ($r=-0.226$; $p\leq 0.05$). С семейной тревожностью и ее характеристиками удовлетворенность браком не имела

Таблица 1

Описательные статистики по удовлетворенности браком и основным показателям отношений у молодых людей

Удовлетворенность браком и межличностные отношения	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стандартное отклонение
Удовлетворенность браком	108	30.00	46.00	38.90	4.33
Чувство вины	108	.00	4.00	0.78	1.10
Тревожность	108	.00	7.00	2.01	1.74
Напряженность	108	.00	7.00	3.37	2.29
Семейная тревожность	108	1.00	14.00	6.13	3.99
Любовь	108	20.00	28.00	25.03	2.62
Симпатия	108	18.00	27.00	23.01	2.30
Поведение в конфликте	108	.00	11.00	4.56	2.71
Нежность	108	21.00	30.00	26.30	2.53
Коммуникация (общение)	108	9.00	18.00	14.74	2.06
Качество отношений	108	55.00	78.00	66.48	5.29
Понимание	108	12.00	30.00	25.72	4.15
Эмоциональное притяжение	108	9.00	28.00	24.42	3.00
Уважение	108	14.00	22.00	18.87	2.02
N валидных (общее)	108				

корреляций, но была связана с ней опосредовано через конфликтное поведение ($r=0.238$; $p\leq 0.05$).

Общий показатель качества отношений позитивно связан с любовью ($r=0.404$; $p\leq 0.01$), симпатией ($r=0.330$; $p\leq 0.01$), нежностью ($r=0.757$; $p\leq 0.01$), коммуникацией ($r=0.701$; $p\leq 0.01$), авторитетностью ($r=0.230$; $p\leq 0.05$) и удовлетворенностью браком ($r=0.234$; $p\leq 0.05$). Отрицательная взаимосвязь качества отношений наблюдалась с переживанием чувства вины ($r=-0.224$; $p\leq 0.01$), конфликтным поведением ($r=-0.715$; $p\leq 0.01$) и пониманием ($r=-0.270$; $p\leq 0.01$).

Результаты корреляционного анализа свидетельствовали, что удовлетворенность браком не взаимосвязана с коммуникацией. Но при этом коммуникация позитивно связана с любовью ($r=0.248$; $p\leq 0.01$), симпатией ($r=0.233$; $p\leq 0.05$), нежностью ($r=0.406$; $p\leq 0.01$) и уважением ($r=0.207$; $p\leq 0.05$). Негативные взаимосвязи обнаружены между коммуникацией и чувством вины ($r=-0.212$; $p\leq 0.05$), конфликтным поведением ($r=-0.230$; $p\leq 0.05$) и пониманием ($r=-0.217$; $p\leq 0.05$). Рост понимания напрямую связан с увеличением чувства вины ($r=0.251$; $p\leq 0.01$) и семейной тревожности ($r=0.193$; $p\leq 0.05$).

Результаты регрессионного анализа позволили выявить ряд закономерностей. Вначале рассмотрим результаты регрессионного анализа методом принудительного включения, когда в качестве предиктора рассматривается только одна независимая переменная. Если значение критерия F-Фишера имеет р-уровень значимости, равный 0,000, то коэффициент корреляции между зависимой и независимой переменными статистически значим и модель регрессии может быть содержательно интерпретирована [11].

R-квадрат является коэффициентом детерминации ($R^2=0,057$), позволяя

определить долю вариации одной из переменных, которая объясняется изменениями другой переменной. При анализе роли социальной тревожности $R^2=0,057$, т.е. доля вариации конфликтного поведения объясняется вариантом изменения уровня социальной тревожности всего на 0,6%, составляя очень маленький вклад, в сравнении с остальными, не изученными в данной работе показателями. Остальные 99,4% говорят о воздействии других факторов. Значимость коэффициента корреляции составила $r=0,013 > 0,01$ ($F=6,356$; $p=0,000$; $t=2,521$; $\beta=0,238$).

Для составления линейного уравнения регрессии использовались коэффициенты $k=3,564$ и $b=0,162$. Линейное уравнение приобрело такой вид: Конфликтное поведение = $0,162 \times$ «Социальная тревожность» + 3,564.

Далее с целью обнаружения предикторов отношений, предсказывающих уровень любви в восприятии членов пары, был применен множественный регрессионный анализ с помощью пошагового метода, когда вводится сразу несколько независимых переменных, понимаемых в качестве характеристик, оказывающих влияние на зависимую переменную.

Коэффициент детерминации $R^2=0,176$. Это значит, что доля вариации позволяет описать эту вариативность на 18%. Соответственно, оставшиеся 82% объясняются воздействиями других переменных, которые остались за рамками данного исследования. Значимость коэффициента корреляции составила для авторитетности $r=0,003 \leq 0,01$, для показателя эмоционального притяжения $r=0,001 \leq 0,001$, для показателя «понимание» $r=0,032 \leq 0,05$ ($F=7,422$; $p=0,000$; уважение $t=3,072$; эмоциональное притяжение $t=3,319$; понимание $t=-2,170$).

Линейное уравнение приобрело такой вид: «Любовь» = $0,356 \times$ «Авторитет (ува-

жение)»+0,305 × «Эмоциональное притяжение»+0,144 × «Понимание»+14,551.

Также множественный регрессионный анализ позволил выявить главные предикторы (из всех исследуемых отношений) удовлетворенности браком молодых людей. Ими оказались уровень авторитетности (уважения) и эмоциональное притяжение.

Коэффициент детерминации $R^2=0,189$. Это значит, что доля вариации отрицательных выборов объясняется совместным изменением уровня авторитетности и эмоционального притяжения, что позволяет описать эту вариативность на 19%. Соответственно, оставшиеся 89% объясняются воздействиями других констант. Значимость коэффициента корреляции составила для авторитетности $r=0,000 \leq 0,0001$, для показателя эмоционального притяжения $r=0,003 \leq 0,01$ ($F=12,222$; $p=0,000$; уважение $t=3,646$; эмоциональное притяжение $t=3,073$).

Уважение у респондентов имеет разную степень выраженности и присутствует во всех проявлениях удовлетворенности браком, в то время как

эмоциональное притяжение имеет большее сходство в уровне проявления у всех пар. На рис. 1 и 2 даны графические иллюстрации анализа уважения и эмоционального притяжения как предикторов удовлетворенности браком у молодежи.

С целью выявления предикторов удовлетворенности браком использован метод автоматического линейного моделирования. Информационный критерий модели составил 238.879. Точность модели равна 54,8%.

Исследуемые показатели расположились в зависимости от их важности (веса) как предикторов удовлетворенности браком: чем большее значение имеет коэффициент важности, тем большее влияние оказывает данное отношение на удовлетворенность браком. Иными словами, совокупность данных отношений позволяет прогнозировать удовлетворенность браком в молодых парах, представая в следующей последовательности: любовь, редкое переживание вины и тревожности, редкое конфликтное поведение и коммуникация, выраженное уважение.

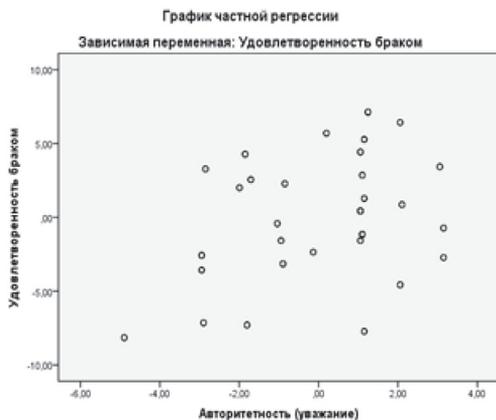

Рис. 1. Уважение — предиктор УБ

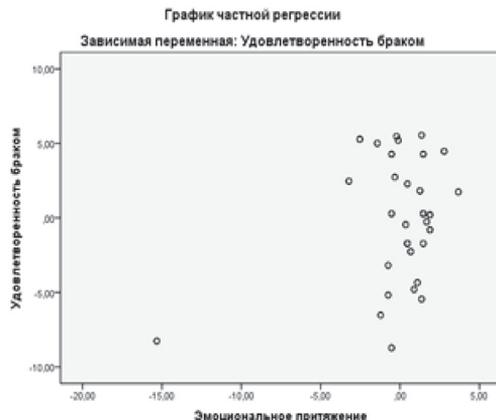

Рис. 2. Эмоциональное притяжение — предиктор УБ

(УБ — удовлетворенность браком)

На рис. 3 представлена модель отношений, выступающих предикторами удовлетворенности браком.

С целью сокращения переменных и поиска латентных факторов мы провели факторный анализ методом главных

компонент. График нормализованного стресса позволил выделить два основных фактора (рис. 4). Был применен метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 3 итерации.

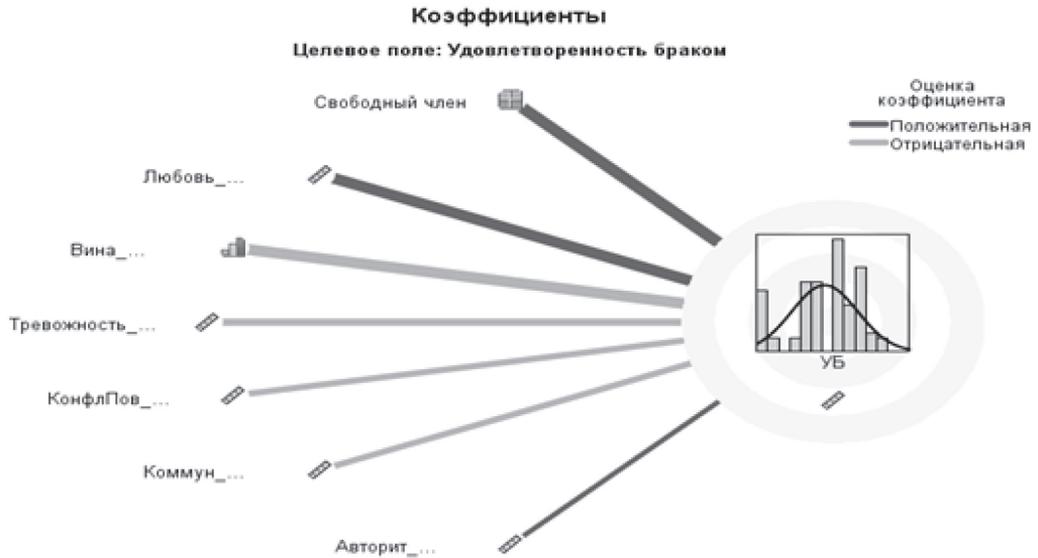

Рис. 3. Модель отношений, связанных с удовлетворенностью браком: свободный член представляет собой неучтенные факторы в данном исследовании

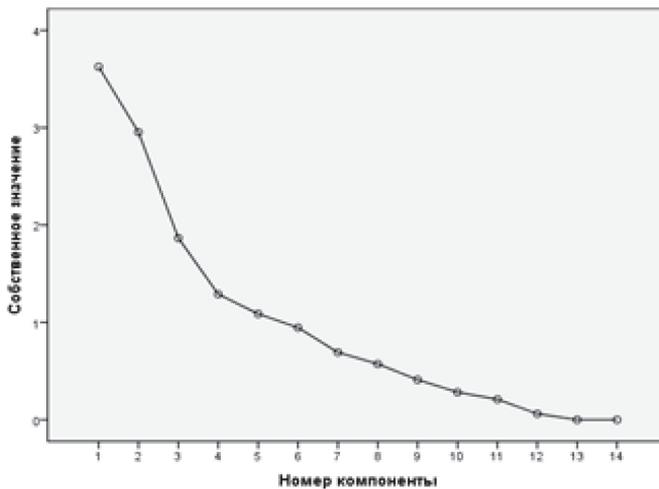

Рис. 4. График выделения количества компонент латентных факторов модели

В первый фактор вошли 8 исследуемых показателей отношений, включая удовлетворенность браком, второй фактор составили 4 характеристики, связанные с семейной тревогой.

Таблица 2

Латентные факторы удовлетворенности браком и отношений между молодыми людьми

Исследуемые показатели	Компонента	
	1	2
Любовь	,813	
Качество отношений	,795	
Симпатия	,705	
Нежность	,639	
Удовлетворенность браком	,586	
Конфликтное поведение	-,556	
Коммуникация	,527	
Авторитетность (уважение)	,439	
Эмоциональное притяжение		
Семейная тревожность		,945
Напряженность		,742
Тревожность		,724
Вина		,720
Понимание		

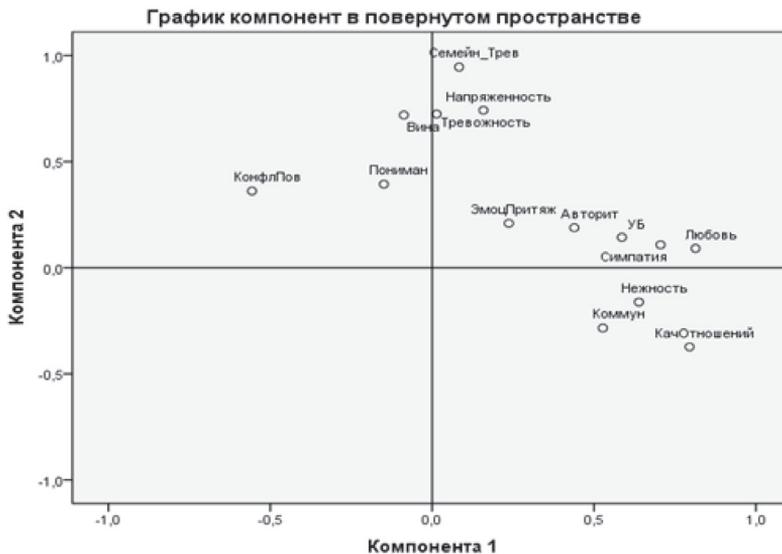

Рис. 5. Компоненты удовлетворенности браком

Рис. 5 позволяет понять соотношение исследуемых показателей, в очередной раз демонстрируя, что удовлетворенность браком в наибольшей степени связана с любовью, симпатией, уважением (авторитетностью) и эмоциональным притяжением.

Обсуждение результатов

Средние показатели по выборке, можно сказать, продемонстрировали практически идеальное восприятие партнерами их отношений в момент опроса. В связи с этим нас заинтересовал факт увеличения количества разводов и расставаний, которые в обществе воспринимаются уже как неотъемлемые реалии современной жизни, с точки зрения возможностей прогноза того, как можно влиять на отношения в паре, чтобы дисфункции в них преодолевались, а не приводили к быстрым расставаниям между молодыми людьми.

Проблема, как нам представляется, заключается в том, что если в парах в их первые годы совместной жизни складываются благоприятные отношения и существует удовлетворенность ими, то при возникновении каких-либо трудностей современные молодые люди, не имея навыков их преодоления и ориентируясь на стереотипы в обществе (например, «развод — не проблема»), принимают скоропалительное решение о том, что легче распрощаться и закончить отношения. В связи с этим в качестве идеального варианта представляется создание в обществе установок на важность преодоления трудностей, возникающих в отношениях внутри пары, а не быстрое расставание и создание новых отношений, которые заканчиваются тем же разводом.

Понимание респонденты оценили как высокое, т.е. они посчитали, что имеют представления о личностных особенно-

стях партнера, успешно интерпретируют их эмоции, мысли, стремления, учитывая эти знания при общении с супругом. Эмоциональное притяжение также выражено на высоком уровне, что свидетельствует о степени привлекательности партнера, желании общаться с ним и восприятии отношений как имеющих психотерапевтический эффект. Авторитетность (уважение) проявлена на среднем уровне, что показало среднюю значимость мировоззрения, интересов, мнений партнера и ориентации на них как на эталон.

Отметим, что наши результаты показали, что удовлетворенность браком не взаимосвязана с коммуникацией. Но при этом она опосредованно связана с коммуникацией через ее взаимосвязи с любовью, симпатией, нежностью и уважением. Негативные взаимосвязи между коммуникацией и чувством вины, конфликтным поведением и пониманием позволили нам считать, что коммуникация только тогда влияет на удовлетворенность браком, когда она имеет особое содержание, т.е. пронизана любовью, симпатией, нежностью и уважением. В данном случае полученные результаты не являются оригинальными, но совпадают с огромным количеством исследований в рамках психологического консультирования и психотерапии.

Например, показано, что благополучие супружеских отношений связано с качеством интимной близости, лаской. Особенности проявления привязанности между супругами, характер их общения имеют большое значение для удовлетворенности браком. Правда, постепенно главным становится не количество времени общения, а взаимопонимание. Вместе с тем общение предполагает доверие, желание и способность выразить себя без страха оценки [25].

Таким образом, корреляционный анализ позволил конкретизировать, что

увеличение общения связано с возрастанием любви, симпатии, нежности и уважения и одновременным снижением чувства вины, конфликтного поведения и понимания. Снижение понимания мы объясняем тем, что участники взаимодействия не владеют коммуникативной компетентностью в общении, в частности, навыками слушания, эмпатии и пр. Чем дольше они общаются и чем теснее становится возникающая между партнерами общность, тем в большей степени возрастает непонимание, что, например, может быть объяснено использованием привычных стереотипов и появлением трудностей в формировании точного восприятия и понимания партнера. Также можно предположить, что современные молодые люди все в большей степени ценят в отношениях возможность автономии, относительной независимости, чему может мешать слишком близкая общность, частое и длительное совместное времяпрепровождение.

Интересно, что увеличение понимания напрямую связано с ростом чувства вины и семейной тревожности. Мы объясняем это тем, что рост понимания как когнитивного компонента снижает эмоциональное отношение, проявляющееся в любви и симпатии, что подтверждает факт обратной зависимости между степенью понимания между партнерами, любовью и симпатией.

Результаты регрессионного анализа методом принудительного и пошагового включения позволили выявить ряд закономерностей.

Социальная тревожность оказалась независимым фактором только для показателя конфликтного поведения молодых пар, причем ее влияние, по сравнению с не изученными нами показателями, явилось достаточно незначительным.

Для нашей выборки стало характерным то, что при повышении уважения и эмоционального притяжения и понижении степени понимания между партнерами увеличивается показатель любви данного партнера. Этот факт можно интерпретировать по-разному: например, как доминирование бессознательных факторов, «розовые очки» в начале отношений и т.п. Но мы полагаем, что это одна из фундаментальных причин дальнейшего непонимания, разлада в отношениях и зачастую распада брака.

Следует отметить, что любовь состоит как из положительных, так и отрицательных эмоций в соответствии с теорией привязанности. Например, негативные переживания: страх перед близостью, ревность, эмоциональная боль; позитивные: периоды удовольствия, забота, преданность и доверие. Эта теория, по сути, объясняет, как соотносятся любовь и одиночество [17].

Близкие, эмоциональные отношения предполагают в той или иной степени зависимость между партнерами, но здоровая личность стремится выстроить границы своего Я, что позволяет ей развиваться дальше. Можно предположить, что такая оценка понимания и обратная связь коммуникации с удовлетворенностью браком выступают у современной молодежи как возможность сохранять собственную самость в присутствии партнера и вступать с ним в диалог, не теряя своей аутентичности, что, по идее, только укрепляет взаимоотношения [12]. Например, люди с разным стилем привязанности имеют разные представления о романтическом любовном периоде, доступности, доверии к любовным партнерам и готовности к любви. Тревожный стиль привязанности связан с симптомами навязчивого поведения. Но амбивалентный стиль привязанности наиболее сильно ассоциируется с навязчивым

стилем любви, в то время как наличие надежного стиля и последующее построение позитивных отношений с людьми может непосредственно влиять на психологическое здоровье и качество жизни, а следовательно, и на самочувствие человека [19].

Также обнаружено, что чем выше авторитетность (уважение) и эмоциональное притяжение, тем более высокий уровень удовлетворенности браком мы можем прогнозировать.

Как известно, уравнение связи не может рассматриваться с точки зрения причинно-следственных отношений в отрыве от теоретических предположений и гипотез, но в теории мы показали, что качество отношений является фундаментальным фактором удовлетворенности браком.

В то же время результаты регрессионного анализа позволяют на основе использования формул регрессии предсказывать развитие зависимого фактора (в нашем случае — удовлетворенности в браке, в паре) в зависимости от изменения независимых факторов (в данном случае — авторитетности (уважения), эмоционального притяжения).

Как отмечалось, уважение у респондентов имеет разную степень выраженности и присутствует во всех проявлениях удовлетворенности браком, в то время как эмоциональное притяжение имеет большее сходство в уровне проявления у всех пар. Л.Б. Шнейдер, рассматривая разные подходы к удовлетворенности браком, считает, что центральной потребностью выступает потребность в присоединении, т.е. потребность в таком типе отношений, который обеспечивает позитивные постоянные взаимодействия [14].

Интересно, что чем чаще проявляется конфликтное поведение между партнерами, тем больше вероятность выработки такого стереотипа, как «спускать все на

тормозах», что приводит к накоплению негативных эмоций, чувств, неосознаваемых мыслей, в результате чего возникает дисгармония во взаимоотношениях, приводя к автоматизмам в поведении. Это становится еще одним фактором распада брака или партнерства в будущем [4].

Кроме того, в исследовании показано, что конструктивные навыки разрешения конфликтов между супругами с детьми, имеющими аутизм, умения эффективного общения оказывают благоприятное влияние на психическое здоровье как самих детей, так и семьи в целом [18]. Также в случае скрытых дисфункциональных отношений между супругами они зачастую полагают, что каждый использует непродуктивные стили поведения в конфликте, и не одобряют их [2].

Неудивительно то, что успешные, здоровые отношения связаны с общим благополучием, в то время как негативные отношения влияют на плохое психическое здоровье и адаптацию в течение поиска партнера и романтических отношений. Доказано, что хорошие отношения предсказывают наличие положительного аффекта; однако было также показано, что аффект в подростковом возрасте, связанный с романтической любовью, играет прогностическую роль в успехе или неудаче близких отношений [20]. Вообще развитие романтических отношений стало многомерным объектом изучения и рассматривалось с различных точек зрения [29].

Результаты автоматического линейного моделирования показывают, что удовлетворенность браком напрямую связана с любовью и уважением и обратным образом — с виной, тревожностью, конфликтным поведением и коммуникацией [21].

Интерпретируя результаты факторного анализа, мы выделили и назвали первый латентный фактор, в котором главный вес

принадлежит любви: «Удовлетворенность браком как качество отношений» (при обратной связи с конфликтным поведением). Второй фактор мы назвали по первой характеристике с самым наибольшим весом: «Семейная тревожность», куда еще входят напряженность, тревожность, вина. Как представляется, этот факт косвенно подтверждает предположение о разрушении привычных, стереотипных представлений о партнере, что сопровождается ростом неадекватного ощущения супругом(ой) ответственности за события в семье, воспринимаемые как отрицательные. Также возникает часто плохо осознаваемое состояние тревоги, которое проявляется в сомнениях, страхах, опасениях, связанных с разными аспектами семейной жизни (здоровье, конфликты, качество отношений и пр.). Зачастую в основе «семейной тревоги» находится переживание чувства беспомощности, а также представление о невозможности изменить происходящие события в семье, неуверенность в силе и устойчивости чувств партнера, неуверенность в самом себе.

Интересно, что эмоциональное притяжение и понимание не вошли ни в один из факторов. Мы объясняем это их особыми функциями и интеграцией в другие, не рассматриваемые нами факторы. В то же время их роль как предикторов любви и удовлетворенности браком доказана с помощью регрессионного анализа.

Повторяя результаты ряда исследований, мы выявили, что удовлетворенность браком в наибольшей степени связана с любовью, симпатией, уважением (авторитетностью) и эмоциональным притяжением. В некоторых исследованиях показано, что прямые связи выявлены между положительным аффективным состоянием и качеством романтических отношений. Также наблюдалась положительная прямая связь между тревожными паттернами привязан-

ности и негативным аффективным состоянием: то есть отрицательные эмоции были связаны с неуверенными, тревожными паттернами поведения привязанности [22].

Так, например, в одной из работ показана связь между субъективным благополучием, социальными интерпретациями и социальным процветанием. Связь субъективного благополучия с социальными интерпретациями обеспечивает критическую базу для обоснования выводов, связанных с исследованием эмоциональных состояний и социальной интерпретации [28]. Поскольку, как можно полагать, часть наших испытуемых, по сути, давали оценку как интерпретацию своих отношений с партнером и удовлетворенности браком, важно учитывать, что любое социальное взаимодействие провоцирует различные варианты интерпретаций. Именно поэтому, как представляется, понимание не вошло ни в один из латентных факторов, так же как эмоциональное притяжение. Дальнейшие исследования могут быть связаны с выявлением существования разных моделей интерпретации социального взаимодействия и отношений молодых супругов как фактора удовлетворенности браком.

Ограничения исследования

В качестве ограничений исследования мы выделили три основных. Во-первых, только часть выборки составили супружеские пары, остальные респонденты были по одному от пары. Во-вторых, выборка не была сбалансирована по половому и возрастному признаку для проведения сравнительного анализа. В-третьих, ряд факторов, влияющих на удовлетворенность браком, не был учтен и включен в изучаемую модель, что, безусловно, обусловлено ограниченностью данного исследования.

Выводы

1. Все исследуемые показатели отношений и семейной тревоги у молодых людей выражены либо в пределах нормы, либо на высоком уровне. Удовлетворенность браком соответствует благополучной и абсолютно благополучной оценке семейных отношений с партнером.

2. Выявлена сложная система взаимосвязей типов отношений между партнерами, показателями семейной тревоги и удовлетворенностью браком. Удовлетворенность браком возрастает в случае проявления в межличностных отношениях любви и симпатии, переживания эмоционального притяжения между партнерами, уважения и редкого использования конфликтного поведения.

3. Наиболее тесные связи обнаружены между удовлетворенностью браком и такими отношениями, как любовь, симпатия, уважение (авторитетность) и эмоциональное притяжение. Более высокий уровень авторитетности (уважения) и эмоционального притяжения в паре позволяет прогнозировать и более высокий уровень удовлетворенности браком. Частота коммуникации и степень единения партнеров связаны с удовлетворенностью браком опосредованно в том случае, когда они пронизаны любовью, симпатией, нежностью и уважением.

4. Социальная тревожность выступила предиктором конфликтного поведения молодых пар. Возрастание семейной тревожности через такие ее качества, как напряженность, тревожность и чувство вины, связано с ростом конфликтов и, как следствие, снижением уровня качества отношений (любви, симпатии, нежности, уважения) и, соответственно, снижением уровня удовлетворенности браком (официальным или гражданским).

5. В стандартную модель межличностных отношений, позволяющую про-

гнозировать удовлетворенность браком в молодом возрасте, вошли (по мере снижения важности) любовь, низкий уровень переживания семейной вины и семейной тревожности, редкое использование конфликтного поведения, невысокий уровень единения и частоты коммуникаций, а также выраженное уважение.

Заключение

Высказанное предположение о роли стереотипного восприятия в результате единения партнеров в процессе общения и частоты коммуникаций, что приводит к «пониманию» без обратной связи, а также потребности в автономии и независимости молодых людей в парах как характеристик, связанных с удовлетворенностью браком, требует дальнейшей проверки.

Также мы полагаем, что одной из существенных причин большого количества разводов среди молодых пар и их распада является отсутствие фундаментальных традиционных семейных ценностей, что могло бы выступать в качестве основы для работы над отношениями, стремления конструктивно разрешать возникающие конфликты, а не избегать их или решать, соперничая. Иными словами, молодым людям не достает выраженных установок на диалог и развитых навыков оптимизации общения и конструктивного разрешения конфликтов.

На основе полученных данных планируется разработка программы психологической помощи молодым людям, проживающим совместно, а также молодым супругам с учетом особенностей интерпретации их социального взаимодействия и возникающих в результате межличностных отношений, приписывания степени понимания друг другу, а также с учетом фактора семейной тревожности. Также ре-

зультаты могут использоваться в индивидуальном и групповом консультировании с целью оптимизации межличностных взаимоотношений между партнерами.

Литература

1. *Адмиральская И.С.* Отношение супругов к себе и друг к другу и удовлетворенность браком // Психологическая наука и образование. 2008. Т. 13. № 5. С. 5–11.
2. *Баева И.А.* Проблемы социализации подростка в постсоветском периоде развития России (психологический анализ молодежной субкультуры) // На пороге взросления: сборник научных статей III всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, МГППУ, 23–25 ноября 2011 г.) / Ред. Л.Ф. Обухова, И.А. Корепанова. М.: МГППУ, 2011. С. 36–48.
3. *Бурькина М.Ю.* Межличностные супружеские отношения и удовлетворенность браком женщин-педагогов, воспитанных в неполных семьях [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2009. Т. 1. № 4. URL: <https://psyjournals.ru/psyedu.ru/2009/n4/Burikina.shtml> (дата обращения: 04.06.2020).
4. *Бутузова Ю.С.* Отношения между супругами в молодой семье // Молодой ученый. 2016. № 17(121). С. 286–288. URL: <https://moluch.ru/archive/121/33426/> (дата обращения: 05.06.2020).
5. *Евграфова Ю.А.* Ролевая структура в молодой супружеской паре [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. № 4. С. 411–423. DOI:10.21638/spbu16.2019.407 (дата обращения: 05.06.2020).
6. *Капнина Г.И.* Трансформации в восприятии функций семьи в постиндустриальном обществе [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2016. № 2. С. 34–39. URL: https://psyjournals.ru/science_and_education/2016/n2/kapnina.shtml (дата обращения: 04.06.2020).
7. Клиническая психология / Под ред. М. Перре, У. Бауманна. СПб.: Питер, 2007. 1247 с.
8. *Москвичева Н.Л., Реан А.А., Костромина С.Н., Гришина Н.В., Зиновьева Е.В.* Жизненные модели молодых людей: представления о будущей семье и модели, транслируемой родителями // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 3. С. 5–18. DOI:10.17759/pse.2019240301
9. *Нозикова Н.В.* Доминирующие ценности семейной целенаправленности в зависимости от некоторых социально-демографических факторов // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 56–67. DOI:10.17759/sps.2016070404
10. *Олифирович Н.И., Зипкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф.* Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2006. С. 179–183; 193–197.
11. *Остапенко Р.И.* Многомерный анализ данных для психологов: учебно-методическое пособие. Воронеж: ВГПУ, 2012. 72 с.
12. *Скворцова С.Н., Шумский В.Б.* Структурная модель феномена зависимости в близких межличностных отношениях // Консультативная психология и психотерапия. 2013. Т. 21. № 4. С. 51–69.
13. *Сленкова В.И., Заeko Т.А.* Практикум по психологической диагностике семейных отношений: Учеб. -метод. комплекс. Минск: БГПУ, 2003. 339 с.
14. *Шнейдер Л.Б.* Психология семейных отношений // Курс лекций. Учебное пособие для студентов – психологов. М.: Апрель-Пресс, Изд-во: ЭКСМО-Пресс, 2000. 512 с.
15. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкиc В.* Психология и психотерапия семьи. СПб, 1999. С. 38, 555–556.
16. *Billingsley S., Lim M.-G., Caron J., Harris A. & Canada R.* Historical overview of criteria for marital and family success // Family Therapy: The Journal of the California Graduate School of Family Psychology. 2005. № 32(1). P. 1–14.
17. *Fehr B., Narasymchuk C., Sprecher S.* Compassionate love in romantic relationships: A review and some new findings // Journal of Social and Personal Relationships. 2014. № 31(5). P. 575–600. DOI:10.1177/0265407514533768

18. *Ghahjavarestani A.M., Badia M.M., Sanahuja Gavalda J.M.* Study of Marital Satisfaction in Autistic Families // *Autism and Developmental Disorders*. 2020. Vol. 18. № 2. P. 21–31. DOI:10.17759/autdd.2020180204
19. *Honari B., Saremi A.A.* The Study of Relationship between Attachment Styles and Obsessive Love Style // *Procedia – Social and Behavioral Science*. 2015. № 1656. P. 152–159. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.12.617
20. *Kansky J., Allen J.P., Ed Diener E.* The young adult love lives of happy teenagers: The role of adolescent affect in adult romantic relationship functioning // *Journal of Research in Personality*. 2019. № 80. P. 1–9. DOI:10.1016/j.jrjp.2019.03.006
21. *Kozhukhar G., Breus E.* Marriage satisfaction and the quality of interpersonal relations of young spouses // 5nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2018 (Bulgaria, Albena, 28.02.2018–02.09.2018). SGEM 2018 Conference Proceedings, Science and society. 2018. № 5(2-3). P. 215–222.
22. *Meuwely N., Schoebi D.* Social psychological and related theories on long-term committed romantic relationships // *Evolutionary Behavioral Sciences*. 2017. № 11(2). P. 106–120. DOI:10.1037/ebs0000088
23. *Meyer D.D., Jones M., Rorer A., Maxwell K.* Examining the Associations Among Attachment, Affective State, and Romantic Relationship Quality // *The Family Journal*. 2015. № 23(1). P. 18–25. DOI:10.1177/1066480714547698
24. *Olderbak S., Randall A.K., O'Brien D.* Committed romantic relationships: Integrating evolutionary and relationship science // *Evolutionary Behavioral Sciences*. 2017. № 11(2). P. 103–105.
25. *Plechaty M., Courturiers S., Cote M., Roy M.* Personality and close relationship // *Comprehensive Psychological Report*. 1996. № 78(2). P. 657–658.
26. *Rossier J., Rigozzi C., Charvoz L., Bodenmann G.* Marital Satisfaction: Psychometric Properties of the PFB and Comparison with the DAS // *Swiss Journal of Psychology*. 2006. № 65(1). P. 55–63.
27. *Rubin Z.* Measurement of romantic love // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1970. № 16. P. 265–273.
28. *Samantha J., Heintzelman S.J., Ed Diener E.* Subjective well-being, social interpretation, and relationship thriving // *Journal of Research in Personality*. 2019. № 78. P. 93–105.
29. *Surra C.A., Gray C.R., Boettcher T.M.J., Cottle N.R., West A.R.* From courtship to universal properties: Research on dating and mate selection, 1950 to 2003 // *The Cambridge handbook of personal relationships* / In A.L. Vangelisti & D. Perlman (Eds.). New York, NY: Cambridge University Press, 2006. P. 113–130.

References

1. Admiralskaya I.S. Otnoshenie suprugov k sebe i drug k drugu i udovletvorennost' brakom. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [The attitude of the spouses towards themselves and towards each other and satisfaction with the marriage]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2008. Vol. 13, no. 5, pp. 5–11. (In Russ.).
2. Baeva I.A. Problemy sotsializatsii podrostka v postsovetском periode razvitiya Rossii (psikhologicheskii analiz molodezhnoi subkul'tury) [Problems of socialization of a teenager in the post-Soviet period of development of Russia (psychological analysis of youth subculture)]. In Obukhova L.F., Korepanova I.A. (eds.). Na poroge vzrosleniya: sbornik nauchnykh statei III vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Moskva, 23–25 noyabrya 2011 g.) [On the threshold of growing up: collection of scientific articles of the III All-Russian scientific-practical conference]. Moscow: MGPPU, 2011, pp. 36–48. (In Russ.).
3. Burykina M.Yu. Mezhlchnostnye supruzheskie otnosheniya i udovletvorennost' brakom zhenshchin-pedagogov, vospitanykh v nepolnykh sem'yakh [Elektronnyi resurs] [Interpersonal matrimonial relations and satisfaction with marriage of women educators brought up in incomplete families]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological science and education*

- psyedu.ru*, 2009. Vol. 1, no. 4. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2009/n4/Burikina.shtml (Accessed 04.06.2020). (In Russ.).
4. Butuzova Yu.S. Otnosheniya mezhdru suprugami v molodoi sem'e [Elektronnyi resurs] [Relations between spouses in a young family]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, 2016, no. 17(121), pp. 286–288. URL: <https://moluch.ru/archive/121/33426/> (Accessed 05.06.2020). (In Russ.).
 5. Evgrafova Yu.A. Rolevaya struktura v molodoi supruzheskoi pare [Elektronnyi resurs] [Role structure in a young married couple]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 2019. Vol. 9(94), pp. 411–423. DOI:10.21638/spbu16.2019.407 (Accessed 05.06.2020). (In Russ.).
 6. Kapnina G.I. Transformatsii v vospriyatii funktsii sem'i v postindustrial'nom obshchestve [Elektronnyi resurs] [Transformations in the perception of family functions in postindustrial society]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Prospects for science and education*, 2016, no. 2, pp. 34–39. URL: https://psyjournals.ru/science_and_education/2016/n2/kapnina.shtml (Accessed 04.06.2020). (In Russ.).
 7. Klinicheskaya psikhologiya [Clinical psychology]. In M. Perre, U. Baumanna (eds). St. Petersburg: Peter, 2007. 1247 p. (In Russ.).
 8. Moskvicheva N.L., Rean A.A., Kostromina S.N., Grishina N.V., Zinov'eva E.V. Zhiznennye modeli molodykh lyudei: predstavleniya o budushchei sem'e i modeli, translirovannye roditel'nykh [Life models of young people: ideas about the future family and the model transmitted by the parents]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2019. Vol. 24, no. 3, pp. 5–18. DOI:10.17759/pse.2019240301 (In Russ.).
 9. Nozikova N.V. Dominiruyushchie tsennosti semeinoi tselenapravlenosti v zavisimosti ot nekotorykh sotsial'no-demograficheskikh faktorov [Dominant values of family purposefulness depending on some socio-demographic factors]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2016. Vol. 7(4), pp. 56–67. DOI:10.17759/sps.2016070404 (In Russ.).
 10. Olifirovich N.I., Zinkevich-Kuzemkina T.A., Velenta T.F. Psikhologiya semeinykh krizisov [The psychology of family crises]. St. Petersburg: Rech', 2006, pp. 179–183; 193–197.
 11. Ostapenko R.I. Mnogomernyi analiz dannykh dlya psikhologov: uchebno-metodicheskoe posobie [Multivariate data analysis for psychologists: a teaching aid]. Voronezh: VGPU, 2012. 72 p. (In Russ.).
 12. Skvortsova S.N., Shumsky V.B. Strukturnaya model' fenomena zavisimosti v blizkikh mezhlichnostnykh otnosheniyakh [Structural model of the phenomenon of dependence in close interpersonal relations]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative psychology and psychotherapy*, 2013. Vol. 21, no. 4, pp. 51–69. (In Russ.).
 13. Slepikova V.I., Zayeko T.A. Praktikum po psikhologicheskoi diagnostike semeinykh otnoshenii: Ucheb.-metod. kompleks [Workshop on the psychological diagnosis of family relations: Textbook.-method. Complex]. Minsk: BSPU, 2003. 339 p. (In Russ.).
 14. Schneider L.B. Psikhologiya semeinykh otnoshenii [Psychology of family relations]. *Kurs lektsii. Uchebnoe posobie dlya studentov—psikhologov [Course of lectures. Textbook for students—psychologists]*. Moscow: Aprel'-Press, Publ.: EKSMO-Press, 2000. 512 p. (In Russ.).
 15. Eidemiller E.G., Yustitskis V. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i [Psychology and psychotherapy of the family]. St. Petersburg, 1999, pp. 38, 555–556. (In Russ.).
 16. Billingsley S., Lim M.-G., Caron J., Harris A., Canada R. Historical overview of criteria for marital and family success. *Family Therapy: The Journal of the California Graduate School of Family Psychology*, 2005, no. 32(1), pp. 1–4.
 17. Fehr B., Harasymchuk C., Sprecher S. Compassionate love in romantic relationships: A review and some new findings. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2014, no. 31(5), pp. 575–600. DOI:10.1177/0265407514533768
 18. Ghahjavarestani A.M., Badia M.M., Sanahuja Gavalda J.M. Study of Marital Satisfaction in Autistic Families. *Autism and Developmental Disorders*, 2020. Vol. 18, no. 2, pp. 21–31. DOI:10.17759/autdd.2020180204

19. Honari B., Saremi A.A. The Study of Relationship between Attachment Styles and Obsessive Love Style. *Procedia – Social and Behavioral Science*, 2015, no. 1656, pp. 152–159. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.12.617
20. Kansky J., Allen J.P., Ed Diener E. The young adult love lives of happy teenagers: The role of adolescent affect in adult romantic relationship functioning. *Journal of Research in Personality*, 2019, no. 80, pp. 1–9. DOI:10.1016/j.jrp.2019.03.006
21. Kozhukhar G., Breus E. Marriage satisfaction and the quality of interpersonal relations of young spouses. *5nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2018* (Bulgaria, Albena, 28.02.2018–02.09.2018). *SGEM 2018, Conference Proceedings, Science and society*, 2018, no. 5(2–3), pp. 215–222.
22. Meuwly N., Schoebi D. Social psychological and related theories on long-term committed romantic relationships. *Evolutionary Behavioral Sciences*, 2017, no. 11(2), pp. 106–120. DOI:10.1037/ebs0000088
23. Meyer D.D., Jones M., Rorer A., Maxwell K. Examining the Associations Among Attachment, Affective State, and Romantic Relationship Quality. *The Family Journal*, 2015, no. 23(1), pp. 18–25. DOI:10.1177/1066480714547698
24. Olderbak S., Randall A.K., O'Brien D. Committed romantic relationships: Integrating evolutionary and relationship science. *Evolutionary Behavioral Sciences*, 2017, no. 11(2), pp. 103–105.
25. Plechaty M., Courturiers S., Cote M., Roy M. Personality and close relationship. *Comprehensive Psychological Report*, 1996, no. 78(2), pp. 657–658.
26. Rossier J., Rigozzi C., Charvoz L., Bodenmann G. Marital Satisfaction: Psychometric Properties of the PFB and Comparison with the DAS. *Swiss Journal of Psychology*, 2006, no. 65(1), pp. 55–63.
27. Rubin Z. Measurement of romantic love. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1970, no. 16, pp. 265–273.
28. Samantha J., Heintzelman S.J., Ed Diener E. Subjective well-being, social interpretation, and relationship thriving. *Journal of Research in Personality*, 2019, no. 78, pp. 93–105.
29. Surra C.A., Gray C.R., Boettcher T.M.J., Cottle N.R., West A.R. From courtship to universal properties: Research on dating and mate selection, 1950 to 2003. In A.L. Vangelisti, D. Perlman (Eds.). *The Cambridge handbook of personal relationships*. New York, NY: Cambridge University Press, 2006, pp. 113–130.

Информация об авторах

Кожухарь Галина Сократовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогического университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8680-1188>, e-mail: kozuhargs@mgppu.ru

Information about the authors

Galina S. Kozhukhar, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Moscow State University of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8680-1188>, e-mail: kozuhargs@mgppu.ru

Получена 10.06.2020

Принята в печать 20.01.2021

Received 10.06.2020

Accepted 20.01.2021

Взаимосвязь умственного развития студентов с морально-нравственными регуляторами социального взаимодействия

Акимова М.К.

*ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГБОУ ВО РГГУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3276-9108>, e-mail: m.k.akimova@rambler.ru*

Галстян О.А.

*ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет»
(ГОУ ВО МО ГГТУ), г. Орехово-Зуево, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3371-2181>, e-mail: o-galstyan@yandex.ru*

Цель. Анализ взаимосвязей уровня умственного развития студентов с практиками социального взаимодействия в ситуациях, требующих оказания помощи другим субъектам, и его морально-нравственными регуляторами.

Контекст и актуальность. Важнейшим источником развития общества является социальная активность граждан. Наибольшим потенциалом такой активности обладает молодежь. В связи с этим вызывает интерес изучение факторов и условий социальной активности студенческой молодежи.

Дизайн исследования. Исследовались взаимосвязи уровня умственного развития студентов, во-первых, с уровнем принятия таких морально-нравственных нормативов, как доверие и честность, и, во-вторых, с такими параметрами социального взаимодействия, как его значимость для субъекта и способы реагирования в конкретной ситуации.

Участники. 268 студентов трех вузов Центрального региона, различающихся уровнем урбанизации населенного пункта (мегаполис, областной центр, районный город). Средний возраст испытуемых — 19–20 лет.

Методы (инструменты). Тест умственного развития взрослых, опросник доверительных отношений, опросник легитимизации нечестности, диагностическое интервью социального взаимодействия (М.К. Акимова и др.).

Результаты. Выявлено, что уровень сформированности таких мыслительных операций, как способность обобщать, классифицировать, мыслить по аналогии и индуктивно, оперировать числами, статистически значимо взаимосвязан с уровнем доверия к самому себе и к общественным институтам, степени тревожности в социальном взаимодействии, а также со степенью недопущения в нем такого проявления нечестности, как воровство. Эрудированность субъекта взаимосвязана с доверием к государственным и общественным институтам. Оценка субъективной значимости ситуации социального взаимодействия и уровень активности в ней также взаимосвязаны с определенными характеристиками умственного развития.

Основные выводы. Существует когнитивная составляющая в виде сформированности определенных мыслительных операций, эрудированности и уровня общего умственного развития субъекта в формировании доверия и честности, а также в оценке субъективной значимости ситуации социального взаимодействия и определении уровня активности в ней.

Ключевые слова: социальная активность студентов, социальное взаимодействие, морально-нравственные нормативы, честность, доверие, умственное развитие, мыслительные операции.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00245.

Для цитаты: Акимова М.К., Галстян О.А. Взаимосвязь умственного развития студентов с морально-нравственными регуляторами социального взаимодействия // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 162–176. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120111>

The Relationship of Students' Mental Development with Moral Regulators of Social Interaction

Margarita K. Akimova

Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3276-9108>, e-mail: m.k.akimova@rambler.ru

Olga A. Galstyan

State University of Humanities and Technology (GGTU), Orekhovo-Zuevo, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3371-2181>, e-mail: o-galstyan@yandex.ru

Objective. *The most important source of stabilization and further development of society is the social activity of citizens. Young people have the greatest potential for this activity. In this regard, it is interesting to study the factors and conditions of social activity of students.*

Background. *For Russia, which experienced a socio-political cataclysm at the end of the last century and is in the stage of "recovery", the social activity of young people is a source of stabilization and further development. In this regard, it is interesting to study the factors and conditions of social activity of students.*

Study design. *The interrelationships of the level of students' mental development were investigated, firstly, with the level of acceptance of such moral standards as trust and honesty, and, secondly, with such parameters of social interaction as its significance for the subject and the choice of the method of reaction in a particular situation.*

Participants. *268 students of three universities which differ by the level of urbanization of the local-ity (megapolis, regional centre, district city). The average age of subjects is 19-20 years.*

Measurements. *Test of mental development of adults, questionnaire of trusting relationships, questionnaire of legitimization of dishonesty, method of diagnostics of social interaction (M.K. Akimova, etc.).*

Results. *It is revealed that the level of formation of such mental operations as the ability to generalize, classify, think by analogy and inductively, operate with numbers, is statistically significantly interrelated with the level of trust in oneself and in public institutions, the degree of anxiety in social interaction, as well as with the degree of prevention of such manifestations of dishonesty as theft. The erudition of the subject is interrelated with trust in the state and public institutions. The assessment of the subjective significance of the situation of social interaction and the level of activity in it are also inter-related with certain characteristics of the mental development.*

Conclusions. *There is a cognitive component in the form of the formation of certain mental operations, erudition and the level of general mental development of the subject in the forming of trust and honesty, as well as in assessing the subjective significance of the situation of social interaction and determining the level of activity in it.*

Keywords: *social activity of students, social interaction, moral standards, honesty, trust, mental development, mental operations.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00245.

For citation: Akimova M.K., Galstyan O.A. The Relationship of Students' Mental Development with Moral Regulators of Social Interaction. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 162–176. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120111> (In Russ.).

Введение

Актуальность проблемы социализации подрастающего поколения в нашей стране обусловлена целым рядом причин, к числу которых следует отнести «ценностный разлом», произошедший в 90-е годы прошлого века, утрату, а также деформацию определенных институтов социализации и появление деструктивных сетевых сообществ («группы смерти») и др. Все это является источником дестабилизации государства.

Общество является для молодежи носителем определенных социально-психологических нормативов, которые она усваивает и воспроизводит в рамках различных малых групп (семья, ученический коллектив, профессиональная группа) [9]. Нормативы, понимаемые как основные требования общества к психическому развитию индивидов, призваны упрочить связи внутри общества, сделать его более сплоченным, способным противостоять негативным влияниям и эффективно функционировать. В качестве таковых в психологической литературе называются социальная ответственность и доверие [11; 17; 19]. Одним из результатов усвоения этих нормативов являются моральные качества личности — чувство долга, честность, ответственность, альтруизм и др. Исследователями доказывалось, что существенным предиктором социально-политических взглядов молодежи являются именно моральные основания [15].

Процесс усвоения социально-психологических нормативов, формирования моральных качеств и их воспроизведе-

ния в форме социальной активности опосредован целым рядом факторов, и в первую очередь к ним следует отнести внутренние факторы. В современных исследованиях к ним относят: особенности мотивационной сферы, ценностные и смысложизненные ориентации [5; 16], доверие молодежи к институтам власти [30], энергичность, инициативность, уверенность [4; 27]. Так, О.А. Гулевич и И.Р. Сариева в своем исследовании доказывают, что политическое доверие положительно связано с нормативными, институализированными формами политической активности [8].

К числу внутренних факторов социальной активности следует отнести и умственное развитие субъекта. «В фокусе внимания проводимых исследований, помимо ценностей, актуализируемых в связи с моральным выбором, находится проблема интеллектуальных средств, обеспечивающих ориентацию в моральном содержании» [7, с. 51–52].

Еще Ж. Пиаже экспериментально доказал взаимосвязь интеллектуального развития и уровня зрелости моральных суждений детей [13]. Роль когнитивных способностей в корректировке первоначальных эгоцентрических интерпретаций собственного поведения и поведения других людей доказывается и в современных исследованиях, так же как и тот факт, что когнитивные функции служат сдерживающим фактором аморального поведения, участвуют в процессе саморегуляции, позволяют контролировать свое поведение в соответствии с моральными нормами [20]. Это же подтверждают со-

временные сравнительные исследования сформированности морально-нравственных понятий у детей с дефектами и нормальной интеллектуальной развития [10].

Мышление обеспечивает не только усвоение моральных норм, которые становятся содержанием сознания человека, но и их актуализацию в конкретной ситуации. Решение моральных дилемм, оценка ситуации социального взаимодействия, выработка собственной стратегии активности в ней и оценка ее последствий предполагают интеллектуальные усилия, когнитивную активность со стороны субъекта [12].

Данные функции мышления отражают такие пересекающиеся понятия, как «моральный интеллект», «моральное мышление», «социальный интеллект».

Д. Ленник и Ф. Кьел определяют моральный интеллект как умственный акт, обеспечивающий человеку применение универсальных ценностей в управлении своим поведением, а также способность различать правильное и неправильное. Авторы называют эти ценности моральными универсальными принципами, которые направляют моральные действия [23]. При этом индивидуумы обладают потенциалом действовать морально, отдавая предпочтение правильному или неправильному, и в основе этого выбора лежит работа морального интеллекта [24]. Сами универсальные принципы находят воплощение в убеждениях человека и представляют собой когнитивную составляющую морального интеллекта. Убеждения — это ментальные представления, которые человек носит с собой и применяет в качестве правил, направляющих действия.

Д. Ленник и Ф. Кьел подчеркивают, что суть морального интеллекта состоит не в знаниях и представлениях о том, чем добро отличается от зла, а в действии. По мнению Дж. Линг, ориентация только на

моральные принципы в интерпретации активности человека является устаревшей и недопустимой, необходимо говорить, как эти принципы реализуются человеком, то есть о моральной компетентности [25].

Под моральным мышлением подразумевают интеллектуальный процесс, направленный на разрешение моральных дилемм. Выделяют два типа морального мышления [18]. Первый тип — это моральное мышление, основанное на правилах, в этом случае суждение о правильности или неправильности того или иного поступка выносится в зависимости от того, насколько оно соотносится с законами, правилами, нормами. Ему противопоставляется моральное мышление, основанное на результате и предполагающее оценку правильности или неправильности того или иного поступка в зависимости от того, позволяет ли оно достичь какой-то высшей цели (спасти жизнь человеку или сделать его счастливым), даже если при этом нарушаются законы и правила.

Одно из определений социального интеллекта, актуальное для нашего исследования, — «...способность индивида понимать интересы и намерения партнера по общению и использовать это понимание в целях ненасильственного преодоления сопротивления последнего в тех ситуациях, когда интересы индивида и партнера не совпадают» [14, с. 8]. При этом устанавливается его взаимосвязь с моральным выбором в ситуации социального взаимодействия.

В отечественной психологии характеристики, которые за рубежом рассматриваются в свете изучения интеллекта, нашли отражение в понятии «умственное развитие». Умственное развитие трактуется как совокупность количественных и качественных изменений, происходящих в умственной деятельности индивида в связи с изменением его возраста и обогащением опыта.

Чаще всего речь идет об операциях или способностях, которые соотносят с мышлением. Это представление и легло в основу нашего эмпирического исследования.

Важнейшими компонентами моральной культуры человека являются доверие, взаимность, сотрудничество, честность [26]. На них базируются социальная сплоченность и эффективное функционирование общества, отсутствие противоречий между разными социальными группами, верность общему делу, готовность соблюдать общие интересы и объединять усилия ради общего дела.

Наиболее изученными коррелятами общего доверия являются самооценка здоровья и счастья. Однако недавние зарубежные исследования зафиксировали сильную взаимосвязь доверия и интеллекта, в частности, с такими его параметрами, как словарный запас, эрудированность [21; 22]. Выявлены когнитивные корреляты повторяющегося нечестного поведения детей [28].

В данном исследовании мы пытались охватить более широкий спектр мыслительных операций как предполагаемых коррелятов доверия и честности. А также выяснить, какие именно мыслительные способности и параметры социального взаимодействия взаимосвязаны.

Программа исследования

Объектом данного исследования стали умственное развитие, практики социального взаимодействия и такие морально-нравственные качества субъекта, как доверие и честность. Под практиками социального взаимодействия понимался конкретный способ активности, выражающийся в привычных действиях индивида в проблемной ситуации. В качестве психологических условий

эффективности практик в исследовании понимались такие морально-нравственные нормативы, как доверие и честность. Умственное развитие и его составляющие гипотетически рассматривались как фактор формирования доверия и честности, а также морально-нравственного поведения, реализуемого в конкретных ситуациях, то есть практик социального взаимодействия.

Цели работы:

– изучить взаимосвязь уровня умственного развития студентов и уровня принятия таких моральных качеств, как доверие и честность;

– изучить взаимосвязь умственного развития студентов и таких параметров социального взаимодействия, как его субъективная значимость и конкретный способ активности в нем/практика.

В исследовании приняли участие студенты трех вузов: Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (г. Калуга) и Государственного гуманитарно-технологического университета (г. Орехово-Зуево). Общий объем выборки составил 268 человек. Средний возраст испытуемых – 19–20 лет ($M=19,59$; $SD=1,34$; возрастной диапазон от 18 до 27 лет).

Диагностика умственного развития осуществлялась с помощью Теста умственного развития взрослых (ТУРВ) [2]. Тест содержит 7 субтестов: 1) «словарный»; 2) «осведомленность»; 3) «умозаключения»; 4) «классификация»; 5) «анalogии»; 6) «обобщение»; 7) «числовые ряды». Баллы по ключу подсчитываются по каждому субтесту, также рассчитывается суммарный показатель теста.

Оценка уровня принятия таких нравственных нормативов, как честность и доверие, осуществлялась с помощью Опросни-

ка доверительных отношений и Опросника легитимизации нечестности [1].

Опросник доверительных отношений дает характеристику взаимодействия испытуемого с окружающими, выстраиваемого на отношении к ним как к субъектам, заслуживающим доверия, поддержки, интереса, помощи, сочувствия, терпения, сотрудничества. Опросник состоит из 57 утверждений, которые объединяются в пять шкал: 1) «позитивное представление о людях»; 2) «польза от доверительных отношений с людьми»; 3) «позитивное представление о государственных и общественных институтах»; 4) «доверие к себе»; 5) «осторожность как следствие недоверия и представления о человеческой изменчивости». Испытуемый оценивает утверждения в баллах от 0 до 3. При этом ответ «согласен» оценивается в максимальное количество баллов (3 балла), а ответ «не согласен» — в минимальное количество баллов (0 баллов).

Опросник легитимизации нечестности выявляет индивидуальную меру допустимости нарушения такой нравственной нормы во взаимоотношениях с людьми, как честность. Опросник состоит из 33 утверждений и включает пять шкал, диагностирующих такие проявления нечестности, как обман, лицемерие, вероломство, лживость и воровство. Оценка утверждений испытуемых идентична схеме оценки Опросника доверительных отношений.

Для измерения практик социального взаимодействия применялось Диагностическое интервью социального взаимодействия, в основу которого был положен метод типологического описания ряда повседневных социальных ситуаций [3]. Стимульным материалом интервью является описание 20 повседневных социальных ситуаций, потенциально требующих оказания помощи и проявления просоциальной активности со стороны

испытуемого. При этом учитывалось, что индивиды совершают свои поступки, направленные на решение разных проблем, в зависимости от той значимости, которую они придают этим проблемам и тем объектам, которые вовлечены в эти проблемы. Любое социальное действие — результат той оценки, которую индивиды дают этим проблемам [6]. Поэтому первоначально испытуемым предлагалось оценить значимость описанной ситуации. Далее испытуемый должен был оценить в баллах (от 0 до 5) выбор предлагаемых способов ее решения. Среди возможных вариантов решения испытуемому предлагалось намерение ничего не делать, столкнувшись с ситуацией. Другие способы связаны с разными видами активных практик. Один из них — это реализация стремления действовать в одиночку, индивидуально, не вступая во взаимодействие с другими людьми. При выборе этого способа решения испытуемый проявляет намерение взять ответственность за выход из ситуации на себя. Другие варианты действий отражают стремление к установлению разных видов сотрудничества (как непосредственного контакта между людьми, так и опосредованных форм взаимодействия). Первый вариант — это установление горизонтальных связей с окружающими (друзьями, знакомыми, людьми, находящимися рядом и имеющими возможность включиться в решение проблемы) для организации совместных действий с другими людьми. Такой вид взаимодействия был условно обозначен понятием «организатор». Второй вариант практик проявляется в установлении вертикальных связей (с людьми, обладающими более высоким статусом, специальными полномочиями или обязанностями, позволяющими справиться с проблемной ситуацией), он получил условное название «инициатор».

Третий вариант практик заключается в проявлении готовности стать участником совместных действий, организованных другими людьми («участник»).

Субъективная значимость и способ решения ситуации оценивались по шкале от 0 до 5. Оценка «0» означает, что этот вариант действия испытуемый точно не будет предпринимать, а «5» — что он наверняка поступит именно так.

Приведем пример одной из ситуаций и вариантов действия в ней:

На улице Вы видите человека, лежащего на тротуаре.

Варианты действий:

- ничего не буду делать;
- попытаюсь самостоятельно выяснить, что произошло, и помочь;
- позову на помощь прохожих/позвоню в скорую помощь;
- обращусь к полицейским;
- помогу полицейским/врачам, если потребуется.

Статистическая обработка осуществлялась с помощью парного коэффициента корреляции Пирсона, расчеты производились в программе Statistica 10,0.

Результаты

В табл. 1 и 2 представлены результаты корреляционного анализа показателей Теста умственного развития взрослых и методик, диагностирующих уровень принятия таких нормативов, как честность и доверие.

В табл. 1 приведены данные, отражающие характер взаимосвязи умственного развития субъектов социального взаимодействия и их честности по отношению к другим людям.

Поскольку в данном исследовании с помощью парного коэффициента корреляции Пирсона множественно сопоставлялись результаты многошкальных методик, то во избежание ложных выводов относительно гипотез было принято решение, что значение p будет рассматриваться как значимое, если оно будет меньше или равно 0,01.

Таким образом, вычисление коэффициентов корреляции Пирсона показало, что такая характеристика методики Легитимизация нечестности, как «воровство», отрицательно связана на статисти-

Таблица 1

Взаимосвязь показателей методики Легитимизация нечестности и Теста умственного развития взрослых, N=267

ТУРВ	Легитимизация нечестности					Суммарный показатель
	Обман	Лицемерие	Предательство	Лживость	Воровство	
1. Словарный	-0,009	0,092	-0,066	0,060	-0,170**	-0,026
2. Осведомленность	-0,049	-0,035	-0,040	0,088	-0,095	-0,036
3. Умозаключения	-0,009	-0,100	-0,014	-0,036	-0,002	-0,050
4. Классификация	-0,025	0,027	0,035	-0,011	-0,137*	-0,038
5. Аналогии	0,011	0,021	-0,015	0,103	-0,043	0,030
6. Обобщение	-0,021	0,035	-0,068	0,076	-0,155**	-0,037
7. Числовые ряды	-0,099	0,059	-0,004	0,067	-0,140*	-0,037
8. Суммарный показатель	-0,044	0,040	-0,053	0,093	-0,180**	-0,040

Примечание. В таблицах представлены величины парного коэффициента корреляции Пирсона. *** — $p \leq 0,001$; ** — $p \leq 0,01$; * — $p \leq 0,05$.

чески значимом уровне с «суммарным показателем» ТУРВ ($r=-0,180$; $p=0,003$) и показателями таких субтестов, как «словарный» ($r=-0,170$; $p=0,005$) и «обобщение» ($r=-0,155$; $p=0,011$).

Соответственно, можно говорить, что чем выше у субъектов социального взаимодействия общий уровень умственного развития, а также уровень эрудированности и сформированности такой мыслительной операции, как обобщение, тем менее они склонны допускать присвоение чужих материальных ценностей.

Характер взаимосвязи умственного развития субъектов и их доверия, проявляющегося в социальных отношениях, отражают данные, представленные в табл. 2.

Как видно из таблицы, показатель «доверие человека к самому себе» методики Доверительные отношения статистически значимо положительно взаимосвязан с показателями таких мыслительных операций

Теста умственного развития взрослых, как «классификация» ($r=0,158$; $p=0,011$) и «анalogии» ($r=0,166$; $p=0,007$), а также с суммарным показателем теста ($r=0,208$; $p=0,001$). Это означает, что чем лучше студенты мыслят по аналогии и обобщают, а также чем выше в целом уровень их умственного развития, тем более они склонны принимать себя и доверять самому себе.

Уровень словарной осведомленности отрицательно достоверно коррелирует со степенью позитивности представлений о государственных и общественных институтах ($r=-0,158$; $p=0,011$). Это означает, что люди, имеющие высокую словарную эрудированность, в меньшей степени склонны доверять социальным институтам власти.

В свою очередь, показатель «числовые ряды» Теста умственного развития взрослых положительно и достоверно взаимос-

Таблица 2
Взаимосвязь показателей методики Доверительные отношения и Теста умственного развития взрослых, N=261

ТУРВ	Доверительные отношения					
	Позитивные представления о людях	Польза от доверительных отношений с людьми	Позитивное представление о государственных и общественных институтах	Доверие к себе	Осторожность как следствие недоверия	Суммарный показатель
1. Словарный	0,012	0,018	-0,158**	0,146*	-0,014	-0,039
2. Осведомленность	-0,055	-0,103	-0,072	0,072	-0,000	-0,060
3. Умозаключения	0,086	0,110	0,036	0,140*	0,075	0,120
4. Классификация	0,009	0,007	-0,104	0,158**	0,108	0,026
5. Аналогии	0,007	-0,090	-0,093	0,166**	0,100	0,010
6. Обобщение	0,105	0,094	-0,076	0,150*	0,100	0,084
7. Числовые ряды	0,070	-0,099	0,034	0,136*	0,152**	0,092
8. Суммарный показатель	0,064	0,001	-0,103	0,208***	0,111	0,053

Примечание. В таблицах представлены величины парного коэффициента корреляции Пирсона. *** – $p \leq 0,001$; ** – $p \leq 0,01$; * – $p \leq 0,05$.

вязан с показателем «осторожность как следствие недоверия» методики Доверительные отношения ($r=0,152$; $p=0,014$). Это позволяет утверждать, что чем лучше субъект оперирует числами и индуктивно мыслит, склонен к техническим видам деятельности, тем более он недоверчив и осторожен в социальном взаимодействии.

Взаимосвязь умственного развития и характера социальной активности субъектов отражают данные табл. 3.

Из табл. 3 видно, что показатель «значимость ситуации» Диагностического интервью социального взаимодействия достоверно отрицательно коррелирует с такими показателями Теста умственного развития взрослых, как «классификация» ($r=-0,172$; $p=0,005$) и «анalogии» ($r=-0,203$; $p=0,001$). С этими же показателями положительно достоверно коррелирует показатель «ничего не делать» Диагностического интервью («классификация» ($r=0,237$; $p=0,000$), «анalogии» ($r=0,169$; $p=0,006$)).

Таким образом, можно утверждать, что чем хуже субъект выделяет общий

признак и распределяет предметы и явления действительности по группам и классам, а также устанавливает аналогии, тем более значимо для него социальное взаимодействие в различных повседневных ситуациях и шире диапазон ситуаций, которые он определяет для себя как важные. В то же самое время чем лучше у студента развиты эти мыслительные операции, тем более он склонен проявлять пассивность, безучастность в социальном взаимодействии.

Обсуждение результатов

Использование корреляционного анализа в исследовании наложило определенные ограничения на интерпретацию причинно-следственных связей между переменными. Однако опираясь на теоретический анализ точек зрения авторов, представленных выше, было принято решение при интерпретации данных умственное развитие рассматривать как не-

Таблица 3

Взаимосвязь показателей Диагностического интервью социального взаимодействия и Теста умственного развития взрослых, N=265

ТУРВ	Стратегии социального взаимодействия					
	Значимость ситуации	Ничего не делать	Индивидуальные действия	Организатор	Инициатор	Участник
1. Словарный	-0,026	0,057	0,021	-0,003	0,020	0,014
2. Осведомленность	-0,145*	0,084	-0,027	-0,113	-0,099	-0,040
3. Умозаключения	-0,079	0,086	-0,030	-0,087	-0,073	-0,028
4. Классификация	-0,172**	0,237***	-0,102	-0,134*	-0,148*	0,022
5. Аналогии	-0,203***	0,169**	-0,107	-0,144*	-0,146*	-0,012
6. Обобщение	0,030	0,004	0,055	0,022	0,039	0,049
7. Числовые ряды	-0,143*	0,128*	-0,086	-0,129*	-0,139*	-0,065
8. Суммарный показатель	-0,124*	0,133*	-0,034	-0,097	-0,084	-0,002

Примечание. В таблицах представлены величины парного коэффициента корреляции Пирсона. *** – $p \leq 0,001$; ** – $p \leq 0,01$; * – $p \leq 0,05$.

зависимую переменную, а моральные качества субъекта и практики социального взаимодействия понимать как зависимые переменные в данном исследовании.

Таким образом, есть основания утверждать, что низкий общий уровень умственного развития, а также недостаточная образованность, проявляющаяся в низкой словарной эрудированности, и неспособность обобщать предметы и явления действительности на основе существенных признаков выступают в качестве когнитивной основы допущения в социальном взаимодействии такого проявления нечестности, как присвоение чужих материальных ценностей.

Также определенные аспекты доверия в социальном взаимодействии находятся во взаимосвязи с уровнем умственного развития. А именно: высокая словарная эрудированность субъекта отрицательно сказывается на формировании позитивного представления о государственных и общественных институтах и, как следствие, доверия к ним. Интересным является сопоставление полученного результата с результатами исследований, проведенных в США и Нидерландах. Так, на американской выборке была обнаружена сильная положительная связь между уровнем генерализованного доверия и словарной осведомленностью [21]. В свою очередь, М. Хуг, С. Мартен и Т. Де Врум установили, что существуют устойчивые прямые связи между уровнем образования, которое обуславливает эрудированность субъекта, и уровнем доверия, а также что когнитивные способности положительно связаны с общим доверием и доверием к политическим системам [22, с. 9]. В совокупности эти результаты подтверждают существование когнитивной основы доверия. В то же самое время разный характер этих взаимосвязей может быть обусловлен влиянием целого ряда опосредующих

факторов, требующих дополнительного изучения и, возможно, связанных с менталитетом граждан, историческими особенностями формирования отношения общества и различных его слоев к власти.

Способность же классифицировать, мыслить по аналогии и в целом умственное развитие можно рассматривать как когнитивный фактор доверия субъекта к самому себе.

Интересной оказалась взаимосвязь способности оперировать числами и устанавливать логические закономерности с уровнем недоверия в социальном взаимодействии и, как следствие, с осторожностью в нем. Возможны несколько вариантов объяснения этого результата. Можно предположить, что он является следствием определенной направленности и личностных особенностей студентов: люди с техническим складом ума в меньшей степени, чем гуманитарии, склонны к общению и ориентированы на других людей, поэтому недоверчивы по отношению к ним. В то же самое время в общении имеет место социальная перцепция, одной из функций которой являются познание собеседника, ориентировка в нем и, как следствие, формирование определенного представления и отношения к нему, в том числе и недоверия. Возможно, что оперирование числами и формирование недоверия к партнеру по общению имеют общую составляющую, которая и обуславливает выявленную взаимосвязь. В качестве такой составляющей может выступать способность мыслить логически, выводить общее из частного, что, с одной стороны, позволяет выявить общую закономерность изменения чисел в числовом ряду и завершить его, а с другой стороны, сформировать общее представление о другом человеке, отношение к нему, опираясь на последовательный анализ отдельных его поступков и действий.

Было установлено, что уровень субъективной значимости ситуаций социального взаимодействия, предполагающих оказание помощи другим, и уровень активности в них оказались отрицательно взаимосвязаны со степенью сформированности таких мыслительных операций, как классификация и нахождение аналогий. Необходимо отметить, что в данном случае речь идет о неинституализированном социальном взаимодействии. Поэтому есть возможность утверждать, что данные мыслительные операции принимают участие в интеллектуальной оценке ситуации неинституализированного взаимодействия и в прогнозировании последствий своей активности в ней.

Однако достоверных результатов на уровне $p \leq 0,01$, свидетельствующих о связи умственного развития с выбором конкретного способа активности в ситуации социального взаимодействия, получено не было.

Необходимо отметить, что данный характер взаимосвязей присущ именно юношескому возрасту, и, возможно, в другие возрастные периоды он иной. На рассмотрение возраста испытуемых как ограничения в интерпретации результатов подталкивают результаты исследования, говорящие о том, что с возрастом способность обманывать развивается, меняется «когнитивная нагрузка» действий обмана [29].

Выводы

1. В целом полученные результаты подтвердили гипотезу о взаимосвязи уровня умственного развития студентов и уровня принятия таких моральных качеств, как доверие и честность.

Когнитивная составляющая в виде эрудированности, отдельных мыслительных операций и общего уровня умственного развития выявлена в недопущении

такого проявления нечестности, как присвоение чужой материальной ценности, а также в формировании осторожности в социальном взаимодействии, доверия человека к самому себе, к другим людям и представлений о государственных и общественных институтах.

2. Нашла подтверждение в исследовании и гипотеза о взаимосвязи умственного развития студентов и такого параметра социального взаимодействия, как его субъективная значимость. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что умственное развитие выполняет селективную функцию и позволяет дифференцировать ситуации по степени их важности для субъекта, определяет избирательность его социального реагирования, задает уровень его активности в конкретной ситуации взаимодействия.

В целом выявленные взаимосвязи позволяют утверждать, что умственное развитие следует рассматривать как фактор, одновременно детерминирующий усвоение морально-нравственных норм и их актуализацию в форме просоциальной активности.

В современном мире, лишенном диктата традиций и характеризующемся вариативностью и свободой выбора во всех сферах жизнедеятельности, самостоятельное мышление субъекта является важнейшим условием его существования и развития. Только самостоятельно мыслящая личность способна правильно ориентироваться в больших потоках информации, осуществлять ее анализ, отбор и принимать правильное решение, в противном случае она становится легким объектом манипулирования.

В качестве дальнейших перспектив исследования определяется изучение взаимосвязи умственного развития студентов и проявления конформности в социальном взаимодействии.

Литература

1. *Акимова М.К., Горбачева Е.И.* Нормативный подход в диагностике: обоснование и разработка методики // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 2. С. 45–56.
2. *Акимова М.К., Горбачёва Е.И., Козлова В.Т., Ференс Н.А.* Тест умственного развития взрослых: теоретические подходы к конструированию и психометрическая квалификация // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 51–61.
3. *Акимова М.К., Персиянцева С.В.* Влияние субъективных оценок значимости проблемных ситуаций на механизмы социального взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2018. Т. 11. № 1. С. 89–98. DOI:10.28995/2073-6398-2018-1-89-98
4. *Балабанова Е.С.* Личностные и групповые факторы развития социальной активности молодежи // Материалы V Международной научно-практической конференции «Приоритетные направления развития науки и образования» (г. Чебоксары, 12 июня 2015 г.). Т. 5. № 2. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 226–229.
5. *Балог А.И.* Формирование социальной активности молодежи: особенности, структура и мотивы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С. 85–89.
6. *Блумер Г.* Символический интеракционизм: перспектива и метод: Пер. с англ. М.: Элементарные формы, 2017. 344 с.
7. *Горбачева Е.И.* Психологические закономерности идентификации ситуации морального выбора в многозначном контексте задачи социального взаимодействия // Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета. 2016. № 12. С. 51–55.
8. *Гулевич О.А., Сариева И.Р.* Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 74–92. DOI:10.17759/sps.2020110205
9. *Гуревич К.М.* Дифференциальная психология и психодиагностика. СПб.: Питер, 2008. 547 с.
10. *Князева Т.Н., Сидорина Е.В.* Понимание морально-нравственных категорий младшими школьниками в структуре развития морального интеллекта // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 15–36.
11. *Коулмен Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
12. *Молчанов С.В.* Условия и факторы решения моральных дилемм в подростковом возрасте // Национальный психологический журнал. 2014. № 4(16). С. 42–51.
13. *Пиаже Ж.* Моральное суждение у ребенка: Пер. с фр. М.: Академический проект, 2006. 480 с.
14. *Субботский Е.В., Чеснокова О.Б.* Совместимы ли социальный интеллект и мораль? // Национальный психологический журнал. 2011. № 1(5). С. 8–13.
15. *Сычев О.А., Белоусов К.И., Протасова И.Н.* Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 60–77. DOI:10.17223/17267080/73/4
16. *Щемелева И.И.* Социальная активность студенческой молодежи: факторный и кластерный анализ // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 133–141. DOI:10.31857/S013216250004594-6
17. *Alvin W. Gouldner.* The Norm of Reciprocity: A Preliminary Statement // American Sociological Review. 1960. Vol. 25. No. 2. P. 161–178.
18. *Beauchamp T.L.* Philosophical ethics: An introduction to moral philosophy. Boston: McGraw-Hill, 2001. 416 p.
19. *Berkowitz L., Daniels L.R.* Affecting the salience of the social responsibility norm: effects of past help on the response to dependency relationships // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1964. Vol. 68. No. 3. P. 275–281. DOI:10.1037/h0040164

20. Bocian K., Baryla W., Wojciszke B. Egocentrism shapes moral judgements // *Social and Personality Psychology Compass*. 2020. Vol. 14. No. 12. P. 1–14. DOI:10.1111/spc3.12572
21. Carl N., Billari F.C. Generalized Trust and Intelligence in the United States // *PLOS ONE*. 2014. Vol. 9(3). P. e91786. DOI:10.1371/journal.pone.0091786
22. Hooghe M., Marien S., de Vroome T. The cognitive basis of trust. The relation between education, cognitive ability, and generalized and political trust // *Intelligence*. 2012. Vol. 40. No. 6. P. 604–613. DOI:10.1016/j.intell.2012.08.006
23. Lennick D., Kiel F. *Moral Intelligence: Enhancing business performance and leadership success*. Upper Saddle River, NJ: Wharton School Publishing, 2005. 306 p.
24. Lennick D., Kiel F. *Moral Intelligence and successful leadership: Leading and living in alignment with Universal Human Principles // Leader to Leader*. 2006. No. 40. P. 13–16.
25. Ling G. The meaning and measurement of moral judgment competence revisited – A dual-aspect model / In D. Fasco & W. Willis (Eds.) // *Contemporary philosophical and psychological perspectives on moral development and education*. Cresskill, NJ: Hampton Press, 2008. P. 185–220.
26. Purzycki B.G. [et al.] The cognitive and cultural foundations of moral behavior // *Evolution and Human Behavior*. 2018. Vol. 39. No. 5. P. 1–26. DOI:10.1016/j.evolhumbehav.2018.04.004
27. Shamionov R.M., Grigoryev A.V. The image of socially active individual in the representations of student youth // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*. 2019. Vol. 7. No. 1. P. 15–20. DOI:10.5937/IJCRSEE1901015S
28. Thijssen S. [et al.] The honest truth about deception: Demographic, cognitive, and neural correlates of child repeated deceptive behavior // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2017. Vol. 162. P. 225–241. DOI:https://doi.org/10.1016/j.jecp.2017.05.009
29. Walczyk J.J., Fargerson C. A cognitive framework for understanding development of the ability to deceive // *New Ideas in Psychology*. 2019. Vol. 54. P. 82–92. DOI:10.1016/j.newideapsych.2019.02.003
30. Yeshpanova D., Narbekova G., Biyekenova N., Kuchinskaya J., Mukanova O. Social Activity Of Youth In Social And Cultural Measurement // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 140. P. 109–114. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.04.394

References

1. Akimova M.K., Gorbachiova E.I. Normativnyi podkhod v diagnostike: obosnovanie i razrabotka metodiki [Normative approach in diagnostics: justification and development of the methodology]. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 2013. Vol. 6, no. 2, pp. 45–56. (In Russ.).
2. Akimova M.K., Gorbachiova E.I., Kozlova V.T., Ferens N.A. Test umstvennogo razvitiya vzroslykh: teoreticheskaya podkhody k konstruirovaniyu i psikhometricheskaya kvalifikatsiya [A test of mental development in adults: theoretical approaches to constructing and psychometric qualification]. *Voprosy psikhologii = Question of psychology*, 2010, no. 5, pp. 51–61. (In Russ.).
3. Akimova M.K., Persiyantseva S.V. Vliyanie sub"ektivnykh otsenok znachimosti problemnykh situatsii na mekhanizmy sotsial'nogo vzaimodeistviya [The influence of subjective assessments of the importance of problem situations on the mechanisms of social interaction]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie = Bulletin of RGGU. Series: Psychology. Pedagogy. Education*, 2018. Vol. 11, no. 1, pp. 89–98. (In Russ.). DOI:10.28995/2073-6398-2018-1-89-98
4. Balabanova E.S. Lichnostnye i grupповые факторы razvitiya sotsial'noi aktivnosti molodezhi [Personality and group factors in the development of social activity of youth]. *Materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya»* (g. Cheboksary, 12 iyunya 2015 g.) [Proceedings of the V international scientific and practical conference “Priority directions of development of science and education”]. Cheboksary: CNS «Interactive plus» Publ., 2015. Vol. 5, no. 2, pp. 226–229.

5. Balog A.I. Formirovanie sotsial'noi aktivnosti molodezhi: osobennosti, struktura i motivy [Formation of youth's social activity: features, structure and motives]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-economic and Social Sciences*, 2015, no. 11, pp. 85–89. (In Russ.).
6. Blumer H. Simvolicheskii interaktsionizm: perspektiva i metod [Symbolic Interactionism: Perspective and Method]. Moscow: Elementarnye formy, 2017. 344 p. (In Russ.).
7. Gorbacheva E.I. Psikhologicheskie zakonomernosti identifikatsii situatsii moral'nogo vybora v mnogoznachnom kontekste zadachi sotsial'nogo vzaimodeistviya [Psychological Patterns of Identification of the Moral Choice Situation in the Multivalued Context of a Social Interaction Task]. *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy mental'nosti/mentaliteta = Socio-psychological Problems of Mentality*, 2016, no. 12, pp. 51–55. (In Russ.).
8. Gulevich O.A., Sarieva I.R. Sotsial'nye verovaniya, politicheskoe doverie i gotovnost' k politicheskomu povedeniyu: sravnenie Rossii i Ukrainy [Social beliefs, political trust and readiness to participate in political actions: comparison of Russia and Ukraine]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 74–92. (In Russ.). DOI:10.17759/sps.2020110205
9. Gurevich K.M. Differentsial'naya psikhologiya i psikhodiagnostika [Differential psychology and psychodiagnostics]. Saint Petersburg: Piter, 2008. 547 p. (In Russ.).
10. Knyazeva T.N., Sidorina E.V. Ponimanie moral'no-nravstvennykh kategorii mladshimi shkol'nikami v strukture razvitiya moral'nogo intellekta [Understanding the Moral Categories of Primary School Children in the Structure of the development of moral intelligence]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education. Surgery*, 2014, no. 6, pp. 15–36. (In Russ.).
11. Koulmen Dzh. Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii [Social and Human Capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, 2001, no. 3, pp. 122–139. (In Russ.).
12. Molchanov S.V. Usloviya i faktory resheniya moral'nykh dilemm v podrostkovom vozraste [Conditions and Factors for Solving Moral Dilemmas in Adolescence]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2014, no. 4(16), pp. 42–51. (In Russ.).
13. Piazhe Zh. Moral'noe suzhenie u rebenka [Moral judgment in a child]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2006. 480 p. (In Russ.).
14. Subbotskii E.V., Chesnokova O.B. Sovmestimy li sotsial'nyi intellekt i moral'? [Can social intelligence and moral norms be compatible?]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2011, no. 1(5), pp. 8–13. (In Russ.).
15. Sychev O.A., Belousov K.I., Protasova I.N. Tsennostnye i moral'nye osnovy sotsial'no-politicheskikh vzglyadov molodezhi [Values and Moral Foundations as a Basis for the Socio-Political Views of Youth]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian journal of psychology*, 2019, no. 73, pp. 60–77. DOI:10.17223/17267080/73/4 (In Russ.).
16. Shchemeleva I.I. Sotsial'naya aktivnost' studencheskoi molodezhi: faktornyi i klasternyi analiz [Social activity of the student youth: factor and cluster analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*, 2019, no. 4, pp. 133–141. DOI:10.31857/S013216250004594-6 (In Russ.).
17. Alvin W. Gouldner. The Norm of Reciprocity: A Preliminary Statement. *American Sociological Review*, 1960. Vol. 25, no. 2, pp. 161–178.
18. Beauchamp T.L. Philosophical ethics: An introduction to moral philosophy. Boston: McGraw-Hill. 2001. 416 p.
19. Berkowitz L., Daniels L.R. Affecting the salience of the social responsibility norm: effects of past help on the response to dependency relationships. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1964. Vol. 68, no. 3, pp. 275–281. DOI:10.1037/h0040164
20. Bocian K., Baryla W., Wojciszke B. Egocentrism shapes moral judgements. *Social and Personality Psychology Compass*, 2020. Vol. 14, no. 12, pp. 1–14. DOI:10.1111/spc3.12572

21. Carl N., Billari F.C. Generalized Trust and Intelligence in the United States. *PLOS ONE*, 2014. Vol. 9, no. 3, p. e91786. DOI:10.1371/journal.pone.0091786
22. Hooghe M., Marien S., de Vroome T. The cognitive basis of trust. The relation between education, cognitive ability, and generalized and political trust. *Intelligence*, 2012. Vol. 40, no. 6, pp. 604–613. DOI:10.1016/j.intell.2012.08.006
23. Lennick D., Kiel F. *Moral Intelligence: Enhancing business performance and leadership success*. Upper Saddle River, NJ: Wharton School Publishing, 2005. 306 p.
24. Lennick D., Kiel F. Moral Intelligence and successful leadership: Leading and living in alignment with Universal Human Principles. *Leader to Leader*, 2006, no. 40, pp. 13–16.
25. Ling G. The meaning and measurement of moral judgment competence revisited – A dual-aspect model. In D. Fasco & W. Willis (Eds.). *Contemporary philosophical and psychological perspectives on moral development and education*. Cresshill, NJ: Hampton Press, 2008, pp. 185–220.
26. Purzycki B.G. [et al.] The cognitive and cultural foundations of moral behavior. *Evolution and Human Behavior*, 2018. Vol. 39, no. 5, pp. 1–26. DOI:10.1016/j.evolhumbehav.2018.04.004
27. Shamionov R.M., Grigoryev A.V. The image of socially active individual in the representations of student youth. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*, 2019. Vol. 7, no. 1, pp. 15–20. DOI:10.5937/IJCRSEE1901015S
28. Thijssen S. [et al.] The honest truth about deception: Demographic, cognitive, and neural correlates of child repeated deceptive behavior. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2017. Vol. 162, pp. 225–241. DOI:10.1016/j.jecp.2017.05.009
29. Walczyk J.J., Fargerson C. A cognitive framework for understanding development of the ability to deceive. *New Ideas in Psychology*, 2019. Vol. 54, pp. 82–92. DOI:10.1016/j.newideapsych.2019.02.003
30. Yeshpanova D., Narbekova G., Biyekenova N., Kuchinskaya J., Mukanova O. Social Activity Of Youth In Social And Cultural Measurement. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014. Vol. 140, pp. 109–114. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.04.394

Информация об авторах

Акимова Маргарита Константиновна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии и психодиагностики, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГБОУ ВО РГГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3276-9108>, e-mail: m.k.akimova@rambler.ru

Галстян Ольга Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и социальной педагогики, ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет» (ГОУ ВО МО ПГТУ), г. Орехово-Зуево, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3371-2181>, e-mail: o-galstyan@yandex.ru

Information about the authors

Margarita K. Akimova, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General Psychology and Psychodiagnostics, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3276-9108>, e-mail: m.k.akimova@rambler.ru

Olga A. Galstyan, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of Department of Social Pedagogy and Psychology, State University of Humanities and Technology (GGTU), Orekhovo-Zuevo, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3371-2181>, e-mail: o-galstyan@yandex.ru

Получена 19.11.2020

Принята в печать 20.01.2021

Received 19.11.2020

Accepted 20.01.2021

Сравнительный анализ культурных представлений творческой молодежи о российской, западной и восточной цивилизациях

Литвинов В.Ю.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7968-2408>, e-mail: volodimir.litvinov@gmail.com

Матвеева Л.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5753-1668>, e-mail: matweeva-com@yandex.ru

Цель. Сравнительный анализ культурных представлений о российской, западной и восточной цивилизациях у творческой молодежи г. Москвы.

Контекст и актуальность. Цивилизационная идентичность является важной составляющей при формировании картины мира индивида. Понимание и принятие культурных особенностей собственной цивилизации способствуют сохранению устойчивости личностной и социальной идентичности. Но не менее важно понимание отличий от других цивилизаций, сравнение с ними.

Дизайн исследования. В работе изучалась связь между различными компонентами культурных представлений цивилизаций. Наличие и характер взаимосвязи проверялись через корреляционный, качественный и контент-анализ.

Участники. 200 человек (43% мужчин, 57% женщин) от 18 до 22 лет, студенты творческих вузов г. Москвы, обучающиеся по программам подготовки будущих работников СМИ.

Методы (инструменты). Исследование проводилось методом анкетирования, включающего ассоциативный метод, метод неоконченных предложений, закрытые и открытые вопросы.

Результаты. Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что культурные представления российской молодежи качественно отличаются для каждой из представленных цивилизаций. Кроме того, выяснилось, что присутствуют различия, связанные с гендерной принадлежностью. Для мужчин российская и восточная цивилизации оказались наиболее близки по социально-этическому компоненту, а для девушек оказался более привлекательным образ западной цивилизации.

Основные выводы. Существует качественное различие между культурными представлениями о российской, западной и восточной цивилизациях у российской молодежи.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, российская цивилизация, восточная цивилизация, западная цивилизация, культурные представления, образ мира, идентичность.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-313-90069.

Для цитаты: Литвинов В.Ю., Матвеева Л.В. Сравнительный анализ культурных представлений творческой молодежи о российской, западной и восточной цивилизациях // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 177–197. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120112>

A Comparative Analysis of Culture Beliefs about Russia's, Western and Eastern Civilizations among Creative Youth

Vladimir U. Litvinov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7968-2408>, e-mail: volodimir.litvinov@gmail.com

Lidia V. Matveeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5753-1668>, e-mail: matveeva-com@yandex.ru

Objective. *The aim of this research was a comparative analysis of culture beliefs about Russia's, Eastern and Western civilizations among the youth of Moscow City.*

Background. *Civilization identity is the a basic constituent in forming of individual's image of the world. Understanding and acceptance of civilization's cultural particularities helps to save personal and social identity's stability. But understanding of differences from other civilizations and comparison with them is no less important.*

Study design. *The study examined the relationship between the various components of the cultural representations of civilizations. The presence and nature of the relationship was checked through correlation, qualitative and content analysis.*

Participants. *200 people (43% of men, 57% of women) from 18 to 2 years old, students of creative universities in Moscow, studying under the training programs for future media workers.*

Measurements. *The study was carried out by the method of questioning, including the associative method, the method of unfinished sentences, closed and open questions.*

Results. *The research's results proved the hypothesis that culture beliefs of Russia's youth are qualitatively different for each of the presented civilizations. Besides, the research discovered differences related to gender. Russia's and Eastern civilizations turned out to be the closest for male according to the research's results, and for female — Russia's and Western civilizations respectively.*

Conclusions. *There is a qualitative difference between the cultural ideas of Russian, Western and Eastern civilizations among Russian youth.*

Keywords: *civilizational identity, Russian civilization, Eastern civilization, Western civilization, cultural representations, the image of the world, identity.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-313-90069.

For citation: Litvinov V.U., Matveeva L.V. A Comparative Analysis of Culture Beliefs about Russia's, Western and Eastern Civilizations among Creative Youth. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 177–197. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120112> (In Russ.).

Введение

Активные процессы глобализации, обусловленные спецификой интенсивного развития научно-технических ресурсов, обеспечивают трансформацию традиционно развивающихся коммуникативных и информационных процессов.

Все больше возрастает конкуренция за владение информационным пространством и распространение медиаконтента, что приводит к обострению противоречий между различными государствами, а в глобальном смысле такого рода противостояние можно назвать новым столкновением цивилизаций [13].

Всего существуют два подхода к рассмотрению цивилизационной концепции: моноцивилизационный и полицивилизационный. В последние годы современные социогуманитарные исследования обращены на развитие идей концепции моноцивилизационного подхода. Данные идеи основываются на теориях межкультурного взаимодействия и смешения культур. И в целом данное направление можно обозначить как «глобализационное», или основанное на концепции «культурного трансфера» [7; 19]. На первый план выходит уже не изучение межкультурных различий, а обращение внимания на внутрикультурные различия ценностных ориентаций и поведенческих стратегий, характерные, например, для различных регионов России [5].

Последователи такого глобализационного подхода, единой планетарной идентичности также отмечают, что на довольно коротком промежутке времени происходит изменение некоторых свойств общественной жизни, характеризующих определенную культуру [16]. В основном изменению подвергаются именно внешние культурные элементы и некоторые поведенческие стереотипы. А наиболее устойчивы уже внутренние, ядерные конструкции, такие как религиозные традиции, культурные ценности. Они, напротив, усиливаются и утверждаются в своих более радикальных вариациях [30; 33; 37].

Активно понятие «цивилизации» стало использоваться с середины XVIII века, и в дальнейшем его распространение было связано с определением особого пути России, противопоставлением России Западу [6; 29]. В полемике выделения особого пути России участвовало множество известных исследователей прошлого (Н.Я. Данилевский, П.А. Сорокин, Д.С. Лихачев), но сейчас

данная проблема с новой силой активно поднимается современными исследователями совершенно различных научных направлений (В.С. Степин, А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский, А.Г. Дугин, Е.Ю. Спицын, А.П. Паршев, Ю.В. Шалыганов, С.Г. Кара-Мурза). Это подтверждает актуальность данной проблемы и применимость цивилизационного подхода в современных исследованиях. Поэтому теоретической конструкцией данного эмпирического исследования был выбран именно цивилизационный подход.

В концепции междисциплинарной исследовательской программы «Цивилизационное наследие России» цивилизацию определяют через совокупность специфических экономических, социальных, политических, духовно-нравственных структур, которые отличают одни исторические и национальные общности людей от других [22].

Для цивилизации характерна особая картина мира, содержащая в себе целый комплекс представлений данного общества о внешнем мире, о его пространственном и временном наполнении. Она включает в себя осознание общности для конкретного народа, который и составляет эту цивилизацию [28; 32].

Полицивилизационный подход в развитии общества предполагает существование как минимум двух цивилизаций, функционирующих в один исторический период. Обычно в качестве таких цивилизаций принято выделять западную и восточную [12; 23]. Если для западной цивилизации характерны идеи господства человека над природой, то восточная цивилизация, напротив, активно противопоставляется данным идеям, ставя во главу угла идеалы коэволюции общества и природы [25].

Г. Хофстеде была разработана теория культурных измерений, позволяющая

сравнивать культурно-психологические особенности различных стран и цивилизаций [35]. При сопоставлении данных культурных характеристик можно обнаружить, что по показателям индивидуализм и дистанция власти страны мира четко разделяются на две мегацивилизации Востока и Запада. Но особо следует отметить, что Россия располагается по данным показателям непосредственно посередине между ними, на некотором расстоянии и от западных, и от восточных стран [1; 14]. Россия представляет собой «культурный мост» между западной и восточной цивилизациями [15; 17]. Что позволяет выделить ее в отдельный третий тип российско-славянской цивилизации.

В данном контексте важно обозначить главную проблему, связанную с тем, что процесс активной глобализации приводит к нарушению структуры идентичности человека. Информационная война государств приводит к тому, что индивид теряет во всем многообразии различных идентичностей, что приводит к личностному кризису и затем к социальным проблемам всего общества. Важность идентификации индивида со своей страной, с той цивилизацией, к которой он принадлежит, невозможно переоценить. Так как именно она задает начальные координаты его картины мира и дальнейшей поведенческой модели.

В психологическом аспекте идентичность можно представить как особое состояние сознания, в котором знак равенства ставится между самим собой и «другим», самообраз приравнивается к усвоенному идеалу или особому набору константных качеств и характеристик, обеспечивающих это тождество [2; 21].

Одним из главных основоположников проблематики цивилизационной идентичности можно назвать С. Хантингтона. Цивилизационную идентич-

ность он определяет как «самое большое “мы”, где человек чувствует себя в культурном отношении дома, и одновременно то, что отделяет нас от всех “них” — тех, что вовне» [31]. Если говорить о русской цивилизационной идентичности, то она связывается не с признанием западных ценностей, а со стратегией внутреннего саморазвития, поиском собственного пути, который определяется исконно русскими базовыми ценностями [10; 11].

В связи с чем важно понимать, как различаются культурные представления у граждан нашей страны о России, западной и восточной цивилизациях. Здесь следует подчеркнуть то, что культурные представления следует различать с непосредственно социальными представлениями. Культурные представления можно определить как отраженные в сознании образы явлений и феноменов культуры с фиксированным в определенной степени, но в то же время уникальным социокультурным значением. Они отражают, с одной стороны, основные ценностные ориентиры определенной культуры (цивилизации, страны), а с другой стороны, индивидуальный опыт и личные впечатления индивида [12]. И данные культурные представления складываются на основе культурных различий между, в том числе, рассматриваемыми цивилизациями. Поэтому проведенный теоретический анализ позволяет говорить о том, что сравнение культурных представлений о России с другими странами дает возможность оценить основу целостного образа России и ее имиджа как одного из важнейших факторов обеспечения ее процветания [9].

Особенно важной при изучении культурных представлений является проблема формирования и развития идентичности у молодежи как наиболее уязвимой к

психологическому воздействию категории индивидов [8; 24; 34; 36].

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы провести сравнительный анализ культурных представлений о российской, западной и восточной цивилизациях у творческой молодежи г. Москвы, которая в ближайшей перспективе будет формировать содержание медийного информационного пространства страны.

Основная гипотеза исследования состояла в том, что оценки культурных представлений будут существенно различаться для каждой из представленных цивилизаций, но российская и восточная цивилизации будут иметь качественно меньше различий, чем российская и западная.

Метод

Выборка исследования. Участниками исследования являлись студенты творческих вузов Москвы, обучающиеся по программам подготовки будущих работников СМИ. Всего в исследовании принимали участие 200 человек. Из них мужчины составляли 43%, а женщины — 57%. Средний возраст участников располагался в диапазоне от 18 до 22 лет.

Методы исследования. В ходе исследования был использован метод анкетирования, включающий: ассоциативный метод, метод неоконченных предложений, закрытые и открытые вопросы и задания по формированию образов героев, экспертов, социально значимых лиц. Анкета состояла из 4 разделов, раскрывающих собой структуру представлений об образе страны, который выражает определенную цивилизацию. Данная структура строилась на основании исследований ученых из различных научных дисциплин, посвященных проблеме цивилизационного развития и идентичности [2;

3; 6; 7; 10; 11; 14; 15; 17; 18; 22; 23; 33; 35; 37]. Валидизация метода обеспечивается тем, что такая структура анкеты прошла апробацию в исследованиях Е.Н. Богдан по изучению медиаобраза России в СМИ [3] и Л.В. Матвеевой с коллегами по изучению образа России [18].

Схема проведения исследования.

Процедура исследования была представлена следующим образом. Перед началом работы с участниками исследования была проведена установочная беседа, в ходе которой были разъяснены основные понятия и концепции, связанные с цивилизационным подходом. Затем респондентам для заполнения были предложены 4 основных блока анкеты, представляющие собой содержание образа страны с позиции собственных представлений по каждой цивилизации: историко-природному компоненту, культурно-лингвистическому компоненту, социально-этическому компоненту и компоненту персоналий.

В каждом блоке участникам исследования необходимо было закончить предложение по предложенному элементу структуры анкеты. Сначала респонденты оценивали данную структуру для российской цивилизации, затем для западной и восточной. После заполнения анкеты была проведена статистическая обработка данных, полученных в ходе применения контент-анализа по группам мужской и женской выборки. В качестве единицы счета принимались слова и словосочетания, отражающие ценностно-смысловые характеристики представлений об объектах исследования, для которых подчитывалась относительная частота встречаемости ($Fo(i)$) [4]. Для сравнения количественной значимости различий результатов между тремя цивилизациями был использован корреляционный анализ.

Результаты

Данные, полученные по результатам анкетирования, подвергались корреляционному анализу. По итогам были получены следующие результаты у мужчин (табл. 1).

Уровень значимости соответствует тому ($<0,01$), что между значениями трех цивилизаций у мужчин прослеживается значимая связь. Но в общем и целом уровень корреляции достаточно слабый ($<0,5$) и существенно не отличается при сопоставлении пар значений каждой из цивилизаций.

Для женской части выборки получаются практически такие же результаты (табл. 2).

Уровень значимости также соответствует принятию альтернативной гипотезы ($<0,01$). Но корреляционная связь и здесь достаточно слабая между всеми парами цивилизаций.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что между ответами участников исследования о культурных представлениях разных цивилизаций существует связь. Но кор-

реляционная связь достаточно несущественная, что подтверждает основную гипотезу исследования.

Историко-природный компонент: элементы пространства и времени. В историко-природном компоненте первый элемент представлял собой «Пространство». В нем было представлено две категории — размер и расположение (рис. 1).

Для творческой молодежи (будущие работники СМИ) размер территории оказался особо значимым при оценке восприятия образа цивилизации. Различия проявляются на гендерном уровне: для мужчин данная категория основополагающая при описании всех трех объектов, а для женщин данная категория важна только при оценке российской цивилизации (для западной и восточной цивилизаций более существенной оказывается категория расположения).

В элементе времени представлены аспекты прошлого, настоящего и будущего цивилизаций (рис. 2).

Наибольшее эмоциональное отношение у респондентов обращено к

Таблица 1

Корреляционный анализ категориальной структуры восприятия мужчинами российской, западной и восточной цивилизаций

Показатели		Цивилизации		
		Российская	Западная	Восточная
Российская	Корреляция Пирсона	1	0,433	0,365
	Значимость (двухсторонняя)	-	0,000	0,000
	N	86	86	86
Западная	Корреляция Пирсона	0,433	1	0,453
	Значимость (двухсторонняя)	0,000	-	0,000
	N	86	86	86
Восточная	Корреляция Пирсона	0,365	0,453	1
	Значимость (двухсторонняя)	0,000	0,000	-
	N	86	86	86

Примечание. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

прошлому российской цивилизации. Девушкам не свойственно эмоционально оценивать прошлое других цивилизаций. Но они часто используют категорию исторических этапов, которая имеет крайне дифференцированную структуру. Мужчинам такая структура свойственна только в отношении к восточной цивилизации. Отдельно выде-

ляется и категория войн и революций. По мнению участников исследования, прошлое всех трех цивилизаций неразрывно связано с моментами военных конфликтов.

Настоящее трех цивилизаций для участников исследования делится в основном на эмоциональный и когнитивный компоненты (рис. 3).

Таблица 2
Корреляционный анализ категориальной структуры восприятия женщинами российской, западной и восточной цивилизаций

Показатели		Цивилизации		
		Российская	Западная	Восточная
Российская	Корреляция Пирсона	1	0,359	0,339
	Значимость (двухсторонняя)	-	0,000	0,000
	N	114	114	114
Западная	Корреляция Пирсона	0,359	1	0,394
	Значимость (двухсторонняя)	0,000	-	0,000
	N	114	114	114
Восточная	Корреляция Пирсона	0,339	0,393	1
	Значимость (двухсторонняя)	0,000	0,000	-
	N	114	114	114

Примечание. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

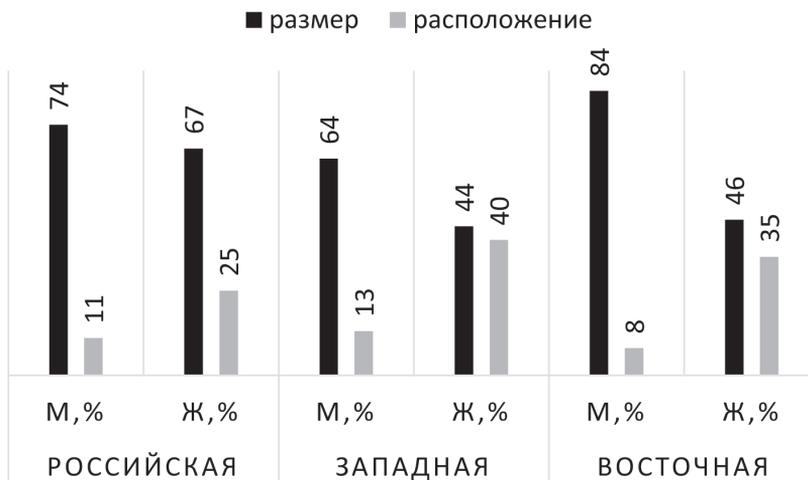

Рис. 1. Элемент «Пространство» историко-природного компонента для сравнения российской, западной и восточной цивилизаций

Треть выборки творческой молодежи выражают свое эмоциональное отношение к российской цивилизации в настоящем. Мужчины также склонны эмоционально оценивать настоящее западной

цивилизации, причем и в том и в другом случае эта оценка имеет в основном отрицательную коннотацию. Образ настоящего восточной цивилизации практически полностью связан только с когнитивным

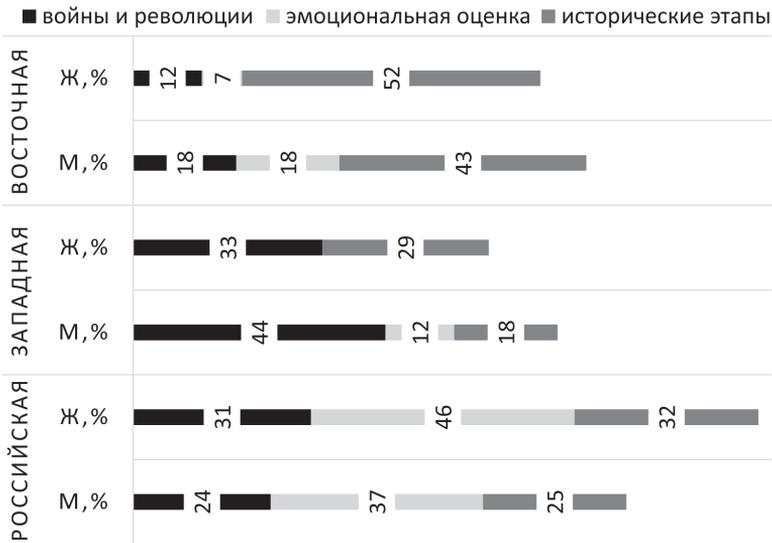

Рис. 2. Элемент «Прошлое» историко-природного компонента для сравнения российской, западной и восточной цивилизаций

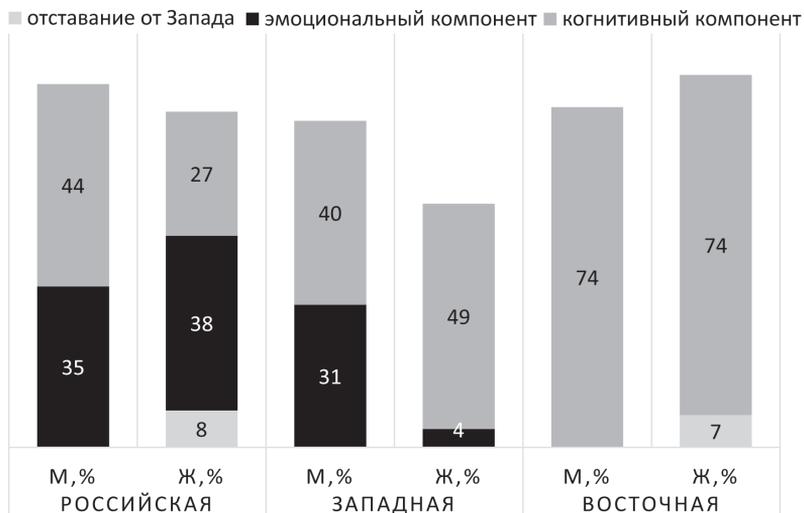

Рис. 3. Элемент «Настоящее» историко-природного компонента для сравнения российской, западной и восточной цивилизаций

компонентом. Участники признают значимость развития восточной цивилизации в настоящем, но не имеют эмоциональной привязки к этому настоящему.

У девушек также была выделена отдельная категория для российской и восточной цивилизаций — отставание от Запада. Для них важно сравнивать настоящее данной цивилизации с успехами западной культуры.

Но особо стоит обратить внимание на такой элемент времени, как будущее. Именно образ будущего во многом определяет ориентиры для дальнейшего развития той или иной культуры, степень выраженности национальной и цивилизационной идентичности (рис. 4).

Будущее российской цивилизации вызывает у участников исследования наиболее значительное преобладание эмоционального компонента. Важно особо отметить данный момент в контексте того, что участники исследования представляют собой будущих работников СМИ, которым небезразлично будущее своей страны, они очень эмоционально реагируют на данный элемент именно для российской цивилизации.

Культурно-лингвистический компонент: элементы особенностей культуры, национальных особенностей, религии, психологии обыденного сознания. При описании особенностей культуры получается довольно дифференцированная структура для всех цивилизаций (рис. 5).

В российской цивилизации выделялись четыре основных категории особенностей культуры: через описание индивидуально-личностных качеств ее обладателей, через ее многонациональность, религиозность и оценку ее значимости. Для девушек наиболее важной (в 2 раза больше, чем у мужчин) оказалась категория религиозности.

Западную цивилизацию описывали, напротив, всего двумя категориями — многонациональность и массовость. Будущие работники СМИ отмечают развитость массовой культуры Запада и значимость механизмов СМИ в жизнедеятельности данного общества.

У восточной цивилизации выделяют четыре категории, три из которых соответствуют категориям российской цивилизации (индивидуально-личностная

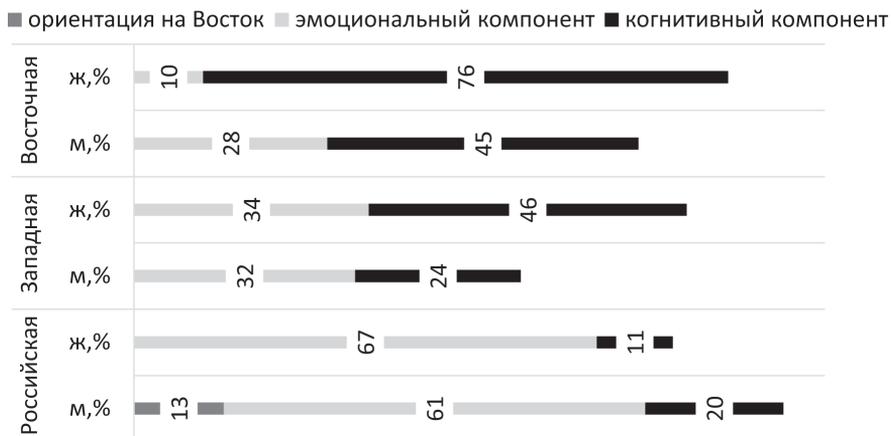

Рис. 4. Элемент «Будущее» историко-природного компонента для сравнения российской, западной и восточной цивилизаций

характеристика, религиозность, оценка значимости). Но самой важной оказывается последняя категория — самобытность. Она встречается только при описании восточной цивилизации.

Национальные особенности трех цивилизаций были представлены участниками исследования самобытными категориями, которые были характерны только для одной из цивилизаций (рис. 6).

Так, в описании российской цивилизации была выделена специфичная только для нее категория тяги к справедливости. В западной цивилизации такой категорией стала американская мечта. А в восточной особо выделилась категория трудолюбия.

Качество доброжелательности охотнее выделяла женская часть группы, причем у всех трех цивилизаций. Категорию обычаи и приметы участники исследования особо выделили у российской

и восточной цивилизаций. Причем для восточной культуры она играла определяющую роль. Многонациональность была выделена у западной и российской цивилизации, но именно для западной культуры она, по мнению респондентов, играет более значимую роль.

Категориальная структура психологии обыденного сознания значительно отличается для всех трех цивилизаций (рис. 7).

Интересно отметить, что будущие работники СМИ для российской цивилизации особо выделяют категорию традиционности. Многие современные исследователи показывают, что СМИ трансформируют традиционные устоявшиеся ценности, меняют ценностно-смысловое содержание представлений граждан [23]. И можно отметить, что если для мужской выборки работников СМИ традиционность стоит еще на пер-

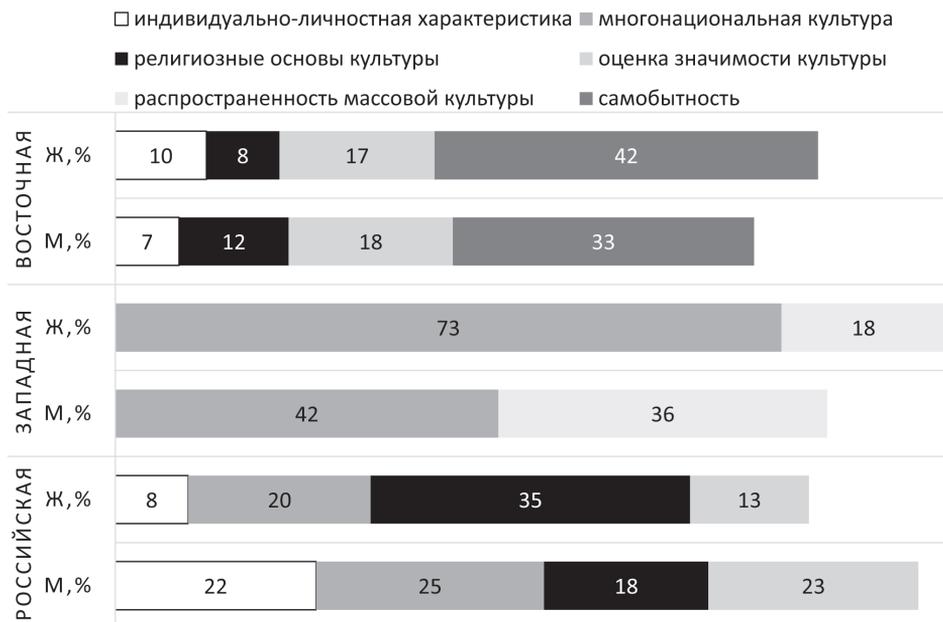

Рис. 5. Элемент «Особенности культуры» культурно-лингвистического компонента для сравнения российской, западной и восточной цивилизаций

Рис. 6. Элемент «Национальные особенности» культурно-лингвистического компонента для сравнения российской, западной и восточной цивилизаций

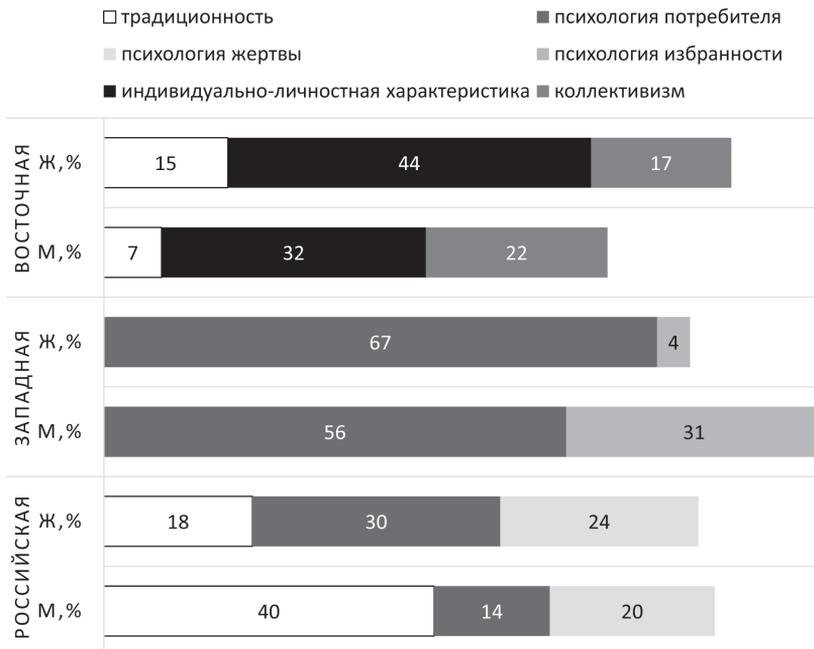

Рис. 7. Элемент «Психология обиденного сознания» культурно-лингвистического компонента для сравнения российской, западной и восточной цивилизаций

вом месте, то для женской части выборки на лидирующую позицию вырывается категория психологии потребителя.

Для западной цивилизации также мужчинами значимо выделяется категория психологии избранности. А для восточной цивилизации все участники исследования выделяют категорию, которая описывает психологию обыденного сознания через личностные качества представителей восточной культуры. Причем если у мужчин это в основном положительные качества, то женщины значимо выделяют и отрицательные характеристики.

Социально-этический компонент: элементы государственного устройства, социально-классовой организации общества, морально-этических норм. Первый элемент социально-этического компонента — государственное устройство. В нем всего были выделены участниками исследования две категории — форма государственного устройства и форма управления (рис. 8).

Для российской и западной цивилизаций мужчины практически в равной степени выделяли две эти категории.

У женщин же для этих двух цивилизаций на первом плане с огромным отрывом выделялась категория формы государственного устройства (федерация, республика, штаты и т.д.).

Стоит отметить, что будущие работники СМИ в целом выделяли в представлениях о восточной цивилизации именно категорию формы правления (монархия, диктатура, коммунизм), для них существенным оказывается отличие политической системы Востока от других цивилизаций.

При оценке морально-этических норм восточная и российская цивилизации практически полностью повторяют категориальную структуру друг друга (рис. 9).

Для восточной цивилизации наиболее значимым становится ее традиционность в своих моральных нормах. А описывая российскую цивилизацию, участники исследования больше ориентировались на эмоциональную оценку моральных качеств, которая скорее была отрицательной, особенно у мужчин. Для двух этих цивилизаций важным оказалась и религия, которая, по мнению ре-

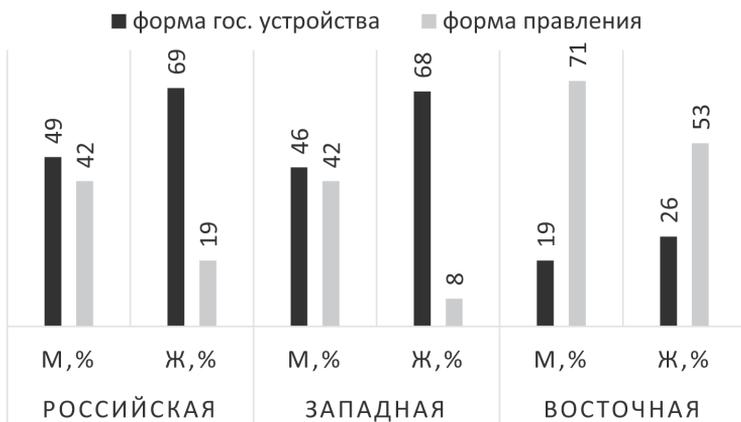

Рис. 8. Элемент «Государственное устройство» социально-этического компонента для сравнения российской, западной и восточной цивилизаций

спондентов, значимо влияет на все нормы и установки в обществе.

Для западной цивилизации главной моральной установкой респонденты выбирали ориентацию на успех и достижения. Будущие работники СМИ отмечали такое качество, как независимость. Мужчины также высказывали свое эмоциональное отношение к моральным нормам Запада, что в основном носило негативный характер оценки.

Персоналии: элементы образа власти, образа героя. При описании образа власти представленных цивилизаций получились следующие результаты (рис. 10).

Для всех цивилизаций основной категорией оказалось личностное представление власти в виде реальных политических и общественных деятелей.

При оценке российской цивилизации также важным оказалась категория эмоционального отношения к образу власти. Интересно отметить, что будущие работники СМИ практически полностью ассоциировали образ власти в категории персоналий с В.В. Путиным. Для них данный образ актуализирован с событиями настоящего времени и действующим политическим лидером.

В образе героя преобладание категории конкретной личности уменьшилось по сравнению с образом власти (рис. 11).

Кроме личностного воплощения для всех цивилизаций также выделилась категория конкретных индивидуально-личностных качеств, которым должен соответствовать герой. Но важное отличие российской цивилизации от двух остальных

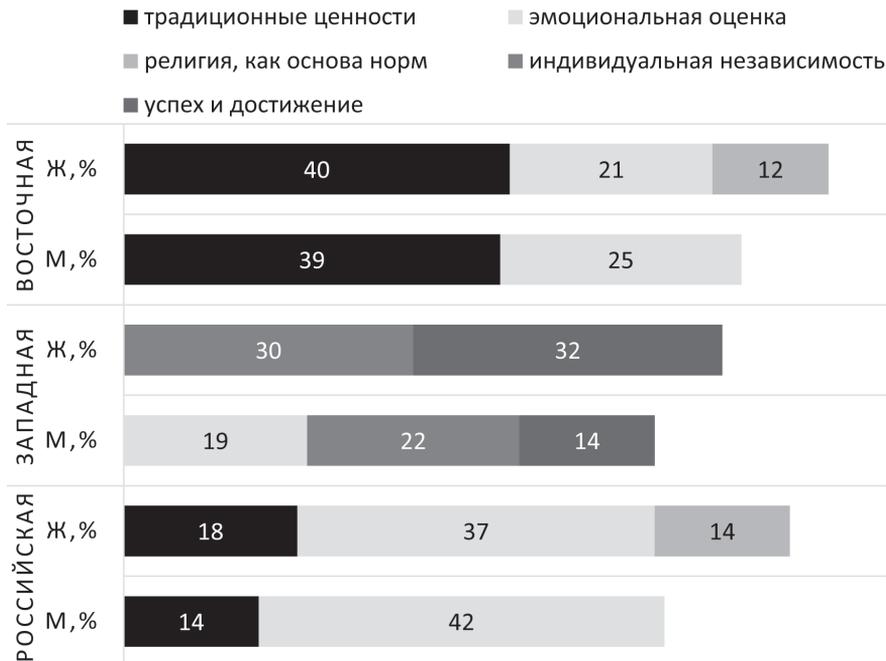

Рис. 9. Элемент «Морально-этические нормы» социально-этического компонента для сравнения российской, западной и восточной цивилизаций

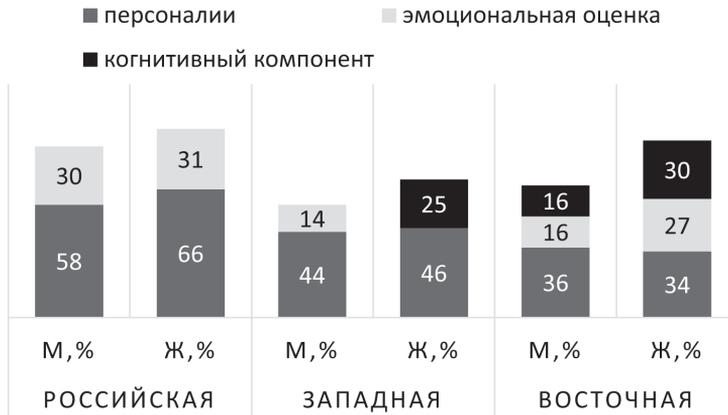

Рис. 10. Элемент «Образ власти» компонента персоналии для сравнения российской, западной и восточной цивилизаций

Рис. 11. Элемент «Образ героя» компонента персоналии для сравнения российской, западной и восточной цивилизаций

ных состоит в том, что для нее участники исследования использовали отдельную категорию — воин. Образ героя в значительной степени был связан с образом защитника Отечества, с образами военного и ветеранов войны.

Обсуждение результатов

Историко-природный компонент.
В историко-природном компоненте

участники исследования чаще выражали свое эмоциональное отношение к географическим, природным и пространственно-временным элементам российской цивилизации, чем к тем же компонентам остальных двух цивилизаций. Кроме того, элемент прошлого времени получил большее количество вариантов различных ответов и категорий, чем события и успехи настоящего времени. Это соотносится во многом с результатами исследований русской ментальности, ко-

торые отмечают благоприятную оценку прошлого, но не настоящего [27].

Одним из самых значимых элементов историко-природного аспекта оказалось пространство. Для будущих работников СМИ наиболее важными категориями здесь выступают размер территории и расположение. Причем для российской цивилизации в большей степени важен именно размер ее территории. Участникам было важно выделить значимость собственной цивилизации по сравнению с другими, показать ее превосходство — в этом выражалась их национальная и цивилизационная идентичность. В целом данные результаты соотносятся с концепцией типов цивилизационного развития В.С. Степина, где традиционный тип цивилизаций тяготеет к пространственному существованию, а техногенный — к временному, более интенсивному характеру преобразований [26].

Культурно-лингвистический компонент. Для данного компонента характерно то, что во многих его элементах для каждой цивилизации обозначается какая-либо категория, которая не употребляется для других цивилизаций. Это говорит о том, что главные цивилизационные особенности формируются на основании культурного ядра — тех ценностей, которые приняты в данной культуре, представляют основу для данной цивилизационной идентичности.

Главным элементом в культурно-лингвистическом компоненте оказалась психология обыденного сознания. И здесь особенно стоит отметить то, что для российской цивилизации она вбирает в себя категории из восточной (традиционность, коллективизм) и западной (психология потребителя) цивилизаций одновременно, имея при этом и собственную категорию (психология жертвы). Так и во многих других элемен-

тах данного компонента прослеживается некоторая сравнительная характеристика российской цивилизации с другими двумя. И в общем заметно большее соответствие (особенно у мужской части выборки) категориальных структур восточной и российской цивилизаций, чем восточной и западной.

Социально-этический компонент. Категориальные структуры ответов участников исследования по морально-этическим характеристикам для восточной и российской цивилизаций стали практически совпадать. В данных элементах прослеживалась тесная духовная и морально-этическая связь этих двух цивилизаций. Что говорит о близости данных цивилизационных идентичностей.

Главным элементом в социально-этическом компоненте оказались морально-этические нормы. Для восточной и российской цивилизаций категории полностью совпадали между собой. Основополагающими для построения норм данных цивилизаций являются традиционность, соблюдение традиций, правил и выраженность религиозного подтекста в их реализации. Западные моральные ценности успеха и достижения независимости резко отличаются от норм этих двух цивилизаций и не признаются своими для участников исследования.

Таким образом, важно отметить, что в коллективном сознании творческой молодежи (будущих работников СМИ) прослеживается понимание различий этических систем, лежащих в основе исследуемых цивилизаций.

Персоналии. В данном компоненте сразу стоит выделить ту особенность, что при описании персоналий российской цивилизации намного чаще, чем для других цивилизаций, использовалась личностная категория, то есть пример конкретной исторической или

известной личности. Это связано с тем, что участники лучше осведомлены о конкретных личностях, составляющих основу российской цивилизационной идентичности. Они находятся на повестке дня СМИ и, учитывая специфику выборки будущих работников СМИ, легко ассоциируются с образами власти и героя страны. Для западной цивилизации также характерно заметно большее употребление конкретных личностей, по сравнению с восточной цивилизацией. Западная массовая культура более популярна в российской действительности, чаще транслируется в СМИ и наиболее важна для ее будущих работников.

Главным элементом структуры персоналий оказался образ героя. И если для восточной и западной цивилизаций участники исследования в основном выделяли в данном элементе категории, скорее связанные с культурными особенностями и личностными характеристиками, то для российской цивилизации одной из самых важных оказалась категория войны, участника и ветерана боевых действий, защитника Отечества. Для творческой молодежи герой России воспринимается как человек, готовый на подвиг, защищающий свою страну от агрессора в глобальном масштабе.

Выводы

1. Выявленная категориальная структура культурных представлений дает возможность рассмотреть ключевые особенности российской, восточной и западной цивилизаций у творческой молодежи (будущих работников СМИ) г. Москвы. Молодежь осознает тот факт, что по некоторым аспектам действи-

тельно наблюдается связь между тремя цивилизациями. Но образ России воспринимается ими как отдельный конструкт, уникальный по своим ценностно-смысловым характеристикам. Осознание уникальности своей цивилизации делает возможным формирование цивилизационной идентичности. И результаты данного исследования дают повод говорить о сформированности такой идентичности для творческой молодежи г. Москвы.

2. Получены значимые качественные и количественные различия между описанием культурных представлений о различных цивилизациях у мужской и женской выборок. Так, оказалось, что женская часть выборки при оценке именно российской цивилизации использует значительно больше вариантов категорий, чем мужчины. Для женщин характерно (только в случае российской цивилизации) выделение конкретных особенностей элементов цивилизации, они чаще склонны выражать свое эмоциональное отношение к этим частям. И причем такое отношение практически всегда носит позитивный характер, отталкивается от положительных особенностей, при этом умалчивается об определенных недостатках. Это может говорить в целом о более развитых эмпатических способностях у женщин, их большей социальной приспособленности.

3. Для мужчин характерны более стереотипные варианты, они чаще комбинируют категории, не выделяя отдельных деталей, а отталкиваясь от общего признака. Свое эмоциональное отношение к определенным элементам представленных объектов они склонны выражать в негативном ключе. Для России они видят больший потенциал развития в сторону элементов восточной цивилизации, хотя в целом не считают культуру Востока своей.

Литература

1. *Батхина А.А., Лебедева Н.М.* Предикторы выбора русскими стратегии поведения в межкультурном конфликте // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 1. С. 70–91. DOI:10.17759/sps.2019100105
2. *Беспалова Т.В., Расторгуев В.Н.* Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе. М.: Институт наследия, 2017. 224 с.
3. *Богдан Е.Н.* Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2007. № 4. С. 122–127.
4. *Богомолова Н.Н.* Контент-анализ // Социальная психология: практикум. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 131–162.
5. *Вахитайн В.С.* Трансформация общественных пространств и эволюция социальной коммуникации. М.: РАНХиГС, 2016. 39 с.
6. *Велижев М.Б.* Цивилизация, или война миров. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 160 с.
7. *Дмитриева Е.Е.* Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302–313.
8. *Доцов А.И., Зеленов И.А., Прохода В.А.* Макросоциальная динамика и этническая толерантность/интолерантность в современных Европе и России // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 75–93.
9. *Зинченко Ю.П.* Психологические основы формирования образа современной России // Образ России в стране и за рубежом: гуманитарное измерение / Под общ. ред. Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеевой. М., 2008. 123 с.
10. *Кара-Мурза А.А.* Кризис идентичности в современной России: возможности преодоления // Реформаторские идеи в социальном развитии России / Отв. ред. С.А. Никольский. М.: ИФ РАН, 1998. С. 108–124.
11. *Каргаполов Е.П.* Цивилизационная идентичность России: проблемы и решения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 4 (1 (13)). С. 61–69.
12. *Колесова Л.А.* Четвертое измерение человека. Проблема четырех вопросов // В сб. «Синергетика» М.: МГУ, 1999. С. 239–255.
13. *Крайнюков С.В.* Влияние современных информационных технологий на картину мира человека // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 4. С. 23–41. DOI:10.17759/sps.2019100403
14. *Лебедева Н.М.* Этническая и кросс-культурная психология. М.: МАКС Пресс, 2011. 423 с.
15. *Лихачев Д.С.* Избранное: мысли о жизни, истории, культуре / Сост., подг. текста, вступ. ст. Д.Н. Бакуна. М.: Рос. фонд культуры, 2006. 334 с.
16. *Магун В.С., Руднев М.Г.* Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. С. 244–280.
17. *Мальшева Н., Стефаненко Т., Тихомандрицкая О.* Образ России в многополярном мире: кросс-культурный анализ // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2012. № 1. С. 61–73.
18. *Матвеева Л.В., Мочалова Ю.В., Петракова Е.Е., Аникеева Т.Я.* Категориальная структура образа России и образов других стран в менталитете жителей страны и союзного государства Белоруссии / Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия: монография / Под ред. Карнышева А.Д. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 64–112.
19. *Митеева И.Н.* Культурный трансфер: от истории идеи к методологии // Филологические исследования. 2016. Т. 4. С. 133–144. DOI:10.15393/j100.art.2016.3006
20. *Митина О.В., Петренко В.Ф.* Психосемантический анализ имиджа государства: реконструкция и измерение // Психологический журнал. 2009. Том 30. № 3. С. 16–27.

21. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях нестабильности. М., 1999. 270 с.
22. Расторгуев В.Н. Цивилизационное наследие России: методология исследовательской программы и контуры долгосрочной стратегии // Журнал Института наследия. 2018. № 2. С. 5–13.
23. Свитич Л.Г. Журнализм в свете современных научных парадигм. Учебное пособие. М.: Изд-во ИМПЭ, 2012. 157 с.
24. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308
25. Степин В.С. XXI век — радикальная трансформация типа цивилизационного развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международ. Лихачев. науч. чтения (18–20 мая 2017 г.). СПб.: СПбГУП, 2017. С. 185–188.
26. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 407 с.
27. Стефаненко Т.Г. О русской ментальности: константы и трансформации // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во «Флинта», 2005. С. 264–299.
28. Сухарев М.В. Движение цивилизаций: Россия и Запад // Политические исследования. 2005. № 1. С. 72–94.
29. Тесля А.А. О понятии «цивилизации» в единстве и множестве: М.Б. Велижев. Цивилизация, или Война миров / Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2019 год. М.: Модест Колеров, 2019. С. 720–728.
30. Фаст Дж., Холл Э. Язык тела. Как понять иностранца без слов. М.: Вече, Персей, АСТ, 1995. 432 с.
31. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. 600 с.
32. Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / Под общ. ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. М.: Издатель Воробьев А.В., 2018. 440 с.
33. Berry J.W. Constructing and expanding a framework: Opportunities for developing acculturation research // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46(1). P. 5–69.
34. Fritsche I., Barth M., Jugert P., Masson T., Reese G. A Social Identity Model of Pro-Environmental Action (SIMPEA) // Psychological Review. 2018. Vol. 125(2). P. 245–269. DOI:10.1037/rev0000090
35. Hofstede G. Culture and Organization: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 1997. 306 p.
36. Kroger J., Marcia J.E. The Identity Statuses: Origins, Meanings, and Interpretations / In: Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds) // Handbook of Identity Theory and Research. New York: Springer, 2011. P. 31–53. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9_2
37. Triandis H.C. Culture and Social Behavior. New York: McGraw-Hill, Inc., 1994. 330 p.

References

1. Batkhina A.A., Lebedeva N.M. Prediktory vybora russkimi strategii povedeniya v mezhkul'turnom konflikte [Predictors of behavioral strategy choice among Russians in intercultural conflict]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 1, pp. 70–91. DOI:10.17759/sps.2019100105. (In Russ.).
2. Bespalova T.V., Rastorguev V.N. Patriotizm i russkaya civilizatsionnaya identichnost' v sovremennom rossijskom obshchestve [Patriotism and Russian civilizational identity in modern Russian society]. Moscow: Institut naslediya, 2017. 224 p. (In Russ.).
3. Bogdan E.N. Mediaobraz Rossii kak ponyatie teorii zhurnalistiki [Media image of Russia as a concept of the theory of journalism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University*, 2007. Ser. 10, Zhurnalistika, no. 4, pp. 122–127. (In Russ.).

4. Bogomolova N.N. Kontent-analiz [Content analysis]. *Sotsial'naya psikhologiya: praktikum*. Moscow: Aspekt Press, 2006, pp. 131–162. (In Russ.).
5. Vahshtajn V.S. Transformatsiya obshchestvennykh prostranstv i evolyuciya social'noj kommunikatsii [The transformation of public spaces and the evolution of social communication]. Moscow: RANHiGS, 2016. 39 p. (In Russ.).
6. Velizhev M.B. *Civilizatsiya, ili vojna mirov [Civilization, or war of the worlds]*. SPb: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2019. 160 p. (In Russ.).
7. Dmitrieva E.E. Teoriya kul'turnogo transfera i komparativnyj metod v gumanitarnykh issledovaniyakh: oppozitsiya ili preemstvennost' [The theory of cultural transfer and the comparative method in humanitarian studies: opposition or continuity]? *Voprosy literatury = Literature issues*, 2011, no. 4, pp. 302–313. (In Russ.).
8. Dontsov A.I., Zelenev I.A., Prokhoda V.A. Makrosotsial'naya dinamika i etnicheskaya tolerantnost'/intolerantnost' v sovremennykh Evrope i Rossii [Macro-social dynamics and ethnic tolerance/intolerance in modern Europe and Russia]. *Voprosy psikhologii = Psychology Issues*, 2019, no. 3, pp. 75–93. (In Russ.).
9. Zinchenko Yu.P. Psikhologicheskie osnovy formirovaniya obraza sovremennoi Rossii [Psychological foundations of the image of modern Russia]. *Obraz Rossii v strane i za rubezhom: gumanitarnoe izmerenie [The image of Russia in the country and abroad: the humanitarian dimension]*. Pod obshch. red. Yu.P. Zinchenko, L.V. Matvevoi. Moscow, 2008. 123 p. (In Russ.).
10. Kara-Murza A.A. Krizis identichnosti v sovremennoj Rossii: vozmozhnosti preodoleniya. Reformatorskie idei v social'nom razvitií Rossii [Identity crisis in modern Russia: opportunities to overcome]. *Otv. red. S.A. Nikol'skij*. Moscow: IF RAN, 1998. 122 p. (In Russ.).
11. Kargaplov E.P. *Civilizacionnaya identichnost' Rossii: problemy i resheniya [Civilizational identity of Russia: problems and solutions]*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kemerovo State University*, 2020. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki, no. 4 (1 (13)), pp. 61–69. (In Russ.).
12. Kolesova L.A. Chetvertoe izmerenie cheloveka. Problema chetyrekh voprosov [The fourth dimension of man. The problem of four questions]. V sb. «Sinergetika». Moscow: MGU, 1999, pp. 239–255. (In Russ.).
13. Krainyukov S.V. Vliyanie sovremennykh informatsionnykh tehnologij na kartinu mira cheloveka [Influence of modern information technologies on the worldview]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 23–41. DOI:10.17759/sps.2019100403 (In Russ.).
14. Lebedeva N.M. Etnicheskaya i kross-kul'turnaya psihologiya [Ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow: MAKS Press, 2011. 423 p. (In Russ.).
15. Likhachev D.S. *Izbrannoe: mysli o zhizni, istorii, kul'ture [Selected: thoughts about life, history, culture]*. Sost., podg. teksta, vstup. st. D.N. Bakuna. Moscow: Ros. fond kul'tury, 2006. 334 p. (In Russ.).
16. Magun V.S., Rudnev M.G. Bazovye cennosti-2008: skhodstva i razlichiya mezhdú rossiyanami i drugimi evropejtsami [Core values 2008: similarities and differences between Russians and other Europeans]. Moscow: Izd. dom GU VSHE, 2010, pp. 244–280. (In Russ.).
17. Malysheva N., Stefanenko T., Tikhomandritskaya O. Obraz Rossii v mnogopolyarnom mire: kross-kul'turnyj analiz [The image of Russia in a multipolar world: cross-cultural analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of the MSU*, 2012. Seriya 14: Psikhologiya, no. 1, pp. 61–73. (In Russ.).
18. Matveeva L.V., Mochalova Yu.V., Petrakova E.E., Anikeeva T.Ya. Kategorial'naya struktura obraza Rossii i obrazov drugikh stran v mentalitete zhitelei strany i soyuznogo gosudarstva Belorussii [The categorical structure of the image of Russia and images of other countries in the mentality of the inhabitants of the country and the union state of Belarus]. In Karnyshev A.D. [eds.]. *Obrazy*,

traditsii i kul'tura mezhnatsional'nogo mira i soglasiya: monografiya [Images, traditions and culture of interethnic peace and harmony: monograph]. Irkutsk: Publ. IGU, 2014, pp. 64–112. (In Russ.).

19. Mineeva I.N. Kul'turnyj transfer: ot istorii idei k metodologii [Cultural transfer: from the history of the idea to the methodology]. *Filologicheskie issledovaniya = Philological studies*, 2016. Vol. 4, pp. 133–144. DOI:10.15393/j100.art.2016.3006 (In Russ.).

20. Mitina O.V., Petrenko V.F. Psikhosemanticheskiy analiz imidzha gosudarstva: rekonstruktsiya i izmerenie [Psychosemantic analysis of the image of the state: reconstruction and measurement]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2009. Vol. 30, no. 3, pp. 16–27. (In Russ.).

21. Panarin A.S. Global'noe politicheskoe prognozirovanie v usloviyah nestabil'nosti [Global political forecasting amid instability]. Moscow, 1999. 270 p. (In Russ.).

22. Rastorguev V.N. Civilizacionnoe nasledie Rossii: metodologiya issledovatel'skoj programmy i kontury dolgoosrochnoj strategii [Civilizational heritage of Russia: the methodology of the research program and the outline of a long-term strategy]. *Zhurnal Instituta naslediya = Journal of the Institute of Heritage*, 2018, no. 2, pp. 5–13. (In Russ.).

23. Svitich L.G. Zhurnalizm v svete sovremennykh nauchnykh paradigmat [Journalism in the light of modern scientific paradigms]. Uchebnoe posobie [Tutorial]. Moscow: Izd-vo IMPE, 2012. 157 p. (In Russ.).

24. Soldatova G.U. Cifrovaya socializatsiya v kul'turno-istoricheskoy paradigme: izmenjajushhij rebenok v izmenjajushhem mire [Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308 (In Russ.).

25. Stepin V.S. XXI vek – radikal'naya transformatsiya tipa tsivilizatsionnogo razvitiya [XXI century – a radical transformation of the type of civilizational development]. *Mezhdunarodnye Likhachevskie chteniya*. 2017. Plenarnoe zasedanie «Global'nyi mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego» [Global Peace: System Shifts, Challenges and Contours of the Future: XVII International. Likhachev. scientific. reading]. URL: http://www.likhachev.ru/pic/site/files/lihcht/2017/doklady/StepinVS_plen_rus_izd.pdf. (Accessed 10.10.2019). (In Russ.).

26. Stepin V.S. Civilizatsiya i kul'tura [Civilization and culture]. SPb.: SPbGUP, 2011. 407 p. (In Russ.).

27. Stefanenko T.G. O russkoi mental'nosti: konstanty i transformatsii [About Russian mentality: constants and transformations]. In V.A. Yadov (eds.). *Sotsial'nye transformatsii v Rossii: teorii, praktiki, sravnitel'nyi analiz* [Social transformations in Russia: theories, practices, comparative analysis]. Moscow, 2005, pp. 264–299. (In Russ.).

28. Sukharev M.V. Dvizhenie tsivilizatsii: Rossiya i Zapad [Civilization Movement: Russia and the West]. *Politicheskie issledovaniya = Political research*, 2005, no. 1, pp. 72–94. (In Russ.).

29. Teslya A.A. O ponyatii «civilizatsii» v edinstve i mnozhestve: M.B. Velizhev. Civilizatsiya, ili Vojna mirov [On the concept of “civilization” in unity and plurality: M.B. Velizhev. Civilization, or war of the worlds]. *Issledovaniya po istorii russkoj mysli. Ezhegodnik za 2019 god* [Research on the history of Russian thought. Yearbook 2019]. Moscow: Modest Kolerov, 2019, pp. 720–728. (In Russ.).

30. Fast J., Holl E. YAzyk tela. Kak ponyat' inostranca bez slov [Language of the body. How to understand a foreigner without words]. Moscow: Veche, Persej, AST, 1995. 432 p. (In Russ.).

31. Hantington S. Stolknovenie civilizatsij [Clash of civilizations]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Policy. Political studies*, 1994, no. 1. 600 p. (In Russ.).

32. Civilizacionnoe razvitie Rossii: nasledie, potencial, perspektivy [Civilizational development of Russia: heritage, potential, prospects]. *Kollektivnaya monografiya* [Collective monograph]. Pod obshch. red. V.A. Cheresheva, V.N. Rastorgueva. Moscow: Izdatel' Vorob'yov A.V., 2018, pp. 5–13. (In Russ.).

33. Berry J.W. Constructing and expanding a framework: Opportunities for developing acculturation research. *Applied Psychology: An International Review*, 1997. Vol. 46(1). 63 p.

34. Fritsche I., Barth M., Jugert P., Masson T., Reese G. A Social Identity Model of Pro-Environmental Action (SIMPEA). *Psychological Review*, 2018. Vol. 125(2), pp. 245–269. DOI:10.1037/rev0000090
35. Hofstede G. *Culture and Organization: Software of the Mind*. New York: McGraw-Hill, 1997. 306 p.
36. Kroger J., Marcia J.E. The Identity Statuses: Origins, Meanings, and Interpretations. In: Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds). *Handbook of Identity Theory and Research*. New York: Springer, 2011, pp. 31–53. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9_2
37. Triandis H.C. *Culture and Social Behavior*. New York: McGraw-Hill, Inc., 1994. 330 p.

Информация об авторах

Литвинов Владимир Юрьевич, аспирант, кафедра методологии психологии, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7968-2408>, e-mail: volodimir.litvinov@gmail.com

Матвеева Лидия Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры методологии психологии, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5753-1668>, e-mail: matweewa-com@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir U. Litvinov, PhD Student, Chair of Methodology of psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7968-2408>, e-mail: volodimir.litvinov@gmail.com

Lidia V. Matveeva, Doctor of Psychology, Professor, Chair of Methodology of psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5753-1668>, e-mail: matweewa-com@yandex.ru

Получена 09.07.2020

Received 09.07.2020

Принята в печать 20.01.2021

Accepted 20.01.2021

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Нормативное поведение в ситуации пандемии COVID-19: как добиться его соблюдения у студентов?

Крушельницкая О.Б.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: social2003@mail.ru

Маринова Т.Ю.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: marinovatu@mgppu.ru

Погодина А.В.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0549-712X>, e-mail: pogodinaav@mgppu.ru

Расходчикова М.Н.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3703-4744>, e-mail: rashodchikovamn@mgppu.ru

Толстых Н.Н.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Цель. Определить мишени и способы психолого-педагогической работы, направленной на повышение специфической нормативности поведения студентов в период пандемии COVID-19, в частности, на соблюдение масочного режима.

Контекст и актуальность. В связи с ситуацией пандемии COVID-19 во многих странах мира, в том числе и в России, стали вводиться жесткие меры, ограничивающие поведение и взаимодействие людей. Исследование отношения разных групп населения как к самому заболеванию, так и к мерам борьбы с ним, выяснение причин и мотивации соблюдения/несоблюдения людьми нормативного поведения в условиях пандемии является острой и актуальной проблемой. Ситуация пандемии актуализирует проблемы оказания практической психологической помощи людям, в том числе и молодым, переживающим стресс и испытывающим затруднения в совладании с этой ситуацией.

Дизайн исследования. Исследование проводилось в ситуации нарастающего распространения заболевания и введения режима изоляции. Полученные данные анализировались с привязкой ко времени заполнения опросников участниками исследования: первая группа студентов заполнила гугл-формы с 9 по 23 ноября (1 этап); вторая группа — с 24 ноября по 8 декабря 2020 г. (2 этап). Изучались социальные представления студенчества о пандемии и мерах борьбы с ней;

особенности отношения к разным аспектам COVID-19 и нормативности поведения молодых людей в условиях пандемии; субъективные переживания опасности заболевания и связанные с ними доминирующие копинг-стратегии.

Участники. 565 студентов бакалавриата различных факультетов МГППУ, из них 504 девушки, 61 юноша.

Методы (инструменты). Анонимный анкетный опрос с использованием закрытых вопросов; метод прототипического анализа социальных представлений П. Вержеса; опросник самовоспринимаемой гибкости совладания со стрессом; шкала страха заболевания COVID-19; пакет SPSS Statistics 20 (таблицы сопряженности с расчетом критерия χ^2 Пирсона, коэффициент корреляции Спирмена, критерии Краскела-Уоллиса и Фридмана).

Результаты. Студенты продемонстрировали широкий, зачастую содержательно противоречивый спектр мнений о COVID-19 и мерах защиты от него. В ядре социальных представлений о пандемии и защитных масках преобладают те, в которых отражаются персональные ограничения, накладываемые пандемией, неудобство и неудовольствие от их соблюдения. В меньшей степени присутствует страх заболеть. Практически отсутствуют социальные представления, связанные с заботой о других людях, выражающие просоциальную позицию. По отношению к механизмам соблюдения ограничительных мер мнения студентов неоднородны: одни поддерживают введение жестких ограничений и считают правильным жесткий внешний контроль, другие полагают, что выполнение санитарно-эпидемиологических требований должно быть самостоятельным решением человека. Обнаружены преимущественный выбор студентами стратегий ситуативного и множественного копинга в ответ на возникновение пандемической ситуации и взаимосвязь этих видов копинга с низким уровнем субъективного переживания страха. Однако по мере ухудшения ситуации с заболеваемостью в стране зафиксированы снижение предпочтения конструктивного копинга и рост склонности к ригидному копингу. С ухудшением пандемической ситуации изменялась оценка студентами средств информирования о COVID-19 и стратегиях борьбы с ним: на первом этапе исследования референтной группой студенты считали специалистов (врачей, ученых), на втором этапе — родителей и близкое окружение. Социальные сети оказались самым незначимым источником информации.

Основные выводы. Полученные данные дают возможность выделить основные мишени психолого-педагогической работы со студентами и определить основные методы этой работы, к которым, прежде всего, следует отнести деятельностное включение в решение групповых задач, направленных на оптимизацию жизнедеятельности людей в условиях пандемии. По результатам исследования выделилась группа студентов с высоким уровнем переживания страха (32%) и склонностью к неконструктивным способам совладания. Этим студентам требуется целенаправленная психологическая помощь. В качестве примера деятельностного включения студентов в проблему защиты от COVID-19 в статье описывается организованный факультетом социальной психологии МГППУ конкурс творческих работ разных направлений на тему применения медицинских масок в условиях пандемии «Марафон масок».

Ключевые слова: социальные представления, студенты, COVID-19, нормативное поведение в условиях пандемии, копинг-стратегии, страх заболевания COVID-19.

Для цитаты: Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Толстых Н.Н. Нормативное поведение в ситуации пандемии COVID-19: как добиться его соблюдения у студентов? // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 198–221. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120113>

Regulatory Behavior in the COVID-19 Pandemic: How to Get Students to Comply with It?

Olga B. Krushelnitskaya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: social2003@mail.ru

Tatyana Yu. Marinova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: marinovatu@mgppu.ru

Alla V. Pogodina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0549-712X>, e-mail: pogodinaav@mgppu.ru

Marina N. Raskhodchikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3703-4744>, e-mail: rashodchikovamn@mgppu.ru

Nataliia N. Tolstykh

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Objective. Determine the targets and methods of psychological and pedagogical work that aimed increasing the specific normativity of students' behavior during the COVID-19 pandemic, in particular, on compliance with the mask regime.

Background. Due to the situation with COVID-19 pandemic many countries all over the world, including in Russia, introduced the number of tough measures which restricted the behavior and interaction of people. The study focuses on such acute issues as the attitudes of different social groups toward both the disease itself and the measures to combat it, clarification of the reasons and motivations for individuals' compliance/non-compliance with normative behavior during the pandemic. The coronavirus pandemic actualizes the problems of providing practical psychological assistance to people, including young people, who experience stress and who have difficulties with coping with this situation.

Study design. The study was conducted during the increasing spread of the disease and the introduction of an isolation regime. The data obtained was analyzed with reference to the time of the research participants' questionnaire completion: the first group of students filled the Google forms from 9th to 23rd November 2020 (stage 1); the second group – from 24th November to 8th December 2020 (stage 2). The research analyzed students' social representations of the pandemic and measures to combat it; peculiarities of attitudes toward various aspects of COVID-19 and toward the normative behavior of young people during the pandemic; subjective experience of danger of the disease and the dominant coping strategies associated with them.

Participants. 565 undergraduate students from various faculties of the Moscow State University of Psychology and Education (MGPPU): 504 females, 61males.

Measurements. Anonymous survey included closed questions; method of prototypical analysis of social representations (P. Verges); Self-perceived flexible coping with stress (SFCS); The Fear of COVID-19 Scale; SPSS Statistics 20 package (contingency tables with the calculation of the Pearson χ^2 test, Spearman's correlation coefficient, Kruskal-Wallis and Friedman tests).

Results. Students showed a diverse and often controversial views on COVID-19 and ways prevent its spread. At the core of social representations of the pandemic and protective masks, the most popular are those that reflect the personal restrictions imposed by the pandemic, the inconvenience and displeasure resulted from the compliance with these restrictions. To a smaller extent, there is a fear of getting sick. There are practically no social representations associated with concern over other people, that express a pro-social position. In relation to the mechanisms of compliance with restrictive measures, the

opinions of students are heterogeneous: some support the introduction of strict restrictions and consider it rational to have strict external control, while others believe that the fulfillment of sanitary and epidemiological requirements should be an independent decision of a person. The study found the predominant choice of situational and multiple coping strategies by students in response to the emergence of the pandemic situation and the relationship between these types of coping with low level of subjective fear. Nevertheless, with the deterioration of the pandemic situation, students' assessments of the means of informing about COVID-19 and strategies to combat it changed: at the first stage of the study students considered specialists (doctors, scientists) as a reference group, at the second stage — parents and close circle. Social media turned out to be the most insignificant source of information.

Main conclusions. *The data obtained make it possible to identify the main targets of psychological and pedagogical work with students and to determine the main methods of this work which should include the activity-based inclusion in the solution of group tasks aimed at optimizing the life of people in a pandemic. According to the results of the study, a group of students stood out with a high level of fear experience (32%) and a tendency to non-constructive ways of coping. These students require targeted psychological assistance. As an illustration of the active involvement of students to the problem of COVID prevention, the article describes a competition of creative works of different directions organized by the Faculty of Social Psychology of Moscow State University of Psychology and Education on the topic medical masks use in the context of the "Marathon of Masks" pandemic.*

Keywords: *social representations, students, COVID-19, normative behavior in the pandemic, coping strategies, Self-perceived flexible coping with stress (SFCS), the fear of COVID-19.*

For citation: Krushelnitskaya O.B., Marinova T.Yu., Pogodina A.V., Raskhodchikova M.N., Tolstykh N.N. Regulatory Behavior in the COVID-19 Pandemic: How to Get Students to Comply with It? *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 198–221. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120113> (In Russ.).

Введение

Исследование, о котором пойдет речь, было инициировано руководством Московского государственного психолого-педагогического университета осенью 2020 года. Изначально оно было направлено на решение практической задачи: добиться того, чтобы студенты университета в массовом порядке носили защитные маски. Осень 2020 года в столице была временем, когда, с одной стороны, пандемия COVID-19 набирала обороты (росло количество заболевших и госпитализированных, росло число смертей). С другой стороны, вакцинация населения еще не началась, и мерами, которые могли бы препятствовать распространению эпидемии, были только соблюдение социальной дистанции, дезинфекция рук

и ношение защитных масок (в меньшей степени полезным было признано ношение перчаток). С третьей стороны, перечисленные меры соблюдались далеко не всеми гражданами и, в частности, далеко не всеми студентами. В последнем легко можно было убедиться в первые два осенних месяца, когда обучение в Университете было смешанным (часть занятий, в первую очередь, многолюдные поточные лекции, проходили в дистанционном формате, а семинарские и практические занятия — в очном).

Для решения указанной практической задачи необходимо было найти ответы на целый ряд вопросов. Среди них — лежащий на поверхности вопрос, который, собственно, и требовал ответа: какие рычаги воздействия на молодых людей могут с наибольшей эффективностью и в

кратчайшие сроки привести к тому, чтобы большинство студентов соблюдали предписанные в период пандемии правила общественного поведения? Ответ на этот вопрос, в свою очередь, требовал ответов на многие другие: какова мотивация следовать или не следовать нормативным (в период пандемии) формам общественного поведения? Как относятся молодые люди к требованию носить защитные маски? На какие источники информации ориентируются студенты, вырабатывая свою позицию по отношению к пандемии и соблюдению требуемых мер предосторожности? Как студенты справляются с теми трудностями, которые принесла с собой пандемия? Каковы могут (должны) быть мишени психологической помощи тем, кому самостоятельно трудно справиться с возникшими трудностями? И многие другие.

Дизайн эмпирического социально-психологического исследования определялся, помимо содержательной составляющей, рядом внешних обстоятельств и требований. Во-первых, исследование должно было быть проведено оперативно и в кратчайшие сроки. Во-вторых, оно должно было быть кратким, так как представляло собой часть более широкого, преимущественно социологического исследования. В-третьих, исследование могло проводиться только посредством сбора данных в интернете, так как к моменту начала этой работы Университет полностью перешел на дистанционный формат обучения. Все это определило, во многом ограничив, цель, задачи, гипотезы исследования, а также выбор методического инструментария.

Цель исследования — определить мишени и способы психолого-педагогической работы, направленной на повышение специфической нормативности поведения студентов в период пандемии

COVID-19, в частности, на соблюдение масочного режима.

Задачи исследования:

1. Выявить отношение студентов к пандемии и соблюдению масочного режима.
2. Выявить мотивы нормативного/ненормативного поведения студентов, связанного с ношением защитных масок.
3. Выявить социально-психологические и личностные факторы, влияющие на нормативность поведения студентов в период пандемии.
4. Наметить мишени психолого-педагогической работы по повышению специфической нормативности поведения студентов в период пандемии.
5. Сформулировать практические рекомендации для проведения такой работы.

Гипотезы исследования:

1. Специфическая нормативность/ненормативность поведения студентов в период пандемии связана с социальными представлениями этой социальной группы о COVID-19 и способах противодействия распространению заболевания.
2. Отношение студентов к пандемии COVID-19 и масочному режиму формируется, в первую очередь, информацией, распространяемой в социальных сетях.
3. Пренебрежительное отношение части студентов к соблюдению масочного режима определяется недооценкой опасности заболевания COVID-19 для молодых людей.
4. Эффективность копинг-стратегий студентов связана с субъективным переживанием опасности заболевания COVID-19.

Методы

Исследование было проведено сотрудниками факультета социальной

психологии МГППУ в течение 30 дней с 9 ноября по 8 декабря 2020 года. Сбор данных осуществлялся дистанционно: студенты добровольно и анонимно заполняли гугл-формы материалов исследования. Поскольку время сбора данных совпало с периодом стремительного ухудшения в Москве ситуации с пандемией COVID-19, в процессе обработки данных были отдельно проанализированы материалы, полученные в первую и во вторую половину периода проведения исследования. Те параметры, которые оказались достоверно статистически различающимися, будут продемонстрированы ниже.

Выборка. Всего в исследовании приняли участие 565 студентов бакалавриата МГППУ, большую часть которых составили девушки (всего 504 девушки, 61 юноша), что отражает соотношение студентов по полу в данном вузе. Из них 395 респондентов (358 девушек и 37 юношей) заполнили гугл-формы с 9 по 23 ноября и 170 — с 24 ноября по 8 декабря (145 девушек и 25 юношей).

Методики исследования:

1. Метод прототипического анализа социальных представлений П. Вержеса [14].

2. Авторская анкета для изучения мнения студентов о разных аспектах их поведения и отношения к пандемии COVID-19 и соблюдению противоэпидемиологических правил (8 вопросов).

3. Русскоязычная адаптация опросника самовоспринимаемой гибкости совладания со стрессом (Self-Perceived Flexible Coping with Stress) [13], в русскоязычной адаптации О.А. Екимчик, Т.Л. Крюковой [1] (28 пунктов).

4. Шкала страха заболевания COVID-19 (The Fear of COVID-19 Scale) [9]. Русский перевод и адаптация Т.Л. Крюковой и др., Костромской государственной университет (7 пунктов).

5. Статистическая обработка данных с использованием программного пакета SPSS Statistics 20 (таблицы сопряженности с расчетом критерия χ^2 Пирсона, коэффициент корреляции Спирмена, критерий Краскела-Уоллиса и Фридмана).

Результаты

1. Социальные представления о COVID-19 и защитных масках

Понятие социального представления (social representation) было предложено С. Московиси [12] для обозначения особой формы «коллективного знания, социально сконструированного, разделяемого индивидами, входящими в сообщество, и служащего для повседневного практического применения» [2, с. 379]. Поскольку эта пандемия — серьезнейший вызов именно человеческому сообществу, разным его группам, то изучение социальных представлений, связанных с пандемией COVID-19, важно для оптимизации системы взаимоотношений и поведения членов разных социальных групп в противостоянии этой угрозе. Одной из таких групп и является студенчество. Т.П. Емельянова обращает внимание на важный, в частности в контексте нашего исследования, аспект функционирования социальных представлений: «Будучи достаточно устойчивыми и в то же время оперативными когнитивными образованиями, социальные представления создают возможность быстрой переориентации в меняющейся действительности, особенно в условиях недостаточной информации относительно воспринимаемого объекта» [2, с. 381]. Именно с такой ситуацией мы столкнулись во время пандемии COVID-19.

С учетом необходимости быстрого проведения исследования, а также ис-

пользования предельно сжатого объема предлагаемого респондентам материала для изучения социальных представлений была выбрана техника прототипического анализа П. Вержеса [14], в рамках которой анализируются свободные ассоциации, которые респондентам предлагается дать к слову, обозначающему какое-либо понятие, явление, факт, феномен и т.п. Анализ совокупности таких ассоциаций проводился в логике структурного подхода школы Экс-ан-Прованса, согласно которому в структуре всякого социального представления выделяется его ядро (наиболее консолидированные и устойчивые представления членов группы) и периферия как набор индивидуальных представлений членов группы, которые при определенных условиях могут перемещаться в ядерную зону либо которые ранее были в этой ядерной зоне, но затем из нее выпали [8].

В соответствии с алгоритмом прототипического анализа П. Вержеса к зоне ядра относят ассоциации, отвечающие двум требованиям. Первое — частота, с которой они встречаются в данной группе (для попадания в ядро социального представления этот показатель должен превышать медианное значение по группе). Второе — ассоциация должна упоминаться в числе первых (для попадания в ядро ранг упоминания должен быть меньше среднего по группе). Соотношение этих двух показателей — частоты и ранга — определяет и три другие структурные области социального представления. Две из них — это так называемые буферные зоны, близкие к ядру, первую из которых составляют ассоциации, встречающиеся редко (значения частоты упоминания ниже медианных), но называемые в числе первых (ранг ниже среднего по группе), а вторую — ассоциации, называемые часто (частота выше медианной), но не

в числе первых (ранг выше среднего). К последней — зоне собственно периферии — относят ассоциации, упоминаемые редко и в последнюю очередь.

Участники нашего исследования должны были последовательно написать по пять ассоциаций к словосочетанию «Пандемия COVID-19» и затем к слову «Маска». Представим полученные данные.

Рассмотрим вначале содержание и структуру социального представления студентов о пандемии COVID-19.

Первое, что необходимо отметить, — широчайший набор предложенных студентами ассоциаций. Даже после объединения в группы синонимичных ассоциаций, а также ассоциаций, близких по смыслу, таких групп оказалось чрезвычайно много. Однако определенная структура социального представления студентов о пандемии COVID-19 была выявлена. В табл. 1 представлено содержание ядра и двух буферных зон социального представления студентов о пандемии COVID-19. В скобках приведены частота упоминания ассоциации в % от количества респондентов, а затем средний ранг упоминания данной ассоциации.

Зону IV — собственно периферию социального представления — здесь и далее не приводим, поскольку эта зона в социальном представлении и о пандемии, и о маске содержит чрезвычайно много ассоциаций, называемых лишь одним-двумя респондентами.

Из 8 ассоциаций, характеризующих ядро социального представления студентов о пандемии, чаще всего (третью респондентов) называется именно маска и/или другие средства защиты. 3 ассоциации так или иначе фиксируют ограничения, налагаемые пандемией. Ассоциации, связанные с ограничениями, есть и в двух буферных зонах (*несвобода, дис-*

танция, удаленка). Суть этих ограничений — в первую очередь, отделенность от других людей, изоляция, дистанцирование. И в ядре, и в обеих буферных зонах встречаются ассоциации, отражающие различные негативные эмоции (*страх, стресс, депрессия, скука, усталость, паника, массовая истерия*). Ряд ассоциаций фиксирует болезнь как таковую (ковид, болезнь) в зоне ядра, но только в буферной III оказываются ассоциации, связанные с летальным исходом этой болезни. Об этом упоминают 19% респондентов, хотя и не в первую очередь.

В табл. 2 представлена структура социального представления студентов о маске. В скобках приведены частота упоминания ассоциации в % от количества

респондентов, а затем средний ранг упоминания данной ассоциации.

Так же, как в предыдущем случае, различных ассоциаций оказалось много (хотя и меньше, чем ассоциаций к словосочетанию «пандемия COVID-19»), и мы также по возможности объединяли их в более обобщенные группы ассоциаций.

В ядре социального представления лишь одна ассоциация из 7 о пользе защитных масок. Эту «пользу» упоминают 38% респондентов. Еще одна ассоциация — *необходимость* (19% респондентов). Остальные пять имеют однозначно негативные коннотации в диапазоне от *«вредно»* до *«кошмар»*. Такие же однозначно эмоционально негативные ассоциации составляют буферную

Таблица 1
Содержание и структура социального представления студентов о пандемии COVID-19

Зона I — ядро	Буферная зона II	Буферная зона III
1. Маска, перчатки, антисептики (34; 2,6)	1. Скука (6; 2,3)	1. Несвобода, запреты (19; 3,4)
2. Карантин, локдаун, локаут (27; 1,7)	2. Усталость (5; 2,4)	2. Смерть, летальный исход (16; 3,1)
3. Стресс, депрессия (22; 2,9)	3. Толпа, массовость (4; 2,0)	3. Дистант, удаленка (12; 3,4)
4. Изоляция, самоизоляция (21; 2,3)	4. Кризис (4; 2,0)	4. Паника, массовая истерия (7; 3,4)
5. Болезнь (18; 2,0)	5. Расстояния, дистанция (3; 2,7)	
6. Дом, квартира, 4 стены (17; 1,8)	6. Лохотрон (2; 1,0)	
7. Страх (16; 2,5)	7. Интернет (2; 1,2)	
8. Вирус, ковид (14; 2,4)	8. Надоела, долго (2; 1,5)	

Таблица 2
Содержание и структура социального представления студентов о маске

Зона I — ядро	Буферная зона II	Буферная зона III
1. Душно, нечем дышать (43; 2,28)	1. Неприятно (запах, пот) (3; 1,67)	1. Характеристики маски (белый, одноразовая, хлопок...) (19; 3,55)
2. Важно, защита (38; 2,19)	2. Намордник (4; 1,75)	2. Больница, врачи (14; 3,08)
3. Толпа, метро, транспорт (32; 2,94)		3. Полиция, штрафы (13; 3,07)
4. Неудобно (25; 2,76)		4. Вирус, болезнь (11; 3,08)
5. Необходимость (19; 2,90)		5. Карнавал, театр (10; 3,40)
6. Вредно (9; 2,19)		6. Красиво, модно (10; 3,40)
7. Кошмар, жесть, ужас! (9; 2,67)		7. Дорого, затраты (10; 4,30)
		8. Лицо (глаза, улыбка...) (8; 3,12)

зону II (*неприятно, намордник*). Буферная зона III иная. Она «расцветчена», в первую очередь, ассоциациями, указывающими на другие места, где мы можем встретить маски (полиция, театр, карнавал), кроме больницы, также упоминаемой. Вторых, достаточно часто студенты дают эмоционально нейтральные, по сути, формальные ассоциации, просто отражающие те или иные характеристики масок (цвет, материал и т.д.). 10% студентов даже считают маску красивой, а для 10% маска — это *дорого, затратно*.

Подведем первые итоги обсуждения полученных данных. Первое, что необходимо отметить, — большое число ассоциаций и к словосочетанию «пандемия COVID-19», и к слову «маска». Возможное объяснение, помимо похвальной индивидуализированности взгляда на проблему и не менее похвального большого словарного запаса у студентов, — тот очевидный факт, что и пандемия, и ношение масок как средство противостояния ей — явления настолько новые, неожиданно нагрянувшие, что определенные социальные (групповые) представления о них еще не успели полностью сложиться.

Вместе с тем определенная структура этих представлений была выявлена. О чем она говорит? В обоих случаях бросается в глаза пассивная, «страдательная» позиция наших респондентов. И в пандемии, и в ношении масок они видят главным образом все плохое, и, что интересно, это плохое — не столько боязнь заразиться, заболеть (такие ассоциации есть, но их явно немного), сколько разного рода ограничения свободы, поведения, общения. И одно из этих ограничений — ношение масок. Именно ассоциация «маска» чаще всего называется студентами к словосочетанию «пандемия COVID-19». Ядро социального представления о маске крайне противоречиво: в нем соседствуют

и понятия, в которых отражены представления о пользе масок, о необходимости их носить, с одной стороны, а с другой — множество ассоциаций, выражающих крайне негативное к ним отношение (*вредно, неудобно, бессмысленно* и т.п.).

Но более всего привлекают внимание не те ассоциации, которые были даны, а те, которых мы практически не встретили: связанные с заботой о других людях, с общественной пользой (например, ношения масок), а также отражающие хоть сколько-то стеничную, в духе позитивной психологии, позицию молодых людей.

2. Результаты анкетирования

Обратимся теперь к результатам, полученным при ответах на вопросы составленной нами анкеты. Для выяснения особенностей отношения студентов к проблеме пандемии и ношению защитных масок им было задано восемь вопросов с возможностью единичного или множественного выбора ответов.

Начнем представление результатов с пункта анкеты, который был сформулирован так: **«Выберите одно из предложенных утверждений, выражающее Ваше отношение к COVID-19 как заболеванию»**. Выборы одного из четырех предложенных вариантов (в % от количества респондентов) распределились следующим образом: большинство (почти половина — 48,5%) выбрали суждение *«Я не могу определить своего отношения к COVID»*; 21,6% выбрали суждение *«Очень опасное заболевание, и явно уменьшается его опасность»*; 23,7% — суждение *«Не страшнее других инфекционных заболеваний, и преувеличивается степень его опасности»*; наконец, 6,2% — *«Я не думаю об этом заболевании: здоров и не заболею»*. В совокупности два последних суждения набрали 29,9%. Таким образом, количество тех, кто не считает

ситуацию опасной, чуть больше тех, кто эту опасность оценивает очень высоко, и это на фоне тех без малого 50%, кто еще не определился в своем отношении к COVID-19.

В этом контексте интересны ответы студентов на такой вопрос анкеты: **«Как вы относитесь к публикуемой официальной статистике о заболевании COVID-19 в нашей стране? (выберите один ответ)».**

Как оказалось, большинство студентов не доверяют статистике и считают ее данные или заниженными по количеству пострадавших от пандемии (59,8% в сумме выбрали третий и четвертый варианты ответа), или, напротив, завышенными (21,6%) (см. рис. 1).

Эти данные как будто противоречат той недооценке опасности заболевания COVID-19, которая следует и из ответов на предыдущий вопрос, и из содержания социального представления о COVID-19. Можно с осторожностью

предположить, что поскольку в данном случае вопрос был задан не прямо, он выявил скрываемую (даже от себя) тревогу молодых людей, связанную с пандемией и опасностью заболевания.

Два пункта анкеты были направлены на выяснение отношения студентов к разным стратегиям противодействия распространению заболевания COVID-19.

Один из них был сформулирован так: **«В разных странах правительства предлагают разные стратегии борьбы с коронавирусной инфекцией. Какую из них Вы считаете наиболее правильной? (выберите один ответ)».** Чаще всего (46,4% опрошенных) респонденты из четырех вариантов ответов выбрали стратегию жестких ограничений при жестком контроле; 36,1% предпочли широкое информирование населения, позволяющее людям принимать решение самостоятельно; два оставшихся варианта выбрали сравнительно немногие, а именно: 9,3% выбрали введение жестких

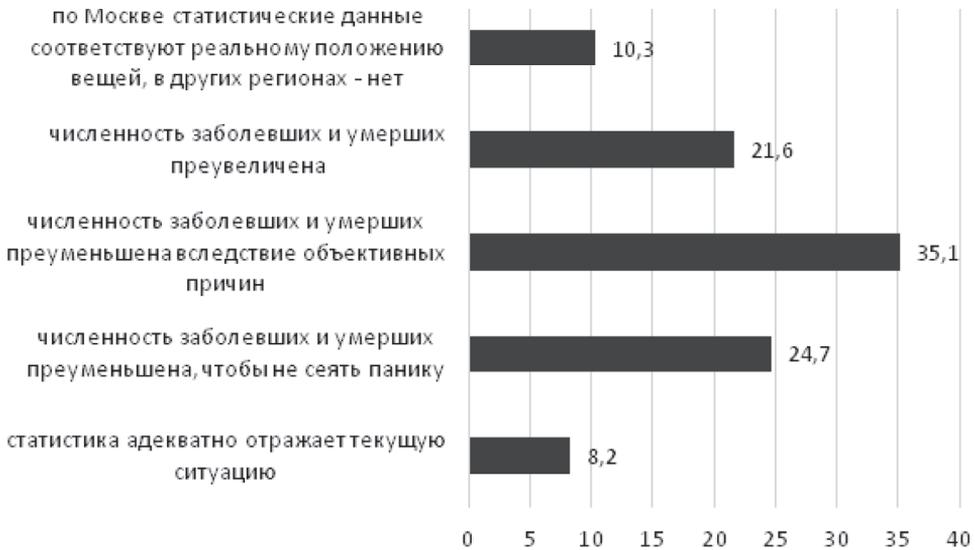

Рис. 1. Отношение студентов к статистике по заболеваемости COVID-19 в нашей стране (процентное соотношение ответов)

ограничений без контроля за их соблюдением и 8,2% — введение мягких ограничений без контроля за их соблюдением. Налицо явный раскол мнений: в сумме больше половины тех студентов, кто за жесткие ограничения и жесткий внешний контроль, с одной стороны, и чуть меньше половины — либо за мягкие ограничения без контроля, либо же просто за широкое информирование для того, чтобы каждый человек сам принял решение о стратегии своего поведения, — с другой.

Другой пункт анкеты о предпочитаемых стратегиях противостояния пандемии: *«В нашей стране так же, как и в других странах, вводятся различные ограничения в связи с эпидемиологической ситуацией (удаленный режим работы, закрытие учреждений культуры, запрет массовых мероприятий и т.д.). Как Вы относитесь к этим ограничениям? (выберите один ответ)»*. И здесь также большинство опрошенных (64,9%) сочли ограничения

адекватной и правильной мерой борьбы с пандемией (см. рис. 2). При этом в социальном представлении о пандемии COVID-19 именно отрицательно окрашенные ограничения в большинстве своем оказываются определяющими. Иными словами, ограничения студенты в большинстве случаев считают правильной мерой, но относятся к ним отрицательно.

Сопоставление с помощью таблиц сопряженности отношения студентов к статистике по заболеваемости COVID-19 в нашей стране и предпочитаемых стратегий борьбы с ней показало следующее. Студенты, считающие, что численность пострадавших от пандемии преуменьшена, предпочли стратегию введения жестких правил и ограничений при жестком контроле за их соблюдением. Студенты, считающие, что численность заболевших и умерших от COVID-19 преувеличена, назвали правильной стратегией широкое информирование населения, позволяющее самостоятельно выбирать

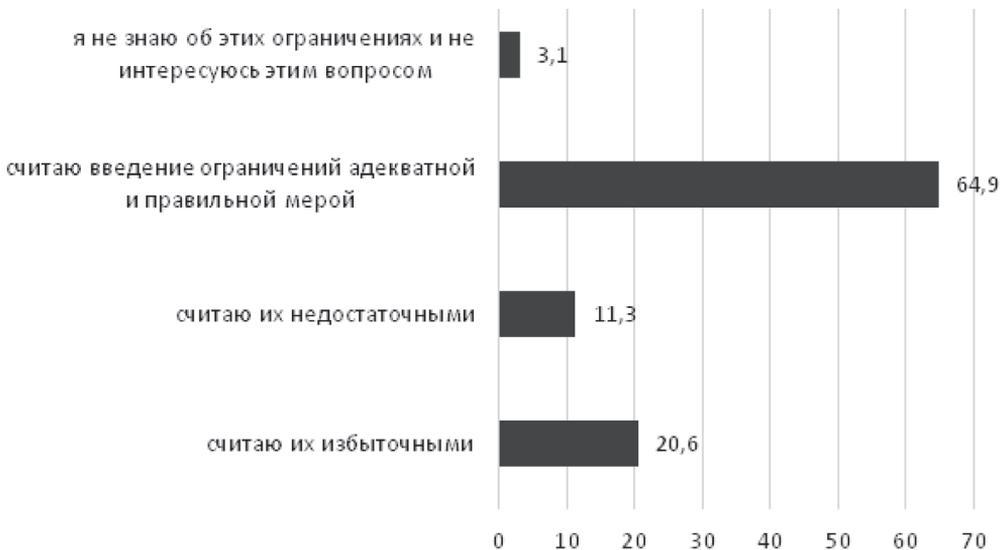

Рис. 2. Отношение студентов к ограничениям в связи с пандемией (процентное соотношение ответов)

стратегию поведения (критерий Пирсона $\chi^2=46,850$; $p\leq 0,01$). Очень опасным заболеванием сочли коронавирусную инфекцию студенты, считающие, что публикуемая статистика адекватно отражает текущую ситуацию. Однако те, кто считают, что статистика преувеличивает численность заболевших и умерших, предсказуемо полагают, что COVID-19 не страшнее многих других заболеваний ($\chi^2=93,706$; $p\leq 0,01$).

На какие источники информации опираются студенты, вырабатывая свое отношение к пандемии? Рассмотрим, как распределились выборы студентов из пяти возможных суждений к пункту анкеты **«Выбирая собственную стратегию поведения в период пандемии COVID-19, я в первую очередь учитываю мнения: (выберите один ответ)»**.

Сразу отметим, что процентное соотношение выборов изменилось по мере ухудшения ситуации с заболеваемостью в стране, а именно, если на первом этапе исследования самой референтной группой были врачи и ученые, то на втором значимо возросла референтность родителей и других близких членов семьи в вопросах болезни и защиты от нее (таблицы сопряженности; критерий Пирсона $\chi^2=11,260$; $p\leq 0,05$) (см. рис. 3). Мнения же друзей, а также высказываемые в социальных сетях, вопреки нашим ожиданиям, оказались в этом вопросе для студентов не слишком значимыми.

Отметим в данном контексте, что студенты, опирающиеся на мнение исключительно родителей, ученых и врачей, реже, чем другие респонденты, могли определить свое отношение к пандемии

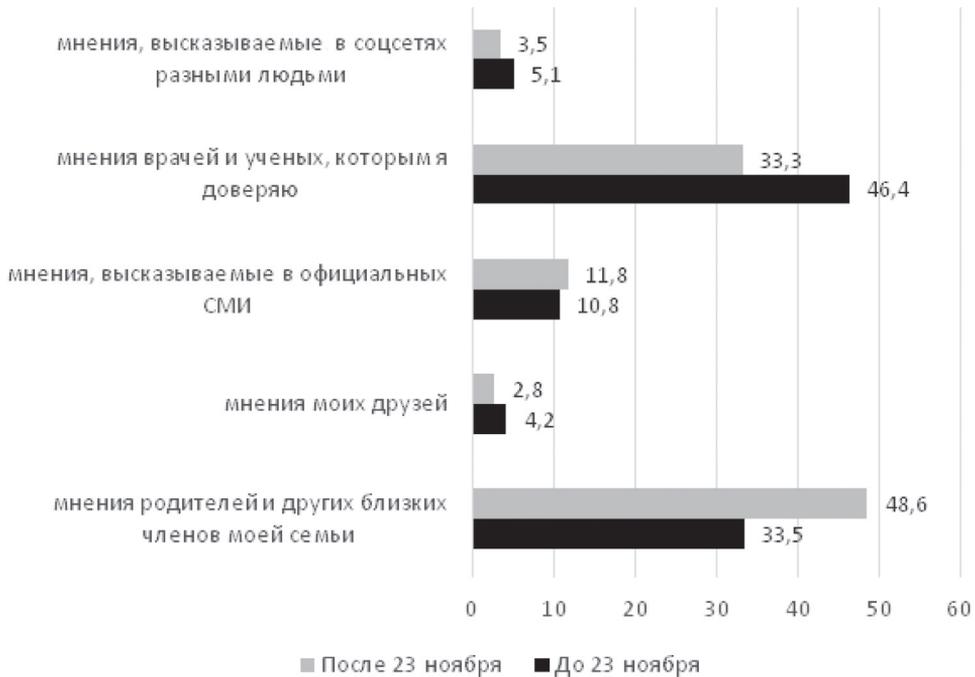

Рис. 3. Особенности доверия студентов к различным источникам информации о пандемии (процентное соотношение ответов) на разных этапах исследования

($\chi^2=53,485$; $p\leq 0,01$). В то же время студенты, которые активно прислушиваются к точкам зрения самых разных людей (врачей, ученых, родителей и других родственников, друзей, представителей СМИ, участников социальных сетей), чаще остальных сообщали о готовности самостоятельно принимать решение об использовании средств защиты (ответ: «я бы надевал маску, если бы считал, что она необходима»; $\chi^2=93,706$; $p\leq 0,01$).

Три пункта анкеты непосредственно были посвящены проблематике соблюдения масочного режима.

Первый из них был сформулирован так: «**Многие молодые люди в нашей стране сегодня не соблюдают масочный режим, потому что...** (отметьте

три аргумента, более всего отражающие Вашу точку зрения)».

Как видим (рис. 4), выбранные аргументы различны, но чаще всего студенты отмечали, что маски не носят те, кто не верит в их защитные свойства, считают их неудобными или вредными для здоровья, что напрямую совпадает с их социальным представлением о маске.

Ответы студентов на вопрос: «**Если бы не было распоряжений правительства и мэрии, Вы бы пользовались масками самостоятельно?** (выберите один ответ)» показывают, что большинство (63,9%) носили бы маски, но только если бы приняли такое решение сами; 17,5% прислушались бы к требованию руководства учреждения носить маску;

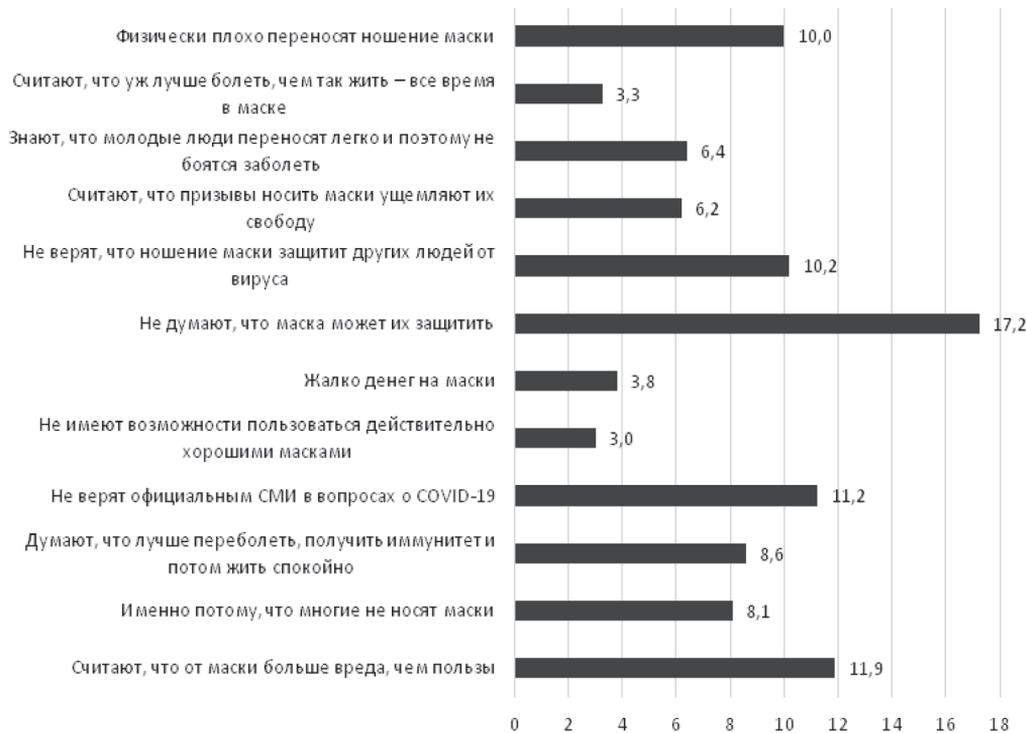

Рис. 4. Причины несоблюдения молодыми людьми масочного режима, по мнению студентов (процентное соотношение ответов)

15,5% всегда носили бы маску, и лишь 3,1% дали ответ: «Я бы, несмотря ни на что, никогда не использовал маску». Таким образом, можно сказать, что по разным основаниям, но большинство студентов готовы носить маски. Лучше, по их мнению, чтобы это было их собственное решение, а не навязанное извне.

Наконец, в ответах студентов на вопрос: «**Если Вы ответили, что не использовали бы маски самостоятельно, то по каким причинам?** (выберите не более двух вариантов ответа)» зафиксировано определенное различие на первом и на втором этапе исследования (см. рис. 5).

В течение нашего исследования студенты чаще всего называли в качестве причин, по которым они не использовали бы маски самостоятельно (без требова-

ний и санкций извне), то, что испытывают дискомфорт от их ношения и не верят в надежность защиты от вируса с помощью масок. Это, как было показано выше, характеризует и социальное представление студентов о маске. Однако на втором этапе опроса была зафиксирована (с помощью таблиц сопряженности) тенденция к снижению числа подобных утверждений ($\chi^2=5,391$; $p=0,612$). То есть к концу нашего исследования студенты, которые отказываются от самостоятельного (добровольного) использования масок, стали реже высказывать недоверие надежности этого средства защиты. С другой стороны, в ответах этой категории студентов возросла доля «фаталистических» высказываний: «Чему быть, того не миновать, надевай средства защиты или не надевай».

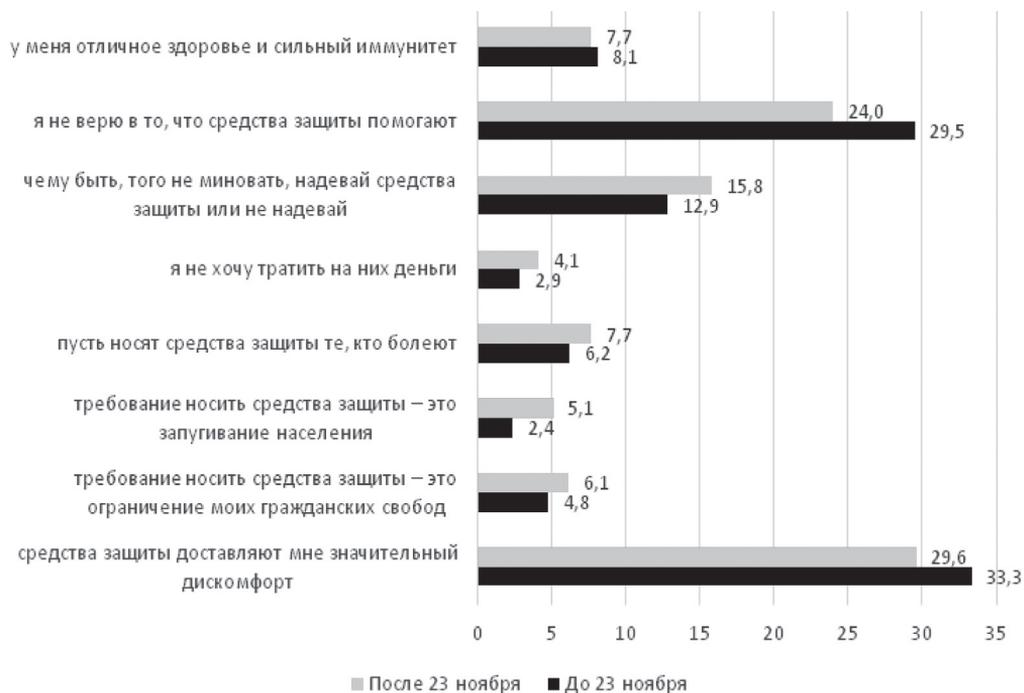

Рис. 5. Мнения студентов о причинах отказа студентов от добровольного использования масок (процентное соотношение ответов) на разных этапах исследования

3. Выраженность страха заболевания COVID-19

Можно было бы изначально предположить, что при в целом достаточно спокойном отношении молодых людей к COVID-19 какая-то часть все-таки всерьез опасается этого заболевания. И социальное представление о COVID-19, и ответы на вопросы нашей анкеты это подтвердили, но какая именно часть студентов реально испытывает страх перед COVID-19, было непонятно. Для уточнения ответа на этот вопрос мы использовали специальный опросник «The Fear of COVID-19 Scale» [9], разработанный американскими исследователями и адаптированный для российской выборки учеными Костромского государственного университета.

Шкала страха перед COVID-19, с помощью которой проводилась диагностика, содержит 7 утверждений, степень своего согласия с каждым из которых участники исследования указывают, используя пятибалльную шкалу Лайкерта. Варианты ответов: «совершенно не согласен», «не согласен», «затрудняюсь ответить», «согласен» и «полностью согласен». Чем выше общий балл, тем больше выражен страх перед коронавирусом-19.

Результаты применения Шкалы показали приблизительно равномерное распределение опрошенных студентов по трем уровням страха: низкий – 35,1%, средний – 33%, высокий – 32%. Усредненные показатели выраженности страха у девушек (15,43 балла) чуть выше, чем у юношей (14,7 балла); различия не значимы.

4. Связь выраженности страха перед COVID-19 с особенностями стратегий совладания со стрессом

Важной личностной характеристикой, позволяющей эффективно справляться с различными сложными жизненными

ситуациями (ситуация с пандемией COVID-19 именно к таким и относится [5]), являются используемые человеком копинг-стратегии. Одной из гипотез нашего прикладного исследования было предположение о связи между переживаемым страхом перед COVID-19 и стратегиями совладания.

Для проверки этой гипотезы помимо Шкалы страха перед COVID-19 был использован «Опросник самовоспринимаемой гибкости копинга со стрессом» (Self-Perceived Flexible Coping with Stress [13]) в адаптации для российской выборки О.А. Екимчик и Т.Л. Крюковой [1].

Опросник содержит 28 утверждений, характеризующих различные стратегии совладания со стрессом. Респонденты должны оценить степень своего согласия с каждым из утверждений по 7-балльной шкале Лайкерта. Результаты применения опросника позволяют охарактеризовать склонность субъекта к предпочтению стратегий копинга со стрессом согласно следующим трем субшкалам:

- 1) MCSU – множественный копинг/использование многих копинг-стратегий (multiple coping strategy use);
- 2) SC – ситуативный копинг (situational coping);
- 3) CR – ригидный (или антигибкий) копинг (coping rigidity).

Наиболее продуктивной стратегией совладания со стрессом является множественный копинг.

Полученные нами результаты показали, что студенты склонны выбирать преимущественно стратегии ситуативного (28,7% респондентов) и множественного (26,7%) копинга в ответ на возникновение в их жизни различных стрессоров, в меньшей степени – ригидного (19,6%) способа совладания (критерий Фридмана, различия значимы при $p \leq 0,01$). То есть большинство студентов считают,

что в разных стрессогенных ситуациях они способны использовать различные способы совладания, зачастую несколько специфических.

При сопоставлении выраженности страха студентов перед пандемией COVID-19 и предпочитаемыми стратегиями совладания со стрессом были получены следующие данные (рис. 6).

Использование критерия Краскела-Уоллиса показало, что различия в выборе копинг-стратегий для студентов с разным уровнем выраженности страха значимы на уровне 0,01. Полученные данные свидетельствуют о том, что гибкий, множественный (наиболее продуктивный) копинг, а также соответствующий ситуации способ совладания со стрессом применяют, как правило, студенты с низким уровнем выраженности страха. Ригидный копинг свойствен студентам, в наибольшей мере ощущающим страх заболевания COVID-19.

Корреляционный анализ данных с помощью критерия Спирмена также подтвердил связь ($p \leq 0,01$) между выраженностью страха и предпочтением стратегий множественного ($r = -0,288$) и ригидного ($r = 0,150$) копинга.

За время проведения нашего исследования отмечен рост склонности студентов к применению стратегии ригидного копинга: выявлена положительная корреляция на 5%-ом уровне между датой ответов студентов и их склонностью к выбору ригидного копинга (критерий r -Спирмена, $p = 0,026$). При этом обнаружена тенденция к снижению показателей ситуативного и множественного копинга (табл. 3).

Обсуждение результатов

Полученные в исследовании данные свидетельствуют об отсутствии у студен-

Рис. 6. Доминирующие копинг-стратегии у студентов с различным уровнем страха заболевания COVID-19 (усредненные показатели, в баллах)

Результаты статистической проверки связи выраженности страха заболевания COVID-19 и доминирующей копинг-стратегии

		Множественный копинг	Ситуативный копинг	Ригидный копинг
Дата опроса	Коэффициент корреляции	-,081	-,082	,102*
	Знч. (2-сторон)	,076	,072	,026
Шкала страха	Коэффициент корреляции	-,288**	-,025	,150**
	Знч. (2-сторон)	,000	,579	,001

Примечания. * — корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя); ** — корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

тов единодушного мнения в пользу соблюдения противоэпидемиологических мер в период пандемии COVID-19 (нормативного поведения), что, в свою очередь, связано с определенным отношением разных студентов к самой пандемии, к защитным маскам, к информации, распространяемой разными источниками, с референтностью этих источников и т.п. Все эти моменты определенным образом отражаются в социальных представлениях членов этой социальной группы о пандемии COVID-19 и о маске как способе защиты от заболевания, что подтверждает первую из выдвинутых в исследовании гипотез. В обоих изучавшихся социальных представлениях (о пандемии и о маске) просматривается достаточно явная «эгоистическая» позиция, с которой представители социальной группы студентов смотрят на COVID-19 как на не слишком для себя опасное заболевание, но при этом приносящее с собой массу неудобств, в числе которых и защитная маска, которую, увы, надо носить (приказано, штрафы, хотя, может быть, и немного полезно и т.д.). В этой позиции обращает на себя внимание практически полное отсутствие просоциальной мотивации, связанной с общественной пользой, с заботой о других людях, даже родственниках. И этот момент, с нашей точки зрения, может быть важной мишен-

ью психолого-педагогической работы со студентами.

Вторая гипотеза — о преимущественном доверии студентов к информации, распространяемой в социальных сетях, — не нашла своего подтверждения. Для большинства студентов референтными источниками информации о COVID-19 оказались, с одной стороны, ученые и врачи, а с другой — родители и другие близкие члены семьи, причем по мере ухудшения ситуации с заболеваемостью в Москве именно доверие к мнению близких людей стало преобладать.

В этом контексте обратим внимание на следующий, важный с практической точки зрения, момент. Проведенное нами исследование выявило явное противоречие в отношении студентов к соблюдению масочного режима: с одной стороны, они настаивают на том, что каждый человек должен самостоятельно принимать решение о его соблюдении, с другой — полагают, что наилучшей стратегией является введение жестких карантинных ограничений (к которым относятся при этом отрицательно) при жестком внешнем контроле за их исполнением. Предпочтение той или иной стратегии оказалось связанным с тем, как студенты оценивают имеющуюся информацию о пандемии: как преувеличивающую ее опасность или как преуменьшающую. Выявленное противоречие — также

важная мишень для практической работы со студентами, включающей и работу с информацией. Исследование, в частности, показало, что студенты, которые активно прислушиваются к мнениям самых разных людей (врачей, ученых, родителей и других родственников, друзей, представителей СМИ, участников социальных сетей), чаще остальных сообщали о готовности самостоятельно принимать решение об использовании средств защиты. По-видимому, такой выбор можно объяснить большим объемом информации, которая необходима студентам для принятия собственного решения, с одной стороны, а с другой — тем, что студенты с более выраженной субъектностью личности активнее ищут разную информацию для принятия своего решения.

Судя по результатам ответов респондентов на вопросы анкеты, студентам в основном мешает в полной мере осознавать необходимость для себя и для других людей средств защиты от коронавирусной инфекции недоверие к средствам массовой информации, неверие в надежность маски как средства защиты, а также дискомфорт, причиняемый ношением масок. При этом стоит отметить, что недоверие адресовано в основном средствам массовой коммуникации (в том числе — социальным сетям), а вот врачам и ученым студенты доверяют вполне. Отсюда можно сделать предположительный вывод о том, что направленная на здоровьесбережение информация должна исходить преимущественно от компетентных людей и других авторитетных источников, а не от «посредников» в виде СМИ.

Большое значение для студентов имеет мнение не только специалистов, но и родителей, других близких людей. Поэтому можно сказать, что просвещение относительно пандемии и средств противостояния ей должно вестись системно и

быть направленным на все референтное окружение студента, а не только на самих обучающихся. Самим студентам следует стремиться черпать информацию из различных, в том числе не использованных ранее источников, чтобы составить для себя наиболее объективную картину ситуации.

Ряд исследователей, как отечественных, так и зарубежных, обращают внимание на наблюдаемые у студенческой молодежи в период пандемии достаточно тяжелые эмоциональные переживания — страх, депрессию, панические настроения, посттравматическое стрессовое расстройство и т.п. В разных странах исследователи фиксируют от 8 до 65% молодых людей, подверженных таким переживаниям [5; 9; 11; 15]. Доминирование подобных негативных эмоций связывают со специфическими стратегиями совладания со стрессом. В ряде исследований, проведенных на отечественных выборках, были получены данные, определенным образом совпадающие с полученными в нашем исследовании.

Так, было показано, что российская студенческая молодежь с целью совладания, в частности, с информационным стрессом в период пандемии COVID-19 использует преимущественно конструктивные копинг-стратегии планирования, положительной переоценки, самоконтроля, характеризующиеся целенаправленным анализом ситуации и возможных вариантов поведения, включая определение направлений личностного развития. Вместе с тем значительная часть студентов прибегает к использованию деструктивных копинг-стратегий избегания, конфронтации, дистанцирования, вызванных негативными переживаниями и приводящих к циркуляции неофициальной информации о пандемии [3].

Было также выявлено, что возникающая по поводу пандемии тревога свя-

зана именно с негативными эмоциями и не связана с позитивными эмоциями и удовлетворенностью жизнью. В то же время, изучая стратегии совладания в сложившейся ситуации, исследователи пришли к выводу, что чаще других людьми назывались такие копинг-стратегии, как позитивное переформулирование и личностный рост, принятие, планирование, активное совладание и юмор [7].

Выявилась и важность субъективной оценки угрозы коронавируса с опорой на информацию, транслируемую в СМИ либо получаемую из реальных жизненных историй: люди, полагающие, что эта угроза в СМИ «сильно преувеличена», характеризуются большим спокойствием, субъективным ощущением понимания происходящего и склонны считать, что ситуация с пандемией не нуждается в особых усилиях по контролю. Однако респонденты, имеющие родственников, переболевших COVID-19, воспринимают пандемию как более угрожающую, менее понятную и требующую большего контроля. Отмечается также, что оценка угрозы от пандемии играет опосредующую роль между страхом неизвестной болезни и возможностью ее контроля [6].

В исследовании, проведенном нами, также были выявлены группы студентов, по-разному оценивающие степень угрозы коронавируса и в зависимости от этого по-разному относящиеся к масочному режиму, что подтверждает третью гипотезу исследования. Вместе с тем и специфика социальных представлений, и ответы на вопросы анкеты позволяли предположить, что для многих студентов ситуация с COVID-19 является очевидно стрессовой. В этом контексте нами проверялась гипотеза о связи между уровнем страха и особенностями доминирующих копинг-стратегий. Эта гипотеза была подтверждена, что позволяет

сформулировать практически важный вывод о наличии определенной (достаточно многочисленной) группы риска, которую составляют студенты с высоким уровнем страха перед COVID-19, с одной стороны, и доминированием неэффективных копинг-стратегий — с другой. Такие студенты нуждаются в проведении с ними специальной психолого-педагогической работы.

Можно сказать, что ответы студентов в некоторых вопросах оказались противоречивыми. С одной стороны, они признают высокую значимость проблемы, с другой — в недостаточной мере готовы соблюдать необходимые меры предосторожности; также многие не могут определить своего отношения к проблеме вирусной инфекции. В этой связи интересно, на наш взгляд, выявленное в процессе анкетирования желание студентов опираться на собственное мнение в принятии решений относительно COVID-19 (*надевал бы маску в случае, если бы это было собственным решением*).

Важнейшим средством убеждения и, как следствие, изменения поведения является, с психологической точки зрения, включение субъекта в деятельность, связанную с проблемой (обсуждение различных ее сторон, волонтерская помощь пострадавшим и т.д.).

Согласно социально-психологической концепции деятельностного опосредствования межличностных отношений, разработанной в рамках психологической теории коллектива академиком РАО А.В. Петровским, именно деятельность (в данном случае — специально организованная) становится инструментом оптимизации убеждений студентов, повышения их мотивации к соблюдению общественно значимых норм поведения, совершенствования межличностных отношений и сплочен-

ности группы вокруг просоциальных ценностей.

Напомним, что психологическая теория коллектива как отечественная научная традиция исследования малой группы была создана на основе результатов успешного практического применения идей А.С. Макаренко, Л.И. Уманского, А.В. Петровского и других выдающихся отечественных психологов и педагогов. Важной частью социально-психологической работы в рамках этой теории является сплочение малой группы на основе просоциальной совместной деятельности, в которой каждый участник имеет возможность проявить свою индивидуальность не вопреки, а благодаря коллективу. При этом внутригрупповые нормы взаимоотношений и организация совместной деятельности соответствуют более широкой системе общественных отношений [4].

В качестве примера подобной работы со студентами приведем организованный осенью 2020 г. факультетом социальной психологии МГППУ конкурс творческих работ на тему применения медицинских масок в условиях пандемии «Марафон масок». Конкурс представлял собой организацию студенческого взаимодействия, направленного на популяризацию среди студентов медицинских масок, привлечение внимания к необходимости их применения в условиях пандемии, оптимизацию отношения студентов к средствам защиты. Конкурс был инициирован сотрудниками факультета, а затем был организован и проводился силами студентов при поддержке преподавателей и сотрудников факультета. Были объявлены три номинации конкурса: 1. Лучший мем на тему масок (название «меМАСКи»); 2. Самое креативное/красивое фото в маске (название «селфМАСК»); 3. Лучшая декорированная/оформленная/сделанная

маска (название «МАСКард»). «Марафон масок» проходил с 26 октября по 18 ноября 2020 года, в нем приняли участие более 50 студентов факультета. По результатам были определены победители в каждой из трех номинаций, их работы были опубликованы в различных социальных сетях.

Заключение

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о необходимости целенаправленной психолого-педагогической и социально-психологической работы со студентами с целью повышения их осведомленности, психологической защищенности, а также — оптимизации поведения в условиях коронавирусной инфекции как здоровьесберегающего ресурса. Такая работа должна быть комплексной и включать ряд практических мер, разработанных на основе использования социально-психологических закономерностей функционирования личности и группы.

Результаты проведенного нами исследования позволяют наметить пути коррекции психологических установок студентов с целью оптимизации их здоровьесберегающего поведения и, в целом, просоциального развития. Так, например, студентов с наиболее высокими показателями страха перед коронавирусной инфекцией целесообразно выделить в группу риска, для которой следует разработать программу повышения их компетентности в выборе и применении адекватных копинг-стратегий. Полезными будут просветительские меры — в частности, встречи студентов с компетентными учеными-вирусологами.

Основным методом практической работы со студентами, на наш взгляд,

должно стать их деятельностное включение в групповые задачи, направленные на оптимизацию жизнедеятельности людей в условиях пандемии: деловые игры, дискуссии, социально-психологические тренинги, социально значимые проекты, волонтерская работа, подготовка просветительских мероприятий по вопросам пандемии, проводимых студентами для школьников, и т.д. Именно в рамках просоциальной совместной деятельности в группах эффективно вырабатываются новые нормы взаимодействия и установки относительно значимых вопросов, в том числе совершается переход от индивидуалистического сосредоточения внимания на собственных «страданиях», от

вызванного ограничительными мерами дискомфорта к коллективистическому самоопределению личности относительно других людей и общества в целом.

Проведенный конкурс масок — один из способов изменить отношение к маске на более дружелюбное: перестать относиться к маске как к навязанной извне неприятности, подружиться с ней, приручить ее, принять как самостоятельно выбранную помощницу, да еще и сделанную собственными руками. Ведь, как предсказывают специалисты, коронавирус останется с нами надолго, а значит, скорее всего, и маска тоже. И она не должна нам мешать учиться, дружить, любить, жить полноценной жизнью.

Литература

1. *Екимчик О.А., Крюкова Т.Л.* Русскоязычная адаптация опросника самовоспринимаемой гибкости совладания со стрессом // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 5. С. 145—156.
2. *Емельянова Т.П.* Разработка понятия социального представления — новый этап в развитии концептуального аппарата социальной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 379—400.
3. *Кисляков П.А.* Психологическая устойчивость студенческой молодежи к информационному стрессу в условиях пандемии COVID-19 // Перспективы науки и образования. 2020. № 5(47). С. 343—356. DOI:10.32744/pse.2020.5.24
4. *Кондратьев М.Ю., Бабанин П.А.* Интерпретационно-коррекционный алгоритм профессиональной деятельности социального психолога-практика с малой группой // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 4. С. 114—134.
5. *Луковцева З.В.* Пандемия COVID-19 как социальный стрессор: факторы психолого-психиатрического риска (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 13—25.
6. *Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б., Коноховская Ю.Е., Дорохов Е.А.* Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 119—146. DOI:10.17759/crpe.2020090206
7. *Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А.* Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 2. С. 90—108. DOI:10.17759/cpp.2020280205
8. *Abric J.-Cl.* La notion de noyau central: bilans et perspectives actuelles. Actes de la Cinquième conférence Abric internationale sur les représentations sociales. Montréal, 2000. P. 87—88.
9. *Ahorsu D.K., Lin C.-Y., Imani V., Saffari M., Griffiths M.D. and Pakpour A.H.* The Fear of COVID-19 Scale: Development and Initial Validation // International Journal of Mental Health and Addiction. 2020. Mar 27. P. 1—9. DOI:10.1007/s11469-020-00270-8 [Epub ahead of print]

10. Huang L., Lei W., Xu F., Liu H., Yu L. Emotional responses and coping strategies in nurses and nursing students during Covid-19 outbreak: A comparative study // PLoS One. 2020. Vol. 15(8). P. e0237303. DOI:10.1371/journal.pone.0237303
11. Husky M.M., Kovess-Masfety V., Svendsen J.D. Stress and anxiety among university students in France during Covid-19 mandatory confinement // Comprehensive Psychiatry. 2020. Vol. 102. P. 152191. DOI:10.1016/j.comppsy.2020.152191
12. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations / M. Farr & S. Moscovici. (Eds.). Cambridge-Paris: CUP, 1984. P. --69.
13. Zimmer-Gembeck M.J., Skinner E.A., Modecki K., Webb H.J., Rapee R.M., Hawes T. & Gardner A. The self-perception of flexible coping with stress: A new measure and relations with emotional adjustment // Cogent Psychology. 2018. Vol. 5. № 1. DOI:10.1080/23311908.2018.1537908
14. Verges P. L'Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. 1992. Tome XLV. № 405. P. 203–209.
15. Wang Z.H., Yang H.L., Yang Y.Q., et al. Prevalence of anxiety and depression symptom, and the demands for psychological knowledge and interventions in college students during COVID-19 epidemic: A large cross-sectional study // Journal of Affective Disorders. 2020. Vol. 275. P. 188–193. DOI:10.1016/j.jad.2020.06.034

References

1. Ekimchik O.A., Kryukova T.L. Russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika samovosprinimaemoi gibkosti sovladaniya so stressom [Russian adaptation of self-perceived flexible coping with stress inventory]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 2020. Vol. 66, no. 5, pp. 145–156. (In Russ.).
2. Emel'yanova T.P. Razrabotka ponyatiya sotsial'nogo predstavleniya — novyi etap v razvitií kontseptual'nogo apparata sotsial'noi psikhologii [Development of the concept of social representation — a new stage in the development of the conceptual apparatus of social psychology]. In Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. (eds.). *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii [Development of concepts of modern psychology]*. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN», 2018, pp. 379–400. (In Russ.).
3. Kislyakov P.A. Psikhologicheskaya ustoichivost' studencheskoi molodezhi k informatsionnomu stressu v usloviyakh pandemii COVID-19 [Psychological resistance of student youth to information stress in the COVID-19 pandemic]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2020, no. 5 (47), pp. 343–356. DOI: 10.32744/pse.2020.5.24 (In Russ.).
4. Kondrat'ev M.Yu., Babanin P.A. Interpretatsionno-korrektсионnyi algoritm professional'noi deyatelnosti sotsial'nogo psikhologa-praktika s maloi gruppoi [Engaging with Small Groups: Interpretational and Correctional Algorithm in Professional Activities of Practicing Social Psychologist]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2014. Vol. 5, no. 4, pp. 114–134. (In Russ.).
5. Lukovtseva Z.V. Pandemiya COVID-19 kak sotsial'nyi stressor: faktory psikhologo-psikhiatricheskogo riska (po materialam zarubezhnykh issledovanií) [The COVID-19 Pandemic as a Social Stressor: Psychological and Psychiatric Risk Factors (Based on Foreign Studies)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 13–25. DOI:10.17759/sps.2020110402. (In Russ.).
6. Pervichko E.I., Mitina O.V., Stepanova O.B., Konyukhovskaya Yu.E., Dorokhov E.A. Vospriyatie COVID-19 naseleniem Rossii v usloviyakh pandemii 2020 goda [Elektronnyi resurs] [Perception of COVID-19 During the 2020 Pandemic in Russia]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2020. Vol. 9, no. 2, pp. 119–146. DOI:10.17759/cpse.2020090206. (In Russ.).
7. Rasskazova E.I., Leont'ev D.A., Lebedeva A.A. Pandemiya kak vyzov sub"ektivnomu blagopoluchiyu: trevoga i sovladanie [Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being:

Anxiety and Coping]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 2, pp. 90–108. DOI:10.17759/cpp.2020280205. (In Russ.).

8. Abric J.-Cl. La notion de noyau central: bilans et perspectives actuelles. *Actes de la Cinquième conférence Abric internationale sur les représentations sociales*. Montréal, 2000, pp. 87–88.

9. Ahorsu D.K., Lin C.-Y., Imani V., Saffari M., Griffiths M.D., Pakpour A.H. The Fear of COVID-19 Scale: Development and Initial Validation. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2020 Mar 27, pp. 1–9. DOI:10.1007/s11469-020-00270-8 [Epub ahead of print]

10. Huang L., Lei W., Xu F., Liu H., Yu L. Emotional responses and coping strategies in nurses and nursing students during Covid-19 outbreak: A comparative study. *PLoS One*, 2020. Vol. 15(8), p. e0237303. DOI:10.1371/journal.pone.0237303

11. Husky M.M., Kovess-Masfety V., Swendsen J.D. Stress and anxiety among university students in France during Covid-19 mandatory confinement. *Comprehensive Psychiatry*, 2020. Vol. 102, p. 152191. DOI:10.1016/j.comppsy.2020.152191

12. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In // Social representations / M. Farr M., & S. Moscovici S. (eEds.). *Social representations*. Cambridge-Paris: CUP, 1984, pp. 3–69.

13. Zimmer-Gembeck, M.J., Skinner, E.A., Modecki K., Webb H.J., & Rapee R.M., Hawes T., & Gardner A. (2018). The self-perception of flexible coping with stress: A new measure and relations with emotional adjustment. *Cogent Psychology*, . 2018. DOI:10.1080/23311908.2018.1537908

14. Verges P. L'Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentationrepresentation. // *Bulletin de psychologie*,. 1992. Vol. Tome XLV, n. No. 405, pp. 203–209.

15. Wang Z.H., Yang H.L., Yang Y.Q., et al. Prevalence of anxiety and depression symptom, and the demands for psychological knowledge and interventions in college students during COVID-19 epidemic: A large cross-sectional study. *Journal of Affective Disorders*, 2020. V, vol. 275, pp. 188–193., DOI:10.1016/j.jad.2020.06.034

Информация об авторах

Крушельницкая Ольга Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: social2003@mail.ru

Маринова Татьяна Юрьевна, кандидат биологических наук, доцент, декан факультета социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: marinovatu@mgppu.ru

Погодина Алла Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии управления, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0549-712X>, e-mail: pogodinaav@mgppu.ru

Расходчикова Марина Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3703-4744>, e-mail: rashodchikovamn@mgppu.ru

Толстых Наталия Николаевна, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной психологии развития, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Information about the authors

Olga B. Krushelnitskaya, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: social2003@mail.ru

Tatyana Yu. Marinova, PhD in Biology, Associate Professor, Dean of Social Psychology Faculty, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: marinovatu@mgppu.ru

Alla V. Pogodina, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Management Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0549-712X>, e-mail: pogodinaav@mgppu.ru

Marina N. Raskhodchikova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3703-4744>, e-mail: rashodchikovamn@mgppu.ru

Natalia N. Tolstykh, Doctor of Psychology, Professor, Division Head of the Social Psychology of Development, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Получена 19.01.2021

Принята в печать 24.02.2021

Received 19.01.2021

Accepted 24.02.2021

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

«Казус реципрокности» и другие «неудобства с идентичностью»

Ильин В.А.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

(ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7784-5616>, e-mail: va0405@mail.ru

Понятие «идентичность», введенное в психологический лексикон Э. Эриксоном и эмпирически верифицированное его последователями, на сегодняшний день прочно вошло в обиход представителей не только всего спектра гуманитарных наук, но и политиков, политологов, публицистов. При этом сразу вслед за выходом первого издания работы Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис» высказывались серьезные сомнения в обоснованности и содержательной ценности использования данного понятия в отечественном научном дискурсе, ставшие на сегодняшний день неожиданно актуальными. Так что же происходит с «идентичностью»? Где заканчивается научное понятие и начинается расхожий штамп? Где проходит граница между исследованием реальной научной проблематики и наукообразной псевдодеятельностью? Попытка дать ответы на эти вопросы предпринята в нижеследующих авторских размышлениях.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, психосоциальная теория развития.

Для цитаты: Ильин В.А. «Казус реципрокности» и другие «неудобства с идентичностью» // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 222–235. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120114>

“The Casus of Reciprocity” and Other “Inconveniences with Identity”

Valery A. Ilyin

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7784-5616>, e-mail: va0405@mail.ru

The concept of “identity”, introduced into the psychological lexicon by E. Erickson and empirically verified by his followers, has now become firmly used by representatives of not only the entire spectrum of the humanities, but also politicians, political scientists, and publicists. At the same time, immediately after the release of the first edition of E. Erickson’s work “Identity: Youth and Crisis”, serious doubts were expressed about the validity and substantive value of using this concept in Russian scientific discourse, which have become unexpectedly relevant today. So what happens to “identity”? Where does a scientific concept end and a common cliché begin? Where is the border between the study of real scientific problems and pseudo-scientific activity? An attempt to give answers to these questions is undertaken by the following author’s thoughts.

Keywords: identity, identification, psychosocial developmental theory.

For citation: Ilyin V.A. “The Casus of Reciprocity” and Other “Inconveniences with Identity”. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 222–235. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120114> (In Russ.).

Некоторое время назад в редакцию поступила статья с описанием исследования, в котором на выборке из 38-ми, кажется, студентов изучалась взаимосвязь между представлениями о регионах и социальной идентичностью российской молодежи. Статья не была рекомендована к публикации в силу не только очевидной неадекватности выборки масштабу заявленной проблематики, но и по целому ряду иных причин. Вспомнилось об этом, разумеется, не к тому, чтобы лишний раз «кинуть камень в огород» авторов статьи — в редакцию приходят куда как более странные опысы. Просто это свежий и достаточно яркий пример из целого ряда подобных, демонстрирующих удивительные метаморфозы, происходящие на наших глазах с понятием «идентичность». Зачастую создается впечатление, что в глазах значительной части не только молодых и не очень представителей психологической науки, но и современных российских интеллектуалов вообще само это слово наделено особой значимостью, стилистической привлекательностью, если угодно, даже некоей сакральностью, а его использование в любом исследовании, в любой публикации, в любом спиче на любом ток-шоу автоматически придает особую глубину и солидность сделанному, написанному, сказанному. И одновременно наделено, как ни парадоксально, чем-то настолько легковесно-бессмысленным, что его можно свободно использовать практически в любом контексте, не задумываясь особо, а что же все-таки оно означает. В чем причины этого странного парадокса? Где заканчивается науч-

ное определение и начинается расхожий штамп? Попробуем разобраться.

Понятие «идентичность», по образному выражению Н.Н. Толстых, «буквально ворвалось» в отечественный научный, прежде всего психологический, лексикон во второй половине 90-х гг. прошлого века [7]. И связано это, безусловно, с выходом в свет в 1996-м году фундаментальной работы Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис» на русском языке. Несомненно, тут немалую роль сыграл «эффект новизны» — до этого момента об Э. Эриксона и психосоциальном подходе к проблеме развития имел какое-то представление только узкий круг специалистов. Не случайно свою вступительную статью к упомянутому изданию А.В. Толстых назвал «Неизвестный классик» [6]. Но дело, думается, не только в этом. Рискнем предположить, что в сравнительно небольшой по объему, но очень многоплановой, по сути дела полидисциплинарной монографии каждый специалист нашел что-то «свое», актуальное для исследуемой им проблематики. Как бы там ни было, понятие, что называется, «зашло».

Вместе с тем практически одновременно с введением понятия «идентичность» в отечественный научный лексикон стали появляться сомнения в обоснованности и содержательной ценности такого нововведения. Так, в частности, в 1998-м году в журнале «Вопросы философии» была опубликована статья В.С. Малахова «Неудобства с идентичностью», в которой сам термин, его словоупотребление, а также те, кто, собственно говоря, его использует, подверглись жесткой критике [3]. С точки зрения ав-

тора упомянутой статьи, «идентичность» как научное понятие и его использование в научно-исследовательской практике имеют, как минимум, два системно-методологических изъяна.

Во-первых, это «эффект добавленной валидности». «Эффект этот, по мнению В.С. Малахова, состоит в завышенных ожиданиях от чужого слова, в приписывании термину, пришедшему из иностранных языков, особой значимости, что, в свою очередь, сопряжено с некорректным употреблением такого термина» [3, с. 27]. Добавим, что, на наш взгляд, данный эффект никоим образом не может быть сведен к пресловутому «низкопоклонству перед Западом». Речь, скорее, должна идти о стремлении использовать звучные определения и понятия, которые, что называется, «на слуху». За этим может стоять желание «придать вес» разработке или публикации, следование своего рода «научной моде», а зачастую и попытка скрыть за нарочитой многозначительностью и наукообразностью отсутствие реального содержания.

И, во-вторых, «феномен, со времен Канта называемый гипостазированием. Это принятие предмета мыслимого за предмет сам по себе, или, выражаясь жестче, превращение мысли в вещь» [3, с. 35]. Либо, выразимся еще жестче, превращение проблемы умозрительной, попросту говоря, надуманной в проблему реальную как предмет научного исследования.

При том, что, как мы постараемся показать ниже, подобного рода упреки к вообще любому использованию понятия «идентичность» в научном дискурсе и к любым исследованиям идентичности совершенно несостоятельны, в последние годы они неожиданно приобрели реальную актуальность. Это связано с тем, что с понятием «идентичность» происходит

нечто очень похожее на историю с понятием «коллектив». Последнее, введенное в научный обиход А.В. Петровским как научно выверенное и эмпирически верифицированное определение группы высокого уровня развития просоциальной направленности (еще раз подчеркнем, что А.В. Петровский, конечно же, не «изобрел» само слово «коллектив», а ввел его как научное понятие в предметно-проблемное поле социальной психологии) с течением времени превратилось в расхожий идеолого-публицистический штамп, лишенный не только научного, но и вообще какого-либо внятного содержания. Более того, по конъюнктурно-идеологическим «разнарядкам» «коллективы» формировались не только в каждом школьном классе, в каждом заводском цеху, в каждом воинском подразделении, но даже в отрядах заключенных, отбывающих наказание. Понятно, что все это не имело никакого отношения к предметному содержанию, вкладываемому А.В. Петровским в понятие «коллектив» в рамках стратометрической концепции [4].

Как уже было сказано, аналогичные метаморфозы происходят на наших глазах с научно выверенным и эмпирически верифицированным в рамках психосоциальной теории развития понятием «идентичность». С необыкновенной легкостью психологи, социологи, культурологи и представители других гуманитарных наук рассуждают о «профессиональной», «этнической», «национальной», «этнонациональной», «личностной», «социальной», «семейной» и прочих «идентичностях». О всевозможных колумнистах, публицистах, политологах, аналитиках в данном контексте, что называется, «к ночи лучше не вспоминать». Стало совершенно обычным делом, когда на вопрос, обращенный к очередному исследователю очередной

«идентичности»: «А что конкретно Вы под этим понимаете? Дайте, пожалуйста, определение», следует ответ: «Ну, это результаты, полученные с помощью нашего опросника». Т.е. «исследовательская программа» выстраивается примерно следующим образом. Первооткрывателю очередной идентичности приходит в голову, вполне возможно, не лишенная оснований мысль: а ведь наверняка есть экологическая, скажем, идентичность. Далее разрабатывается опросник, возможно, вполне надежный и валидный с точки зрения выяснения отношения респондентов к экологическим проблемам, их личностных установок, ценностных ориентаций и т.п. И на основе ответов на вопросы типа: «Готовы ли Вы в качестве волонтера участвовать в программах по защите окружающей среды?» делается вывод о том, что у респондента А с «экологической идентичностью» все в порядке, а у респондента Б — не очень. На наш взгляд, типичный пример гипостазирования и эффекта добавленной валидности, что называется, «в одном пакете». В свете сказанного представляется не только целесообразным, но и необходимым еще раз четко обозначить границы предметно-проблемного поля, описываемого понятием «идентичность», и конкретизировать его содержание именно применительно к психологической реальности.

Итак, что же такое идентичность? Прежде всего оговорим, что, как и любое другое слово, «идентичность», безусловно, не воробей и даже не какая-то экзотическая птица, а следовательно, не может быть посажено в «клетку». В качестве лексической единицы термин может употребляться кем угодно, где угодно, как угодно — корректно, не вполне корректно, совсем не корректно в содержательном плане. Ограничивать слово-

употребление попросту невозможно, да мы и не претендуем на роль цензоров. Но вот что касается научного понятия, то здесь границы попросту необходимы — в противном случае оно не отвечает критериям научности — попросту перестает быть «научным» (как было показано выше, именно это и происходит с понятием «идентичность»). Достаточно очевидно, что границы применения научного понятия определяются предметно-проблемным полем, описываемым им — в нашем конкретном случае интра- и интерпсихической реальностью, обозначаемой как «идентичность». Надо сказать, что вопрос этот сам по себе достаточно непростой и дискуссионный. При этом, как нам казалось, вроде бы вполне удовлетворительно разрешенный в целом ряде работ, в том числе и отечественных исследователей. Однако обозначенные выше актуальные тенденции употребления понятия «идентичность» в российской науке и социальной практике вынуждают в очередной раз вернуться к нему.

На протяжении многих лет периодически можно было встретить «определение» идентичности как «тождественности самому себе». Если задуматься буквально на минуту, становится очевидным, что трудно вообразить что-либо более свертривиально-бессмысленное. В самом деле — любой предмет, как одушевленный, так и неодушевленный, «здесь и сейчас» тождественен самому себе. Шизофреник в остром клиническом состоянии тождественен самому себе как шизофренику. Если вдруг он начнет адекватно воспринимать действительность, критично оценивать свое мироощущение и поступки, он перестанет быть шизофреником.

Другое, столь же популярное и очень близкое по сути «определение» идентич-

ности связано с ответом на вопрос «Кто я?». В рамках многочисленных исследований, посвященных этнической, профессиональной и прочим «идентичностям», данное понятие трактуется именно в логике ответа на этот вопрос. Между тем на неадекватность такого рода трактовки прямо указывал Э. Эриксон. «Еще раз подчеркивая взаимосвязь биографии и истории, — писал он, — я должен упомянуть о досадном и странном, никогда мной не подразумевавшемся отождествлении термина “идентичность” с вопросом “Кто я?”. Человек задает себе такой вопрос, либо временно находясь в болезненном состоянии, либо в момент плодотворного внутреннего конфликта, или в отрочестве, когда эти два состояния могут совпадать» [8, с. 328].

При всей справедливости данного замечания невозможно пройти мимо того обстоятельства, что оно дано, во-первых, с авторской позиции и, во-вторых, как следствие, жестко привязано к одному конкретному концептуальному подходу, а следовательно, в известной степени изначально ограничено в теоретико-методологическом плане. Рассмотрим, что есть ответ на вопрос «Кто я?» применительно к предмету нашего разговора в более широком контексте.

Достаточно очевидно, что сам по себе ответ на вопрос «Кто я?» («я — инженер», «я — родитель», «я — россиянин», «я — православный» и т.д.) не является признаком болезненного состояния, как, впрочем, и плодотворного внутреннего конфликта — это ролевая, этническая, религиозная и т.п. идентификация, иными словами, отождествление себя с кем-либо или с кем-либо. Подчеркнем, именно отождествление, а не тождественность — если некто заявляет «я тот-то и тот-то», он совсем не обязательно действительно этим является. Поясним это примером.

Согласно имеющейся статистике, абсолютное большинство граждан Российской Федерации (по разным данным от 65 до 79 процентов) позиционируют себя как православные. Вместе с тем (и это безоговорочно признают представители РПЦ) число «верующих», способных хотя бы без «шпаргалки» прочитать «Символ Веры», не говоря уже о понимании смысла Таинств, Богослужений, знания Священного Писания и Священного Предания, истории церкви, как минимум, в разы меньше. Т.е. в данном случае мы имеем дело, строго говоря, даже не с идентификацией, а с псевдоидентификацией — отождествлением индивидом себя по формальному признаку (в младенчестве был крещен родителями, русский, значит православный и т.п.) с чем-то, о чем он имеет самое смутное представление. Понятно, что такого рода ограниченность идентификации как индивидуально-личностной и социально-психологической характеристики индивида давно не секрет и не новость. В этой связи имеет место еще одна достаточно распространенная трактовка понятия «идентичность» как суммы значимых идентификаций, иными словами, множества ответов на вопрос «Кто я?».

Вообще-то говоря, такого рода образ собственного «Я» давно и широко известен в социальной, прежде всего, психологии как «я-концепция». И использование понятия «идентичность» в этом случае представляется не более чем тягой к следованию некоей «научной» моде. Другое дело, что если проанализировать под определенным углом зрения сумму идентификаций, связанных, к примеру, с профессиональной деятельностью, можно выявить некую системообразующую сущностную характеристику и обозначить ее как профессиональную идентичность индивида.

да. И здесь возникает принципиальный вопрос — а чем же все-таки идентичность отличается от идентификации (заметим в этой связи, что, к примеру, в исследованиях по социальной идентичности личности понятия «идентификация» и «идентичность» часто рассматриваются, по сути дела, как синонимичные)? Чтобы ответить на него еще раз, обратимся к Э. Эриксону. Рассматривая связку «идентификация» — «идентичность» в рамках психосоциального подхода к проблеме развития, он писал: «Формирование идентичности начинается там, где идентификация становится непригодной. Она вырастает из избирательного отказа от одних и взаимной ассимиляции других детских идентификаций и их объединения в новую конфигурацию, которая, в свою очередь, определяется процессом, посредством которого общество (часто через субкультуры) идентифицирует юного индивида с тем, кем он, само собой разумеется, должен стать. ... У ребенка в результате множества успешных пробных идентификаций начинают складываться ожидания по поводу того, что значит быть старше и что означает быть моложе, ожидания, которые становятся частью идентичности по мере того, как они, шаг за шагом, проверяются психосоциальным опытом. Установившаяся к концу отрочества идентичность включает в себя все значимые идентификации, но в то же время изменяет их с целью создания единого и причинно связанного целого» [8, с. 170—171].

Итак, идентичность никоим образом не сводится к сумме даже реально значимых идентификаций, хотя они и являются, образно говоря, «строительным материалом» для ее формирования. Идентичность — это принципиально иной, более высокий уровень интрапси-

хического (а в целом ряде случаев и социального) развития. Идентичность можно охарактеризовать как типичный пример синергического эффекта — это тот самый случай, когда целое больше арифметической суммы его составляющих. Разумеется, к приведенному рассуждению Э. Эриксона применимы те же упреки в теоретико-методологической ограниченности и, если угодно, предвзятости, о которых шла речь выше. Однако в данном случае, на наш взгляд, имеют место два существенных контраргумента.

Прежде всего, при том, что рассмотрение связки «идентификация» — «идентичность» в содержательном и процессуальном аспектах построено в узко предметных рамках психосоциальной концепции индивидуально-личностного развития, сам по себе подход Э. Эриксона позволяет выйти за рамки обозначенного методологического тупика и наполнить понятие «идентичность» реальным содержанием.

Помимо этого невозможно игнорировать тот факт, что именно концептуальные разработки Э. Эриксона и его последователей были и остаются фундаментальными исследованиями, в которых проблема идентичности разрабатывалась наиболее детально и последовательно применительно не только к индивидуально-личностному, но и к социальному развитию (напомним, что эпигенетический принцип, согласно которому «все, что развивается, имеет исходный план развития, в соответствии с которым появляются отдельные части — каждая имеет свое время доминирования, — откуда все эти части не составят способного к функционированию целого» [8, с. 4], Э. Эриксон рассматривал как универсальный, применимый к анализу процессов онто- и социогенетического развития в их взаимосвязи). В этой связи представляется

целесообразным рассмотреть, а что же именно понимал Э. Эриксон под идентичностью в рамках своей концепции.

Отметим прежде всего — анализ работ Э. Эриксона позволяет с полным на то основанием предположить и даже утверждать, что, вводя в свою концепцию развития понятие «идентичность» как одно из ключевых и системообразующих, он не имел в виду буквального значения самого слова — «тождественность», «одинаковость» — что-то там тождественно чему-то. Речь идет скорее о метафоре — не случайно целый ряд исследователей (Д. Зиглер, С. Клонингер, Л. Хьелл и др.), отнюдь не критично, заметим, относящихся к концепции Э. Эриксона в целом, отмечали чрезмерную, на их взгляд, образность и метафоричность ее изложения [1; 2]. Но это детали. Вернемся к пониманию идентичности как особого вида психической реальности Э. Эриксоном.

Для этого обратимся к комментарию Э. Эриксона к одному из писем У. Джеймса к жене: «Характер человека — пишет У. Джеймс, — проявляется в том его умственном или моральном состоянии, когда в нем наиболее интенсивно и глубоко ощущение его собственной активности и жизненной силы. В такой момент внутренний голос говорит ему: «*Это и есть настоящий я*».

Такой опыт всегда предполагает элемент активного напряжения, некоторой стойкости и веры в то, что внешние обстоятельства помогут ему, но не полную *уверенность* в этом. При полной уверенности это состояние переходит в нечто косное и тупое. Отнимите эту уверенность, и я испытаю (при условии, что я вообще в этом энергичном состоянии) какое-то восторженное блаженство, горькую решимость сделать все, что угодно, и все преодолеть... и хотя это всего лишь настроение или эмоция, не выраженная

в слове, она является глубочайшей основой всех моих практических и теоретических устремлений» [8, с. 28]. Комментируя письмо У. Джеймса, Э. Эриксон замечает: «Джеймс употребляет слово “характер”, но я позволю себе утверждать, что он описывает чувство идентичности и что описанное им в принципе доступно опыту любого человека» [8, с. 28]. Что же мы видим? Э. Эриксон берет цитату даже не из научного трактата, а из личной переписки «бородатого патриарха», заменяет слово «характер» на «идентичность» и дело сделано? Чем это отличается от замены той же «я-концепции» «идентичностью»? Да ровным счетом ничем, если бы Э. Эриксон этим и ограничился, как делают некоторые первооткрыватели всевозможных «идентичностей». Но в случае Э. Эриксона все гораздо сложнее и глубже.

Прежде всего, почему, в самом деле, из обширного научного наследия У. Джеймса именно этот отрывок из письма так привлек его внимание? Почему он считает, что именно в нем описывается «чувство идентичности»? Вернемся еще раз к письму У. Джеймса. Итак, в нем идет речь о некоем особом состоянии индивида, которое характеризуется избытком энергии, целеустремленностью, готовностью к достижению цели, несмотря на возможные препятствия, и верой в конечный успех. У. Джеймс описывает его как интенсивное и глубокое ощущение человеком «его собственной активности и жизненной силы» [8, с. 28]. Понятно, что первостепенный интерес представляет происхождение этого состояния индивида — когда, как, за счет чего оно возникает? Где его первоисточник?

У. Джеймс дает свой ответ на данный вопрос — человек слышит внутренний голос, который говорит ему: «*Это и есть настоящий я*», т.е. это момент контакта

индивида со своей глубокой подлинной сущностью — вот откуда, похоже, взялась пресловутая «тождественность самому себе» [8, с. 28]. Но ведь это, по большому счету, тоже метафора, сама по себе мало что проясняющая. Что из себя представляет это самое подлинное или истинное «Я»? Как оно формируется? Когда и при каких условиях проявляется? И Э. Эриксон в своей концепции дал развернутые ответы на все эти вопросы.

Понятно, что в рамках статьи попросту невозможно даже в самом общем виде изложить психосоциальную теорию развития, да в этом и нет никакой необходимости — она подробно представлена в доступных специальных трудах. При этом есть отдельные моменты, на которых стоит остановиться именно в контексте нашего разговора.

Субъективное ощущение индивидом его активности и жизненной силы, о котором говорил У. Джеймс, Э. Эриксон конкретизировал в понятии «витальность». Именно так авторы русскоязычных переводов работ Э. Эриксона транслировали использовавшийся в оригинале термин «vitality». Это обусловлено, в частности, тем, что в дословном переводе на русский язык английское «vitality» имеет два основных значения: 1) жизнеспособность, жизненное начало и 2) энергия, энергичность. В понятии же «витальность» подчеркивается диалектическое единство этих значений — любой организм, и биологический, и социальный может развиваться и вообще существовать, только обладая жизнеспособностью, проявляющейся прежде всего во внешней активности. При этом происходит энергетический обмен между субъектом такой активности и внешней средой — субъект направляет вовне энергию, генерируемую собственным жизненным началом, и, в свою очередь, получает извне допол-

нительные ресурсы, подкрепляющие его жизнеспособность.

И здесь стоит еще раз обратиться к письму У. Джеймса. В нем есть прямое указание на взаимосвязь описываемого У. Джеймсом внутреннего состояния индивида с внешними условиями. Причем, как следует из письма У. Джеймса, внешние условия носят амбивалентный характер с точки зрения реализации потребностей и стремлений индивида — какие-то из них способствуют, а какие-то препятствуют ей. Заметим, что последнее обстоятельство оказывается неперенным условием возникновения и поддержания того самого особого внутреннего состояния, которое описывает У. Джеймс. В противном случае, если все вокруг благоприятствует, если отсутствуют любые препятствия, любое сопротивление, любое противодействие во внешней среде, вера в достижимость поставленных целей и собственную готовность и способность их достигнуть практически неизбежно оборачивается той самой полной уверенностью, которая, согласно У. Джеймсу, превращает описываемое им состояние в нечто косное и тупое.

Возвращаясь к концепции Э. Эриксона, заметим, что взаимосвязь внутренних и внешних детерминант развития не просто является одним из ее контрапунктов, но, в отличие практически от всех иных теорий развития, в ней детально представлен механизм этой взаимосвязи, причем как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Не случайно в современной трактовке психосоциальной теории развития выделяются два вида витальности — детская и институциональная. Под детской витальностью понимается способность и готовность индивида сохранять, реализовывать и подкреплять свою личностную уникаль-

ность в процессе социального функционирования и взаимодействия. С точки зрения психосоциальной теории развития это и есть тот самый «настоящий Я», о котором писал У. Джеймс. В свою очередь, под институциональной витальностью понимается результат разрешения, на уровне базисных институтов того или иного общества, диалектического противоречия между инновационным и консервативным векторами развития, который и определяет в конечном счете его (общества) жизнеспособность и активность.

Эти два вида витальности тесно взаимосвязаны. С одной стороны, институциональная витальность объективно подкрепляет детскую, поскольку чем восприимчивее общество к инновациям, тем больше возможностей и пространства оно представляет для ее (детской витальности) проявления. Одновременно детская витальность объективно подкрепляет институциональную в силу того, что, реализуя потребность в утверждении своей уникальности и самоценности в той или иной сфере деятельности, индивид не просто вкладывает свою энергию в функционирование соответствующего социального института (что само по себе немаловажно), но и вносит реальный вклад в его инновационное развитие. Понятно, что детали этой взаимосвязи, возможные инварианты развития системы «личность—общество» и определяющие их факторы — предмет отдельного развернутого рассмотрения. Здесь же, с учетом приведенной ее краткой характеристики, мы остановимся именно на детской витальности, представляющей первостепенный интерес в рассматриваемом контексте.

С точки зрения концепции Э. Эриксона в основе детской витальности лежат генетически заданные биологические де-

терминанты развития (в данном аспекте она продолжает психоаналитическую традицию). Иными словами, она изначально обусловлена врожденной уникальностью индивида (как известно, генетическая карта каждого человека неповторима), а потребность в ее подкреплении и проявлении является жизненно важной уже на биологическом уровне. В то же время уже с первых дней жизни начинается процесс социального взаимодействия (как показано в целом ряде работ, уже на стадии младенчества такого рода взаимодействие далеко не исчерпывается физическим контактом с матерью в процессе кормления, но включает достаточно широкий спектр интеракций на эмоциональном уровне как с матерью, так и с другими членами семьи), который по мере взросления индивида становится все более многоплановым в количественном и качественном отношении. В результате такого взаимодействия накапливается личный опыт, который либо подтверждает изначальную уникальность и самоценность индивида — в этом случае врожденная индивидуальная уникальность подкрепляется убежденностью в своей личностной уникальности (как показано в концепции персонализации В.А. Петровского, понятия «индивид» и «личность» и описываемые ими виды психологической реальности являются взаимосвязанными, но не тождественными) [5], либо, наоборот, подавляет ее, загоняя индивида в жесткие рамки императива «быть таким, как все». Понятно, что в первом случае имеет место подкрепление детской витальности, в то время как во втором она явно депривируется. По сути дела, каждый базисный конфликт эпигенетического цикла, описанного Э. Эриксеном, представляет собой нечто иное, как противоречие между подкреплением в процессе взаимодействия

с референтными фигурами и группами либо, напротив, подавления проявлений детской витальности индивида в специфических, характерных для той или иной стадии возрастного развития формах.

Согласно Э. Эриксону, в зависимости от результатов разрешения каждого из этих конфликтов формируется интрапсихический ресурс подкрепления (эго-сила) детской витальности или механизм ее подавления (эго-отчуждение).

При том, что, как совершенно справедливо отмечал в свое время А.В. Толстых, эпигенетическая схема Э. Эриксона является единственной возрастной периодизацией, охватывающей весь жизненный цикл человека [6], наибольший интерес в нашем случае представляют первые четыре базисные стадии, приходящиеся на детство. Заметим, что именно они наиболее детально рассматривались в трудах Э. Эриксона. И это, разумеется, не случайно. Именно на этих стадиях психосоциального развития накапливаются те самые значимые детские идентификации, которые сами по себе, по причинам количественного и качественного характера, «становятся непригодными» — перестают работать к подростковому возрасту. Именно результаты разрешения конфликтов этих стадий, зафиксированные на интрапсихическом уровне в качестве эго-сил или эго-отчуждений, представляют собой тот самый «строительный материал», из которого в подростковом и юношеском возрасте и формируется (или не формируется) идентичность.

И здесь требуется еще одна ремарка. Понятно, что в реальности процесс разрешения каждого кризиса психосоциального развития противоречив и многообразен. К примеру, зачастую те или иные кризисы детства остаются неразрешенными — «замороженными» далеко за пределами сензитивного возраста. Это опять-таки

отдельный большой разговор за рамками настоящей статьи. Но в данном случае, на наш взгляд, важно пояснить, хотя бы в самой лапидарной форме, а что значит, в рассматриваемом контексте, идентификация становится непригодной? Почему она вдруг перестает работать?

В окружении практически любого ребенка присутствуют в том или ином соотношении референтные фигуры, поддерживающие либо подавляющие проявления его детской витальности. (В действительности дело обстоит гораздо сложнее — одни и те же фигуры, к примеру, мать, в одних своих личностных ипостасях, не говоря уже о ситуативном контексте, подкрепляют детскую витальность, в других — подавляют, но для упрощения рассмотрим именно условный «черно-белый» в этом смысле вариант). Разрешение каждого из конфликтов детства происходит, в зависимости от того, какой «полюс» в силу интенсивности и длительности воздействия перевешивает, именно через идентификацию с представителем (или представителями) той или иной «стороны» — ни на что иное ребенок до определенного возраста попросту не способен в силу объективной ограниченности своих возможностей — физиологических, интеллектуальных, социальных и т.д. Но вот начало подросткового возраста — и в этом, заметим, сходятся практически все теории развития — своего рода точка бифуркации, когда на возросшие возможности накладывается еще и условная «критическая масса» накопленного социального опыта, который теперь рефлексивируется и оценивается. И подросток вдруг осознает: «Я всегда хотел быть похожим на старшего брата, но я — не он» — идентификация перестала работать, и закономерно возникает вопрос «Кто я?» как проявление плодотворного внутреннего конфликта

и одновременно болезненного внутреннего состояния, что, согласно Э. Эриксону, свойственно юношеству. В этот момент начинается тот самый процесс ревизии значимых детских идентификаций, о котором писал Э. Эриксон, отказавшись от каких-то из них, трансформации других, принятия «в чистом виде» третьих, в результате которого и возникает то самое «настоящее Я», которое Э. Эриксон, комментируя письмо У. Джеймса, назвал «чувством идентичности».

И тут пора представить идентичность уже без всяких метафор, а именно как психологическую реальность, определяемую данным понятием в рамках психосоциальной теории развития. Идентичность — это особый вид эго-структурирования, обеспечивающий устойчивую интрапсихическую поддержку детской витальности индивида на протяжении его взрослой жизни. Она обеспечивает способность к ассимиляции личностного и социального опыта, поддержанию индивидуальной уникальности и субъектности в меняющихся внешних обстоятельствах, как благоприятных, так и препятствующих достижению личностно значимых целей.

Далее мы попытаемся проиллюстрировать все выше сказанное, показать, «как это работает» на примере случая реципрокности «социальной» и «персональной» идентичностей в когнитивной психологии. Позволим себе кратко напомнить суть дела.

Общим моментом для концепций, посвященных идентичности, выполненных в русле когнитивного направления, является соотношение понятия идентичности с процессом социальной категоризации. При этом сам процесс социальной категоризации представляется как ключевой механизм, необходимый человеку для определенной систематизации свое-

го социального опыта и для ориентации в своем социальном окружении. Введенное Г. Тэджфелом понятие социальной категории [10] было тем ядром, которое определяло концептуальные позиции при решении вопроса о противоречивости личностных и групповых начал в человеке. В предложенной им схеме, описывающей варианты поведения человека, Г. Тэджфел использовал модель биполярного континуума, на одном полюсе которого можно расположить варианты социального поведения индивидов, полностью обусловленные фактом их группового членства, а на другом — такие формы социального взаимодействия, которые определяются индивидуальными характеристиками участников [10]. Данные полюса он обозначил как социальную и персональную идентичности.

Развивая представления Г. Тэджфела, Дж. Тернер в своей теории самокатегоризации отметил наличие реципрокной взаимозависимости между этими двумя подсистемами Я-концепции. Такая взаимозависимость проявляется в том, что актуализация личностного уровня идентичности подавляет социальный полюс самокатегоризации, снижая количество ролевых, стереотипных самопроявлений, и, наоборот, актуализация групповой идентичности тормозит установки и поведение, проистекающие из личностного уровня самокатегоризации [12].

Заметим, что в ряде исследований идентичности, выполненных в логике когнитивного направления, абсолютизировалась именно социальная идентичность. При этом идея о равнозначности и взаимосвязи социальной и персональной идентичностей фактически игнорировалась. Более того, собственно персональная идентичность зачастую вообще оказывалась за рамками рассмотрения. Несостоятельность подобных редукций

концепций Г. Тэджфела и Дж. Тернера была показана в работах Г. Брейкуэлла и других представителей когнитивного направления [9]. Тем не менее пресловутая «реципрокность» социальной и персональной идентичностей остается предметом изучения для целого ряда отечественных исследователей.

Попытаемся разрешить эту «неразрешимую проблему» с изложенных выше теоретико-методологических позиций. Для этого, прежде всего, обратимся к первоисточнику. Согласно Г. Тэджфелу, социальная и персональная идентичности представляют собой равнозначные структуры в рамках Я-концепции, первая из которых описывает самоопределение человека в терминах принадлежности к различным социальным категориям: полу, этносу, конфессии, профессиональной группе и т.д., во время как вторая — в терминах личностных черт: физических, интеллектуальных, нравственных [11].

Прежде всего представляется сверхочевидным, что фактически речь идет именно об идентификациях и сумме идентификаций в рамках «Я-концепции». Если обратиться к представленной выше схеме развития и соотношению в рамках данной схемы «идентичность—идентификация», то становится понятным, что в раннем возрасте эти идентификации могут быть реципрокными, а проще и точнее говоря, оппозиционными и, более того, взаимоисключающими, равно как вполне конгруэнтными и взаимодополняющими. Заметим, что это справедливо и в отношении идентификаций, отнесенных Г. Тэджфелом к одному и тому же виду «идентичности». И все это не просто укладывается, а является неотъемлемой составляющей описанного выше процесса разрешения базисных кризисов психосоциального развития.

Посмотрим на эту самую «реципрокность», говоря словами Э. Эриксона, «за идентичностью» — во взрослом и зрелом возрасте. На сегодняшний день вполне убедительно теоретически обосновано и эмпирически подтверждено в целом ряде исследований, что сформированная в процессе психосоциального развития в детстве и юности идентичность, в представленном выше понимании, проявляется в таких личностных особенностях и поведенческих паттернах, как открытость новым идеям и опыту при сохранении отчетливо выраженной личностной позиции и системы ценностей, готовность и способность к установлению подлинно партнерских отношений с другими людьми в процессе социального взаимодействия, полнезависимость, высокая толерантность, готовность к принятию ответственности. Понятно, что ни о каком подавлении личности социальными стереотипами, навязанными извне установками, ролевыми ожиданиями и т.п. в данном случае говорить не приходится.

В свою очередь, психосоциальная спутанность как результат деструктивного разрешения пятого кризиса психосоциального развития проявляется в высоком уровне личностной закрытости, отчетливо выраженной предрасположенности к ксенофобии, фанатичной приверженности тем или иным лидерам и идеологическим доктринам, неадекватной атрибуции ответственности, склонности к следованию стереотипам, слабой способности к рефлексии и т.п. Она является глубинной причиной такого личностного качества, как авторитарность, характеризующегося устойчивой, граничащей с патологией потребностью индивида жестко подавлять и, более того, унижать, третировать членов социального сообщества, стоящих ниже его в статусном отношении, при одновременной

безусловной готовности к слепому, безоговорочному подчинению, скорее даже повиновению, вышестоящим. Достаточно очевидно, что такой набор личностных и поведенческих характеристик не просто предполагает, но обуславливает, по сути дела, неизбежность сверхвысокой зависимости индивида от внешнего (социального) влияния и воздействия.

Из сказанного, на наш взгляд, ясно, что речь в сущности идет не о «реципрокности» социальной и персональной идентичностей, а о «вечном» конфликте между личностью и обществом, разрешение которого обусловлено процессом и результатом психосоциального развития. Проблема же «реципрокности» представляется еще одним типичным примером гипостазирования и эффекта добавленной валидности в науке. То, что этой «проблемой» на протяжении многих лет занимались и продолжают заниматься известные ученые, нисколько не меняет сути дела.

Подведем некоторые итоги наших рассуждений. Итак, мы попытались охарактеризовать психологическую реальность, описываемую понятием «идентичность» в рамках психосоциальной теории развития, показать, как, почему и на каких основаниях оно было разработано и введено в научный лексикон Э. Эриксоном и его последователями. На наш взгляд, этот пример снимает целый ряд поднятых вопросов, связанных с теоретико-методологической обоснованностью и просто здравым смыслом употребления понятия «идентичность» в целом ряде исследований, содержательная ценность которых сама по себе не подвергается нами сомнению. Возвращаясь к вопросу о том, имеют ли место религиозная, этническая, семейная, профессиональная и прочие идентичности, мы позволим себе ответить, что, вероятно, да. Но для проверки этой гипотезы явно недостаточно заменить слово «идентификация» «идентичностью».

Литература

1. *Зиглер Д., Хьелл Л.* Теории личности. СПб.: Питер, 2004. 606 с.
2. *Клонингер С.* Теории личности: познание человека. СПб.: Питер, 2003. 718 с.
3. *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // Идентичность: Хрестоматия / Сост. Л.Б. Шнейдер. М.-Воронеж, 2003. С. 26–45.
4. *Петровский А.В.* Психология и время. СПб.: Питер, 2007. 447 с.
5. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 559 с.
6. *Толстых А.В.* Неизвестный классик // Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. С. 5–20.
7. *Толстых Н.Н.* Идентификация Эриксона. Рецензия на книгу: Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клинико-психологического знания) // Социальная психология и общество. 2013. Том 4. № 2. С. 148–159.
8. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 341 с.
9. *Brekwel G.* Coping with threatened identities. L. — N.Y.: Mithuen, 1986. 280 p.
10. *Tajfel H.* Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 369 p.
11. *Tajfel H.* Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 546 p.
12. *Turner J.* Social Categorization and the Self-concept: A social cognitive theory of group behavior // Advances in group processes. London, 1985. Vol. 2. P. 77–121.

References

1. Zigler D., Kh'ell L. Teorii lichnosti [Personality theories]. St. Petersburg: Piter, 2004. 606 p. (In Russ.).
2. Kloninger S. Teorii lichnosti: poznanie cheloveka [Personality theories: cognition of man]. St. Petersburg: Piter, 2003. 718 p. (In Russ.).
3. Malakhov V.S. Neudobstva s identichnost'yu [Inconvenience with identity]. Sost. L.B. Shneider. *Identichnost': Khrestomatiya [Identity: Reader]*. Moscow-Voronezh, 2003, pp. 26–45. (In Russ.).
4. Petrovskii A.V. Psikhologiya i vremya [Psychology and time]. St. Petersburg: Piter, 2007. 447 p. (In Russ.).
5. Petrovskii V.A. Chelovek nad situatsiei [Man over the situation]. Moscow: Smysl, 2010. 559 p. (In Russ.).
6. Tolstykh A.V. Neizvestnyi klassik [Unknown classic]. In A.V. Tolstykh (eds.). *Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis: per. s angl. [Erikson E. Identity: youth and crisis]*. Moscow: Progress, 1996, pp. 5–20. (In Russ.).
7. Tolstykh N.N. The Erikson Identity. Review of the Book by N.S. Burlakova and V.I. Oleshkevich. "E. Erikson's Psychological Theory of Identity as Reflected in the Author's Personal History (A Research on the Nature of Clinical Psychological Knowledge)". *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2013. Vol. 4, no. 2, pp. 158–159. (In Russ.).
8. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress, 1996. 341 p. (In Russ.).
9. Brekwell G. Coping with threatened identities. London—New York: Mithuen, 1986. 280 p.
10. Taifel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 369 p.
11. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 546 p.
12. Turner J. Social Categorization and the Self-concept: A social cognitive theory of group behavior. *Advances in group processes*. London, 1985. Vol. 2, pp. 77–121.

Информация об авторах

Ильин Валерий Александрович, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7784-5616>, e-mail: va0405@mail.ru

Information about the authors

Valery A. Ilyin, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Social Pedagogy and Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7784-5616>, e-mail: va0405@mail.ru

Получена 01.10.2020

Принята в печать 20.01.2021

Received 01.10.2020

Accepted 20.01.2021

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Корректор *А.А. Буторина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Technical editor *А.А. Буторина*

Maker-up *М.А. Баскакова*